МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ученые записки *вып. XI*

М. Г. САФАРГАЛИЕВ

РАСПАД ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

МОРДОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАНСК 1960

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ученые записки *вып. XI*

М. Г. САФАРГАЛИЕВ

РАСПАД ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

МОРДОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАНСК 1960

Редакторы:
И. Д. Воронин и *И. И. Лягущенко*

ВВЕДЕНИЕ

ЗОЛОТАЯ ОРДА И РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА

Изучение истории Золотой Орды имеет уже многовековую давность. Вопрос об образовании Золотой Орды интересовал еще казанского летописца. Отдельные проблемы истории монгольской державы были затронуты и в трудах историков XVIII в.— В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, П. А. Рычкова и др. Один из наиболее видных представителей русской дворянской исторической мысли начала XIX века Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского» уделил значительное место истории Золотой Орды. Карамзина в первую очередь интересовал один узкий вопрос — русско-татарские отношения.

Как бы ни была односторонней точка зрения Н. М. Карамзина, она вызвала большой интерес у русских историков к истории Золотой Орды. Одним из показателей растущего интереса явился конкурс, объявленный Российской Академией наук в 1826 году, на тему «Какие последствия произвело господство монголов в России и именно, какое имело оно влияние на политические связи государства, на образ правления и на внутреннее управление оного, равно как на просвещение и образование народа?» Срок представления ответа на поставленную тему был определен I января 1829 г. Автору наиболее удовлетворительного ответа на тему предполагалась награда в размере 100 червонцев. В проспекте Российской Академии делался упор не столько на историю самих татар, сколько на выяснение русско-монгольских отношений, уже в значительной мере освещенных Н. М. Карамзиным в его истории.

Этот недочет в постановке задачи был учтен при возобновлении конкурса в 1832 г. Возобновляя конкурс, Академия наук наметила более обширные задачи. На этот раз требовалось «Написать историю Улуса Джучи, или так называемой Золотой Орды, критически обработанную на основании как восточных, особенно магометанских источников и сохранившихся от ханов сей династии монетных памятников, так и древних Русских, Польских, Венгерских и проч. летописей и других, встречающихся в сочинениях современных европейцев». Далее подчеркивалось, что «История сия должна начаться с изложения начала и

первого появления монголов, почерпнутого из подлинных, открытых особенно в новейшие времена источников, потом перейти к ясному описанию отличительного характера сего некогда столь достопримечательного народа, его постановлений и образа жизни, первобытных религиозных понятий и влияния, какие принятые ими впоследствии верования, а именно ислам и буддизм, имели на его образование; после чего, вкратце ознакомить читателя с прежней судьбою и завоеваниями сего народа при Чингиз-хане... За сим должно следовать повествование об опустошительных нашествиях монголов на сию страну, до западных ее краев, о порабощении России, об основании Улуса Джучи, о его развитии и образовании, географическом расширении, связях с великим ханством монгольским, отношении к России, переворотах судьбы в течение времен (ослаблений от внутренних раздоров и распрей, о прежних его разделах и конечном раздроблении на несколько малых ханств), коих частное бытоописание должно быть представлено будущим обрабатывателям»[1].

Подробная программа конкурса, составленная известным русским востоковедом Х. М. Френом, была разослана всем известным русским и западноевропейским востоковедам. К установленному сроку — 1 августа 1835 г.— Академия наук получила единственное рукописное сочинение на немецком языке в 1842 страницы, написанное венским востоковедом И. Хаммером, известным в ученом мире исследованиями по истории хулагидов в Иране и многотомной работой по истории турок-османов.

Специальная комиссия Академии наук в составе академиков Х. Френа, Н. Шмидта и Ф. Круга, созданная для ознакомления с представленной рукописью Хаммера, отметив «большую начитанность» автора, в то же время признала, «что автор принимает задачу слишком поверхностно и принялся за решение ее, не довольно к этому приготовившись, отчего и труд его оказывается со всеми недостатками, неразлучными со всяким скороспелым и неполным обрабатыванием предмета». Автор неполно использовал русские источники (летописи, ханские ярлыки). «Но это не исключительный упрек, — читаем мы в отзыве,— который можно сделать его сочинению: в нем встречается еще много недостатков и погрешностей другого рода. Так, например, автор не только не исчерпал всех доступных в наше время Восточных источников, но не довольно добросовестно пользовался теми, которые были в его руках; также часто обнаруживает недостаток основательной критики. Исторические материалы недовольно расчищены и не обработаны надлежащим образом. Многие важные любопытные пункты, которые здесь следовало бы

[1] Программа задачи Академии наук 1826 и 1832 гг. дана в приложениях к I тому сборника материалов, относящихся к истории Золотой Орды В. Г. Тизенгаузена, изданному в 1884 г.

рассмотреть ближе и подробнее или не довольно обстоятельно изложены, или только мельком обозначены, между тем как включением других статей, чуждых предмету и многих посторонних, вовсе бесполезных мелочей, сочинение через меру увеличено. Хронология часто остается в пренебрежении, географические сведения не везде удовлетворительны... Множество лишних повторений, искажений имен, запутанности в цитатах, разных противоречий»[1].

Отзыв авторитетной комиссии Академии наук верно подчеркивал основные недостатки представленного Хаммером «ответа». «История Золотой Орды» Хаммера, выпущенная в Пеште в 1840 г., даже после некоторых исправлений сохранила все выше отмеченные недочеты[2]. Историческая критика, особенно русская, встретила «Историю Золотой Орды» Хаммера отрицательными отзывами. Неудачу Хаммера нельзя объяснять только поспешностью или неподготовленностью автора, в чем упрекали его оппоненты, впрочем, иногда и неуместно. Поднять впервые такой огромный исторический материал, совершенно тогда неизученный, было не по силам одному исследователю. К. Маркс и Ф. Энгельс, интересовавшиеся работой Хаммера по Истории Турции, вышедшей в свет за несколько лет до появления его «Истории Золотой Орды», положительно оценили эту работу. К. Маркс в письме к Ф. Энгельсу, рекомендуя ему «Историю Османов», в то же время предупреждал, что «для прочтения надо запастись терпением»[3]. Аналогичный упрек был сделан Хаммеру за его «Историю Золотой Орды» комиссией Академии наук.

Надо сказать, что работа Хаммера осталась единственным исследованием по истории Золотой Орды в западноевропейском востоковедении. Несмотря на недостатки, она сыграла ту же роль в изучении Джучиева улуса, как и труд его предшественника, французского востоковеда Д'Оссона в изучении истории монголов[4]. Позднейшие западноевропейские востоковеды, писавшие о Золотой Орде, не могли конкурировать с работой Хаммера ни в смысле привлечения новых источников, ни в смысле

---

[1] Журнал Министерства Нар. Просв. за 1836 г., ч. XI, стр. 158—159.

[2] Hammer — Purgstall. Geschichte der Goldenen Horde, Pesth. 1840. В своем предисловии автор перечисляет свыше 400 рукописей, печатных статей, использованных им при написании своего труда. Надо все же отметить, что автор пользуется не всеми перечисленными им источниками. В числе использованных источников автором указывается «История четырех улусов» Улугбека. Этот чрезвычайно интересный труд Улугбека по истории монголов, как отметил В. В. Бартольд (Улугбек и его время, 1918, П., стр. 114), утрачен, и Хаммер никак не мог им воспользоваться.

[3] К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 14.

[4] Четырехтомная история Д'Оссона «История монголов от Чингис-хана до Тамерлана», вышедшая в 1834—35 гг. и являющаяся целым этапом в буржуазно-исторической науке на Западе, к сожалению, мало затрагивает историю Золотой Орды. Автора главным образом интересовала история самого Чингис-хана и история хулагидов в Иране.

последовательности изложения истории Улуса Джучи. Сошлемся на большое исследование немецкого историка Вольфа — «История монголов или татар» (1872 г.), посвященное главным образом истории походов монголов на Запад. На истории Золотой Орды в работе Вольфа отводится всего лишь несколько страниц, не дающих ничего нового по сравнению с работой Хаммера.

Истории Золотой Орды уделено значительное место в трехтомной «Истории монголов» английского востоковеда Ховарса, изданной в 80-х гг. XIX века. Автор этого большого труда, не знакомый ни с восточными языками, ни с литературой стран Востока, естественно, не мог привлечь ни одного нового первоисточника. Ховарс писал исключительно по печатным работам Хаммера, Д'Оссона и русских историков, в лучшем случае он мог дать компилятивное изложение материала и только. Нельзя, однако, сказать, чтобы автор справился со своей задачей. Об этом свидетельствуют многочисленные повторения, неточности, грубые ошибки, допущенные Ховарсом при изложении истории Золотой Орды. Такой же компилятивный характер имеет работа французского востоковеда Леона Когена «Введение к истории Азии» (1896 г.). Эта работа при всех литературных достоинствах не вносит ничего нового в освещение истории Улуса Джучи. Более того, пантюркистская направленность работы Когена дезориентирует читателя.

Западноевропейские востоковеды XIX в. оказались не в состоянии решить задачи, поставленной Академией наук. Столь же бесплодны были попытки и современных западноевропейских востоковедов. Доказательством этого служит вышедшая в разгар Великой Отечественной войны (в 1943 г.) работа фашиствующего историка Бертольда Шпулера «Золотая Орда». Несмотря на то, что автор использовал большое количество источников и исследований, так или иначе затрагивавших отдельные вопросы истории Джучиева улуса, он не нашел все же правильного пути в решении вопроса. Если его предшественники — западноевропейские ориенталисты, смотревшие на народы Востока глазами западноевропейских колонизаторов, старались доказать чрезвычайную дикость монголов, Шпулер пошел по пути чрезмерного приукрашивания отдельных сторон материальной культуры кочевников, особенно в области торговли и ремесла. Говоря о широком развитии ремесленного производства в Золотой Орде, он «доказывает» наличие у татар «сильно специализированных производств фабричного типа». Читатель остается в недоумении, почему же тогда распалось это государство, базировавшееся на «индустриальном производстве»[1].

---

[1] B Spuler, Die Goldene Horde Die Mongolen in Rupland 1223—1502, Leipzig, 1943, s. 416—417.

Русская востоковедческая историография шла к выполнению этой задачи несколько иными путями. Неудачи Хаммера и других исследователей прежде всего показали, что Академия наук при объявлении конкурса выдвинула слишком большую программу, непосильную для целого ряда исследователей в силу общего отставания востоковедения. Не надо забывать, что в начале XIX в. не были еще выявлены и критически изучены источники, не говоря уже о таких вспомогательных исторических дисциплинах, как восточная археология, нумизматика и этнография. Поэтому русские историки совершенно правильно обратили свое внимание на выявление новых источников и их критическое изучение. Русские историки разыскали и перевели на русский язык сочинения как западноевропейских путешественников (Юлиана, Плано Карпини, Рубрука, Марко Поло, Клавихо, Шильтбергера, Иосафато Барбаро и др.), так и сочинения восточных писателей. Большинство этих изданий полностью отвечает требованиям исторической науки.

Говоря о выявлении источников, относящихся к истории Золотой Орды, особенно надо отметить заслугу В. Г. Тизенгаузена по розыску и публикации восточных источников. В 1884 г. вышел в свет его «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды», куда вошли сообщения всех известных арабских писателей о Золотой Орде, за исключением историко-географических сведений Ибн-Саида и Абульфида. Выход в свет указанного сборника сыграл исключительно важную роль в изучении отдельных проблем истории Золотой Орды. В. Г. Тизенгаузеном также были начаты подбор и извлечения из сочинений персидских авторов, оставшиеся неизданными при жизни автора. В 1941 г. Академия наук СССР издала, в обработке А. А. Рамаскевича и С. Л. Волина, II-й том сборника материалов В. Г. Тизенгаузена, пока еще в недостаточной мере использованный исследователями. К сожалению, во II-й том сборника не были включены извлечения из сочинения Хафиза Абру, Мирхонда и др., а отрывки из сочинения Абдуразака Самарканди дается неполностью, правда, эти авторы повторяют более ранних писателей, писавших о монголах, но в то же время вносят ряд новых данных, отсутствующих у предшественников. В. Г. Тизенгаузен предполагал еще составить извлечения из сочинений турецких авторов, но эта задача осталась неосуществленной. Но сожалеть особенно об этом не приходится, так как турецкие писатели не оставили ни одной сколько-нибудь оригинальной работы по истории Золотой Орды.

В настоящее время опубликованы сочинения армянских и грузинских писателей о монголах. Завершается издание русских летописей, дающих чрезвычайно много ценных материалов для освещения внутреннего состояния и внешне-политических событий, происходивших в Улусе Джучи. Также собраны и изданы «Родословная тюрок» Абулгази, татарская версия «Сбор-

ник летописей» и «Шайбаны-намэ», изданные Н. И. Березиным в «Библиотеке восточных историков».

Советская историография многим обязана Н. И. Березину, В. В. Григорьеву, В. В. Радлову и М. Д. Приселкову за публикацию ханских ярлыков, имеющих исключительно важное значение для изучения внутреннего строя Джучиева улуса. Как показали работы А. Н. Самойловича над ярлыками Тохтамыша и Тимур-Кутлука, прежнее толкование ряда мест этих ярлыков ныне явно устарело.

Археологические раскопки, предпринятые в 40-х гг. прошлого столетия А. В. Терещенко и Г. С. Саблуковым в различных культурных центрах Золотой Орды, раскопки Ф. В. Баллода, А. А. Кроткова, И. Н. Бороздина, А. Ю. Якубовского и А. П. Смирнова, в настоящее время полностью опровергли западноевропейских востоковедов о чрезвычайной дикости татар. Раскопки профессора Ф. В. Баллода в двух Сараях дали чрезвычайно много сведений о культуре золотоордынского города, ремесленной и торговой жизни Золотой Орды. Одним из недостатков работы Ф. В. Баллода, как отмечал академик В. В. Бартольд, является чрезвычайное преувеличение значения городской жизни Золотой Орды и вытекающая отсюда необычно высокая оценка культуры монголов[1].

Нельзя не отметить работ Х. М. Френа, В. В. Григорьева, П. С. Савельева и А. К. Маркова в области золотоордынской нумизматики, без чего нельзя не только выяснить экономическую жизнь Улуса Джучиева, но даже установить простую хронологическую канву. Имена ряда ханов, правивших в Дешт-и-Кипчаке, стали известны нам только по публикациям золотоордынских монет Х. М. Френа и П. С. Савельева. Последующее изучение золотоордынских монет позволило А. К. Маркову внести ряд поправок к выводам П. С. Савельева, в частности, о ханах Бердибеке II, Джанибеке II и Джанибеке III, признанных им в качестве ханов Золотой Орды вследствие ошибочного чтения золотоордынских монет[2].

Наряду с собиранием различного рода данных о монголах, русскими историками тщательно изучались отдельные проблемы Джучиева Улуса. Академики В. В. Бартольд и Б. Я. Владимирцов в результате большой работы выяснили социально-экономический строй и политическую структуру монгольского общества в период образования монгольского государства. Академик Б. Я. Владимирцов раскрыл историю развития монгольского общества и становления феодальных отношений у монголов со всеми их особенностями. Вопросы феодализации у монголов до

---

[1] В. В. Бартольд, Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира, Баку, 1925, стр. 65.

[2] А. К. Марков, Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа, 1896, стр. 111.

академика Б. Я. Владимирцова совершенно не затрагивались в работах западноевропейских востоковедов. Профессор А. Ю. Якубовский в своей работе «Золотая Орда» (1937 г.) вслед за Владимирцовым показал дальнейшее развитие феодальных отношений в Улусе Джучия и сделал шаг вперед по сравнению с ранними своими работами, в которых Золотая Орда рассматривалась не как кочевое феодальное государство, а как государство торгово-ремесленного типа[1].

С появлением в 1845 г. работы Г. С. Саблукова «Очерк внутреннего состояния Кипчакского Царства» было положено начало изучению внутреннего строя Золотой Орды. Его работа и теперь представляет известный интерес. Пять лет спустя после работы Г. С. Саблукова вышла краткая, но содержательная статья известного востоковеда Н. И. Березина — Внутреннее устройство Золотой Орды, где автор впервые привлек новый материал — ханские ярлыки, ранее не использованные исследователями[2]. Вопросы общественного и политического строя Джучиева улуса стали позже предметом диссертации Н. И. Березина, опубликованной им в 1864 году под названием «Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева». В своей диссертации автор дал обстоятельный обзор политического и административного устройства Золотой Орды. Пользуясь материалами восточных историков, он внес несколько поправок к своей ранней работе «Внутреннее устройство Золотой Орды»[3]. Н. И. Березин, стоявший на позициях либерально-буржуазной историографии, не мог понять причин падения монгольских государств в Дешт-и-Кипчаке и Иране; в принятии монголами ислама, направленного на усиление государственных могуществ, он видел одну из причин, приведших к падению монгольских государств в Иране и Дешт-и-Кипчаке[4].

В русской исторической литературе довольно подробно изучались русско-монгольские отношения, хотя дореволюционная историческая литература несколько преувеличивала влияние монголов на русское государство[5]. Так называемая «Историческая школа Покровского», воспроизводившая ошибочную точку зрения Н. М. Карамзина и Н. И. Костомарова, долгое время

---

[1] Имеется в виду «Столица Золотой Орды Сарай Берке», 1932, стр. 20. Ср. также «К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке», 1931, стр. 16.

[2] Н. И. Березин, Внутреннее устройство Золотой Орды. Журнал Министерства Народного Просвещения за 1850 г., № 10—12.

[3] В. В. Бартольд, Березин, как историк. Записки коллегии востоковедов, том II, 1927, стр. 67.

[4] Н. И. Березин, Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева. Труды восточного отделения русского арх. общества, т. VIII, стр. 96.

[5] «Литературное» мнение по этому вопросу дано в статье П. П. Смирнова «Дополнительные замечания о литературных мнениях по вопросу о влиянии татарского ига на русское государство и общество», «Русская история в очерках и статьях» под редакц. М. В. Довнар-Запольского, том I.

игнорировала указания К. Маркса о монгольском иге[1]. К. Маркс в своих хронологических выписках по русской истории, особенно в «Тайной дипломатии XVIII века», дал подлинно научную оценку отрицательного значения монгольского ига, которое «не только подавляло, но и оскорбляло, иссушало самую душу народа, ставшего его жертвой»[2].

Указания К. Маркса, ставшие методологической основой советской историографии в изучении истории Золотой Орды, сыграли исключительно важную роль в преодолении ошибок буржуазной историографии о монголах-татарах. А. Н. Насонов в своем исследовании, посвященном русско-монгольским отношениям, на основе изучения большого фактического материала пришел к совершенно правильному выводу, что «политика монголов-татар на Руси заключалась не в стремлении создать единое государство из политически раздробленного общества, а в стремлении всячески препятствовать консолидации, поддерживать взаимную рознь отдельных политических групп и княжеств»[3].

Большим достижением советской историографии в области изучения истории Золотой Орды явилось появление коллективного труда двух видных советских историков — Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского «Золотая Орда», вышедшего в 1937 году и по существу явившегося решением задачи, поставленной Академией наук в 1832 году. Правда, в этой работе авторы сделали объектом своих исследований истории раннего периода Золотой Орды, когда орда переживала наивысший расцвет; что же касается феодальной междоусобной борьбы в Джучиевом улусе, начавшейся после смерти хана Узбека, то она освящена весьма кратко. При подготовке второго издания Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский устранили многие недостатки, имевшие место в первом издании. В книгу дополнительно включены новые разделы, отсутствовавшие в первом издании. Был включен новый раздел «Падение Золотой Орды», написанный А. Ю. Якубовским, довольно подробно рассматривающий историю междоусобной феодальной войны в Дешт-и-Кипчаке. Но и во втором издании теме «Распад Золотой Орды» уделено всего 23 страницы[4].

Само собой разумеется, авторы, при всех достоинствах их работы и исследовательского мастерства, на этих 23-х страницах не могли охватить всех вопросов, связанных с процессом распада этого, когда-то могущественного государства на новые феодальные объединения, образовавшиеся на развалинах Золо-

---

[1] А. Н. Насонов, Татарское иго на Руси в освещении Покровского, Сб. «Против исторической концепции Покровского», ч. II, 1940, стр. 59—90.

[2] K. Marx. Secret Diplomatic History of Eighteenh Century. London 1899, p. 78.

[3] А. Н. Насонов, Монголы и Русь, М. — Л., 1940, стр. 5.

[4] Об этом см. рецензию в журнале «Вопросы истории» за 1950 г., № 9.

той Орды. Между тем, для историка СССР распад Золотой Орды на феодальные объединения и образование Сибирского ханства, Ногайской орды, Казанского, Крымского, Астраханского ханств и Большой Орды представляет не меньший интерес. С распадом Золотой Орды и образованием новых феодальных объединений началось формирование народностей — узбеков, казахов, татар, ногайцев, каракалпаков и, быть может, даже башкир.

В настоящей работе ставится задача освещения истории распада Золотой Орды на новые феодальные объединения и образование новых ханств на развалинах Джучиева улуса. Автор не ставит целью всестороннее изучение истории Золотой Орды, ее социально-экономического строя и политической структуры. Эти вопросы в достаточной мере освещены в вышеупомянутой работе Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского «Золотая Орда и ее падение». Отдельные этапы, связанные с историей Джучиева улуса, в работе затрагиваются постольку, поскольку они связаны с процессом распада Золотой Орды.

Даже эта, на первый взгляд, сравнительно узкая задача связана с большими трудностями из-за ограниченности и скудости исторических источников. В числе источников, так или иначе связанных с темой распада Золотой Орды, почти отсутствуют исторические памятники, исходившие непосредственно от самих монголов-татар. Ханские ярлыки, являющиеся исключением, дошли до нас в неудовлетворительном состоянии. Ярлыки ханов, данные митрополитам, как установил проф. М. Д. Приселков, сохранились только в позднейшей обработке XVI в[1]. Ярлык Едигея, сохранившийся в изложении русских летописей, до сих пор не стал объектом исследования. Только сравнительно недавно были обнаружены в султанском архиве в Константинополе ярлыки последних ханов — Улук-Мухаммеда (1427 г.), Махмуда (1466 г.), Ахмета (1477 г.), опубликованные в 1940 г. Акдее Нигмет Куратом. Несмотря на хорошую сохранность ярлыков, чтение ярлыков, изданных Акдее Нигмет Куратом, нельзя считать удовлетворительным, не говоря уже о комментариях, составленных крайне небрежно[2]. Ярлык Ахмеда к Ивану III, опубликованный еще в 1884 г., привлек к себе внимание исследователей только в недавнее время[3].

---

[1] М. Д. Приселков, Ханские ярлыки русским митрополитам, 1918, т. II, стр. 50. Эти ярлыки требуют к себе сугубо критического отношения ввиду наличия подложных ярлыков, как, например, ярлыка Узбека митрополиту Петру. См. статью Соколова П. — «Подложный ярлык Узбека митрополиту Петру». Русский исторический журнал, № 5 за 1918 год.

[2] Akdes Nimet Kurat, Topkapi Sarayi muzesi arsikendeki Altin Ordu, Krim ve Turkstan nanlarina ait, yarlik, ve bitikler' Lstanbul, 1910.

[3] Имеется в виду ст. К. В. Базилевича «Ярлык Ахмед-хана Ивану III». (Вестник Московского университета № 1 за 1948 г.). Доводы К. В. Базилевича в пользу датировки ярлыка 1480 годом представляются нам не совсем убедительными. Чрезвычайно хвалебный тон ярлыка вряд ли был уместным в столь критический момент, какой переживал Ахмед на Угре.

Татарская версия «Сборника летописи», опубликованная Н. И. Березиным в «Библиотеках восточных историков» еще в 1851 году, не привлекалась исследователями. До сих пор отсутствует русский перевод этого памятника, и исследователи, не владеющие татарским языком, не могли им пользоваться. Да и сама рукопись имела много недостатков: в рукописи Н. И. Березина отсутствовал год составления летописи и имя составителя. Только в 1922 году в Казани была обнаружена другая рукопись этого сочинения, несколько отличавшаяся от рукописи Н. И. Березина и являющаяся притом старейшей. Эта рукопись теперь находится в рукописном отделе Научной библиотеки Казанского государственного университета. Она во многом дополняет наши представления о «Сборнике летописи». В рукописи Казанского университета точно указывается год составления «Сборника летописи» и имя его составителя (1601 г.—Кадыр Али бей)[1]. В своих заключительных строках автор сообщает, что «Сборник летописи» есть не что иное, как татарский перевод «Прославления Чингис-хана» (Чингис Намэ), составленного на персидском языке. Кадыр Али бей в своей летописи дает генеалогическую таблицу потомков Джучи, во многом отличающуюся от той генеалогии, которая дается в «Родословной тюрок» Абулгази бахадур хана (XVII в.) и во многом тождественную с таблицей «Муизза»—«Книга, прославляющая генеалогию в родословном древе монгольских султанов», составленную в 1426 г. Кроме того, Кадыр Али бей в своей летописи приводит ряд данных, связанных с образованием Сибирского ханства и Ногайской Орды и др. материалы, представляющие известный интерес. Если к вышеуказанным памятникам татарского происхождения прибавить еще ханский феодальный эпос — «Сказание о Едигее и Тохтамыше»,—сугубо тенденциозного характера[2], на это ограничивается число памятников татарского происхождения.

При почти полном отсутствии источников татарского происхождения исключительное значение приобретают сочинения

---

[1] Рукописный фонд Научной библиотеки Казанского университета, № 40, л. 68.

[2] «Сказание о Едигее и Тохтамыше» сохранилось у всех народов, происхождение которых так или иначе связано с историей Золотой Орды. Оно встречается в многочисленных вариантах у ногайцев, казахов, татар, башкир и каракалпаков. Нам не известен лишь узбекский вариант сказания о Едигее. Этот ханско-феодальный эпос возник при дворе ногайского князя Нураддина, сына Едигея, в целях прославления ногайских князей. Родоначальник ногайских князей, Едигей, изображается то в виде потомка халифа Алия, то мистика Хаджи-Ахмета Ясави. Отец Едигея был эмиром ханов Синей Орды, а сам Едигей с начала своей карьеры стал эмиром хана Тохтамыша и позднее поднялся до положения временщика; он отличался небывалой жестокостью, особенно в отношении к русскому улусу. Историки, изображавшие Едигея чуть ли не героем татарского народа, впали в ошибку, ту же ошибочную точку зрения допустил акад. А. С. Орлов в своем обзоре «Казахский героический эпос».

иностранцев-современников, писавших о событиях в Дешт-и-Кипчаке второй половины XIV и в начале XV веков, в первую очередь сочинения арабских и персидских историков. Для изучения более раннего периода орды данные арабских писателей имеют первостепенную важность. Пока Золотая Орда была сильной и египетские султаны нуждались в ней, как в союзнике, арабы уделяли большое внимание событиям, происходившим в орде.

Но арабы, несомненно, хорошо осведомленные о событиях в орде, в то же время мало освещали слабые стороны в действиях своих союзников. Примером могут служить известия Ибн-Батута, представляющие панегирик хану Узбеку. Как только миновала опасность со стороны хулагидов, а сама Золотая Орда, ослабленная внутренними междоусобицами, перестала быть реальной силой, арабы потеряли к ней всякий интерес. В связи с прекращением посещения Сарая послами султана, египетскими купцами и путешественниками сведения, поступавшие в Египет, стали чисто случайными, получавшимися из вторых рук. Поэтому известия арабских писателей второй половины XIV в. становятся поверхностными. Из арабских писателей лишь один Ибн-Халдун более или менее полно отразил события, происходившие после смерти Бердибека до воцарения Тохтамыша, причем он называет последнего сыном Бердибека, а далее говорит об убийстве Тимуром хана Тохтамыша[1]. Такие неточности, допущенные одним из крупнейших историков средневековья, можно объяснить не невнимательностью автора, а исключительно скудостью данных, имевшихся в Египте. Ошибки Ибн-Халдуна, правда, устраняются другим арабским писателем—Ибн-Арабшахом, который лично посетил Сарай, Астрахань, Старый Крым вслед за разрушением этих городов Тимуром. Ибн-Арабшах, один из образованнейших писателей своего времени, знал языки местного населения — монгольский и тюркский, лично беседовал со многими людьми. Поэтому его известия, как и известия Ибн-Халдуна, представляют большую ценность. Однако, как и всякое поэтическое произведение, его сочинение «Чудеса предопределения и судьба Тимура», составленное рифмованной прозой, имеет ряд недостатков в изложении исторических событий.

В отличие от арабских писателей, персидские авторы, связанные с придворной аристократией хулагидов и тимуридов, были враждебны Джучиеву дому; они смотрели на события, происходившие на севере, так же тенденциозно, как и арабы. Если арабы изображали Золотую Орду в розовых красках, то персы, наоборот, подчеркивали слабые стороны Джучиева дома. Находясь во враждебном дворе, не имея возможности лично побывать в Улусе Джучи; они черпали свои сведения из вторых рук, писали

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, том I, 1884, стр. 394.

со слов перебежчиков, далеко отстоявших от двора. Поэтому у персидских авторов мы встречаем множество неточностей в датах, именах, в изложении сведений по истории Золотой Орды. Для иллюстрации можно сослаться на такой важный источник по этому периоду, как «Анонимо Искендера», составленный в 1413—1414 гг. и посвященный тимуриду Искендеру; в нем описываются чрезвычайно интересные события, происходившие в орде после смерти хана Бердибека, с такими подробностями, которых нет даже у арабских авторов. Сам ли анонимный автор отнесся к своим источникам не критически, или тому виной позднейшие переписчики, но в дошедших до нас экземплярах «Анонимо Искендера» имеются серьезные погрешности, особенно в области исторической географии, датах и т. п. Примером могут служить сообщения автора о местоположении Белой (Ак) Орды и Синей (Кок) Орды и истории их возникновения.

Образование этих двух Орд «Анонимо Искендера» относит ко времени правления хана Тохтая и темника Ногая. Одну из них, Белую Орду, он рассматривает как владение потомков Ногая, другую, Синюю Орду,— как владение Тохты и его потомков. При этом анонимный автор помещает Белую Орду на Востоке, в пределах Улугтага, Каратала и Тюмени, а Синюю Орду — западнее Сарая[1]. Историки Золотой Орды: Хаммер, Вольф, Шпулер, П. Пельо и А. Ю. Якубовский, приняв на веру указания «Анонимо Искендера» о местоположении Белой и Синей Орд, помещают Белую Орду на восточной, а Синюю Орду — на западной окраине Золотой Орды[2]. Сравнительное изучение источников приводят нас, однако, к иным выводам. Другие источники того времени, прежде всего сообщения русской летописи, говорят об обратном: каждый раз, как какой-либо царевич прибегал с Востока в Сарай, русские летописи называют их перебежчиками из Синей Орды, да и восточные источники свидетельствуют не в пользу «Анонимо Искендера». Сочинение другого анонимного автора — «Книга, прославляющая генеалогию в родословном древе монгольских султанов» («Муиззи»), составленная в 1426 г., говорит о Синей Орде как о владении потомков Орда-Ичена и помещает ее на востоке: «Орду называли также Иченом, он и (брат его) Эсен оба родились от одной матери, у Орды (Ичены) были 3 старшие жены, все три из племени Конгкурат; сыновей и Урук (его) называют Синей Ордой (Кок-Орда)»[3]. Как видно из сочинения Рашид-ад-дина, «Юрт его (Орды)... и войска их находятся на левом краю в пределах

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, том II, 1941, стр. 126—127.

[2] P. Pelloiot, Notes sur L'Histoirede la Horde d'or, Paris, 1949,p. 29. А. Ю. Якубовский, Тимур. «Вопросы истории», 1946 г., № 8—9, стр. 61. У Хаммера происхождение Белой Орды перепутано: в одном случае Белую Орду он назвал улусом Шайбана, в другом случае — Улусом Орды-Ичена.

[3] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, том II, стр. 41.

Дженда и Узгенда»[1]. Рубрук, лично посетивший ставку Орды-Ичена, застал его в районе озера Болхаша. Как уже отмечалось выше, русские летописи, говоря о царевичах Синей Орды, сообщают, что они приходили на запад из районов, находившихся где-то вблизи земель индийских, или же по соседству с Самаркандом. «Прииде некоторый царь Темир Аксак, восточныя страны от Синия Орды от Самархийские земли...»[2]. В другом месте летописи, говоря о завоевании Тимуром Синей Орды, отмечают: «иже есть близ Индии». Следовательно, Синюю Орду надо искать не на западе, а на востоке, точнее — за рекой Яиком, а Белую же Орду — на западных окраинах государства — вблизи Сарая. В поэме «Хосров и Ширин» золотоордынский хан Тинибек, сын и преемник хана Узбека, называется ханом Белой Орды[3]. В русском переводе ярлыка Тохтамыша к Ягайло, составленном одновременно с оригиналом татарским и представляющим более пространное изложение ярлыка Тохтамыша, слово «Улук Улус», т. е. Великий Улус, заменено словом «Белая Орда», тем самым ярлык называет Тохтамыша, который сидел в Сарае, ханом «Белой Орды»[4].

По истории распада Джучиева улуса еще меньше данных имеется у западноевропейских писателей. Когда монгольские завоеватели угрожали Западу, тогда писатели уделяли монголам большое внимание. К монголам отправлялись западноевропейские путешественники (Плано Карпини, Рубрук, Марко Поло и др.), из которых каждый оставил отчет о своем путешествии. Отчеты этих путешественников дошли до нас в многочисленных списках, иногда резко отличающихся друг от друга. Наряду с отчетами путешественников, мы встречаем многочисленные рассказы и басни о монголах, составленные лицами, никогда не бывшими у татар, что свидетельствует о большом интересе европейцев XIII в. к татаро-монголам. После того как опасность татарского нашествия на Запад миновала, на Западе меньше стали интересоваться монголами, хотя западноевропейские путешественники по-прежнему посещали восточные страны. Отчеты этих позднейших путешественников дают мало материала для историка: в путешествии Марионолла, проезжавшего на Восток через владения «императора Узбека» в 1340 г., о Золотой Орде сказано всего лишь несколько слов. Книга Франческо Пеголотти (1340 г.) «Торговое дело», написанная в виде наставления итальянским купцам, едущим торговать на Восток, представляет собой скорее всего историко-географический очерк наподобие карты братьев Пицигани (1364 г.) — «Каталонская

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 42.

[2] ПСРЛ, т. V, стр. 247, т. VIII, стр. 65, т. XXII, ч. II, стр. 195, т. XXV, стр. 222.

[3] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, том II, стр. 6—7.

[4] Н. И. Березин, Ханский ярлык, часть I, Казань, 1851, стр. 21—22.

карта» (1375 г.) и карты венецианского космографа Фра-Мауро и др. Испанец Клавихо, писавший о взаимоотношениях Тимура и Тохтамыша, пользовался услугами лиц, близко стоявших ко двору Тимура, поэтому известия его носят односторонний характер. Некоторые данные для начала XV в. имеются у баварца Шильтбергера, служившего около двадцати лет при восточных дворах, в том числе у князя Едигея и ханов Чекре и Мухаммеда. Но и он ограничивается лишь перечислением имен ханов, восшествием их на претсол или свержением их. В свое время акад. В. В. Бартольд отнесся к известиям Шильтбергера довольно отрицательно, как не имеющим никакого значения[1]. Если учесть общую скудость данных, факты, передаваемые Штильбергером, все же могут быть использованы при выяснении темных страниц истории Джучиева улуса. Последним из европейских путешественников, посетившим Золотую Орду, был венецианец Иосафато Барбаро, человек высокообразованный, поклонник античной культуры, некоторое время проживавший в городе Тану (30-е гг. XV в.) и лично видевший двух последних ханов, при которых завершился распад Золотой Орды. Он оставил описание крушения Орды, но его записки составлялись спустя несколько десятилетий после предпринятых им путешествий (примерно в 1487 г.), когда многое успело позабыться, вследствие чего известия о событиях в Крыму (70-е гг. XV в.) запутаны и неверны по существу.

Казалось, можно было бы ожидать большего от византийских и польских хроникеров. Византийские историки Пахимер (1242—1308 гг.), Никифор Григора, интересовавшиеся северными соседями, в своих хрониках несколько страниц посвящают Золотой Орде, но и эти сообщения, согласно авторитетному указанию Ф. И. Успенского, не отличаются ни особой «новостью», ни «оригинальностью»[2].

Что касается польских хроник, то, несмотря на то, что Польша непосредственно соприкасалась с Ордой и после распада последней в Польше поселилось много выходцев из Орды, в этих хрониках содержится недостаточно данных о восточных соседях, даже в том случае, когда эти данные непосредственно касались польско-татарских отношений. Так, например, обстоятельства, связанные с катастрофой 1399 г. на реке Ворскле, более подробно отражены в русских летописях, нежели в польских хрониках. Как ни странно, польский хроникер Длугош и повторявшие его более поздние польские авторы путают золотоордынского хана Тимур-Кутлука с известным Тимуром, называя

---

[1] В. В. Бартольд, Изучение истории Востока в Европе и в России, 1924, стр. 82.

[2] Ф. И. Успенский, Византийские источники о монголах и египетских мамлюках, Византийский временник, т. XXIV, 1926, стр. 14.

Едигея «военачальником Тимура» даже в то время, когда Едигей открыто боролся с Тимуром[1].

При таком состоянии источников по истории Джучиева улуса первостепенную важность приобретают русские летописи. Записывая каждое событие из года в год, иногда по месяцам и дням, русские летописи воспроизвели нам почти во всей полноте события, происходившие в Орде. Кроме того, летописцы часто сопровождали князей во время их поездок к хану, черпали факты непосредственно из первых рук[2]. Наличие разных списков русских летописей, составлявшихся одновременно в нескольких политических центрах (Москве, Твери, Новгороде, на юго-западе), позволяет нам более полно изучить историю Золотой Орды. Правда, отсутствие Троицкой летописи, одной из самых содержательных летописей, когда идет речь о татаро-монголах, является большой утратой для исторической науки. Однако и русские летописи, несмотря на богатство фактического материала, не освещают всей истории Золотой Орды. По мере ослабления Орды и усиления Московского великого княжества великие и удельные князья реже стали посещать ханскую ставку. В результате сообщения русских летописей о татарах становятся нерегулярными и отрывочными. Даже такое событие, имевшее громадное историческое значение для Руси, как ликвидация Большой Орды Ахмета (1480 г.), в общих русских летописных сводах нашло меньшее отражение, чем, скажем, в провинциальной архангелоградской летописи, составленной в далеком Великом Устюге.

События, связанные с образованием новых феодальных объединений в Средней Азии, Сибири, Крыму и в Казани, отражены в русских летописях в недостаточной мере. И это требует от исследователя более внимательного отношения к местным летописям (Архангелоградской, Западно-русской, Казанской и Сибирской), дающих целый ряд дополнительных данных, сравнительно с общерусскими летописными сводами. В этом отношении особый интерес представляет «Казанский летописец», составленный лицом, долгое время жившим в Казани перед ее завоеванием. Составитель «Казанского летописца» был знаком с исторической литературой своего времени; он пользовался и дополнительными сведениями, полученными от казанских татар, не обнаруживая при этом особого интереса к оценке происходивших событий[3]. В заслугу составителю «Казанского лето-

---

[1] J. Dlugosza Kanonika krakowskiego dzieje Wszystkie Wydane staraniem A. Przezdzieckiego, Cracoviae, t. III, 1873, p. 496.

[2] М. Д. Приселков, История русского летописания XI—XV вв., 1940, стр. 10.

[3] В. С. Иконников, Опыт русской историографии, том II, 1908 г., стр. 1283. Подробный разбор «Казанского летописца» дан в исследовании Г. З. Кунцевича «История о Казанском царстве», или «Казанский летописец», 1905 г.

писца» надо отнести то, что он впервые поставил вопрос о распаде Золотой Орды на новые государственные объединения. «В Казанском летописце» довольно подробно освещена история образования Казанского ханства, кое-какие данные об образовании Сибирского ханства имеются в сибирских летописях; ряд фактов о Крымском ханстве сообщают западнорусские летописи, лишь Астраханская летопись, составленная значительно позже, почему-то обходит вопрос об образовании Астраханского ханства.

Из краткого обзора источников видно, как бедны источники, относящиеся к теме распада Золотой Орды, однако как бы скудны ни были исторические данные, все же по ним можно проследить процесс распада Золотой Орды и образования новых феодальных объединений.

Глава I

ОБРАЗОВАНИЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Начало западномонгольскому государству — Джучиеву улусу, или Золотой Орде, было положено еще при жизни самого Чингис-хана. «Чингис-хан, подчиняясь народному обычаю, — писал академик В. В. Бартольд, — еще при жизни назначил уделы своим сыновьям и другим родичам. Первым был выделен старший сын Чингис-хана Джучи, когда в 1207—1208 годах, после покорения лесных народов, заселявших страну между Селенгой и Енисеем и бассейном последнего, он отдал ему, и Джучи овладел всеми народами, обитающими в лесных районах от рода шибр и на юге»[1]. После удачного похода монголов на Запад, закончившегося покорением государства Хорезмшаха, владения Джучи расширились на западе до тех пределов, куда «успели дойти копыта татарских коней». В монгольской хронике XVII в. говорится, что Джучи получил тогда страну кипчаков, ему и состоявшему при нем Хуин Нояну были даны для управления страны «оросов (русских) и черкесов», только что покоренные полководцами Субудаем и Джибе[2].

Джучи умер в феврале 1227 г., за шесть месяцев до смерти своего отца. Чингис-хан отдал бывшее владение своего сына внуку своему Батыю, старшему сыну Джучи. После того, как Батый был провозглашен ханом Джучиева улуса, было получено известие о смерти и самого Чингис-хана. Есть все основания полагать, что Батыю были отданы не все улусы его отца; некоторые районы бывшего Улуса Джучи, расположенные на востоке от реки Иртыша, по смерти Джучи отошли к Улусу Угедея. Выражение: «куда успели дойти копыта татарских коней» — не совсем ясно. Арабский историк XIV в. Эннувейри передает, что «он (Чингис-хан) назначил ему (Джучи) летовья и зимовья от границ Киялыка и земель Хорезмских до окраин Саксинских и

[1] В. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. II, 1900, стр. 421—422, «Сокровенное сказание» под редакцией С. А. Козина 1941 г., стр. 144—145.

[2] И. Жамцарано, Монгольские летописи, XVII в., 1936. Ленинград, стр. 116.

Булгарских крайних пределов, куда доходили кони их полчищ при их набегах»[1]. То, что к Улусу Джучи ко времени его смерти принадлежала северная часть Семиречья и Хорезмская степь, это, несомненно[2], однако, окраины Саксин и Булгар, при жизни Джучи, по-видимому, не входили в его улус. Передвижение монголов на запад произошло уже при Батые, когда на курултае 1229 г. ему было поручено завоевание земель, расположенных на западе, в виде компенсации за восточную часть улуса, уступленного Угедею. Только тогда войско монголов дошло до Яика. Венгерский монах Юлиан, совершавший свое первое путешествие в 1227—1235 годах на восток, сообщает о пограничных отрядах монголов, находившихся где-то на расстоянии пятидневного пути от границы Булгара. В 1229 г. монголы были уже вблизи Яика. В Лаврентьевской летописи под 1229 г. говорится: «Саксин и половцы взбегоша из низу к болгаром перед татары, и сторожеве болгарские прибегоша бъени от татар близ реки ей же имя Яик»[3]. На курултае 1235 г., где второй раз обсуждался вопрос «относительно уничтожения и истребления остальных непокорных», состоялось решение «завладеть странами Булгара, асов и Руси, которые находились по соседству становища Бату, не были еще окончательно покорены и гордились своей многочисленностью. Поэтому в помощь и подкрепление Бату он (Угетай) назначил следующих царевичей: сыновей Тулия Менгу-хана и брата его Бучена, из своих сыновей Гугюк-хана и Кадагана и др. царевичей: Кулькана, Бури, Байдара, братьев Бату-Хорду и Тангута и нескольких других царевичей, а из знатных эмиров (там) был Субутай-бахадур. Царевичи для устройства своих войск и ратей отправились каждый в свое становище, а весной выступили из своих местоприбываний и поспешили опередить друг друга. В пределах Булгара царевичи соединились. От множества войск земля стонала и гудела... Сначала они (царевичи) силою и штурмом взяли город Булгар, который известен был в мире недоступностью местности и большою населенностью. Для примера подобным им, жителей его (частью) убили, а (частью) пленили... Оттуда они (царевичи) отправились в земли Руси и покорили области её до города мксс, жители которого по многочисленности своей были (точно) муравьи и саранча, а окрестности были покрыты болотами и лесом густым...»[4].

Согласно же русским летописям, на точность датировки которых вполне можно полагаться, поход Батыя на Булгар произошел не весной, а осенью 1236 г. В Лаврентьевской летописи под 1236 г. сообщается: «Тое же осени придоша от восточные страны в Болгарскую землю безбожники татары и взяша слав-

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 150.

[2] В. В. Бартольд, Очерк истории Семиречья, Киргосиздат, 1943, стр. 43.

[3] ПСРЛ, том I, стр. 453.

[4] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, том II, стр. 22—23.

ный Великий город Болгарский и избиша оружием от старца и до унаго и до сущаго младенца..., а всю землю их плениша»[1].

После завоевания камских булгар, осенью 1236 года, монголы в течение года подчинили себе народы Поволжья: булгар, башкир, половцев и др. «Обратившись к западу, — писал монах Юлиан, оставивший интересные данные со слов бежавших от монгольского разорения 1237 г., — (монголы) в течение одного года или немного большего (срока) завладели пятью величайшими языческими царствами: Сасцией, Фулгарией, взяли также 60 весьма укрепленных замков... Кроме того, они напали на Ведин, Меровию, Пойдовию, царство Морданов»[2]. В то время, как основные силы монголов во главе с Батыем вели войну на Средней Волге, другой монгольский отряд, во главе с царевичем Менгу, был послан для покорения Саксин и половцев к низовьям Волги. Переправившись через Волгу, отряд Менгу разбил половцев, захватил половецкого князя Бачмана-Боцмана и завоевал город Саксин в устье Волги. Подчинив Саксин, половцев и черкесов, Менгу повернул к стану Батыя, который к этому времени завершил покорение мордвы (мокши и эрзи — арджан) и буртасов[3].

Покорив башкир, булгар, буртасов, мордву, марийцев, монголы осенью 1337 года «сообща устроили курултай и, по общему соглашению, пошли войной на русских»[4].

Дальнейшие события, связанные с монгольским нашествием на Русь, в достаточной мере изучены в русской исторической науке. К. Маркс в своих хронологических выписках по русской истории писал: «1237 г. Бату (сын Джучи), посланный Угедеем с громадным войском, уничтожает на реке Воронеже войска великого князя Рязанского, не поддержанного другими русскими; разбивает Юрия (Георгия) II Владимирского (великий князь), покоряет и разрушает Москву, Владимир и другие города. Тот же самый Юрий II (великий князь Суздальский или Владимирский) отважился на второе сражение при реке Сити, был разбит, пал на поле битвы вместе со знатнейшими людьми; судьба России была решена на 2 с половиной столетия. Монголы проникают внутрь России, опустошая все огнем и мечом, приближаются к Новгороду, находясь примерно в 15 немецких милях от него, но из-за оттепели и болотистой местности возвращаются за Волгу»[5]. Северо-восточная Русь, раздробленная на ряд мелких феодальных княжеств, не могла объединиться против монголов, отдельные русские князья, не поддержав друг друга, были раз-

---

[1] ПСРЛ, том I, стр. 460.

[2] С. А. Аннинский, Известия о татарах в XIII—XIV вв. Исторический архив, том III, 1940, стр. 85.

[3] Иакинф, История первых четырех ханов из дома Чингисова, 1829, стр. 303—304.

[4] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, том II, стр. 36.

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс, Архив, т. V, 1938, стр. 224.

биты по одиночке. Завоевав северо-восточную Русь, за исключением Новгородской земли, монголы весной 1238 года возвратились в половецкую степь и завершили завоевание земель половцев, черкес и ассов. Лишь небольшая часть половцев с ханом Котяном успела бежать в Венгрию.

С весны 1238 до половины 1239 года движение войска было приостановлено. Причины бездействия вскрывает письмо Батыя к великому хану Угедею, написанное в 1238 году. В письме речь идет о каких-то разногласиях между Батыем и царевичем Гаюком, сыном Угедея, посланным в числе других царивичей в качестве помощника Батыя. После ссоры с Батыем Гаюк и Бури (сын Чегатая) со своими сторонниками покинули пир Батыя, выказав ему явное непослушание[1]. Причины этой вражды надо искать не в лишней чашке вина, выпитой Батыем раньше других царевичей во время пира, а в чем-то более серьезном: монгольское войско при завоевании Руси было сильно потрепано русскими войсками, которые «ожесточенно дрались» с монголами. Батый потерял много своих знатных людей, в том числе царевича Кулкана, сына Чингис-хана[2]. Между тем северо-восточная Русь все еще оставалась до конца непокоренной. В 1239 году перед походом Батыя против юго-западной Руси на Волге началось восстание русского и мордовского населения, только что завоеванного монголами. В Лаврентьевской летописи под 1239 годом говорится: «Того же лета на зиму взяша татарове Мордовскую землю, и Муром пожгоша, и по Клязьме воеваша, и град святыя богородица Гороховец пожгоша, а сами идоша в станы своя. Тогды же бе пополох зол по всей земли, и сами не ведаху, и где хто бежить»[3]. Вторичный поход монголов на Русь и на мордву, уже однажды завоеванных ими, свидетельствует о непрочности тыла монголов в северо-восточной Руси. В этом и надо искать главную причину раздоров в стане Батыя, случившихся в 1238 году. По-видимому, царевичи Гаюк и Бури не были склонны сложить свои головы за дело Батыя и требовали приостановки дальнейшего продвижения, пока не будут залечены раны, полученные во время завоевания северо-восточной Руси. Только по истечении года Батый был в состоянии возобновить поход «в страну русских и народа черных шапок», закончив его в 1240 году[4]. На юге и на юго-западе Руси, как и на северо-востоке, «города и деревни были сожжены дотла»[5].

Разрушив Переяславль, Чернигов и Киев, истребив жителей, монголы в 1241 г. вторглись в Польшу и Венгрию. Передовой

---

[1] Сокровенное сказание, стр. 194.

[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 36.

[3] ПСРЛ, т. I, стр. 470. *М. Г. Сафаргалиев*, Борьба мордовского народа с татарским игом. Записки Мордовского научно-исследовательского института, № 6, 1947, стр. 152.

[4] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 37.

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс, Архив, т. V, стр. 224.

отряд Батыя, ограбив дочиста Люблин, Сандомир, убивая всех, «не щадя ни пола, ни возраста.., учинив великие опустошения», вошел в Силезию[1]. Сам Батый вместе с остальными монгольскими отрядами вторгся в Венгрию, «которая вся стала его добычей. Фридрих австрийский пришел на помощь с немецкими рыцарями; монголы, вооруженные в большинстве своем только луками и копьями и только часть их шлемами и панцирями, нанесли жестокое поражение... Король Венгрии Бела IV дал завлечь себя в неблагоприятную местность, в степь Моги при реке Сайо, Бату запер венгров точно в овчарне, начал их избивать, для бегства оставалась открытой только одна дорога, вследствие этого учинился беспорядок: монголы бьют венгров, как скот. Монголы, получившие подкрепление от подошедшей из Селезии части войска, превращают Венгрию в пустыню, делают набеги до Иллирии и Далмации...»[2]. Но эта победа над соединенными силами славян, венгров, австрийцев и немецких рыцарей была куплена дорогой ценой: она сломила силу самих монголов. Они не смогли удержать за собой вновь завоеванную территорию на Западе. «После долгой борьбы азиаты разбили утомленных, закованных в сталь рыцарей,— писал Ф. Энгельс,— но победа была куплена столь дорогой ценой, что она сломила силу кочевников. Монголы не двинулись дальше и вскоре, вследствие раздоров в своей среде, перестали быть опасными и были отброшены обратно на восток»[3].

Раздоры в среде монголов, начавшиеся еще при завоевании Северо-восточной Руси, были прекращены благодаря вмешательству великого хана, отозвавшего Гаюка и Бура в Монголию. Теперь же, когда умер Угедей и великим ханом был провозглашен царевич Гаюк, враг Батыя, борьба между домом Угедея и Джучи вступила в новую стадию. Поэтому Батыю пришлось прекратить дальнейшую борьбу на Западе, вернуться в Дешт-и-Кипчак и заняться укреплением своего положения в Джучиевом улусе.

История образования нового западно-монгольского государства — Золотой Орды, особенно ее первая стадия, недостаточно отражена в источниках. Единственный источник, имеющийся в распоряжении исследователей — это известия Лаврентьевской летописи о приходе великого князя Ярослава Всеволодовича в ставку Батыя в 1243 году «про свою отчину». При этом в летописях не указывается место нахождения ставки Батыя. Лишь в Казанской летописи, составленной гораздо позднее, имеются некоторые указания, которые дают право предпо-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Архив, т. V, стр. 226. Сравни Monumenta Poloniae Historiea, Lemberg, t. III. 1897, p. 561.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Архив, т. V, стр. 225—226. Подробно об этом D. Wolff, Geshichte der Mongolen oder tataren, Breslau, 1872, s. 365.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XI, ч. II, стр. 445.

лагать, что первоначальная ставка Батыя находилась не в районе будущего Сарая, а где-то в пределах камских булгар. По словам автора «Казанского летописца», «державни же наши идоша в Болгары ко царю и ту (т. е. Батый) его (т. е. Ярослава Всеволодовича) встретиша и утолиша его великими многими дарами. И оставися царь Саин (т. е. Батый) пленити русския земли и восхоте близ ея кочевищи своем, где вспятися на Русь ити, поставити град на славу имени своего». Приведенный нами отрывок, несмотря на его позднейшее происхождение, во многом дополняет сообщения более ранних летописей. Судя по сообщению автора «Казанского летописца», Батый после возвращения из венгерского похода весной 1242 г. находился в «старом граде» камских булгар — в городе «Брягове» («Великом Булгаре») до постройки «на славу имени своего» г. Сарая, затем превращенного в резиденцию ханов Золотой Орды. К тому же подводит нас и Лаврентьевская летопись, сообщающая, что русские князья явились «про свою отчину» к Батыю в г. Великий Булгар, откуда они были отпущены «когождо в свою отчину» в 1243—1244 гг.[1].

Русские летописи, говоря о прибытии великого князя Ярослава в ставку Батыя, не сообщают, сколько времени он пребывал у Батыя, и лишь отмечают, что Ярослав был отпущен в 1243 г. Если учесть старый календарный счет, начинающий новый год с сентября, то можно предполагать, что Ярослав прибыл в Булгар вскоре после возвращения Батыя из Венгрии, т. е. летом 1242 года, и был отпущен по истечении сентября того же года. Если так, тогда можно предположительно датировать начало складывания Золотой Орды 1242 годом, когда Батый в качестве главы нового государства стал принимать к себе русских князей и стал им давать ярлыки на княжение. Русские летописи, описывая приемы Батыем русских князей, рассматривают его как главу вполне оформленного государства уже в 1243—1244 гг.. Батый «честью» принимает великого князя Ярослава и отпускает его обратно, сказав ему: «буди ты старей всем князьям в русском языце». Через год к нему едут князья Володимер Константинович, Борис Василкович, Василий Всеволодович «про свою отчину», Батый отпускает их, «рассудив им когождо в свою отчину»[2]. Есть указания о приходе к Батыю армянского царевича Смбата, которого Батый «пожаловал его землей и ленными владениями», «султанам Рума, Сирии и других стран он пожаловал льготные грамоты и ярлыки» и т. д[3].

За сравнительно короткий срок Батый достиг равнозначного положения с великим ханом Гаюком и начал оказывать давле-

---

[1] «Казанская история», Изд. Акад. наук СССР, 1955, стр. 46—49.

[2] ПСРЛ, т. I, стр. 470.

[3] История монголов инока Магакии, XIII в., перевод К. П. Патканова, СПБ, 1871, стр. 18, 80, 81. В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 21—22.

ние на коренную юрту монголов, тем самым препятствуя формальному провозглашению Гаюка великим ханом. Из-за неявки Батыя на курултай, до 1246 г. не избирали великого хана, и временное управление монгольским государством, по обычному праву монголов, перешло в руки жены покойного хана Угедея Туркен-хатун. Официальный историк монголов Рашид-ад-дин, характеризуя тогдашнюю обстановку в коренной юрте монголов, писал: «Вследствие отсутствия его (Батыя) как старшего (ака) из всех родичей, дело (о назначении нового каана) не устроилось около трех лет. Старшая жена Угетай-каана Туракин-хатун правила делами. В это время произошли смуты на окраинах и в середине владений (каана)»[1]. Лишь в 1246 году путем компромиссных сделок между враждебными группировками сторонникам Гаюка удалось провести на курултае избрание его ханом. Плано Карпини, присутствовавший при провозглашении нового хана, составил подробное описание этого церемониала, происходившего и на этот раз без участия Батыя.

Батый по-прежнему оставался враждебным Гаюку, несмотря на то, что братья Батыя — Орда, Шайбан, Берке, Беркечар, Тангат и Тукай-Тимур участвовали на курултае 1246 года, представляя преемников Джучи. Отношения между Батыем и Гаюком оставались напряженными и после официального провозглашения Гаюка великим ханом. В 1248 году между соперниками едва не вспыхнуло вооруженное столкновение. Дело до открытого сражения не дошло лишь потому, что войска Батыя, направленные против Гаюка, дойдя до восточных границ Улуса, получили известие о смерти хана. По словам Рубрука, бывшего в 1254 году в Каракоруме, скоропостижная смерть Гаюка произошла не без участия сторонников Батыя[2].

Остановившись лагерем у Ала-Камака, на расстоянии семидневного пути от Киялыка (в районе Алтайских гор), Батый, как старший в роде, вызвал к себе остальных монгольских царевичей для решения вопроса о престолонаследии. Все прибывшие подчинились решениям Батыя. Как передает Джуздани, большинство собравшихся предложило Батыю принять престол: «Тебе следует быть царем нашим, так как из рода Чингис-хана нет никого старше тебя; престол и корона и владычество прежде всего твои». Бату ответил: «Мне и брату моему Берка принадлежит уже в этом крае (т. е. в Дешт-и-Кыпчаке) столько государств и владений, что распоряжаться им (краем), да вместе с тем управлять областями Китая (Чин), Туркестана и Ирана (Аджем) невозможно». Отказавшись от престола Чингис-хана,

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 65. D'Ohsson, Histoire des Mongols depuis Tchigis-Khan jusqu a Timour-beg ou Tamerlan, t. II, 1843, Amsterdm, p. 195.

[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 66. Вильгельм де Рубрук, Путешествие в восточные страны, перевод А. И. Малеина, 1911, стр. 114.

он предложил избрать на престол великим ханом царевича Менгу, сына Тули: «Дядя наш Тули, младший сын Чингис-хана, умер в молодости и не воспользовался царством, так отдадим царство сыну его и посадим на престол царский старшего сына его, Менгу-хана. Так как на престол посажу его я, Бату, то на самом деле владыкою буду я». Все согласились с этим мнением»[1].

Потомки Удегея, отказавшиеся признать своим ханом Менгу, организовали против него заговор, но он был раскрыт, и 77 его участников по приказанию Батыя были казнены[2]. В 1251 году по требованию Батыя был созван курултай, на котором Менгу и был возведен на ханский престол. Брат Батыя «Берке взял его за руку и посадил его на престол». При таком положении, когда власть перешла к Менгу, сторонникy Батыя, последний должен был признать над собой власть великого хана, как поступили остальные царевичи, однако Батый вел себя по отношению к Менгу не как его «младший брат», а как равный ему по власти. Как бы конкурируя с Каракорумом, официальной резиденцией великих ханов, Батый начал строить на Волге новый город Сарай — столицу нового государства Золотой Орды. Возвращавшийся из Монголии в 1254 году Рубрук застал уже «построенный Батыем город Сарай»[3].

Имеется географическое описание Золотой Орды, составленное арабскими писателями XIV—XV вв.; сохранилась также китайская карта монгольских государств, составленная в XIV в., но все же нет достаточных данных о государственных границах Золотой Орды в момент ее образования. Можно согласиться с А. Ю. Якубовским, что определение границ Золотой Орды представляет большую трудность[4].

На основании имеющихся материалов XIV века территорию Золотой Орды для этого периода можно определить лишь суммарно. С небольшими изменениями эти же границы можно принять и для XIII в. Арабские географы XIV—XV вв. указывают примерную государственную границу Джучиева улуса при Узбеке в таком виде: «Царство его (лежит) на северо-востоке и (простирается) от моря Константинопольского (Черного) до реки Иртыша, в длину на 800 фарсахов, а в ширину от Бабелеб-

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 16.

[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 15—16. В. В. Бартольд, Очерк истории Семиречья, 1943 г., стр. 49. Иакимф, История первых четырех ханов из дома Чингисова, 1829, стр. 306.

[3] Речь идет о Сарай-Бату, построенном Батыем на Ахтубе, на расстоянии 2-х дней пути от Каспийского моря, в районе села Селитерного. Этот город, в отличие от нового Сарая, построенного при хане Берке и получившего название Сарая-Берке, назывался «Иски Юрт», т. е. старый дом, как его называет Абульфида, арабский географ XIV в. Geogvpahie d'Abulteada, t. II, Paris, 1848, p. 72 В. Григорьев, О местонахождении столицы Золотой Орды, 1845, стр. 9.

[4] Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, Золотая Орда, 1937, стр. 44.

ваба (Дербента) до города Булгара, т. е. приблизительно на 600 фарсахов»[1]. Ибн-Арабшах, говоря о Золотой Орде, подчеркивал: «Граница Дештской земли с юга — море Кользумское (Каспийское)... да море Египетское (Черное), завернувшее к ним из областей Румской... С востока — пределы владений Хорезма, Атрар, Саганак, да другия земли и страны, по направлению к Туркестану и землям Джетским, вплоть до границы Китайских... С севера — Ибирь и Сибирь, пустыни и степи, да пески (нагроможденные) точно горы... С запада — окраина земель Русских и Булгарских да владения хрестиан...»[2]. По китайской карте 1331 года в состав Улуса Узбека входили: часть нынешнего Казахстана с городами Джендом, Барчакендом, Сайрамом и Хиахатзуми (Хорезм), Поволжье с городом Бу-лиар (Булгар), Алоеце (Русь), Крым с городом Са-ги-ла (Солхат), Северный Кавказ, населенный А-лан-а-Сеци (аланами) и Сар-ко-ци (черкесами). На этой карте не указывается ни одной точки на западной границе государства, так как географические познания китайцев далеко на запад не простирались[3]. Арабский писатель Эль-Омари называет Дунай рекой, протекающей через владения Узбека. По его же словам, «болгары и сербы на Дунае ухаживали за султанами Кипчака, вследствие великой власти его над ними и (опасения) взыскания за вражду их по случаю близости их от него», т. е. от Золотой Орды[4]. Армянский писатель XIII века Стефан Синайский говорит о покорении Батыем земель до пределов аллеманов и венгров[5]. По всей вероятности, речь идет о низовьях Дуная, где находилось местопребывание темника Ногая. Что касается среднего течения Дуная, то этот район не был закреплен за монголами.

Южная граница Монгольского государства шла от северных и северо-восточных берегов Черного моря (включая Крым) и по северному Кавказу. Кавказские горы, по словам Абульфеды, являлись линией, отделяющей владения потомков Джучи от владения хулагидов[6]. Затем линия от Дербента тянулась на Восток, по берегам Каспийского моря к полуострову Мангишлаку; туркмены, кочевавшие на полуострове Мангишлаке, платили дань ханам Золотой Орды[7]. На юго-востоке, во владениях джучидов входили Хорезм с городом Ургенч и другие населенные

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 206. Один фарсах составлял примерно 6 км.

[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 459—460.

[3] Leon Cahun Introduction de L'Histoire de L'Asie, turks et des Mongolen des origines, a 1405, Paris, 1896, p. 438 — эта карта 1331 г. издана в трудах Пекинской духовной миссии в 1866 г. в качестве приложения к IV тому.

[4] Тизенгаузен, Сборник. т. 1, стр. 236—237.

[5] История князей Арбильян, 1883, стр. 24.

[6] Geographie d'Abulfeada, t. II, 'Asie, 1848, p. 283—284.

[7] Абулгази, Родословная туркмен, Ашхабад, 1897, стр. 13.

пункты Хорезма до Даргана, за исключением города Кият и Хива, которые по завещанию Чингис-хана отданы были Чагатаю[1]. С левого берега Аму-Дарьи, примерно от Яманкала граница шла к Дженду, оттуда — к бассейну Сыр-Дарьи. На левом берегу реки Сыр-Дарьи потомкам Джучи принадлежали города Сыгнак, Сайрам и Яннкенд. На северо-востоке граница шла по реке Сары-су вплоть до озера Балхаша. Владения джучидов на юге-востоке, по-видимому, простирались до гор Тарбагатая и верховьев реки Иртыша. Одна из вершин Тарбагатая носит название Урда-тау в память пребывания здесь Орда-Ичена, брата Батыя, владевшего когда-то этим краем[2]. Река Иртыш, начиная с ее верховья, на всем ее протяжении до страны «мрака», оставалась границей, отделявшей владения потомков Джучи от владений остальных монгольских государств[3].

Таким образом, потомки Джучи владели огромной территорией, охватывавшей почти половину Азии и Европы — от реки Иртыша до реки Дуная и от берегов Черного и Каспийского морей до «страны мрака». Ни одно из монгольских владений, образованных потомками Чингис-хана, не могло сравняться с Золотой Ордой ни по обширности своей территории, ни по численности населения, состоявшего из самых разнообразных народностей и племен. К сожалению, эта сторона вопроса в исторической литературе совершенно не затронута. Материалы переписи, проведенной монголами в период образования государства, навсегда утрачены для науки, поэтому установить численный состав и этническую принадлежность населения Джучиева улуса, как и других монгольских государств, почти невозможно. Единственное, что можно более или менее точно установить — это перечень народностей, когда-то являвшихся подданными ханов потомков Джучи.

Согласно «Сокровенному сказанию», составленному в 1240 году, при образовании Джучиева улуса в 1207 г., Чингис-хан выделил в удел своему старшему сыну Джучи из числа «лесных народов», обитавших к западу от рек Селенга, Шибирь, ойратов, бурятов, урсуготов, хаюханадов, хапкасов, тубаков, киргизов и др.[4]. После похода в Среднюю Азию в 1221 г. Джучию были отданы еще «бессермены, говорившие на куманском (половецком) языке», а также племена, обитавшие севернее Хорезма, и значительная часть жителей бывшего Хорезмского государства. По смерти самого Джучи из его владения значительная часть

---

[1] Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 1155. В. В. Бартольд, Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в., Ташкент, 1902, стр. 67.

[2] Россия. Полное географическое описание нашего отечества, т. XVIII, стр. 36.

[3] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 297. Марко Поло, Путешествия, 1940, стр. 262.

[4] Сокровенное сказание, стр. 147—175.

отошла к Угедею, в связи с чем восточная граница Джучиева улуса переместилась к бассейнам реки Иртыша, и большая часть племен и народностей, перечисленных в «Сокровенном сказании», перешла к потомкам Угедея, за исключением ойрат, киргиз, канты, которые упоминаются позднее в качестве данников золотоордынских ханов. После походов Батыя 1236—40 гг. в состав Джучиева улуса вошли многочисленные покоренные им народы.

В письме Угедею в 1238 году, когда его походы еще не были законченными, Батый сообщает о завоевании им одиннадцати народов, хотя он не перечисляет название народов, но, как видно, составители «Сокровенного сказания» имели в виду: канлык (канглых), кипчаут (кыпчак), бачжигит (башкир), оросут (Русь), мачжарт (маджар), ясут (асс), сагут-серкесуть (черкес), кешамир (?), болар (булгар), краал (курал-карел)[1]. О завоевании башкир («бачигит») говорится не только в «Сокровенном сказании», но и у Плано Карпини («баскарт»). Венгерский монах Юлиан, один из ранних западноевропейских авторов, как и Плано Карпини, сообщает о завоевании войсками Батыя царства Саксин («Saqsyn»)[2], не объясняя, однако, был ли это небольшой хозарский город или этническая группа, в свое время давшая название этому городу. Если бы они имели в виду жителей небольшого города, покоренного монголами, то вряд ли тогда нужно было бы говорить о царстве Саксин и ставить их рядом с царством «Фулгар», т. е. Булгар. Далее Юлиан сообщает о нападении монголов на Ведин, Меровию, Пойдавию и на царство морданов-мордванов[3]. Следовательно, Юлиан говорит о саксинах, как об одной из этнических групп наряду с весью (вединами), мордвой (мордван) и фулгар (булгар), покоренными Батыем перед нашествием монголов на Русь. Правда, данные Юлиана еще не подвергались критическому изучению в нашей исторической литературе с точки зрения этнографической, что, несомненно, дало бы очень много для выяснения вопроса об этническом составе населения Джучиева улуса. Так, например, до сих пор остается неясным упоминание Юлиана о Меровии, имел ли он в виду прежних мери или современных марийцев, так же как и вопрос о народности пойдавии. У Плано Карпини есть указания о какой-то этнической группе «пароссит», которых он помещает на севере между башкирами и ненцами («самагидами»)[4]. Быть может, Юлиан и Плано Карпини говорят об одном и том же народе, носившего двойное наименование,

---

[1] Сокровенное сказание, стр. 194, 138—139, 192.

[2] Иоанн де Плано Карпини, История монгалов, перевод А. И. Малеина, 1911 г., стр. 37, сравни В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 16, 19, 21, 34.

[3] С. А. Аннинский, Известия о татарах XIII—XIV вв., Исторический архив, т. III, стр. 25.

[4] Плано Карпини, История монгалов, стр. 25.

имея в виду пермяков, когда-то называвшихся «петрасами»[1]. Что же касается «мордванов» и «вединов», о покорении которых пишет Юлиан, то речь у него идет о современной мордве и народе «весь», когда-то жившем в районе Белоозера.

Рашид-ад-дин и Плано Карпини называют среди народов, покоренных монголами, «келар» или «корол», обитавших рядом с киргизами и башкирами[2]. Абулгази, располагавший каким-то не дошедшим до нас источником, сообщает, что при распределении покоренных народов между своими родичами, Батый отдал курал в качестве удела своему брату Шайбану[3]. Улус же Шайбана находился в Сибири, причем западная граница его улуса проходила по Уральскому хребту. На восточных склонах Верхнего Урала, должно быть, и проживал этот народ, «курал». В Мюнстерской карте XV в. на восточных склонах Урала куралы помещены под названием «Coreli», в котором легко можно узнать современных карелов, живших тогда вблизи Урала, их, по-видимому, имеют в виду Плано Карпини и Рашид-ад-дин[4].

Чтобы закончить с перечнем народов, подчиненных монголами в районах Поволжья, надо остановиться на буртасах, покоренных одновременно с мордвой, Рашид-ад-дин, сообщая о завоевании монголами мордвы-мокши и мордвы-эрзи, говорит одновременно и о буртасах[5]. В исторической литературе была сделана попытка отождествлять буртасов с мордвой-мокша, однако источники не дают никаких оснований для подобного отождествления. Буртасы, жившие по соседству с мордвой, занимались скотоводством, разводили верблюдов и в отличие от мордвы были тюркоязычниками[6]. В свое время В. Сбоев отождествлял буртасов с чувашами и приводил в пользу этого ряд доводов, отвергнутых другими исследователями[7], и все же вопрос этот является спорным, хотя буртасы в какой-то степени могли принимать участие в образовании Чувашии. Сохранившийся список с писцовых книг Дмитрия Пушечникова и подьячего Афанасия Коптяева 132—134 г. (1624—1626 гг.) по Алатырскому уезду («татарским, буртасским и мордовским вотчинам, бортным ухожьем, оброчному меду и куницам и ясачным деньгам»), составленный по «выборных людей скаске», как правило, вместо названия «чуваши» употребляет название «буртасы»; все без исключения чу-

---

[1] В. Н. Татищев, История Российская, к. IV, 1784, стр. 383.

[2] Плано Карпини, История монгалов, стр. 37. Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. I, кн. I, стр. 103.

[3] Abul Ghazi, Histoire des Mongols et des tatares, publiee, traduite et annotee par le baron Desmaisons, t. I, texte, st. Petersboung, 1817, p. 181.

[4] М. В. Алексеев, Сибирь в известиях иностранных путешественников и писателей, 1941, стр. 88.

[5] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 36.

[6] М. Г. Сафаргалиев, Заметка о буртасах. Записки Мордовского научно-исследовательского института, № 13 за 1950 г., стр. 92.

[7] В. А. Сбоев, Чуваши, Казань, 1865, стр. 184.

вашские деревни в этом списке названы буртасскими[1]. Не исключена, таким образом, возможность, что буртасы в какой-то мере участвовали в образовании современных чуваш и татар, как одно из тюрко-язычных племен, растворившихся среди родственных им по языку и более многочисленных татарских или чувашских народностей. С завершением формирования народностей татар и чуваш наименование «буртас» исчезает из письменных источников.

Помимо отмеченных выше народностей и племен, входивших в состав Золотой Орды, нужно сказать еще о половцах, аланах (или асах), кумыках и маджарах, также завоеванных монголами и являвшихся данниками золотоордынских ханов. Некоторые из них, несмотря на более чем двухсотлетнее господство монголов, все же сохранили свою народность, а другие, как половцы и моджары, будучи тюрко-язычными племенами и по быту и культуре, приняли участие в образовании татарской народности[2]. Одна из групп туркмен также входила в состав Золотой Орды: Абулгази, например, указывает, что туркмены, кочевавшие у полуострова Мангышлака, платили дань ханам Золотой Орды[3]. Что же касается сообщения Плано Карпини о грузинах, армянах и азербайджанцах, как о подвластных Батыю, то это указание может относиться лишь к начальной стадии существования Джучиева улуса, а именно до образования государства хулагидов, когда, действительно, грузины и армяне и азербайджанцы были покорены монголами, а их владетели ездили к Батыю за ярлыком. После сложения нового монгольского государства в Иране в 1256 году районы, заселенные грузинами, армянами и азербайджанцами, отошли к хулагидам, попытка же преемников Батыя вернуть эти районы кончилась неудачей.

Говоря о народах, покоренных монголами, необходимо несколько остановиться на татарах, также покоренных монголами в числе других народов.

В исторической литературе довольно часто ставится равенство между татарами и монголами, говорится о татарском завоевании и о татарском иге, не отличая татар от монголов. Между тем татарские племена, говорящие на тюркском языке, отличались от монголов, язык которых не является тюркским. Арабский филолог XI в. Махмуд Кашгарский причисляет татар к одному из 20-ти тюркских племен; по его словам, печенеги, башкиры, половцы, киргизы и татары говорили по-тюркски[4]. Арабский историк Ибн-Асир (1160—1223 гг.) тоже относит татар к тюркским племенам[5]. Быть может, когда-то было некоторое сходство между

---

[1] Рукописный фонд Мордовского научно-исследовательского института, № 479, л. I и следующие.

[2] Плано Карпини, История монгалов, стр. 35—36.

[3] Абулгази, Родословная туркмен, Ашхабад, 1870, стр. 13.

[4] Divan Lugat — at turk, t. I, 1939, stambul, p. 27—28.

[5] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 4.

монголами и татарами, существовало некоторое языковое родство, но уже к началу XIII в. от него осталось очень мало. Один из старинных литературных памятников монгольской литературы «Сокровенное сказание», составленный в 1240 г. (если отбросить отдельные тюркские слова, заимствованные монголами через уигур), не понятен тюркоязычным народам. Это еще раз доказывает, что тогдашний монгольский язык резко отличался от тюркского (в том числе и татарского языка). Поэтому Рашид-ад-дин (1247—1318 гг.), сочинения которого являются одним из самых авторитетных источников, говоря о монголах и татарах, как правило, отличает татар от монголов, рассматривает их в качестве двух самостоятельных народов. В данном им перечне 28 «настоящих» монгольских родов не упоминается ни одного татарского рода[1], он относит татар к тюркам, называет татар «самыми известными тюркскими племенами» в период образования державы Чингис-хана[2]. Татары, делившиеся на ряд родов (тутукулиут, алчи, чаган, терат, куин, баркуй, дербен и др.), составляли 70 000 домов-кибиток, и между ними и монголами, по словам Рашид-ад-дина, издавна шла борьба из-за господства в степях[3]. В «Сокровенном сказании» татары рассматриваются в качестве непримиримых врагов монгольских племен. Об этой борьбе между монгольскими и татарскими племенами подробно рассказывается как в «Сокровенном сказании», так и в «Сборнике летописи» Рашид-ад-дина. Из этих рассказов видно, что на первых порах татарам удалось подчинить себе монгольские племена. Лишь к концу XII в. монголам удалось одержать верх. «Они (татары) в глубокой древности большую часть времени были покровителями и владыками большей части (монгольских) племен и областей,— пишет Рашид-ад-дин,— (выдаваясь своим) величием, могуществом и полным почетом (от других). Из-за (их) чрезвычайного величия и почетного положения другие тюркские роды, при (всем) различии и разрядов и названий, стали известны под их именем и все назывались татарами»[4].

К XII в. татары настолько усилились, что один из татарских князей Муджин-Султу, вассал китайского императора Алтын-хана (1161—1189 гг.), восстал против Алтын-хана, «стал не изъявлять ему покорности». Узнав о восстании татар и об отправлении из Китая карательного отряда против татар, монголы, с давних пор имевшие к татарам «старые кровь (отца) и вражду», решили воспользоваться удобным случаем отомстить татарам. Прежде чем напасть на татар, Чингис-хан предварительно заключил военный союз с вождем племени кираитов Тогорилом «против татар, этих убийц... отцов и детей». Соединившись

---

[1] Рашид-ад-дин, Сборник летописи, т. I, кн. I, стр. 78.
[2] Там же, т. I, кн. II, стр. 57.
[3] Там же, т. I, кн. I, стр. 101.
[4] Там же, стр. 102.

вместе с китайцами на реке Улдза, они выбили татар из их укреплений и разбили татарское войско, «все их табуны, стада и имущество захватили». Захваченное в плен татарское население было распределено между Чингис-ханом и Тогроилом. За оказанную помощь Алтын-хан пожаловал тогда Тогроила титулом «Ван-хан» — государь Кераитов; будущему Чингис-хану был пожалован титул «Джаут-Кури» — великий эмир»[1].

После победы над татарами и убийства их вождя Муджин-Султу Чингис-хану представился случай окончательно подчинить татар. История разгрома остатков татар и расправа над ними в 1182 г. вкратце изложена у Рашид-ад-дина и более подробно—в «Сокровенном сказании». «Прозимовали ту зиму, — рассказывается в «Сокровенном сказании», — а на осень в год собаки (1182 г.) Чингис-хан положил воевать с татарами: чаан-татар, алчи-татар, дутау-татар и алухай-татар. Прежде чем вступить в битву при Урочище Давлан-Нэмурчес, Чингис-хан, с общего согласия, установил такое правило: «Если мы потесним неприятеля, не задерживаться у добычи. Ведь после окончательного разгрома неприятеля, добыча эта от нас не уйдет. Сумеем, поди, поделиться. В случае же отступления, все мы обязаны немедленно возвращаться в строй и занимать свое прежнее место. Голову с плеч долой тому, кто не вернется в строй и не займет своего первоначального места». В сражении при Далан Нэмургес мы прогнали татар. Тесня их, мы вынудили татар соединиться в их улусе при урочище Улхут-Шилугельчти и там полонили их. Мы истребили тут татарских главарей поколений чаган-татар, алчи-татар, дутау-татар и алухай-татар... Покончив с казнями главарей и сбором пленных татар, Чингис-хан созвал в уединенной юрте великий семейный совет для решения вопроса о том, как поступить с полоненным татарским народом. На совете поговорили и покончили с этим так: татарское племя — это исконные губители дедов и отцов (наших). Истребим же их полностью, равняя ростом тележной чеке..., а остающихся (малых детей, ростом ниже тележной чеки) обратим в рабство и раздадим по разным местам»[2]. Как сообщает составитель «Сокровенного сказания», все татары ростом выше чекушек были истреблены. По словам Рашид-ад-дина, тогда было решено, «чтобы женщин и малых детей также перебить, а беременным рассечь утробы, дабы совершенно их уничтожить»[3].

Хотя в обоих источниках говорится о полном истреблении татар, однако в действительности вряд ли это имело место. Рашид-ад-дин сам же указывает, что приказ Чингис-хана о полном истреблении татар не был выполнен. «В конечном счете, — пишет

---

[1] Сокровенное сказание, т. I, стр. 113. Рашид-ад-дин, Сборник летописи, т. I, кн. 1, стр. 105—106; ч. II, стр. 92—93.

[2] Сокровенное сказание, стр. 123.

[3] Рашид-ад-дин, Сборник летописи, т. I, кн. I, стр. 106; ч. II, стр. 120.

он, — после гнева Чингис-хана на племя татар и уничтожения их, все же некоторое количество (их) осталось по разным углам, каждый по какой-нибудь причине; детей же, которых скрыли в ордах и в домах эмиров и их жен от некоторых беременных (татарских) женщин, которые избежали смерти, родились дети; (поэтому) племя, в настоящее время считающееся татарским, — из их рода». Много татар откочевали на запад раньше, до разгрома, или были розданы монгольским феодалам, поэтому избежали истребления в 1182 г. «В каждом улусе также существует из этого племени много народа,— сообщает Рашид-ад-дин,— который не стал эмиром, а присоединился к (монгольскому) войску»[1]. В другом месте Рашид-ад-дин, говоря об отомщении татарским племенам за убийство Есукай-Бахадура, пишет: «Впоследствии Чингис-хан ввел в оковы своего порабощения и неволи и полностью все то племя (татар) и много других племен, так что сегодня воочию убеждаешься, что все тюркские племена являются рабами и войском уруга Чингис-хана»[2]. Плано Карпини, передавая рассказ о борьбе Чингис-хана с татарами, также говорит не о полном истреблении татар, а лишь о их порабощении: «Он (Чингис-хан) начал сражаться с су-монгол или татарами... убил их вождя, в продолжительной войне покорил себе всех татар, *привел их к себе в рабство и подчинил*»[3]. Из слов Рашид-ад-дина и Плано Карпини видно, что татары были превращены в рабов монгольских феодалов или сделались простыми воинами монголов, которых монголы заставляли идти впереди монгольских отрядов, брать за них города. Другой западноевропейский путешественник Вильгельм де Рубрук, как и Плано Карпини, отличавший побежденных татар от монголов, писал: «Хингис повсюду посылал вперед татар, и отсюда распространилось их имя, так как везде кричали: «Вот идут татары!». На недавних частых войнах почти все они были перебиты»[4].

Татарские племена, превращенные в раба-крепостного, или простого воина монгольских феодалов, отличались от монголов своей бедностью. «Рядом с моалами, — говорит Рубрук, — были и другие бедняки, по имени татары»[5]. Сами монголы стали презрительно называть татарами все покоренные народы. «Во всех завоеванных царствах они (монголы —М. С.) без промедления убивают князей и вельмож, — писал венгерский монах Юлиан в 1236 г., — которые внушают опасения, то что когда-нибудь могут оказать какое-либо сопротивление. Годных для битвы воинов и поселян они, вооружив, посылают против воли в бой вперед себя. Других же поселян, менее способных к бою, оставляют для обработки земли, а жен, дочерей и родственниц тех людей, кого

---

[1] Рашид-ад-дин, Сборник летописи, т. I, кн. I, стр. 106—107.
[2] Там же, т. I, ч. II, стр. 58.
[3] Плано Карпини, История монгалов, стр. 16, разрядка наша.
[4] Рубрук, Путешествие в восточные страны, стр. 84.
[5] Там же, стр. 94.

погнали в бой и убили, делят между оставленными для обработки земли... *и обязывают тех людей вперед именоваться татарами»*[1].

Когда образовалась Золотая Орда, татарами стали называть и половцев, завоеванных монголами. Здесь впоследствии термин «татары» был закреплен за всеми тюркскими племенами, порабощенными монголами: половцами, булгарами, буртасами, маджарами и самими татарами; самые же монголы, представлявшие небольшую господствующую прослойку, отделяли себя от татар. Рубрук во время своего пребывания в ставках великого хана в Монголии и у хана Золотой Орды, описывая свою беседу с великим ханом Менгу, ханом Золотой Орды Батыем, его сыном Сартаком и другими представителями монгольской аристократии, подчеркивает, что «не желают они называться татарами, ибо татары были другим народом, называли себя моалами, т. е. монголами»[2].

Среди массы «татар» монголы, образовавшие основное ядро, на которых опиралась правящая династия, составляли меньшинство. Основная масса монголов осталась в самой Монголии, и лишь небольшая часть их была «вкраплена» в отдельные монгольские государства в качестве «рассадника» монгольских элементов. Их удельный вес в Джучиевом улусе был даже незначительнее, чем в других монгольских государствах»[3]. По свидетельству Рашид-ад-дина, Чингис-хан выделил в улус своему старшему сыну Джучия только 4000 монгольских семейств[4]. «Сокровенное сказание» приводит несколько большую цифру (9000 юрт)[5]. Н. И. Веселовский вслед за Рашид-ад-дином определял количество монголов в Золотой Орде порядком всего лишь 4000 семейств, обходя указания «Сокровенного сказания», а также преуменьшает численность монголов в войсках самого Батыя, определив их в 30 тыс. человек. Число монгольской части войск Батыя было гораздо больше. По свидетельству Юлиана, в войсках Батыя насчитывалось всего 375 тыс. человек, из которых 240 000 были «рабы не их закона», т. е. не монголы, и 135 000 «отборнейших (воинов) их закона», т. е. монголов[6]. Другой современник, монах Доминиканского ордена Симеон Сент-кентский, участвовавший в первом посольстве к монголам, определяет численность воинов Батыя в 610 тыс. человек, в том числе 160 тыс. монголов[7].

---

[1] С. А. Аннинский, Известия о татарах XIII—XIV вв., Исторический архив, т. III, Изд. Академии наук СССР, 1940, стр. 87. Разрядка наша.

[2] Рубрук, Путешествие в восточные страны, стр. 92.

[3] Н. И. Веселовский, Золотая Орда, Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXIV.

[4] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 33.

[5] Сокровенное сказание, стр. 176.

[6] С. А. Аннинский, Указ. соч., стр. 90.

[7] Языков, Сборник путешествия к татарам и другим восточным народам в XIII—XIV вв., стр. 47.

Татары-монголы пробыли за пределами Руси около двух лет. Разорив ряд стран Западной Европы, Батый летом 1242 г. повернул обратно на восток. Часть войск монголов ушла обратно в Монголию; а с Батыем в Дешт-и-Кипчаке остались лишь улусные люди самого Батыя и его братьев. Численность монголов в Золотой Орде, конечно, не могла ограничиваться 4000 или 9000 семейств. Абулгази, писавший на основании более ранних источников, говорит, что Батый после завершения похода на запад, выделил только двум своим братьям Орда-Ичену и Шайбану по 15 тыс. монгольских семейств, остальные 13 братьев также получили уделы. Следовательно, число монголов не ограничивалось 4000 семействами, но в то же время численность монголов в Золотой Орде была не так уж велика, чем, отчасти, и объясняется быстрое отуречивание монголов в Золотой Орде.

Арабский писатель XIV в. Эль-Омари, отмечая факт быстрой утраты монголами своего монгольского облика, писал: «В древности это государство было страною кипчаков, но когда им завладели татары (монголы), то кипчаки сделались их подданными. Потом они (монголы) смешались и породнились с ними (кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (монголов), и все они стали точно кипчаки, как будто они одного (с ними) рода, оттого что монголы поселились на земле кипчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле их (кипчаков)»[1]. Монгольская прослойка в Золотой Орде, составлявшая господствующее ядро, будучи относительно малочисленной по сравнению с завоеванным им населением,

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сб., т. I, стр. 235. Эти указания Эль-Омари, относящиеся к 40-м гг. XIV ст., подтверждаются свидетельством другого арабского писателя Ибн-Батута, лично посетившего Золотую Орду при хане Узбеке. Говоря о подданных последнего, он называет их не иначе как тюрками, говорящими на тюркском языке, подразумевая под тюркским языком половецкий язык. То, что в Золотой Орде говорили по-половецки, это находит подтверждение и в других данных. Франческо Пеголотти (1340 г.) в своей книге «Торговое дело» (Pratica della Mercatura) советует купцам, едущим по торговым делам в Золотую Орду (в Тану), нанять переводчика.., по меньшей мере, двух хороших слуг, которые хорошо бы знали куманский (т. е. половецкий — М. С.) язык (H. yule, Cathay and the way thither, London, p. 292). Этим же объясняется составление половецкого словаря (Codex Cumanicus) в той же Италии в 1303 г. в качестве руководства венецианским купцам, имеющим торговые дела с Золотой Ордой. Дошедшие до нас литературные памятники Золотой Орды — «Мухаббет намэ» (754 г.) и трактат Мухаммеда, сына Алия Сарайского (759 г). — «Нехжул-Ферадис» и ханские ярлыки написаны на половецком языке; это, конечно, не означает, что в Золотой Орде не говорили и по-монгольски. Монгольская рукопись на бересте, найденная в 1930 г. в пределах Саратовской области и датируемая первой четвертью XIV в., свидетельствует об употреблении в Золотой Орде монгольского языка и о наличии в Орде монгольской литературы (об этом подробно см. Н. П. Поппе — «Золотоордынская рукопись на бересте», Советское Востоковедение, т. II, 1941 г., стр. 126—127). Нам известно также, что Узбек знал монгольский язык, но основная масса говорила не на монгольском, а на половецком языке, принимаемым за татарский язык XIII—XIV в.

согласно Эль-Омари, уже в середине XIV века растворилась среди многочисленных тюркских элементов Дешт-и-Кипчака. Монголы не только приняли половецкий язык и обычаи, но и принуждены были «приноравливаться» к тем производительным силам, которые они нашли в завоеванной стране. Как отмечал Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге», «... в огромном большинстве случаев при прочных завоеваниях дикий победитель принужден приноравливаться к тому высшему «экономическому положению», какое он находит в завоеванной стране; покоренный им народ ассимилирует его себе и часто заставляет даже принять свой язык»[1].

Взаимоотношения кучки монгольской феодальной аристократии с завоеванными народностями и племенами, часто стоявшими по уровню развития выше монголов, естественно, не могли быть прочными. Покоренные народы не могли мириться с рабским положением и вскоре вступили в борьбу за свое освобождение. Об этом свидетельствуют восстания на Руси в 1262 г., охватившие районы Ростова, Ярославля и Суздаля. Поэтому монголы стали искать себе союзника в лице местной феодальной знати и среди местного мусульманского и православного духовенства. С их помощью монголы рассчитывали укрепить и сохранить деспотическую власть ханов над покоренными народами Восточной Руси. Вопрос о том, какой modus vivendi установился, с течением времени, в «Русском улусе» в литературе достаточно изучен.

По свидетельству араба Эль-Омари, подобные же взаимоотношения существовали между правителями черкесов, алан с ханами Золотой Орды. «Они (черкесы, русские и ясы), — пишет Эль-Омари, — не в силах сопротивляться султану этих стран (т. е. Дешт-и-Кипчака — М. С.), и потому (обходятся) с ними как подданные его, хотя у них и есть (свои) цари. Если они обращались к нему с повиновением, подарками и приношениями, то он оставлял их в покое, в противном же случае делал на них грабительские набеги и стеснял их осадами»[2]. В житии Федора Ростиславича Смоленского рассказывается о поездке болгарских князей в ханскую ставку за получением ярлыка, как это делали и русские удельные князья: «Начаша ходити русские князи и болгар в орду к царю, — пишет автор жития, — отчин своих просити у царя на столовании своих»[3].

С. М. Шпилевский, один из крупнейших знатоков истории народов Поволжья, в XIX веке, основываясь на житии Федора Ростиславича, утверждал о существовании вассального Булгаро-жуктенского княжества в составе Золотой Орды. Той же точки

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 185.
[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 231.
[3] Великие Четьи-минеи, сентябрь, день 14—24, 1869, Изд. Археографической комиссии.

зрения придерживается и советский исследователь Х. Гимади[1].

Внимательное изучение текста «Жития», однако, не дает нам утвердительного ответа на вопрос о возможности осуществления вассального булгарского княжества на Каме. Если бы даже это имело место, что весьма сомнительно, то только в самом начале существования Золотой Орды, точнее, в первые годы правления Батыя. По-видимому, в «Житии» речь идет о дунайских болгарах[2]. В сочинении армянского инока XIII в. Магаки говорится о поездке армянского царевича Смбата к Батыю, которого он «пожаловал землей» в качестве ленного владения[3]. В такой же мере можно допустить и существование вассального мордовского княжества. Юлиан передает, что из двух мордовских князей «один князь со всем народом и семьей покорился владыке Татарии». Из свидетельства Рубрука мы узнаем, что у Юлиана речь идет о князе мордвы-мохши («моксел»), правитель которого (его Рубрук называет «государем») со своими войсками участвовал в походе Батыя в Венгрию, где «их государь и большая часть людей были убиты»[4]. Впоследствии в русских летописях неоднократно упоминались мордовские князья, участвовавшие в походах хана в качестве его вассалов, «со своими мордвичами»[5].

Монах Иоганки Венгра, совершавший путешествия к башкирам в письме, датированном 1320 г., сообщает о государе («Principem») «всей Баскардии (Башкирии), зараженом сарацинским заблуждением»[6].

Эти данные в достаточной мере подтверждают факты сохранения монголами представителей прежней династии у русских, черкесов, алан, мордвы, башкир в период образования Золотой Орды. Правда, сохраняя старую династию во главе местной администрации, монголы одновременно ввели для контроля над деятельностью местных вассальных правителей институт баскачества. Случаи сохранения монголами в системе Золотой Орды прежнего управления, существовавшего у покоренных ими народов, говорят о примитивном характере системы управления монголов. Ханы и баскаки зорко следили за деятельностью своих вассалов, проявляя жестокий террор по отношению к местным удельным князьям, сталкивая одного князя с другим в целях «поддержать несогласие между ними, никому из них не давать

---

[1] С. М. Шпилевский, С.-Древние города и другие булгаро-татарские памятники Казанской губернии, 1877, стр. 162. Гимади Х., Народы Среднего Поволжья в период господства Золотой Орды, Материалы по истории татарии, вып. I, 1949, стр. 197.

[2] М. Г. Сафаргалиев, «Один из спорных вопросов истории татар», «Вопросы истории», № 7, 1951 г.

[3] К. Патканов, История монгалов инока Магаки. 1871, стр. 18, 70, 85.

[4] С. А. Аннинский, Указан. соч., стр. 85. Рубрук. Путешествие, стр. 88.

[5] ПСРЛ, т. X, стр. 211; т. XI, стр. 27.

[6] С. А. Аннинский, Указ. соч., стр. 92.

усиливаться»[1]. Но ханом так и не удалось создать устойчивого равновесия сил. Народные движения XIII—XIV вв. пробили первую брешь в монгольском иге и создали условия, облегчившие дальнейшую экономическую и политическую централизацию русских земель.

В тех районах государства, где непосредственно правили сами монголы, был образован ряд самостоятельных улусов во главе с братьями Батыя, которые являлись фактически самостоятельными государями в своих улусах. Как на раннем этапе существования Монгольской державы Чингис-хан, подчиняясь существующему феодальному порядку, раздавал уделы («улусы») своим родичам, так и Батый, вынужденный следовать тому же порядку, стал раздавать улусы своим братьям. Известный историк XVII в. Абулгази в своей «Родословной тюрков» передает интересный факт. После того, как был завершен поход в Восточную Европу и монголы вернулись в Дешт-и-Кыпчак, Батый сказал своему брату Орда-Ичену: «В этом походе ты содействовал окончанию нашего дела, потому в удел (иль) тебе отдается народ, состоящий из пятнадцати тысяч семейств, в том месте, где жил отец твой».

Об уделе («улусе») Орда-Ичена сообщают Плано Карпини и персидский историк Рашид-ад-дин. Плано Карпини, лично посетивший ставку Орда-Ичена, лежавшую на восточных окраинах государства Батыя, помещает ее вблизи «некоего моря», «не очень большого», где имелось «довольно много островков». На берегу этого «моря» находилась «некая большая гора». «Земля же изобилует многими реками, но небольшими; на берегах рек с той и другой стороны стоят леса, но необширные. В этой земле живет Орду, старший над Батыем(?); мало того, он — древнее всех князей татарских; там имеется также орда или двор его отца, в котором живет управляющая им одна из его жен»[2]. Плано Карпини тем самым подтверждает приведенный нами рассказ Абулгази о пожаловании Орда-Ичену удела, «отчины» его отца, т. е. Джучия, где, по-видимому, находилась ставка Джучи в последний период его жизни в 1227 г. К сожалению, Плано Карпини не приводит названия этого «небольшого моря», вблизи которого были расположены владения Орда-Ичена. А. И. Малеин в своих примечаниях к отчету Плано Карпини принял это «некое море» за озеро Байкал. В таком случае путешественники, прежде чем попасть в Каракорум, должны были сделать большой обход на север. Из описания же пути следования Плано Карпини этого не видно. Е. Бретшнейдер, а за ним и академик В. В. Бартольд, принимали это «некое море»

---

[1] K. Marx, Secret Diplomatic History of Eighteenth Century London 1899, p. 78.

[2] Плано Карпини, История монгалов, стр. 51

за озеро Ала-Куль[1]. Вряд ли европейский путешественник мог принять маленькое озеро Ала-Куль за «море». Скорее всего Плано Карпини имел в виду озеро Балхаш, действительно по своим размерам напоминающее море, имевшее до 400 км в длину и до 30 км в ширину. Из описания другого путешественника, Марко Поло, писавшего о владении Койчи, внука Орда-Ичена, видно, что владения Орда-Ичена занимали большую территорию «по большим равнинам и по долинам и высокими горами», тянулись на север по болотистым местам до «страны тьмя», где «всегда темно, нет ни солнца, ни луны, ни звезд...»[2] Следовательно, владения Орда-Ичена надо искать прежде всего в районе озера Балхаш на склонах гор Тарбогатая, где одна из вершин, очевидно, в честь Орда-Ичена носит название Уардатау — гора Орды. В районе Тарбогатая владения Орда-Ичена граничили с Улусом Чегатая и Угедея, простираясь по бассейну реки Иртыша и суживаясь к северу до «страны мрака».

Улус Орда-Ичена, известный в источниках под названием «Синяя Орда», состоял из бывшего удела Джучи, выделенного еще Чингис-ханом. «Резиденция Джучи-хана,— пишет Абулгази,—была в Дешт-и-Кипчаке, в стране, называемой «Синей Ордой»[3]. Орда-Ичен, как младший сын, получив резиденцию своего отца, сделался владельцем Синей Орды и, по монгольским обычаям, закрепил ее за своими потомками. На это указывается и в продолжающей историю Рашид-ад-дина «Муизи», у «Орды были три старшие жены, все три из племени кунграт, сыновей и уруг (его) называют Синей Ордой (Кок-Орда)»[4].

Говоря об Орде-Ичене, необходимо остановиться еще на других частных вопросах. Писатели-современники называют Орда-Ичена старшим сыном хана Джучи, поэтому в исторической литературе он обычно рассматривается в качестве старшего брата Батыя. Между тем, цитированные нами выше авторы, Плано Карпини и Рашид-ад-дин, называют Батыя старшим из рода чингисидов (ака), хотя Орда-Ичен в ту пору был жив. При избрании Гаюка на ханский трон, как указывается в источниках, решение курултая, «вследствие отсутствия его (Батыя) как старшего (ака) из всех родов», не было законным. Перед выборами хана Менгу монгольская аристократия обращается к Батыю с такими словами: «Тебе следует быть царем нашим, т. к. из рода Чингизова нет никого старшего тебя». В обоих случаях Орда-Ичен (который, кстати сказать, присутствовал на церемониале) не называется старшим в роде. Если бы он был старшим из сыновей Джучи, монгольская аристократия должна была называть Орда-Ичена, а не Батыя старшим в роде (ака). Гово-

---

[1] В. В. Бартольд, Очерк Семиречья, 1943, стр. 47, E. Bretschneider, Mediaeval Researches from Estern Asiatie sources, v. 1. 1910, London, p. 125.

[2] Марко Поло, Путешествие, 1940, стр. 260—261.

[3] Abul-Ghazi, Histoire des Mongols et des Tatares, t. 1. p. 172.

[4] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 41.

ря об «Орде», персидские историки к имени «Орда» добавляют слово «Ичен», переводя монгольское слово «ejin» словом «хозяин-владыка». Это прозвище, как правило, у монголов давалось младшему сыну, и последний после смерти отца получал в наследство его «юрт». Так было с Тули, младшим сыном Чингис-хана, который получал после смерти Чингис-хана его «юрт» — удел. Академик Б. Я. Владимирцов, обративший на это внимание, писал: «Младшему сыну доставалось основное имущество отца: он получил в наследство юрту отца и его жен, если их было несколько, с их стойбищами, кочевьями, айлами; младших сыновей поэтому величали «ejin», т. е. «хозяин-владыка». А так как по традиции они являлись хранителями домашнего очага, то их еще называли odcigin, или odjegin, т. е. «князь огня». Б. Я. Владимирцов при этом цитирует следующее место из Рашид-ад дина: «Монгольский обычай есть таков, что меньшего сына называют эджен; по этой причине, что он находится в доме, имущество, хозяйство и домоводство ему назначается. Значение эджен — есть младший сын, который остается в доме, юрте, т. е. «господин огня и юрта»[1]. Мы уже видели, что во владениях Орда-Ичена находился двор его отца (Джучия) и его жены. Из этого можно сделать вывод, что Орда-Ичен, как младший сын Джучи, получил юрт своего отца, как в свое время младший сын Чингис-хана Тули получил в наследство юрт Чингис-хана.

Вслед за Орда-Иченом был выделен улус другому брату Батыя, Шайбану, также участвовавшему в венгерском походе и показавшему «усердие». Батый отдал ему в «удел» («иль») из покоренных им государств область Курал, а из родовых владений — четыре рода: кушчи, найман, карлык и буйрак. При этом Батый сказал Шайбану: «Юрт, в котором ты будешь жить, будет между моим юртом и юртом старшего брата моего Орда-Ичена, летом ты живи на восточной стороне Яика, по рекам Иргиз, Савук, Орь, Илек до горы Урала, а во время зимы в Аракуме, Кара-Кума и побережьях реки Сыр в устьях Чу и Сарису»[2]. Об улусе Шайбана также сообщает и Плано Карпини, назвав его «Сыбаном». Описывая владения сыновей Чегатая, Плано Карпини далее пишет: «с севера же прилегает к ней земли черных Китаев и океан. Там пребывает Сыбан, брат Батыя»[3]. Улус Шайбана на востоке граничил с улусом его брата. Орда-Ичена, где-то у Иртыша, а на западе — с улусом Батыя, где-то у восточных склонов Уральских гор; как и улус Орда-Ичена, улус Шайбана простирался на север до «океана», т. е. до Северного Ледовитого океана. Есть позднейшие предания о пребыва-

---

[1] Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, стр. 54—55.
[2] Aboul-Ghazi, Histoire des Mongols et des tatares, t. 1. p. 181.
[3] Плано Карпини, История монгалов, стр. 51.

нии Шайбана в Сибири, на Иртыше, где позднее его потомки образовали Сибирское ханство[1].

Об улусе Берке нам известно из отчета Рубрука: «У Батыя есть еще брат, по имени Берка, пастбища которого находятся по направлению к железным Воротам, где лежит путь всех сарацинов, идущих из Персии и из Турции; они направляются к Батыю и проезжают через владения Берке, привозят ему дары»[2]. Абульфида при описании Северного Кавказа неоднократно говорит о Северном Кавказе, как о районе, принадлежащем Берке, и называет татар, кочующих на Северном Кавказе», «татарами Берке»[3]. Правда, этот улус существовал недолго из-за бездетности Берке. После его смерти улус был присоединен к общим владениям дома Джучи.

У Абулгази имеется указание еще об улусе Уранг-Тимура, сына Тукай-Тимура, лежавшем в Крыму в районе города Каффи»[4]. Позднейшие исследователи (Хаммер, Ховарс и др.), основываясь на указании Абулгази, сделали вывод о выделении Батыем улуса своему брату Тукай-Тимуру в Крыму и рассматривали Крым как владение потомков Тукай-Тимура[5]. Выделение улуса Тукай-Тимуру не вызывает возражения, но выделение именно Крыма в качестве такого улуса сомнительно. Ни Рубрук, ни Плано Карпини нигде не говорят о принадлежности Крыма Тукай-Тимуру. Скорее всего улус Тукай-Тимура надо искать где-то на востоке, рядом с улусом Орда-Ичена и Шайбана. Рашид-ад-дин называет потомков Тукай-Тимура и Орда-Ичена царевичами левого крыла: «Из войск Джучеивых одною половиною правил он (Орда), — пишет он, — другою — Бату. Он (Орда) с войском и с четырьмя братьями: Удуром, Тука-Тимуром, Шингкуром и Сингкумом составлял левое крыло армии; их до настоящего времени называют царевичами левого крыла. (Еще) и теперь у рук их (братьев Орды) за одно с уруком Орды и юрт его (Орды) и тех братьев (его) и войска их находятся на левом крыле... в пределах Дженда и Узгенда»[6].

Тогда же был выделен улус и другому брату Батыя — Мовалу, деду темника Ногая. В конце XIII века его улус по наследству перешел Ногаю, который управлял владениями, расположенными между Днепром и Днестром. Этого Мовала имеет в виду и Плано Карпини, когда пишет о знатном князе Мауцы, кочевавшем в степях близ Днепра[7]. У нас нет данных об улусах

---

[1] Ежегодник Тобольского губернского музея за 1904 г., Выпуск XIV, стр. 22—23.

[2] Рубрук, Путешествие в восточные страны, стр. 95.

[3] Geographie d'Abulfeada, t. II, p. 283—284.

[4] Aboul-Ghazi, Histoire des Mongols et des tatares, t. I. p. 173.

[5] Hammer-Purgstall, указ. соч., стр. 249 Howarth, Histoiry of the Mongols. II, London 1876. p. 165.

[6] В. Г. Тизенгаузен, т. II, стр. 41—42.

[7] Плано Карпини, Указ. соч., стр. 48.

остальных 9 братьев Батыя, однако, бесспорно, и остальные братья Батыя получили свои уделы — «улусы» и распоряжались ими как своими наследственными владениями. У Рашид-ад-дина, например, имеется намек об улусе брата Батыя Беркачара, когда он говорит о Тахте, который нашел убежище у Беркачара и с помощью его войска добыл себе трон. Из этого можно сделать вывод о наличии улусов и у остальных братьев Батыя, хотя это и не нашло прямого отражения в источниках.

Таким образом, при образовании Золотой Орды Джучиев улус был разделен между 14 сыновьями Джучи в виде наследственных владений.

Каждый царевич, стоявший во главе отдельного улуса, считал себя самостоятельным государем. Рашид-ад-дин, хорошо знавший о взаимоотношениях монгольских царевичей, писал: «С самого начала никогда не случалось, чтобы из урука (потомков) Орды, те, которые заступили его место, являлись к ханам урука Бату, потому, что они находятся далеко друг от друга и *каждый был самостоятельно государем своего улуса*»[1]. Следовательно, каждый из братьев Батыя, стоявший во главе улуса, считал себя государем своего улуса и не признавал над собой никакой власти. Так и случилось позднее, когда государство стало распадаться на новые государственные объединения, но в первый период существования Золотой Орды все же имелось условное единство всего Джучиева улуса.

Цитированный выше Рашид-ад-дин, говоря о потомках Орда-Ичена, которых он называл самостоятельными государями, подчеркивал: «У них (потомков Орда-Ичена) такой обычай, *что они признают царями и правителями своими преемников Бату* и имя их пишут на ярлыках своих сверх»[2]. Из этого вытекает, что братья Батыя, правившие в своих улусах в качестве полусамостоятельных государей, признавали Батыя верховным главой государства. Каждый из них нес определенную повинность в пользу хана и служил ему. «Согласно феодально-родовому началу,—писал академик Б. Я. Владимирцов,—закрепленному в Джасаке (Ясак-Яса) Чингис-хана, все члены ханского рода, все царевичи вместе со своими старейшими вассалами-феодалами должны были служить монгольскому хану, главным образом, в качестве воинов, затем помогать ему в совете, т. е. принимать участие в курултаях и способствовать в начинаниях общего характера, например, в организации почтовых станций (jam), предоставлении подвод, средств передвижения (ula'a ulaga) и т. п. Konsilium et auxilium»[3]. Действительно, когда воз-

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 42, Курсив мой.

[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 42.

[3] Б. Я. Владимирцов, Общественный строй древних монголов, стр. 119.

никла вражда между Батыем и великим ханом Гаюком, братья Батыя со своими войсками поддержали Батыя. Имеется немало данных об участии на курултаях всех царевичей Джучиева дома. При обсуждении вопросов, касающихся всего Улуса Джучиева. Во время неурядиц среди членов Джучиева дома царевичи также собирались на курултаи, «чтобы уладить дело»[1], как это имело место, например, при созыве курултая по требованию владетеля Синей Орды царевича Баяна для восстановления порядка в Джучиевом доме. По мере роста феодальных отношений курултай, потерявший первоначальное свое значение, как пережиток прежних родовых собраний, превратился теперь в собрание членов правящего дома и стал органом, поддерживающим единство государства. Наряду с другими пережитками прежних патриархальных отношений сохранилось и такое, как уважение к старшему в роде. У монголов старший член рода долгое время сохранял право контролировать деятельность своих младших членов. При Чингис-хане и его внуках старший член рода, будь он хан или простой темник, должен был следить за «порядком» в государстве. Старший член рода, как правило, пользовался известными прерогативами перед младшими членами рода: Чегатай, второй сын Чингис-хана, заслужил в свое время недовольствие и гнев отца за оскорбление им старшего своего брата Джучи, несмотря на то, что сам Чингис-хан не питал особого уважения к своему старшему сыну. «Как смеете вы подобным образом отзываться о Чжочи! Не Чжочи ли старший из моих царевичей. Вперед не сметь произносить подобных слов»,— говорил Чингис-хан[2]. Так же поступил и Угедей в отношении своего сына Гаюка за оскорбление Батыя, являвшегося старшим из внуков Чингис-хана[3]. Хотя академик Б. Я. Владимирцов и признает, что пережитки патриархальных отношений начали постепенно исчезать в XIII в.[4], но наблюдения над материалами, относящимися к истории Золотой Орды, показывают живучесть их даже в XIV веке. Примером живучести патриархальных отношений может быть курултай 1242 года, где решения об избрании Гаюка ханом не получили силы из-за неявки Батыя, как старшего члена рода. На курултае при избрании нового хана после смерти Гаюка монгольская аристократия снова обращается к Батыю, как к старшему представителю в роде: «Тебе следует быть царем нашим, так как из рода Чингис-хана нет никого старше тебя». После смерти Батыя старшим из внуков Чингис-хана был Берке, и его старшинство признали не только царевичи дома Джучия, но и остальные внуки Чингис-хана, в том числе и Хулагу, не принадлежавшие к линии Джучи.

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 44.
[2] Сокровенное сказание, стр. 185.
[3] Там же, стр. 194—195.
[4] Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, стр. 50—51

«В виду того, что Беркий был старший в роде (ака),— пишет Раши-ад-дин,— Хулагу-хан переносил (все это), но когда родственников его Тутара, Балагу и Кули постигла беда (смерть), то между ними (Хулагу и Беркаем) появились вражда и озлобление, которые с каждым днем усиливались. Наконец Хулагу-хан сказал: «Хотя он (Беркай) и старший в роде (ака), но так как он далек от пути скромности и мягкости, то обращается ко мне с угрозою и насилием, то далее оказывать ему уважение я не хочу»[1]. Такими же прерогативами старшинства пользовался и темник Ногая после смерти хана Менгу-Тимура. Царевич Тохтай, оспаривавший право на трон, ищет у Ногая защиты, как у старшего в роде. Он писал Ногаю: «Дядины сыновья посягают на мою жизнь, ты старший (и потому) я ищу защиты у того, кто старший (ака), чтобы он меня поддержал и укротил руку, которую родичи протягивают на меня. Пока я буду жив, я буду подвластен старшему (ака) и не стану выходить из пределов угодного ему». В свою очередь, Ногай, осуществляя свое преимущество старшего в роде, говорил царевичу Тохтаю: «У меня есть от Саин-хана (Батыя) повеление, чтобы если в улусу и уроке его кто станет действовать беспутно и расстроит улус, то разузнав, в чем дело, восстановить между ними согласие»[2]. Если на первых порах существования Золотой Орды, когда наследники еще не успели закрепить за собой только что полученных ими уделов, подчинялись хану, то впоследствии, когда Золотая Орда стала независимым государством, а царевичи, в свою очередь, превратились в государей своих улусов, традиции старины отошли в область предания. Обычное право, игравшее на первых порах цементирующую роль, уступило место феодальному праву, при котором сохранение единства Джучиева улуса сделалось невозможным.

Приведенных нами примеров достаточно, чтобы показать примитивный характер государственного строя Золотой Орды в период ее образования. Она делилась на ряд полусамостоятельных улусов во главе с братьями Батыя или с представителями местных династий, оставленных в качестве вассалов Батыя. Эти вассальные улусы, лишь слегка связанные с ханской администрацией, были враждебно настроены по отношению к Батыю. Поэтому, быть может, монголы и применяли жестокий террор, чтобы сохранить единство своего государства. Правда, во время правления ближайших преемников Батыя, им хотя и удалось поднять государственное могущество Золотой Орды, превратив ее в одно из крупных государств средневековья, однако разрушительные силы децентрализации, проявившиеся в начальной стадии ее образования, неизбежно должны были усиливаться в будущем.

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник. т. II, стр. 74.
[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 69.

Глава II

РОСТ ГОСУДАРСТВЕННОГО МОГУЩЕСТВА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ В XIII—XIV вв.

К концу правления Батыя (1256 г.) Золотая Орда все еще оставалась зависимой от коренного юрта монголов, где правил великий хан Менгу, которого царевичи Джучиева дома признавали верховной главой всей монгольской державы. Батый, считавший себя вассалом великого хана, не только чеканил свои монеты с именем Менгу-хана, но и просил великого хана утвердить своего старшего сына Сартака ханом Золотой Орды. Незадолго до смерти Батый отправил Сартака ко двору хана Менгу, чтобы он «по милости Менгу-хана стал на месте отца (своего) Бату». По свидетельству персидских источников, Менгу принял Сартака «с почетом, уважением» и «утвердил за ним власть отца его, как над войсками, так и над странами, ему покоренными, дав ему право называться вторым в царстве и издавать грамоты».

Пока Сартак находился при дворе Менгу, умер Батый. Этим воспользовались брат Батыя и его сторонники. Вместо Сартака на трон был выдвинут Берке, предпринявший меры для устранения Сартака. Он был вызван в ставку Берке. Но осведомленный о планах заговорщиков, Сартак отказался посетить его ставку и тем самым возбудил негодование своего дяди. «Тогда Берка-хан отправил людей к Сартаку (сказать ему): «Я заступаю тебе вместо отца, зачем же ты проходишь точно чужой и ко мне не заходишь?» Когда посланные доставили Сартаку весть Берка-хана, то проклятый Сартак ответил: «Ты — мусульманин, я же держусь веры хрестьянской; видеть лицо мусульманское (для меня) несчастье»[1].

Джузджани, автор «Табикати насери»[2], из которой мы привели этот отрывок, на первый план выдвигает религиозные мотивы. Однако известно, что у монголов первоначально существовала веротерпимость, поэтому было бы неправильным объяснять причины распри, возникшей между Беркой и Сартаком исключительно религиозными мотивами. Берке принял ислам еще при

[1] В. Г. Тизенгаузен, т. II, стр 19.
[2] Составлен около 1260 г.

жизни Батыя, Сартак же сочувствовал христианам, а сам Батый всю жизнь оставался язычником. Однако при жизни Батыя это не вызывало раздоров. Причины начавшегося раздора надо искать в притязаниях Берке на престол Батыя, чем нарушалось завещание Батыя и соглашение Батыя с Менгу-ханом.

Сторонникам Берке все же не удалось тогда посадить его на трон, несмотря на то, что Сартак был убит. Описание этих событий в достаточной мере не отражено в источниках. Джузджани, сообщая об убийстве Сартака, ошибочно приписывает отравление его Менгу-ханом, якобы тайком подославшего своих доверенных людей, которые отравили «проклятого Сартака». Утверждение Джузджани несовместимо с последующей политикой Менгу-хана.

Армянский историк Киракос отравление Сартака приписывает именно сторонникам Берке, и с ним нельзя не согласиться[1]. Когда стало известно о смерти Сартака в коренном юрте, Менгу назначил ханом Золотой Орды не Берка, а сына Сартака Улакчи. Об этом сообщает один из официальных историков монголов Джувейни. «Менгу-хан отправил (в Золотую Орду) эмиров, — пишет Джувейни,— обласкал жен, сыновей и братьев его (Бату) и приказал, чтобы Беракчин-хатун, старшая из жен Бату, отдавала приказы и воспитывала сына Сартака Улакчи до тех пор, пока он вырастет и заступит место отца. Но так как судьбе это было неугодно, Улакчи также умер в этом же самом году»[2].

После смерти Улакчи, Баракчин-хатун, обладавшая, по свидетельству арабских писателей, «обширным умом и умением распоряжаться», решила посадить на престол внука Батыя Тудамингу и тем самым сохранить за собой прежнее положение регентши. Но она не встретила сочувствия со стороны монгольской аристократии Джучиева улуса, поддерживавшей сторону Берке. Это обстоятельство заставило ее обратиться за помощью к хану Хулагу, стоявшему во главе Монгольского государства в Иране. Замыслы Беракчины были раскрыты. Она пыталась бежать в Иран, но при попытке к бегству она была схвачена и казнена. На престол вступил Берке, еще со времени смерти Батыя оспаривавший власть над Золотой Ордой[3].

Победа Берке в значительной мере была облегчена благодаря поддержке его кандидатуры со стороны мусульманских купцов, привлеченных еще при Батые золотоордынской администрацией в качестве откупщиков дани. Одновременно он нашел поддержку мусульманского духовенства Хорезма и Булгара,

---

[1] К. Патканов, История монголов по армянским источникам, ч. 1, 1873, стр. 87.

[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 22.

[3] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. 1, стр. 150—151 и 378. Хронологические даты событий, происходивших в Орде, начиная со смерти Батыя и до вступления на престол Берке, у разных источников различны. По русским летописям, вступление на престол Берке произошло в 1258 году.

желавшего видеть на троне не язычника, а стронника магометанской религии. Со вступлением на престол хана Берке мусульманские купцы действительно получили доступ ко всем государственным учреждениям, а перед мусульманским духовенством открылось широкое поле для миссионерской деятельности. Вскоре после восшествия на престол Берке начался массовый переход правящей аристократии от шаманства к мусульманству.

Принятие ислама, бесспорно, имело большое политическое и культурное значение для господствующего класса. С принятием ислама в Золотой Орде получила большое распространение в Дешт-и-Кипчаке сравнительно высокая арабская культура. Однако при переходе к новой религии монгольская аристократия прежде всего интересовалась политическими выгодами, поскольку новая религия помогала монгольским феодалам укреплять свое положение. Ислам, внушавший народным массам основное положение Корана —«повинуйтесь богу и тем, кто имеет власть» оправдывал и защищал эксплуатацию зависимого населения монгольскими феодалами. Мусульманское духовенство своими проповедями о необходимости «повиноваться богу» и всем «власть имущим» способствовало усилению господствующих классов и, в первую очередь, власть самого хана.

Правительство Берке с тех пор, как упрочилась власть нового хана, начало борьбу за усиление военно-политического могущества Джучиева улуса среди остальных монгольских государств. Тем более, что после смерти великого хана Менгу (в 1259 г.) для этого создалась весьма благоприятная обстановка: в коренном юрте монголов после смерти Менгу два его брата Арык-Буга и Хублай начали оспаривать друг у друга права на трон Чингис-хана. Арык-Буга был объявлен великим ханом на курултае Каракорума, Хублай был провозглашен великим ханом монголов в Пекине. Между обоими претендентами началась ожесточенная борьба за власть, в которой принял участие и Берке, ставший на сторону Арык-Буга[1]. Несмотря на то, что войска Берке и Арык-Буга в одном из сражений разбили Хублая, Хублай добился на курултае признания себя великим ханом.

Берке оставался единственным царевичем из внуков Чингис-хана, отказавшимся признавать Хублая верховным владыкой Монгольской империи и стал действовать самостоятельно, порвав связи с великим ханом. Стремление Берке к превращению Джучиева улуса в самостоятельное государство отразилось на чеканке монеты. Когда Золотая Орда была зависима от коренного юрта, как это было при Батые, золотоордынская монета чеканилась с именем великого хана Менгу. Сам Берке тоже чеканил монеты с именем Арык-Буга. Но как только Хублай стал вели-

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 188.

ким ханом, Берке отказался чеканить монеты с именем великого хана, что было равнозначно непризнанию верховной власти Хублая. В то же время независимость улуса еще не была признана остальными монгольскими царевичами, поэтому свои монеты Берке стал чеканить с именем последнего халифа Насыр-ад-дина, подчеркивая этим, что он, Берке, признает над собой только духовную власть халифов[1].

Перенесение Хублаем столицы монгольских ханов из Каракорума в Хамбалык (Пекин) еще больше содействовало превращению Джучиева улуса в независимое государство. С перенесением столицы в Пекин улусы Монгольского государства оказались оторванными от коренного юрта, и связь между центральной администрацией и администрацией улусов фактически перестала существовать. Правительство хана Берке воспользовалось этой благоприятной обстановкой для усиления государственного могущества Золотой Орды, и без того же являющейся одним из крупнейших государственных объединений, образованных монголами. Пользуясь слабостью других монгольских государств, правительство Берке начинало вмешиваться в дела улусов Чегатая и Хулагу. Так, например, есть указания в источниках об ограблении христианской части населения Самарканда и Бухары войсками Берке, хотя Джучи не имели никакого отношения к этим городам, принадлежавшим потомкам Чегатая[2]. Особенно агрессивной была политика Берке по отношению к только что образованному улусу Хулагу. Она завершилась в конце концов войной[3].

Об этой войне, продолжавшейся почти 100 лет, сохранилось достаточно сведений в сочинениях арабских, персидских и армянских историков, но причины войны все же раскрыты недостаточно. Арабский писатель Эльмуфадаль считал главной причиной отказ Хулагу от уплаты дани, собираемой в Иране и Азербайджане в пользу дома Джучи по обычаю монголов. «Обычай же этот заключается в том,—пишет он,—что всё добытое в землях, которыми они (татары) овладели и над которыми они властвовали от реки Джейхуна на запад, собиралось и делилось на пять частей; (из них) две части (отдавались) Великому хану, две части — войску, а одна часть — Дому Батыеву. Когда Бату умер и на престол вступил Берке, то Хулагу удержал долю его»[4]. По свидетельству же другого арабского историка Ибн-Касира, Берке требовал от Хулагу, чтобы он отдал ему «часть тех стран, которые он (Хулагу) завоевал, и тех денег да плен-

---

[1] К. Патканов, История монголов по армянским источникам, ч. 1, стр. 62—63.

[2] W. Barthoid, Berke, Enzycloraedie des Islam.

[3] См. подробно об этой войне у Али-Заде, Борьба Золотой Орды и государства Ильханов за Азербайджан. (Сборник статей по истории Азербайджана, вып. 1, 1949 г., Баку).

[4] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. 1, стр. 188.

ных, что он захватил, как это у них был обычай. Тот убил послов его, тогда усилился гнев Берке»[1].

Персидский историк Вассаф, живший при дворе монгольских ханов в Иране и, следовательно, хорошо осведомленный о событиях того времени, говорит о претензиях Берке на владение Хулагу — на Арарат и Азербайджан, что и послужило «причиной раздора и поводом к озлоблению»[2]. По Рашид-ад-дину, «раздоры возникли из-за своевластия Берке, который «постоянно отправлял послов к Хулагу-хану и всячески высказывал своевластие»[3]. По словам Рашид-ад-дина, в Иране Берке удерживал преднамеренно несколько царевичей Джучиева улуса и, опираясь на их войско, хотел отторгнуть у хулагидов Арарат и Азербайджан. Один из этих царевичей, Полакай, «задумал обман и коварство против Хулаг-хана и прибегнул к волшебству», за что Хулагу казнил его, вместе с ним были казнены и другие татары[4]. Убийство царевичей Джучиева дома в Иране лишь ускорило войну, начавшуюся в 1262 году.

Война между ханами Золотой Орды и хулагидом привела к сближению хана Берке с мамлюкскими султанами в Египте. Египетские султаны, ожидавшие вторжения хулагидов в Сирию и Египет, заключили военный союз с Берке против Хулагу. Некоторые арабские писатели (Ибн-Абдезаххир и Руккеддин Бейбаре) приписывают инициативу сближения Берке с Египтом султану Эльмелику-эз-Захеру, подстрекавшему хана Берке против Хулагу, с целью вызвать раздоры среди монголов[5]. Другие арабские историки (Ибн-Василь и Эльмуфаддаль и др.) считают организатором этого союза хана Берке. Берке «послал к Эльмелик-эз-Захеру, властителю Египта (послов), сказать ему (следующее): «Мы с востока, а ты с запада, (сообща) захватим в плен войско Хулагуна и из них не оставим ни одного человека». Эльмелик-эз-Захер одобрил это, и дело между обоими царями уладилось...»[6]. Этот союз с Египтом имел для ханов Золотой Орды большое значение: он способствовал установлению культурных и экономических связей между обоими государствами.

Одновременно с агрессией против хулагидов на Кавказе Берке предпринял ряд таких же мер и по отношению к Византии, только что восстановленной Михаилом Палеологом. Начиная с 1262 г., войска Берке периодически опустошали владения Византии, союзницы Хулагу. В 1265 г. Берка снарядил войско для завоевания Константинополя, но эта затея не осуществилась вследствие смерти хана.

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 275.
[2] Там же, т. II, стр. 81.
[3] Там же, стр. 74.
[4] Там же, стр. 68.
[5] Там же, Сборник, т. I, стр. 53—98.
[6] Там же, Сборник, т. I, стр. 53—98.

Произошли ли какие-либо изменения в Джучиевом улусе при хане Берке? Для решения этого вопроса мы не имеем достаточных данных. Согласно данным Абулгази, в улусах, где непосредственно правили сыновья Джучи или его внуки, за этот период не произошло особых изменений. «Когда Берке стал ханом,— писал Абулгази,— он утвердил за всеми старшими и младшими братьями те уделы, которые были даны им Бату ханом»[1]. Из этого следует, что в отношении улусов, отданных братьям Батыя, и в их управлении все осталось по-старому. Но в тех улусах, где в качестве вассалов хана правили представители местных династий, по-видимому, произошли некоторые изменения, направленные если не к ликвидации, то, по крайней мере, к ограничению прав местных династий.

Ко времени правления хана Берке относится, во-первых, проведение переписи (1257—1259 гг.) всего податного населения на Руси и в других улусах, во-вторых, учреждение постоянной военно-политической организации монголов в каждом подчиненном монголам улусе в лице десятников, сотников, тысячников и темников. К этому же периоду А. Н. Насонов относит появление на Руси института баскаков — наместников хана, посаженных в отдельных удельных княжествах для контроля над деятельностью удельных князей. Однако утверждение А. Н. Насонова, будто организация военно-политических органов на Руси принадлежит не хану Берке, а великому хану, правившему в Каракоруме,[2] не имеет под собой почвы. Баскаки на Руси появляются еще до хана Берке — при Батые, как на это указывает Плано Карпини. Десятники, сотники, тысячники и темники появились при хане Берке для поддержания баскаков в качестве внутренней государственной охраны на Руси и в других улусах. С введением внутренней охраны усилился контроль над деятельностью вассальных владетелей на местах, в некоторых же улусах представители местной династии совсем были ликвидированы. Так, например, в Булгарах, где в бытность Батыя сохранялись еще подчиненные ему представители старой царской династии, при хане Берке местная администрация была уничтожена, и булгары управлялись непосредственно самим ханом. Марко Поло ни разу не говорит о булгарских князьях или царях, правивших хотя бы в качестве вассалов хана, в то же время он упоминает о пребывании хана Берке в столице булгар — Великих Булгарах. То же самое можно сказать и о Мордовии, где до Берке имелся представитель местной власти из мордвы.

Берке умер в 1266 году. После его смерти на золотоордын-

---

[1] Абулгази бахадур хан. «Родословное древо тюрков». Перевод Г. С. Саблукова, Казань, 1906, стр. 151.

[2] А. Н. Насонов, Монголы и Русь, стр. 15—16, 51.

ский престол был посажен внук Батыя Менгу-Тимур[1]. К моменту воцарения Менгу Тимура Золотая Орда по существу превратившаяся в самостоятельное государство, формально все еще оставалась зависимой от великого хана Хублая, считавшего себя верховным владыкой всего Монгольского государства. По словам Рашид-ад-дина, хан Хублай «пожаловал улус Джучи Менгу-Тимуру», как своему вассалу, несмотря на то, что Менгу-Тимур, как и его предшественник, не признавал над собой власти великого хана и даже поддерживал Хайду, претендента на престол Чингис-хана.

При правлении хана Менгу-Тимура (1266—1282 гг.) Золотая Орда, еще при хане Берке фактически ставшая независимым государством, свою независимость закрепила и юридически. Одной из таких мер, направленных на юридическое оформление независимости Джучиева улуса, была чеканка монеты с именем Менгу-Тимура. Когда ханы улуса Джучи были зависимы от великих ханов, они чеканили свои монеты с их именем. Батый чеканил монеты с именем Менгу-хана, Берке—с именем Арык-Буга хана. Менгу-Тимур же был первым из ханов Золотой Орды, чеканивший монеты со своим именем. До нас дошли его монеты крымской чеканки 665/1266 года и булгарской чеканки 672/1273 год с эпитетом «верховного» и «правосудного» хана[2].

Превращение Золотой Орды в независимое государство отразилось не только в чеканке монет, но и в других мероприятиях хана. В 1267 г. Менгу-Тимур первый из ханов дает ярлык русскому духовенству, освободивший митрополита от целого ряда повинностей и урегулировавший взаимоотношения русской церкви с ханами Золотой орды[3]. Деятельность хана, действовавшего в качестве самостоятельного государя, не ограничивается этими двумя фактами. Очевидно, от него же получили ярлык генуэзские купцы при основании своей фактории в Крыму (Каффа) в 1266 г.[4]. Сохранился ярлык хана на имя великого князя Ярослава Ярославича об открытии «пути» немецким купцам из Риги на беспрепятственный проезд рижан через Новгородскую землю в Золотую Орду. В этом ярлыке Менгу-Тимур предлагал Ярославу Ярославичу дать «путь немецким гостям на свою волость и всем рижанам, кто гостит по (его) волости»; спустя четыре года хан разрешил тем же гостям гостити по Суздальской земле без рубежа по цареве грамоте[5].

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 171. Условия воцарения Менгу-Тимура, внука Батыя, сына Тукана нам неизвестны. У Берке был сын, которого вылечил ростовский архиепископ Кирилл, но его судьба нам также неизвестна. («Православный Собеседник», 1859, март, стр. 360).

[2] П. С. Савельев, Монета Джучидская..., стр. 270.

[3] М. Д. Приселков, Ханские ярлыки русским митрополитам, 1916, II, стр. 83.

[4] Spuler, указ. соч. стр. 392.

[5] Русско-ливонские акты, 1868, СПБ, стр. 13—14; М. Н. Бережков, О торговле Руси с Ганзой до конца XV века, 1879, СП, стр. 187.

Установление нормальной связи с генуэзскими и венецианскими купцами на Черном море, а также немецкими на Балтийском море, бесспорно, способствовало развитию торговых связей, сыгравших большую роль в обмене культурными ценностями между Западом и Востоком. Вмешательство Менгу-Тимура в дела улуса Чегатая, по-видимому, также было вызвано стремлением обезопасить пути караванной торговли на Востоке, которым угрожала опасность со стороны правителя улуса Чегатая — царевича Барака, вступившего на путь «несправедливости и произвола», опустошившего Среднюю Азию «посредством грабежа». Разорение Бараком крупного торгового центра, каким тогда являлся Самарканд, наносило большой удар по восточной караванной торговле, что, естественно, затрагивало и интересы золотоордынской торговли. По инициативе Менгу-Тимура был заключен союз с внуком Угедея Хайду, который вскоре после этого послал против Барака своего дядю Беркечара с пятидесятитысячным войском. Разбитый в сражении, Барак вынужден был явиться на курултай и принял условия, продиктованные Менгу-Тимуром.

На курултае 1269 года, состоявшемся на реке Таласе, был установлен мир между улусами Джучи, Угедея и Чегатая и уточнены границы каждого из этих улусов: две трети Мавераннахра были оставлены за Бараком, а одна треть была разделена между Хайду и Менгу-Тимуром. На том же курултае, по предложению Менгу-Тимура, был заключен союз между «домами» Джучи, Угедея и Чегатая против иранских хулагидов, с которыми Золотая Орда еще со времени хана Берке находилась в состоянии войны. При наличии этого союза отпала, таким образом, угроза образования коалиции монгольских правителей против Золотой Орды[1].

Решение курултая 1269 года имело исключительно важное значение для дальнейшего развития улусов Джучи, Чегатая и Угедея. По этому решению курултая они были признаны в качестве самостоятельных государств. Их независимость была юридически оформлена и закреплена общим договором — решением курултая, освободившим дома Джучи, Чегатая и Угедея от посягательств потомков Тули.

Закрепив внешне политический успех Золотой Орды решением курултая 1269 года, правительство Менгу-Тимура также предприняло ряд мер, направленных на укрепление власти хана в самом Джучиевом улусе. Ханы Золотой Орды хотя и установили свою власть во всех завоеванных ими областях, но в некоторых районах эта власть считалась лишь номинальной, так, например, на Кавказе. Несмотря на то, что после завоевания его монголами прошло более 30 лет, многочисленные племена алан (ясы) и черкасы (кабардины) отказывались повиноваться

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 76—78.

монголам. Как передает Рубрук, аланы, жившие в горах Кавказа, часто «выходили из гор для похищения их (монголов) скота на равнинах», поэтому Сартак вынужден был держать своих воинов в многочисленных горных ущельях[1]. Ясы и черкасы оставались непокоренными, поэтому в 1277 году Менгу-Тимур организовал против них поход. Зимой 1277 года войска хана вместе с войсками русских князей совершили поход против алан (ясов). 8 февраля 1277 г. «пойдоша ко ясьскому городу ко славному Дедякову и взяша его... и многу корысть и полон взяша, а противных избиша бесчисленно, град же огнем пожгоша»[2]. Вместо сожженного города Дедяково, расположенного на западном берегу реки Терека, Менгу-Тимуром был построен новый город Дедяково на восточном берегу Терека. Вместе с Дербентом и Маджаром новый Дедяково стал опорным пунктом монголов на Кавказе, закрепив власть ханов Золотой Орды в «Аланских воротах»[3].

Кроме покорения алан (ясов) и черкесов, Менгу-Тимур организовал ряд других таких же успешных походов. Абулгази сообщает о походе Менгу-Тимура на «царство болгарское»[4], не указывая, однако, о каких болгарах в данном случае идет речь — камских или болгарах дунайских. Историки Поволжья С. М. Шпилевский, а за ним Х. Гимади связывают поход с камскими булгарами[5]. По нашему мнению, в данном случае Абулгази имеет в виду поход монголов против дунайских болгар, точнее, о посылке темника Ногая на подавление восставшего против татар Лахана. Х. Х. Гимади, оспаривая эту точку зрения, никаких веских доводов не приводит[6]. Даже независимо от того, был ли предпринят поход против камских булгар или дунайских, в обоих случаях речь идет о репрессивных мерах хана против одного из своих вассалов.

Для изучения вопроса о взаимоотношениях хана с его вассалами значительный интерес для историка представляет факт, приводимый одним лишь Абулгази, а именно, пожалование Менгу-Тимуром Крымского полуострова царевичу Уран-Тимуру, сыну Тукай-Тимура[7]. Владения Тукай-Тимура и его потомков, как уже было отмечено, лежали на востоке рядом с Синей Ор-

---

[1] В. Рубрук, Путешествие в восточные страны, стр. 169.

[2] ПСРЛ, т. XXV, стр. 152.

[3] М. Г. Сафаргалиев, Где находился золотоордынский город Дедяково?, Ученые записки Мордовского пединститута, в. 4, 1956. Саранск, стр. 134.

[4] Abul. Gyhazi, Histoire des Mongols et des Tatares, t. 1, p. 173.

[5] Х. Х. Гимади, Народы Среднего Поволжья в период господства Золотой Орды, Материалы по истории Татарии, 1948, Казань, стр. 216.

[6] М. Г. Сафаргалиев, Один из спорных вопросов истории татар. «Вопросы истории», № 7 за 1951 г., стр. 78. См. также возражения Х. Х. Гимади, О некоторых вопросах истории Татарии, «Вопросы истории», № 12 за 1951 год.

[7] Abul. Gyhazi, Histoire des Mongols et des Tatares, t. 1, p. 173.

дой. Если действительно Уран-Тимуру был пожалован удел в Крыму[1], то в этом нужно видеть одно из мероприятий хана, направленного на ослабление власти царевичей Джучиева улуса в пределах своего собственного улуса. Каждый царевич, получая в наследство отцовский удел, стремился усилить свою власть на месте и стать, таким образом, конкурентом хана; с перемещением в другой удел он терял связь с местной аристократией и на новом месте не мог быть опасен хану. Насколько эта политика оправдала себя, из-за отсутствия других данных, решить трудно. Во всяком случае, факт перемещения царевичей из одного улуса в другой свидетельствует о некоторых мероприятиях ханской власти в области внутренней политики, имевших своей задачей ослабление власти отдельных царевичей и укрепление власти хана Золотой Орды.

Однако, начавшаяся после смерти Менгу-Тимура феодальная война между царевичами Джучиева дома сильно поколебала власть ханов и остановила намечавшееся развитие монгольской державы к централизованной монархии. На определенном этапе развития феодального общества противоречие между силами притяжения и отталкивания перерастает в феодальную войну, представлявшую неизбежное явление периода феодальной раздробленности. Феодальная война в Золотой Орде разгорелась в третьей четверти XIII столетия.

Начальной ее датой служит смерть Менгу-Тимура (1282 г.). Как передает Марко Поло, после смерти Менгу-Тимура престол должен был перейти к молодому царевичу Туля-Бугу, сыну старшего брата Менгу-Тимура, но ему не пришлось царствовать. По настоянию Ногая на престол был посажен Туда-Менгу, брат умершего хана Менгу-Тимура[2], чем и было нарушено завещание хана о престолонаследии. Это и послужило одной из причин смуты в Джучиевом улусе. Безвольный хан Туда-Менгу не играл никакой роли в государственном управлении. В отличие от своего предшественника, он больше всего увлекался факирами, «богомолами». Зато несравнимо выросла роль темника Ногая, руководившего всеми делами государства.

Исключительное положение Ногая, самоустранение слабохарактерного хана от решения государственных дел вызвало недовольства со стороны многочисленных царевичей — братьев и сыновей Менгу-Тимура. «Туда-Менгу,—пишет Бейбарс,—обнаружил помешательство и отвращение от занятий государственными делами, привязался к шейхам и факирам, посещал богомолов и благочестивцев, довольствуясь малым после большого. Ему сказали, коли есть царство, то необходимо, чтобы им

---

[1] Подобное пожалование вполне возможно, т. к. позднее Крым считался юртом Тохтамыша, Тохтамыш же происходил из потомков Тукай-Тимура.

[2] Марко Поло, Путешествия, 1940, стр. 270—271.

правил царь. Он указал на то, что он уже отрекся от него (царства) в пользу братнина сына своего Туля-Буга, за что его душа обрадовалась этому. И согласились с ним жены, братья, дяди, родственники и приближенные. Царствование его продолжалось около 5 лет»[1]. Согласно Рашид-ад-дину, сыновья Менгу-Тимура-Алгу и Тогрыл, а также сыновья Тарбу, старшего сына Тагу-Хана-Туля-Бука и Кунчек свергли с престола Туда-Менгу и сообща в течение 5 лет управляли государством[2]. Арабские писатели, сообщающие о низложении Туда-Менгу в 686(1287) году, ни одним словом не обмолвились о подобной организации управления государством. В русских летописях и в польских хрониках также нет никаких сведений о совместном правлении царевичей. Западноевропейские источники Туля-Бугу обычно называют «императором»[3].

Вопреки надеждам Ногая молодой хан с самого начала своего правления обнаружил задатки самостоятельного правителя. Поэтому отношения между ними испортились уже в самом начале царствования Туля-Буга. Уже во время похода на Венгрию и Польшу в 1287 г. между ними произошли серьезные разногласия, поэтому Ногай решил устранить своего ставленника.

Поход этот, подробно описанный в арабских и польских хрониках, а также в русских летописях, закончился удачно. Монголо-татары добрались до Пешта, разорили Польшу и угнали с собой большое количество пленных. На обратном пути в Орду Ногай, обманув хана, ушел через Брашов в свои владения на Дунай, Туля-Буга, оставленный Ногаем, шел по незнакомым дорогам и после двадцатидневного скитания в горах, потеряв от холеры и голода, по данным русских летописей, до 100 тысяч воинов[4], и «заподозрил Ногая в том, что всё это случилось по его козням и интригам, из-за того, чтобы погубить войско его и извести род его. В него закралась вражда и вселилась злоба за то, что его и войско его постигла сильнейшая беда»[5]. Вражда между ханом и его темником перешла в открытую борьбу. «Утверждалась между тем и другим ненависть,—писал Руккеди Бейбарс, — и ухудшились мысли его (Тула-Буги) к нему (Ногаю) и решился погубить его и согласил на это находившихся при нем (Тула-Буге) друзей своих и сыновей Менгу-Тимура, приставших к его отряду». Но Ногай, более «опытный и искусный в устройстве козней», успел установить тайную связь с царевичем Тохтой, оспарившим власть у Туля-Буга. В то же время он обманул мать хана, попросив ее быть посредницей

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. 1, стр. 105—106.

[2] Там же, т. II, стр. 69.

[3] Bratianu, Actes des notaires Genvo is de pera et de Caffa, de la fin treizieme siele (1281—1290), Bucarest, 1927, p. 272.

[4] Н. И. Веселовский, Хан из темников Золотой Орды. Ногай и его время, стр. 20.

[5] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 106.

между ним и ее сыном. «Сын твой еще царь молодой,— говорил он,— и я хочу наставить его и научить приемам, полезным для установления порядков и определения внешних и внутренних дел его, но мне нельзя взяться за это иначе, как в уединенном месте, куда не забрался бы никто кроме него; я желаю встретить его с небольшим числом людей, и чтобы около него не было никого из тех войск, которые он собрал вокруг себя». Введенная в заблуждение мать хана уговорила сына отправиться на свидание с Ногаем с небольшой свитой. Прибывший на место свидания Туля-Буга был окружен отрядом Ногая и выдан царевичу Токтаю. Отдавая на расправу царевичу Токтаю хана Туля-Буга, Ногай сказал: «Вот этот завладел царством отца твоего и твоим царством, а вот эти сыновья отца твоего согласились с ним схватить и убить тебя. Я отдаю их в твои руки; умертви их, как хочешь». Им покрыли головы и переломили спины. Это были Туля-Буга, Алгуй, Тагруджа, Малаган, Кадан и Куту-гак, сыновья Менгу-Тимура»[1].

Рашид-ад-дин, передавая тот же рассказ, подчеркивает роль Токтая в организации заговора. Арабские писатели об этом умалчивают. По словам Рашид-ад-дина, Токтай обратился к Ногаю, как к старшему в роде: «Дядины сыновья посягают на мою жизнь, ты старший (и потому) я ищу защиты у того, кто старший (ака), чтобы он меня поддержал и укоротил руку, которую родичи протягивают на меня. Пока я буду жив, я буду подвластен старшему (ака) и не стану выходить из пределов, угодных ему». Чтобы устранить с дороги Туля-Бугу и его сторонников, Ногай, пользуясь своим правом старшего рода, предложил созвать курултай: «Приходит пора старости; я прекратил споры, несогласия и враждебные действия, ни с одной душой не имею пререканий и помыслов о войне, но у меня есть от Сайн-хана повеление, чтобы, если в улусе и уроке его кто станет действовать беспутно и расстроит улус, то разузнав, в чем дело, восстановить между ними согласие». Когда царевичи собрались на курултай, Ногай сказал им: «О, дети, я служил отцам вашим и, как в старину, так и недавно, оказал разные услуги; поэтому вам не мешает выслушать мои беспристрастные слова, чтобы я мог заменить вашу вражду истинным согласием». В то время как Ногай «своими льстивыми речами, усыпляя бдительность сыновей (Тарбу и Менгу-Тимура), вдруг Токтай подоспел с несколькими тысячами, захватил этих царевичей и немедленно погубил их»[2]. В какой мере приведенный нами рассказ Рашид-ад-дина соответствовал действительности, судить трудно, но так или иначе Туля-Буга был устранен, замснен царевичем Токтой, которому в 690 (1291) году «Ногай вручил... царство и утвердил его за ним»[3].

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 107—108.
[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 69—70.
[3] Там же, т. I, стр. 108.

Взаимоотношения между ханом Токтаем и Ногаем вначале были вполне дружескими, но когда Токтай, закрепивши за собой престол, «стал царствовать единодержавно на престоле Джучи», взаимоотношения хана с Ногаем обострились. Руккеддин Бейбаро, объясняя причину вражды, указывал: «Ногай долгое время был правителем царства, неограниченно распоряжавшимся Берковичами, смещал тех из царей их, кто ему не нравился, и ставил (тех), кого сам выбирал, ... да хотел, чтобы это так продолжалось (и впредь), и чтобы он (Ногай) оставался правителем этих стран. Но Тахте не понравилось быть подвластным ему, он старался сразиться с ним и хлопотал о войне с ним»[1].

Деятельность Ногая, занявшего в Орде равное с ханами положение, в достаточной мере изучена архимандритом Леонидом, а также Н. И. Веселовским. Ногай, происходивший от седьмого сына Джучи Мувала Бувала (Бувалай), принадлежал к числу тех потомков Джучи, отцы которых в прошлом никогда не занимали ханского трона. Отец Ногая, Тутар, посланный Батыем к Хулагу в Иран, в качестве представителя Дома Джучи, был заподозрен в огранизации заговора на жизнь Хулагу и казнен в числе других золотоордынских царевичей[2]. Когда началась война с Хулагу, Ногай был поставлен ханом Берке во главе золотоордынского войска, отправленного в 663 (1264—1265) гг. против Хулагу. Ногай разбил Хулагу «и (с тех пор) усилилось значение его (Ногая) у него (Берка) и возвысилось положение его»[3]. Поставленный «над несколькими тьмами» монгольских войск, расположенных на юго-западных окраинах Джучиева улуса, вскоре Ногай, по словам Пахимера, сделался «могущественнейшим мужем из тохаров (татар), занял в Орде почти равное с ханами положение». О возвышении Ногая на этих окраинах государства византийский историк Пахимер писал: «Будучи послан от берегов Каспийского моря начальниками своего народа, носившими название ханов, с многочисленными войсками из туземных тохарцев, которые назывались монголами, напал на племена, обитавшие к северу от Евксинского (Понта), издавна подчинявшиеся римлянам, но по взятии города латинянами и по причине крайнего расстройства римских дел, отложившиеся от своих владык, управляющиеся самостоятельно. При первом своем появлении Ногай взял те племена и поработил. Видя же, что завоеванная земля хорошая, а жители легко могут быть управляемы, он отложился от... ханов и покоренный народ подчинил собственному своему владычеству»[4]. Пахимер не указы-

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 111, том II, стр. 70.

[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 57. Н. И. Веселовский, Хан из темников Золотой Орды, Ногай и его время, стр. 2—3.

[3] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 153.

[4] Пахимер, История о Михайле и Андронике Палеологах, т. I, 1862, стр. 316; Н. И. Веселовский, Хан из темников Золотой Орды, Ногай и его время, стр. 28.

вает место нахождения владений Ногая после его отложения от ханов. Сведения о расположении земель Ногаева улуса имеются у Рашид-ад-дина. Чтобы попасть в его владения, надо было переправиться через реку Узи (Днепр), тарку (Днестр), где и «находился старинный юрт Ногая»[1] с центром Исакчи на реке Дунае[2]. Должно быть, при распределении улусов Батыем его брат Мувал (Бувалай), дед Ногая, получил эту часть Джучиева улуса в качестве наследственного владения. При последующих ханах владения Ногая расширились за счет близлежащих земель от Дуная до Днепра. Ему же принадлежали и «земли Крымские», не то захваченные им, не то подаренные ему ханом Токтаем. Подати, собиравшиеся с жителей Крыма, одно время шли в пользу Ногая[3]. Из своих владений без особых затруднений Ногай мог выставить до 30 туманов (т. е. 300000) воинов, состоявших из монголов, половцев, аланов и русских[4].

Пахимер не сообщает ни имени хана, который послал Ногая на завоевание Причерноморья, ни времени его отложения от ханов Золотой Орды. Архимандрит Леонид относил отделение Ногая к 1270 году[5]. Как известно, тогда ханом Золотой Орды был Менгу-Тимур, один из могущественнейших ханов, при котором Золотая Орда стала самостоятельным ханством. Трудно допустить, чтобы Менгу-Тимур, так удачно отстаивавший независимость своего государства, мог позволить Ногаю отделиться от Золотой Орды. На это нет никаких намеков и в сочинениях арабских и персидских писателей, писавших о событиях 70-х гг. XIII в. Даже в начале царствования Туля-Буга, Ногай был зависимым от хана: по приказу последнего он принимал участие в венгерском походе 1287 г. Ссора Ногая с ханом началась во время венгерского похода и особенно обострилась в последующие годы. Наивысшего своего могущества Ногай достиг в первые годы правления хана Токтая вначале 90-х гг., тогда, по-видимому, и произошло отпадение Ногая от ханов Золотой Орды.

У арабских и персидских авторов, равно как и в русских летописях, Ногаю дается титул «царя» («мелек»). Историки, изучавшие деятельность Ногая (архимандрит Леонид и А. К. Марков), считают Ногая царем, т. е. ханом Золотой Орды. А. К. Марков приписывал Ногаю чеканку нескольких анонимных монет, выбитых в Крыму в 90-х годах XIII столетия[6]. Однако эти утверждения были отвергнуты Д. В. Смирновым и Н. И. Веселовским. Последний в своем исследовании «Хан из темников

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 71.

[2] Там же, том I, стр. 117.

[3] Там же, том I, стр. 111.

[4] Там же, том II, стр. 71.

[5] Архимандрит Леонид, Хан Ногай и его влияние на Россию и южных славян, Чтение в ИОИДР, 1863, книга 3, стр. 37.

[6] Арх. Леонид, Хан Ногай и его влияние на Россию и на южных славян, стр. 30; А. К. Марков, О монетах хана Ногая, Оттиск из III тома «Трудов Московского нумизматического общества», стр. 3.

Золотой Орды, Ногай и его время», хотя и допускал, что Ногай «приблизился к положению хана», но сомневался в его короновании[1]. От Ногая не сохранилось ни одной монеты, выбитой с его именем. Между тем каждый золотоордынский хан, вступавший на престол, считал своим долгом прежде всего чеканить монеты со своим именем, видя в этом один из атрибутов своей власти. Загадочные монеты, приписываемые А. К. Марковым Ногаю, как отметил еще Н. И. Веселовский, появились позже, 100 лет спустя после смерти Ногая[2]. Ногай, происходивший из Джучиева рода, мог пользоваться правами старшего в роде (ака), созывать курултай, давать советы, но так как он не принадлежал к прямым потомкам Батыя, он не имел права на престол. Политика Ногая, направленная на истребление царевичей, очевидно, и преследовала цель способствовать переходу трона от потомков Батыя к новому поколению джучидов и основанию новой династии ханов Золотой Орды. Поэтому потомки Батыя поддерживали хана Токтая в его столкновении с Ногаем, объединившись против своего общего врага. В период борьбы с Ногаем Токтаю удалось привлечь не только самих царевичей, но и найти поддержку в более широких слоях феодального общества. Арабские писатели особо подчеркивают сближение Токтая с ламами и волшебниками, которым он «оказывал... большой почет»[3]. Отдавая им предпочтение, он сделал своим старшим эмиром Салджидай-Гургена, придерживавшегося шаманства[4]. В то же время у нас нет данных, говорящих об отрицательном отношении хана к мусульманам. Ногай же, не находя поддержки со стороны широких слоев феодальной аристократии, вынужден был обратиться за помощью к общему врагу Джучиева дома — Хулагу, «заявляя о желании сделаться подданным Хулагида-Газана»[5]. Тем самым он оттолкнул от себя даже тех из монгольской феодальной знати, кто поддерживал его. Ряд видных золотоордынских эмиров (князей): Маджи, Сужан, Сангуй, Утраджи, Акбуга и Тайга с 30-тысячным отрядом покинули Ногая и перешли на сторону Токтая. Население Крыма, перед этим ограбленное Ногаем, также обратилось к хану, обещая ему свою помощь: «Мы, слуги и подданные (иль) Ильхана, если государь просит нас, то мы схватим Ногая и приведем»[6].

С переходом большинства монголов на сторону Токтая Ногай мог опереться только на половцев и на алан (асов), оставшихся «верными сподвижниками Ногая». Начавшиеся распри между

---

[1] Н. И. Веселовский, Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время, стр. 39—51.

[2] Веселовский, Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время, стр. 54.

[3] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 174.

[4] Там же, т. II, стр. 70—71.

[5] Там же, т. II, стр. 71—72.

[6] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 71; т. I, стр. 113.

сыновьями Ногая еще более ухудшили его положение. Воспользовавшись этим, Токтай, собрав 60-тысячное войско и перейдя реку Узу (Днепр) и Тарку (Днестр), на Куканлыке разбил своего сильного противника. Ногай.., к этому времени уже дряхлый старик, был убит русским воином из войска Токтая. Сыновья Ногая с оставшимися верными им всадниками (около тысячи) успели бежать, но «из жен и детей их взято было в плен многое множество и несметное скопище. Они были проданы в разные места и увезены в (чужие) страны»[1].

Победа над Ногаем еще не означала окончательного торжества хана. С уходом Токтая сыновья Ногая снова вернулись в улусы отца и «утвердились в его владениях», но они не ужились между собой. Джеке, старший сын Ногая, убил своего брата Теку, захватил его людей, «стал самовластно править государством своего отца и поставил над ним наместником Тунгуза», что вызвало всеобщее недовольство. Даже те, которые остались пока верны наследникам Ногая, покинули его, «поняв, что им нечего более ожидать, после того как он убил брата своего»[2]. Эмиры Дженека, Тунгус и Таз организовали заговор против Джеке, заставили его бежать в Валахию, где он был схвачен и заключен в замок Тырнова, и по приказанию Токтая умерщвлен в 700 (1300—1301) году[3]. Младший сын Ногая, Турай, пытался было вернуть улус своего отца, двинулся в поход, чтобы потребовать от Токтая возмездия за (убийство) отца и брата своего», но войсками Токтая был разбит. Внук Ногая с тремя тысячами всадников удалился из пределов Дешт-и-Кипчака[4]. Улусные люди Ногая признали над собой власть хана Токтая, и бывшие владения потомков Мувала слились с владениями потомков Батыя.

Двадцатилетняя смута, происходившая на западных окраинах государства, не могла не коснуться остальных улусов Золотой Орды. Она прежде всего коснулась Синей Орды, и без того ослабленной после смерти Орды-Ичена. Орда-Ичен, пользовавшийся исключительным положением в Джучиевом улусе, умер в 1251 году, назначив своим наследником сына своего Кунг-Кырана[5]. При нем территория Синей Орды одно время даже расширилась за счет захвата областей Бамьяна и Газны, расположенных на границе с Индией. О приобретении этих областей рассказывает Рашид-ад-дин: к началу войны между Хулагу и Берке (в 1262 г.) Кули, сын Орда-Ичена, находивший-

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 71.

[2] Там же, т. I, стр. 117, 160—161.

[3] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 119, 162.

[4] Ю. А. Кулаковский, Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Чтение в обществе Нестерова Летописца, т. XII, 1899, стр. 159.

[5] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 41, 47; Лэн Пуль, Мусульманския династии, 1899, стр. 192.

ся со своим войском в Иране, покидая Иран, на пути в свой улус овладел областями Бамьяна и Газны, ранее принадлежавшими потомкам Чегатая[1]. Захваченная территория была закреплена за наследниками Орда-Ичена, сумевшими отразить неоднократные попытки преемников Чеготая вернуть ее себе[2].

В 1288 году, после смерти бездетного Кенг-Кырана, во главе Синей Орды стал внук Орда-Ичена — Кончи. Арабские писатели называют его также государем Бамьяна и Газны, хотя Кончи постоянно находился в Синей Орде, а в Бамьяне и Газне сидели его родственники. Марко Поло оставил подробное описание владений гор по «большим равнинам» Сибирской низменности и тянувшихся на север в область, «которая называется Тьмою». Несмотря на то, что во владениях Кончи не было «ни городов, ни замков», там было «много народу», а «у них много верблюдов, коней, быков и овец»; он сообщает, что «ловят они много дорогих животных высоких цен и большая им от этого прибыль и выгода. Ловят они горностаев, соболей, белок, черных лисиц и много других животных». Марко Поло, описывая подданных Кончи, самого Кончи называет «никому неподвластным» королем, который один правит «своим народом»[3]. Кончи умер в 1301 году, назначив своим преемником старшего своего сына Баяна. Однако против него восстал Куплю — внук Орда-Ичена. Арабские писатели ошибочно называют его братом Баяна[4].

Историю борьбы, происходившей между Баяном и Куплюком, обстоятельно излагает Рашид-ад-дин. Из описания Рашид-ад-дина видно, что Баян обратился тогда за помощью к Токтаю, но хан, в то время, занятый войной с Ногаем, на просьбу о помощи «рассыпался (перед Баяном) в извинениях и не дал (ему) войска, но отправил послов к Кайду и Дуве (с требованием) выслать к нему Куплюка и выдал ярлык на то, чтобы улусом ведал по-прежнему Баян»[5]. Просьба Токтая не могла быть удовлетворена по той причине, что Хайду, стоявший во главе улуса Угедея и Дува, сам поддерживал Куплюка. «Сколько Тахта ни отправлял послов к Чапару, сыну Кайду, и к Дуве,— пишет Рашид-ад-дин,— (требуя) высылки Куплюка, они не исполняют (этого требования) и прибегают к (разным) увертками[6]. Только после разгрома Ногая и его сыновей в 1303 г. Токтай отправил

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 41, 47. Лэн Пуль, Мусульманская династия, 1899, стр. 68. D'Ohsson, Histoire des Mongols, t. III, p. 380.

[2] H. Howarth Histoiry of the Mongols, London, 1877, v. II, p. 220.

Сравни примечание В. В. Бартольда на книгу «Мусульманские династии» Лэн-Пуля, стр. 192.

[3] Марко Поло, Путешествие, стр. 260-261.

[4] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 394, H. Howarth, указ. соч., стр. 220.

[5] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 44—45.

[6] Там же, стр. 44.

на помощь Баяну два тумана войска, но Куплюк в союзе с потомками Угедея и Чегатая отразил натиск войск Токтая. В 709 (1309—1310) г. Токтай послал против Куплюка своего брата Бурлюка с большим войском. На этот раз Куплюк был разбит, умер в изгнании. «Тогда этими землями стал править Баян, пребывая в Газне».

Вскоре, однако, против Баяна восстал его родной брат Мангатай, при помощи Хайду отнявший у своего брата Газну[1]. Баян и Мангатай «стали... оспаривать царство друг у друга, и к каждому из них пристала партия. Мангатай одержал верх над братом благодаря многочисленности своей партии, и Баян обратился в бегство. Тогда Мангатай утвердился в царстве, а Баян поселился в землях (Якмуш)[2] и пограничных владениях»[3]. Баян, снова обратившийся за поддержкой к Токтаю, при его помощи овладел своим улусом, расположенном в районе Улутау, Каратала; но Газна и другие области остались в руках Мангатая.

Раздоры среди преемников Орда-Ичена, происходившие в начале XIV в., закончились ослаблением Синей Орды. Ее ханы лишились не только Газны и Бамьяны, но и части собственных владений, расположенных по соседству с владениями потомков Чегатая и Угедея. Ставка Орда-Ичена, ранее находившаяся в районе Балхаша, теперь была перенесена к берегам Сыр-Дарьи, в Сынгак. По-видимому, это и была последняя ставка Баяна.

За период двадцатилетней смуты ханы и окружавшая их феодальная аристократия не могли заниматься вопросами внутренней политики, результатом чего явилось ослабление их власти в отдельных районах государства. Это подтверждается уступками, которые сделали ханы в Крыму и в Русском улусе.

В Каффе с 1289 г. появляется генуэзский консул, по уставу 1299 г. являвшийся главой всей черноморской колонии генуэзцев. Каким образом генуэзцы добились таких больших прав на Крымском полуострове, мы не знаем. Возможно, Ногай, захвативший перед этим Крым, во время войны с ханом Токтай заключил союз с генуэзцами и за оказанную ими поддержку сделал большие уступки генуэзским купцам. После разгрома Ногая генуэзцы не признали власти Токтая, за что последний отправил войско против города Каффы, «отомстил генуэзским франкам за дела, как-то: за овладение татарскими детьми, за отсылку их в эти края и за разные другие вещи»[4]. Несмотря на конфискацию имущества генуэзских купцов в Крыму, Сарае и других городах Золотой Орды, уступки, сделанные генуэзцам в Крыму, сохранились и в дальнейшем даже расширились. Вскоре генуэзские колонии превратились чуть ли не в государства в государстве.

---

[1] Тизенгаузен, т. I, стр. 394, 513, 551.

[2] Ввиду неясности манускрипта трудно расшифровать слово «якумуш».

[3] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 551.

[4] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 120.

Какие-то движения, должно быть, происходили и в Русском улусе. Видимо, они заставили ханов пойти на уступки местным великим и удельным князьям. При хане Менгу-Тимуре, как видно из его ярлыка, татарская дань в пользу ханов собиралась «данщиками». «Данщики»— откупщики, посылаемые ханами, беспощадно обирали Русский улус. После Менгу-Тимура «данщики» исчезают и право сбора дани перешло в руки великих князей. Собранную дань они сами отвозили в Орду [1]. Население было избавлено от произвола «данщиков» и, быть может, именно в связи с этим были сокращены размеры самой дани.

В последние годы правления Токтая правящим классом Орды путем каких-то уступок удалось некоторым образом восстановить порядок в государстве. В состав Орды вновь вошли бывшие удельные владения Мувала, было покончено со смутой в Синей Орде. Однако внутренние раздоры среди самих монголов не были прекращены. После смерти Токтая (1312 г.) она вновь разгорелась. Согласно завещанию умершего хана на престол должен был вступить его сын Ильбассар (Ильбасмыш). Он поддерживался степной аристократией, исповедующей шаманство. Другая же часть феодальной аристократии, придерживающаяся ислама, и преимущественно связанная с торговыми элементами города и мусульманским духовенством, выдвинула кандидатуру царевича Узбека (сына Тагрула), внука Менгу-Тимура. Эмир Кутлук-Тимур и глава хорезмского духовенства Имам-ад-дин Эльмискари возвели на престол Узбека, предварительно уничтожив сторонников царевича Ильбасара[2]. Утвердившись на престоле, Узбек повел борьбу с шаманистами, требуя от подданных обращения в ислам.

Анонимный продолжатель «Сборника летописей», характеризуя настроения противника Узбека, приводит следующие слова противников ислама с узбеком: «Ты ожидай от нас покорности и повиновения, а какое тебе дело до нашей веры и нашего исповедания и каким образом мы покинем закон (тура) и устав (ясак) Чингис-хана и перейдем в веру арабов?» «Он (Узбек),— пишет далее автор,— настаивал на своем, они же вследствие этого чувствовали к нему вражду и отвращение и старались устранить его. С этой целью они устроили пирушку, чтобы (на ней) покончить с ним. Когда Узбек прибыл на пир, то Кутлук-Тимур, сообщив ему секретно о замысле эмиров, сделал ему знак глазом». Узбек «немедленно сел на коня, ускакал и, собрав войско, одержал верх (над ними). Сына Токтая с 120 царевичами из рода Чингисханова он убил, а тому эмиру, который предупредил его, оказал полное внимание и заботливость»[3].

Арабские источники сообщают, что при подавлении заговора

---

[1] А. Н. Насонов, Монголы и Русь, стр. 77.
[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 100.
[3] Там же, стр. 141.

«Узбек умертвил несколько эмиров и знатных лиц и убил множество бохшей (лам) и волшебников». В числе казненных источники называют эмира Тунгуса, сына Мунджи, оказавшего большую услугу Токтаю во время войны с Ногаем и многих других[1].

Подавив восстание феодальной знати, Узбек в течение всего 30-летнего царствования (1312—1342 гг.) твердо удерживал власть в своих руках, жестоко пресекая всякие выступления на окраинах. Царевичи многочисленных улусов из потомков Джучи признавали над собой его власть, безоговорочно выполняли все требования хана. Ибн-Батута, посетивший в 1333 г. Крым, Среднее и Нижнее Поволжье, а также Хорезм, говорит об Узбеке, как едином правителе всего Джучиева улуса. На китайской карте монгольских владений 1331 г. указаны границы Монгольских государств, в том числе Золотой Орды при Узбеке. На этой карте Золотая Орда представлена единым государством; на этой карте не указаны ни Синяя Орда, ни улус шабанидов, ни какие-либо другие владения в составе Золотой Орды. Все земли от берегов Иртыша и устьев Сыр-Дарьи рассматривались как владения одного хана Узбека[2].

Правитель Синей Орды Сасы-Бука, сын и преемник Баяна, «соблюдал правила подчинения и повиновения..., не сходил с большой дороги службы... Узбек-хану и не уклонялся ни от одного вызова и курултая». Сасы-Бука умер в 1321 г., а его сын Эрзен «по указу Узбек-хана» стал править Синей Ордой, и как и отец, «проявил повиновение и подчинение Узбеку»[3].

Со времени правления Узбека в источниках больше не упоминается о преемниках Шайбана, правивших до этого большим улусом в Сибири, хотя они, как и наследники Орды-Ичена, в начальный период существования Золотой Орды сыграли большую роль в ее истории. Сам Шайбан «царствовал долгое время» в своем улусе, но при его сыновьях, как об этом сообщает летопись Хафиза Мухамеда Элташкенди, «не уладилось дело их, пока не одержали верх над ними сыновья Саин-хана (т. е. Батыя), которые вырвали царство из рук их»[4]. Внук Шайбана Тима-Токай упоминается еще в числе союзников хана Токтая во время войны последнего с Ногаем, но при Узбеке историки больше не упоминают ни о царевиче Тима-Токае, ни о других царевичах шайбанидова дома. По всей вероятности, слова Хафиза Эльташкенди, что потомки Батыя «вырвали царство из рук шайбанидов», относятся непосредственно к Узбеку.

При Узбеке монголы восстановили свою традиционную политику, несколько ослабленную после смерти Берке. В период феодальной смуты ханам было не до Русского улуса, те уступки, которые были сделаны ханами (удаление темников,

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 197, 385, 510.
[2] Leon Cahun Jntroduction de L'Hstoire de L'Asie, p. 446.
[3] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 129.
[4] Там же, т. I, стр. 537.

тысячников, сотников, передача русским князьям права собирать дань, льготы русскому духовенству и пр.) несколько облегчили положение Русского улуса. К тому же, хотя и медленно, восстанавливались разрушенные при монголах производительные силы страны, что создавало условия для консолидации сил русского народа и организации Русского государства вокруг одного из политических центров. Тверской князь Михаил Ярославич (1305—1318 гг.), впервые из русских князей назвавшийся «великим князем всея Руси», сделал попытку сбросить татарское иго на Руси. Несмотря на то, что эта попытка потерпела неудачу, она свидетельствует о появлении мысли о единстве русских земель, необходимых для борьбы с татарами[1].

Чтобы ослабить Тверское княжество, являющееся тогда одним из сильных политических центров на Руси, правительство Узбека поддерживает Московское княжество, противопоставляя его Тверскому княжеству. Юрий Московский, получив ярлык на великое княжение, как удачно выразился А. Н. Насонов, действительно стал играть роль орудия ордынской политики в качестве верного слуги хана, блюстителя ордынских интересов[2].

Не ограничиваясь убийством самого Михаила Тверского за сопротивление ханским властям, в самую Тверь посылается карательный отряд во главе с царевичем Шевкалом, сыном Тудана, внуком Менгу-Тимура. Судьба этого отряда известна — он был поголовно истреблен восставшим народом в 1327 г., что послужило предлогом для разгрома Твери Узбеком. Поддерживая Московского князя и используя его силу в борьбе с Тверским княжеством, правительство Узбека в то же время приняло меры предосторожности в отношении своего союзника. В 1328 г. Иван Данилович, хотя и получил ярлык на великое княжество Владимирское, однако ему было отдано не все Владимирское княжество, а лишь половина его с Новгородом и Костромой, остальная часть Владимирского великого княжества перешла Суздальскому князю Александру Васильевичу. Разделом Владимирского княжества на две части явно хотели противопоставить Нижегородско-Суздальское княжество Московскому[3], восстановив традиционную политику натравливания русских князей друг на друга, с тем, чтобы «поддерживать несогласие между ними, уравновешивать их силы, никому из них не давать усиливаться»[4].

Установив равновесие сил на северо-востоке, правительство Узбека приняло ряд мер и против Литвы, которая превращалась в могущественный фактор силы на северо-западе.

Образованию этого государства татары препятствовать не

---

[1] А. Е. Пресняков, Образование великорусского государства, 1918, Петроград стр. 133—139.

[2] А. Н. Насонов, Монголы и Русь, стр. 89.

[3] Пресняков, Образование великого государства, 1918, стр. 138—139.

[4] K. Marx, Secret Diplomatie History of Eighteenta century, p. 78.

могли, но ослаблять его путем систематических набегов было делом вполне возможным. Рядом таких набегов на Литву, организованных татарами в 20-х гг. XIV века и закончившихся опустошением литовских земель, продвижение литовцев на восток временно было приостановлено; власть татар над ранее занятыми литовцами землями вновь была восстановлена: вместо наместников Гедимина был введен институт баскаков. Это видно на примере Киева[1].

Ту же политику ханы проводили и в отношении Польши. Татарские набеги на Польшу, особенно усилившиеся в 20-х годах XIV в., вызывали большой переполох на западе. Не случайно римский папа, обеспокоенный набегами татар, в 1329 г. обратился со специальным посланием ко всем западноевропейским правительствам организовать крестовый поход против татар, обещая отпущение грехов всем участникам похода. Но этот «Крестовый поход» не состоялся. Татары же в ответ на обращение папы в 1337 г. опустошили Люблинскую землю[2]. В 1340 году после смерти Галицко-Владимирского князя Юрия II., отравленного католиками, Казимир Великий временно занял было Владимиро-Волынское княжество, но «император татар Узбек послал огромную татарскую армию» и вытеснил польско-венгерское войско из пределов княжества. В следующем (1342) году «бесчисленное множество татар Узбека» проникло на территорию самой Польши и Венгрии и подвергло ее небывалому сильному опустошению»[3]. Эти обстоятельства вынудили Казимира временно отказаться от попыток захватить Галицкую Русь.

Если к этому прибавить успешное продолжение войны на Кавказе с хулагидами и отправку большого количества татарского войска во главе с наследником престола для завоевания владений потомков Чегатая в Среднюю Азию, то станет очевидным факт усиления агрессивной внешней политики Золотой Орды. Успешные войны правительства Узбека со своими соседями и не менее удачная политика правящих кругов внутри страны на время восстановили былое могущество Золотой Орды, превратив ее в одно из сильных государств Европы и Азии.

Ибн-Батута, путешествовавший по многим странам и, следовательно, видевший многих правителей, называет Узбека «одним из тех семи царевичей, которые (суть) величайшие и могущественнейшие цари мира»[4]. Современники Узбека наделяют его всевозможными титулами, когда-либо существовавшими на востоке, называя его «государем, султаном, великим шахиншахом, ильханом, столпом дома Чингис-хана», а западноевропейский путе-

---

[1] С. М. Соловьев, История России, к. I, стр. 932, И. А. Линниченко. Замечания на статью Режабко, Сборник «Болеслав Юрий», 1907, стр. 96.

[2] А. И. Линниченко, Замечания на статью Режабко, стр. 89.

[3] Режабко, Юрий II, последний князь Малороссийский, В сборнике «Болеслав Юрий II», 1907, стр. 20—21, 156—190.

[4] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. 1, стр. 290.

шественник Марионолла величает его «императором». К сожалению, имеющийся в нашем распоряжении исторический материал освещает вопросы внешней политики Монгольского государства очень мало и почти не затрагивает вопросов, связанных с внутренней структурой Джучиева улуса того времени. Несомненно лишь одно — источники, независимо от того, откуда они исходят, все свидетельствует об усилении власти хана в государстве.

Царевичи, стоявшие во главе отдельных улусов — орд, при нем сделались послушным орудием хана и ханской администрации. Источники больше не сообщают о созыве курултаев. Вместо них теперь уже созывались совещания при хане, в которых участвовали его ближайшие родственники, жены и влиятельные темники.

Наиболее раннее известие о созыве такого рода совещаний относится еще к 1287 году, когда оно было созвано в связи с отречением от престола хана Туда-Менгу[1]. При Узбеке же такие совещания созывались часто, где решались дела различного характера. Показательным в этом отношении является совещание 1316 г., созванное по поводу помолвки сестры Узбека с египетским султаном. На нем присутствовали все члены семьи хана. 70 темников и эмиров, которые и выработали условия брачного контракта[2]. На примерах этих двух совещаний можно сделать вывод, что они являлись по преимуществу семейным советом. В других случаях вопросы касались управления государством, их передавал совет (диван), состоявший из четырех улусных эмиров, назначенных самим ханом.

Упоминание о совете (дивана) впервые появляется в сочинениях арабского писателя Эль-Омари (умер в 1343 г.), оставившего довольно подробные описания ханского совета (дивана) при хане Узбека и Джанибека. О существовании чего-либо подобного этому учреждению до Узбека в источниках не указывается. При Менгу-Тимуре, как видно из его ярлыков, такого совета еще не существовало; при его преемниках вряд ли могли возникать такие органы, так как государство переживало внутренние неурядицы. Скорее всего происхождение совета (дивана) было связано именно с деятельностью хана Узбека, при котором в известной мере произошла централизация государства. Эль-Омари, характеризуя государственный строй Золотой Орды при Узбеке, писал: «Правители этого султана — четыре улусных эмира, из которых старший (называется) беклерибек, т. е. старшим эмиром... Всякое важное дело решается не иначе, как этими четырьмя эмирами; коли кого из них не было, то имя его (все-таки) вписывали в ярлыки, т. е. указы, как бы оно было вписано, если он был налицо или наместник его заступал его место»[3].

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 106.
[2] Там же, т. I, стр. 439 и 440.
[3] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 439—440.

«Решают же дело не иначе,— продолжает Эль-Омари дальше,— как через визиря, а визирь решает дело без них, отдает приказания наместникам их и выписывает имена их (в ярлык). Визирь, настоящий султан, единовластно распоряжается денежною частью, управлением и смещением, даже в самых важных делах, (точно так), как беклерибек распоряжается единолично в делах войсковых»[1]. Из этих четырех эмиров, входивших в совет, более или менее ясно определена функция двух его членов — беклерибека и визиря, из них первый, т. е. беклерибек (князь князей), распоряжался военными делами, руководил темниками, тысячниками, сотниками и десятниками, второй — визирь,— гражданскими делами государства. Поскольку Золотая Орда, как и все феодальные государства, прежде всего была военно-феодальным государством, поэтому руководителю военного ведомства, беклерибеку, давалось предпочтение перед гражданским. Поэтому Эль-Омари называет беклерибека старшим князем в совете четырех.

В связи с централизацией государственного управления при хане Узбеке, должно быть, произошло и упорядочение органов власти на местах. Вначале, в период образования Золотой Орды, произошла децентрализация власти, государство было разделено между братьями Батыя, каждый из которых, получивши тот или иной улус, сам управлял своим улусом в качестве полусамостоятельного государя. Теперь же, когда произошла централизация государства, прежние улусы были преобразованы в области во главе с областными начальниками-эмирами. В сочинениях арабского писателя Эль-Калкашанди есть указания о «правителях областей в этом государстве», в числе которых он называет «правителя Крыма» и «правителя Азака»[2]. У Ибн-Батута упоминается о правители области Хорезма, названным им «начальником Хорезма»[3]. О других областях Золотой Орды в источниках не сообщается. Надо полагать, что были созданы такие же областные управления в районах Сибири и Поволжья.

Эль-Омари, характеризуя взаимоотношения центральной и местной власти, писал: «Что же касается совокупности (действий) всех их в имущественных делах народа, то эмирам большею частью они (дела) знакомы лишь настолько, насколько их знают наместники на местах»[4]. Из ярлыка Тимур-Кутлука видно, что в Крыму, являвшемся одной из областей государства, имелся большой штат чиновников, стоявших во главе областной администрации: судьи (казы), глава местного духовенства (муфти), секретари дивана, таможенники, сборщики налогов,

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I., стр. 249 и 348, 411.
[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I. стр. 348—349.
[3] Там же, стр. 311.
[4] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 249.

дозоры, начальники заставы (туткаул), сокольники, барсники др.[1].

Правители области, или, как их называли арабские писатели, «наместники хана», пользовались обширной властью в своих областях, почему египетские султаны при обращении к ханам, обычно адресовали свои грамоты одновременно представителям центральной власти и правителям области. Ибн-Батута сообщает, что путешественник, прежде чем попасть к хану, должен был побывать у областного правителя и только по получении на это разрешения мог побывать в Сарае у хана. На должности областных начальников назначались обычно представители знатнейших родов феодальной аристократии, преимущественно из одной и той же фамилии, по наследству занимавшие должность правителей областей. Так, например, правителем Крыма при Ибн-Батуте был Тулук-Тимур, а в 1364 году эту должность занимал внук Тулук-Тимура — Ходжа Алибек[2]. Сын Тулук-Тимура, Кутлук-Тимур, по-видимому, тоже был правителем Крыма и занимал эту должность после смерти своего отца, Тулук-Тимура. Об этом свидетельствует надпись на каменной плите в Отузах (в Крыму): «этот благословенный колодец построен... указанием великого эмира Кутлук-Тимура-бека... 767 год (1358 г.)». Эта надпись, несомненно, относится к сыну Тулук-Тимура, ставшему правителем Крыма после смерти отца, а не к Хорезмскому наместнику Узбека Кутлук-Тимуру, как когда-то предполагал А. Я. Якубовский в своей работе «Развалины Ургенча»[3]. Наместник Узбека в Хорезме, эмир Кутлук-Тимур, женатый на родственнице хана, был заметной фигурой в Золотой Орде и, в случае его назначения правителем Крыма, арабские писатели, естественно, не могли отметить подобного факта. Правитель Хорезма Кутлук-Тимур, по сведениям персидского историка Мирхонда, умер в Хорезме в 736 (1335—36) году. Нет основания не верить этому.

Подводя итог политического развития Золотоордынского государства за первые сто лет его существования, можно сделать заключение, что это довольно примитивное государственное объединение, каким оно было при основании его Батыем, ко временам правления хана Узбека превратилось в одно из крупнейших государств средневековья. Борьба преемников Джучи за отделение Джучиева улуса от коренного юрта монголов и превращение его в независимое государство увенчалось успехом, за счет ослабления или полного подчинения бывших когда-то полусамостоятельных улусов, принадлежавших тому или другому брату Батыя, усилилась власть хана.

Была достигнута относительная централизация государства,

---

[1] В. В. Радлов, Ярлыки Тохтамыша и Тимур-Кутлука, Записки восточного отделения Русского Архив. об-ва, т. VIII, 1899, стр. 1—2.

[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 349—350, 413.

[3] А. Ю. Якубовский, Развалины Ургенча, 1930, стр. 18.

был создан сложный бюрократический аппарат управления как в центре, так и на местах. Руководство страной было сосредоточено в руках дивана—совета, местное управление сосредоточивалось в руках областных правителей, тесно связанных с центральной администрацией, подчиненной центральному аппарату — дивану — совету при хане, состоящему из четырех улусных эмиров. Руководство делами военно-полицейского характера осуществлялось через беклярибека, а по гражданским делам, вернее финансово-налоговым — через визеря. Здесь из указанных Ф. Энгельсом трех ведомств: «финансовое, (грабление собственного населения); военное (грабеж внутри и в чужих странах), и ведомство общественных работ (забота о воспроизведении)» в первую очередь развивались главным образом ведомства «финансовое (ограбление собственного населения) и военное (грабеж внутри и в чужих странах)».

Сохранение господства феодальной аристократии как над покоренным, так и собственным народом зависело от гибкости военного ведомства, поэтому правительство Узбека особо обращало внимание на усиление военной силы, насчитывающей при Узбеке до 300 тыс. воинов.

Дальнейшая судьба Золотой Орды зависела от решения коренного вопроса: сумеют ли монгольские завоеватели закрепить этот политический успех путем создания более высокого способа производства, чем тот, который они застали в завоеванных странах.

К. Маркс и Ф. Энгельс, соч. т. XXI, стр. 494.

Глава III

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ ДЖУЧИЕВА УЛУСА

В предыдущей главе, посвященной политической истории Золотой Орды XIII и начала XIV вв., мы видели, как это, первоначально довольно примитивно государственное образование, превратилось в одно из крупнейших государств средневековья. В отличие от прочих монгольских государств, сложившихся в Иране, Средней Азии, Китае и в самой Монголии, и к тому времени переживавших упадок, Золотая Орда к 40-м годам XIV в. достигла наивысшего своего могущества.

Это могущество обошлось весьма дорого. Монголы уничтожили огромные материальные ценности и истребили массу самих производителей материальных благ. Современники монольского нашествия оставили нам описание колоссальных разрушений, которые были результатом монгольского завоевания. «Само собой разумеется,— писал Ф. Энгельс,— что при каждом завоевании более варварским народом ход экономического развития нарушается и уничтожается целая масса производительных сил»[1].

Монголы не ограничивались разрушением городов и сел. Они массами уничтожали покоренное население. Ибн-ал-Асира (умер в 1233 г.), один из наиболее беспристрастных арабских летописателей, отмечал небывалую жестокость монголов в отношении покоренных народов. Монголы, по его словам, «ни над кем не сжалились, а избивали женщин, мужчин, младенцев, распарывали утробы беременных и умерщвляли зародышей»[2]. Такие же жестокости проявляли монголы при завоевании Руси. Город Киев, бывший до нашествия большим и густо населенным, после завоевания его монголами едва насчитывал, по рассказам Плано Карпини, двести домов. В окрестностях города белели «бесчисленныя головы и кости мертвых людей». Монголы, по его словам, «произвели великое избияние», разрушили города и

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XIV, стр. 185.
[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 2.

крепости и убили (множество) людей»[1]. Следы минувших разрушений были еще заметны сто лет спустя после нашествия монголов. Арабский писатель Эль-Омари, описывая половецкую степь сороковых годов XIV в., говорит: «Эта страна — (одна) из самых больших земель, (изобилующая) водою и пастбищами, дающая богатый урожай, когда сеется в ней (хлеб)... До покорения (этой страны) татарами, она была повсюду возделанная, а теперь в ней (только) остатки этой возделанности»[2], то же самое отмечает автор «Хождения Пименова в Царьград», говоря о бассейне р. Дона, он замечает: «Бяше то пустыня зело всюду, не бе бо видети тамо ничтоже: ни града, ни села; ате бо и быша древле гради красны и нарочиты зело выдением места, точью пусто же все и не населено»[3].

Разрушение городов и сел, превращение возделываемых полей в необитаемые пастбища в завоеванных монголами странах, как указывал К. Маркс, было обусловлено характером производства, требующего необходимого пространства земель для организации кочевого хозяйства. «Монголы при опустошении России,— писал К. Маркс,— действовали соответственно их способу производства; для скотоводства большие необитаемые пространства являются главным условием»[4]. Отсюда стремление монголов «обращать людей в покорные стада, а плодородные земли и населенные местности в пастбище»[5].

Монгольские и тюркские племена, прибывшие вместе с Батыем в Дешт-и-Кипчак, были клевниками, владевшими большим количеством скота. «Они очень богаты скотом,— писал Плано Карпини,— верблюдами, быками, овцами, козами и лошадьми. Всякого скота у них такое огромное количество, какого, по нашему мнению, нет в целом мире»[6]. Лошадей в этой земле чрезвычайно много, и стоят они безделицу,— писал другой путешественник Ибн-Батути,— ими они (тюрки) питаются; в их краю они (столь же обильны), как в нашей земле овцы, пожалуй, и больше. Бывает их у одного тюрка по (нескольку) тысяч. Один из обычаев тюрков-коневодов, населяющих этот край (заключается в том), что на арбах, в которых ездят жены их, помещают кусок войлока длиною в пядь, привязанный к тонкому шесту, длиною в локоть в углу арбы; на каждую тысячу коней полагается один (такой) кусок. Видел я, что у некоторых из них бывает по 10 кусков, а у иных больше того», т. е. 10 000 и более лошадей[7].

---

[1] Плано Карпини, История монгалов, стр. 25.
[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 233.
[3] ПСРЛ. т. XI, стр. 95—96.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. I, стр. 188. Разрядка моя.
[5] K. Marx, Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century p. 78.
[6] Плано Карпини. История монгалов, стр. 7.
[7] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 286.

Наряду со скотоводством, являющимся основным источником существования населения, существовали охотничьи промыслы. «Охотой они добывают себе значительную часть своего пропитания», — говорит Рубрук[1]. О том же за несколько лет до него писал и Плано Карпини: «Их пищу составляет все, что можно разжевать, именно они едят собак, волков, лисиц и лошадей, а в случае нужды вкушают человеческое мясо(?). Хлебов у них нет, равно как и овощей[2]. Употребление в пищу монголами человеческого мяса не подтверждается другими источниками, но мясо волков, лисиц и других диких зверей долгое время служило пищей кочевников. Население улусов Шайбана и Орда-Ичена, обитавшее в Зауралье, во времена Марко Поло оставалось охотниками. Однако во времена Ибн-Батута и других путешественников, сообщениями которых пользовался Эль-Омари, охота уже не имела такого значения.

Охота осталась лишь развлечением и забавой правящей аристократии Золотой Орды. О сокольниках, волочарах, барсниках упоминается в ханских ярлыках, как о лицах, непосредственно подчиненных хану и обслуживавших потребности ханского двора.

Плано Карпини, Рубрук, оставившие нам интереснейшие данные об экономическом быте кочевников Золотой Орды, сообщая о скотоводстве и охоте, почти не говорят о земледелии. Рубрук только один раз мимоходом замечает, что у некоторых важных господ, имевших поместья на юге, возделывалось просо[3], тари (просо), упоминающееся еще в орхонских надписях VI—VII вв., кажется, было единственной культурой, известной тогда кочевникам. Судя по словам Рубрука, даже возделыванием проса занималась лишь небольшая часть населения. Длительное пребывание кочевников с земледельческим населением Хорезма, Булгар и Русью не осталось бесследным для татар. Кочевники Золотой Орды, хотя и медленно, все же стали воспринимать от своих соседей земледелие. Если им во времена Рубрука было известно только просо, то уже в конце XIII в. они знали другие виды хлебных злаков. В Половецком словаре (Codex Cumanicus), составленном в Италии в 1303 г. в качестве руководства итальянским купцам, торговавшим в Дешт-и-Кипчаке, кроме проса, упоминается ячмень (арпа), горох (бурчак) и мак[4]. Есть также указания о попытках культивирования пшеницы, но полей, засеянных пшеницей, ячменем и бобовыми культурами по сравнению с просом, было немного. «Посевов у них мало,— писал Эль-Омари в 40-х г. XIV в,— и меньше всего пшеницы и ячменя, бобов же почти нельзя отыскать. Чаще всего встречается у них

---

[1] В. Рубрук, Путешествие в восточные страны, стр. 70.
[2] Плано Карпини, История монгалов, стр. 14.
[3] Рубрук. Путешествие в восточные страны, стр. 75.
[4] Codex Cumanicus' Ed. Comes Geza Cuun, Budapestini, 1880. p. 3, 5, 50.

просо; им они питаются и по части произведений земли в нем заключается главная еда их»[1].

В том же Половецком словаре, наряду с названием хлебных злаков, встречается название плуга (сабан) и ряд слов, связанных с его употреблением: плугарь («сабанчи»), пахать плугом («сабан сурмак»), железный плуг («сабан тимер»), плужская земля («сабан ери») и т. д. и т. п.[2]. Кроме плуга, в Золотой Орде были знакомы и с сохой. Однажды хан Токтай послал в подарок соху темнику Ногаю, как бы желая этим сказать: «даже Ногай ушел бы в самую глубь земли, все-таки он (хан) выкопает его оттуда этою сохою»[3].

Появление плуга (сабана), сохи (сука) в Золотой Орде в качестве земледельческого орудия сам по себе факт, заслуживающий внимания, тем не менее нет надобности переоценивать ее роль. Сабан (плуг), упоминаемый в половецком словаре, применялся не везде. Узбеки и казахи, когда-то входившие в Золотую Орду, не знают этого термина. У татар, узбеков, казахов и др. народов, образовавшихся после распада Золотой Орды, отсутствует общая терминология не только для обозначения плуга и сохи, но и для обозначения печеного хлеба. У татар печеный хлеб носит название ипи, у узбеков — нан, у казахов — кульча, тогда как название хлебных злаков (пшеницы, ячменя, проса) и муки является общим. Отсутствие общей терминологии для обозначения плуга, печеного хлеба свидетельствует о примитивном характере земледелия, еще не успевшего отделиться от скотоводства.

О характере земледелия в Дешт-и-Кипчаке, в последней стадии существования Золотой Орды, интересные сведения сообщает Иософато Барбаро, лично побывавший в Орде в 30-х годах XVI в. «В исходе февраля месяца,— писал он,— по всей Орде громогласно возвещают желающим делать посев, дабы они заблоговременно приготовили все для того нужное, ибо в такой-то день марта предложено отправиться к такому-то месту, для посева избранному; вследствие этого объявления все желающие немедленно делают приготовления свои, запасают семенной хлеб на повозки и отправляются с рабочим скотом, с женами и детьми.... к назначенному месту, которое обыкновенно бывает не далее двух дней пути от пункта, где находилась Орда во время возвещения приказа о посеве. Тут остаются они до тех пор, пока не вспашут землю, посеют хлеб и окончат полевые работы, а потом возвращаются назад в Орду..., когда же хлеб созреет, то все... отправляются для жатвы»[4]. Такая форма земледелия, свя-

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 230.

[2] Codex Cumanicus, p. 294.

[3] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 110.

[4] Семенов, Библиотека иностранных писателей о России, т. I, 1837, стр. 65.

занная с обработкой земли наездами, еще не отделенное от основной формы хозяйства кочевников от скотоводства, могла играть лишь подсобную роль в хозяйстве кочевников Золотой Орды.

Появление земледелия даже в той примитивной форме, как оно рисуется у Иосафато Барбаро, факт, безусловно, важный. Сопоставляя сообщение Плано Карпини, писавшего о полном отсутствии хлебной пищи у кочевников, с более позднейшими данными Иософато Барбаро, можно сделать неоспоримый вывод о некоторых экономических сдвигах, происшедших в быту кочевников в последний период существования Джучиева улуса. Более сложным является вопрос о состоянии домашних промыслов и ремесленного производства в Золотой Орде. До сих пор внимание исследователей (Ф. В. Баллода, А. Ю. Якубовского и др.) было обращено на изучение ремесленного производства в городских центрах Джучиева улуса, вопрос же о домашних промыслах оставался без внимания исследователей.

Ремесленное производство развитого типа, работающее по заказу потребителя, как правило, связано с городской жизнью, между тем основная масса населения Золотой Орды оставалась кочевниками на весь период существования этого государства. Для кочевников Золотой Орды было характерно не ремесло городского типа, а домашние промыслы, составлявшие необходимую принадлежность натурального хозяйства. «Домашние промыслы составляют необходимую принадлежность натурального хозяйства,— пишет В. И. Ленин,— остатки которого почти всегда сохраняются там, где есть мелкое крестьянство»[1]. Как раз такую форму домашних промыслов, связанных с натуральным хозяйством и не выходивших из рамок семей кочевников, застали западноевропейские путешественники во время пребывания их в только что образованном государстве Батыя. По словам Плано Карпини, у монголов «жены их все делают полушубки, платья, башмаки, сапоги и все изделия из кожи, также они правят повозками и чинят их»[2]. Другой западноевропейский путешественник В. Рубрук к вышеуказанному добавляет:

«Мужчины делают луки и стрелы, приготовляют стремена и уздечки и делают седла, строят дома и повозки... делают мешки»[3]. Из слов Плано Карпини и Вильгельма Рубрука хотя и можно сделать вывод о некотором разделении труда в изготовлении домашних изделий у монголов, но это разделение труда не выходило из рамок семьи. Все необходимые для своего хозяйства изделия изготовлялись членами семьи по потребности и не поступали на рынок. Вся продукция домашнего производства

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 285.
[2] Плано Карпини, История монгалов, стр. 16.
[3] В. Рубрук, Путешествие в восточные страны, стр. 78.

кочевого хозяйства была неразрывно связана с кочево-скотоводческим характером всего производства.

Судя по описаниям Иосафато Барбаро, когда Золотая Орда уже распалась, у кочевников Дешт-и-Кыпчака имелись следующие ремесла: сукновальное, кузнечное и оружейное. Ремесленники были заняты только обслуживанием нужд ханского двора и «во всякое время неотлучно находились при Орде»[1].

Есть все основания полагать, что в Золотой Орде на всем протяжении ее истории домашние промыслы в своем развитии не дошли до стадии ремесленного производства в том смысле слова, какое придает ремеслу В. И. Ленин: «Первой формой промышленности, отрываемой от патриархального земледелия, является ремесло, т. е. производство изделий по заказу потребителя». Ремесло, являвшееся «Необходимой составной частью городского быта»[2], здесь из-за слабости городского быта развиватья не могло.

Правда, при археологическом обследовании городских центров Золотой Орды—в Сараях, Солхате, Ургенче, в Булгаре было найдено большое количество ремесленных изделий, но этот богатый археологический материал еще не изучен в достаточной мере. Какой процент ремесленных изделий, найденных при раскопках, изготовлялся самими кочевниками, не установлено. Найденное при раскопках золотоордынских городов большое число крестов, образков никак уже нельзя отнести к мастерам-татарам, исповедывавшим ислам. Когда речь идет о золотоордынском ремесле, нужно к нему подходить особенно осторожно, имея в виду, что в таких городах, как Ургенч, Булгар, существовавших до монгольского завоевания, уже имелось ремесленное производство и местные ремесленники, продолжавшие свои профессии и во времена монголов. Ремесленное же производство в городах, как, например, в Сараях, Солхате, Астрахани и др., было создано руками ремесленников из завоеванных стран, переселенных в эти города из разных местностей. «Монголы забирают всех лучших ремесленников и направляют их к своим домам, лучшие же ремесленники платят дань от своих изделий»,—так писал Плано Карпини[3]. Подтверждением этого служит керамика Сарая, по словам А. Ю. Якубовского, имеющая среднеазиатское происхождение[4]. Другие же изделия из металла изготовлялись руками русских мастеров. Поэтому совершенно прав был Б. А. Рыбаков, подчеркивая роль русских ремесленников в жизни золотоордынских городов XIII—XIV вв.[5].

---

[1] В. Семенов. Библиотека иностранных писателей о России, т. I, 1833, стр. 31.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 285—286.

[3] Плано Карпини, История монгалов. стр. 36.

[4] А. Ю. Якубовский, К вопросу о происхождении ремесленной промышленности в Сарае Берке, 1931, стр. 27.

[5] Б. А. Рыбаков, Ремесло древней Руси, 1948, стр. 531.

Основные ремесленные изделия Золотой Орды изготовлялись русскими, среднеазиатскими, булгарскими и кавказскими мастерами. Бесспорно, под воздействием русских, булгарских, среднеазиатских мастеров появляются и ремесленники местного происхождения, но мастерство, навыки татарских ремесленников были невелики. Ремесленные изделия местного происхождения — предметы вооружения, украшения, найденные при раскопках золотоордынских городов, по словам Г. С. Саблукова, отличались «не очень хитрой отделкой.., хранят на себе удары молотка, какие случается видеть на серебряных вещах, делаемых неопытными ковачами, другие украшены насечкою, но простою»[1].

Чтобы закончить наши наблюдения над историей золотоордынского ремесла, нужно остановиться еще на одном вопросе — на степени развития ремесленного производства в самом Сарае. Исследователи, занимавшиеся изучением истории ремесла, несколько преувеличивали его роль в жизни кочевников Дешт-и-Кипчака. А. Ю. Якубовский, например, г. Сарай Берке рассматривал как один из центров «металлургической промышленности», обслуживающий нужды как «городской, так и сельской местности всеми металлическими изделиями: лопатой, топором, пилой, серпом, гвоздями и разнообразным холодным оружием[2]. Немецкий историк Бертольд Шпулер в небольших мастерских Сарая видел следы фабричного производства типа современной индустрии[3].

Приведенная явно ошибочная и ничем не подкрепленная точка зрения Бертольда Шпулера о фабричной индустрии Золотой Орды возникла с появлением работы А. Ю. Якубовского, явно переоценивавшая значение золотоордынского ремесла под впечатлением скороспелых выводов Ф. В. Баллода, который проводил раскопки в развалинах двух Сараев в 1922 году, когда советская археологическая наука только что зарождалась, и пути ее развития еще не были полностью определены. Из отчетов Ф. П. Баллода видно, что им были раскопаны лишь небольшие мастерские, которые он принял за заводы. Он первый и пустил в научный обиход сведения о кирпичных, фаянсовых и металлообрабатывающих заводах Золотой Орды, ныне отвергаемые советской археологией. Высокоразвитое ремесленное производство, обслуживающее нужды городского и сельского населения, мыслимо только при наличии общественного разделения труда между городом и деревней, в Золотой Орде же не произошло не только отделения города от деревни, но и отделение ремесла от кочевого натурального хозяйства.

---

[1] Г. С. Саблуков, Очерк внутреннего состояния Кипчакского Царства, Известия Об-ва АИ и Эт., т. XIII. 1895, Казань, стр. 119—120.

[2] А. Ю. Якубовский, К вопросу о происхождении ремесленной промышленности в Сарае Берка, 1931, стр. 15.

[3] B. Spuler, Die Goldene Horde, s. 417.

Некоторыми исследователями золотоордынский город принимался как центр ремесленного производства. Однако это также нуждается в дальнейшем уточнении. Раскопки А. В. Терещенко, Г. С. Саблукова, В. В.Григорьева, Н. И. Веселовского, Ф. В. Баллода и других в различных центрах Золотой Орды, хотя и дали большой материал для выяснения топографии золотоордынского города, но ряд важнейших вопросов, связанных с историей золотоордынского города, остается все еще спорным. Большинство городов на Руси, как установил Б. А. Рыбаков, было обязано своим происхождением развитию ремесла. Идет ли речь о превращении больших поселков или же боярских и княжеских замков в города,— в обоих случаях в возникновении города решающую роль играло ремесленное население[1].

В образовании городов Золотой Орды роль ремесленной части населения ограничивалась лишь участием их в строительстве городских поселений. Большинство городов на Востоке, скорее всего, напоминало военные лагери, чем ремесленные центры. К. Маркс в письме к Энгельсу, характеризуя восточные города, писал: «Города эти отнюдь не похожи на Париж, в сущности говоря, это военные лагери, только несколько более благоустроенные и удобные, чем лагери»[2]. Большинство городов на Востоке, по словам В. В. Бартольда, выросло на месте укрепленного военного лагеря. Г. Каир, вначале носивший название Фустат, «окруженный рвом лагерь», первоначально был укреплен военным лагерем; Куфа, Басра, Шираз и другие также берут свое начало от первоначального укрепленного лагеря[3]. Это же можно сказать и относительно городов Булгар и Сувар, возникших из бывших военных крепостей и развившихся в торговые и ремесленные центры[4].

Большинство городов Золотой Орды, сооруженных при монголах, возникало на месте бывших военных лагерей. Об этом говорят их названия: Крым (Старый Крым), Ак-Керман (Moncastro), хан-Керман (Касимов), Керменчук (на реке Вятке), Кременчук (на Днепре) и другие. В половецком словаре слово «керман» переведено на латинский язык: Castrum, Caste—укрепление, место, крепость, лагерь[5]. Современный город Темников на территории Мордовской АССР, город Тюмень в Сибири и Тюмень на реке Тереке возникли на месте лагеря ханского темника — начальника десятитысячного гарнизона.

Другие города Золотой Орды в своем развитии были обя-

---

[1] Б. А. Рыбаков, Ремесло в древней Руси, стр. 97, 98.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXI, стр. 489.

[3] В. В. Бартольд, Культура мусульманства, 1918, стр. 28.

[4] А. М. Ефимова, К вопросу о происхождении городов волжской Болгарии. Тезисы докладов на конференции по археологии древней и средневековой истории народов Поволжья и Казани в 1956 г., 1956, Москва, стр. 48—49.

[5] Codex Cumanicus, p. 315.

заны не столько развитию ремесла, сколько развитию караванной торговли. Достаточно взглянуть на местоположение Золотоордынских городов таких, как Солхат, Азак (Тана), Маджар, Сарай, Саранчук, стоящих на путях караванной торговли, или на города Астрахань, Укек, Бельджемем, Бездеж — стоявших на Волге — все они в своем развитии были обязаны караванной торговле, которая приобрела при монголах мировой для того времени характер.

На территории Золотой Орды до ее образования насчитывалось всего лишь несколько городов, из них некоторые, как, например, Судак (Солдай), Феодосия, Херсонес, Танаис были полуразрушены. С образованием Золотой Орды и установлением караванных путей торговля от Крыма до Китая начинается восстановление старых и основание новых городов, что особенно заметно на примере Крыма. Город Солдай (Судак), восстановленный еще в сороковых годах, к началу пятидесятых годов XIII в. стал опорным пунктом венецианцев в Крыму. В 1253 г. при посещении города Рубруком здесь останавливались «все купцы, как едущие из Турции и желающие направиться в Северные страны, так и едущие обратно из Руси и Северных стран и желающие направиться в Турцию». Сюда привозили «горностаев, белок и другие драгоценные меха..., ткани из хлопчатой бумаги, бумазею, шелковые материи и душистые коренья»[1]. Параллельно с Солдаем венцианцы вскоре открыли фактории и в других городах Причерноморья, нам известна их фактория в Тану (Танаис), восстановленная монголами под названием Азак. С восстановлением Византийской империи в 1261 г. в Крыму появляются генуэзские купцы, конкуренты венецианцев. На развалинах греческого города Феодосии они основали свою факторию Каффу, которой суждено было сыграть важную роль в системе караванной торговли. Генуэзцы «под покровительством греческих императоров почти монополизировали торговлю Константинополя и Черного моря»[2] и, опираясь на Каффу, начали вытеснять своих конкурентов венецианцев.

В бытность Ибн-Батуты в Крыму в 30-х гг. XIV в. Каффа была «большим городом». «Чудная каффийская гавань», по словам Ибн-Батута, являлась «одной из известных гаваней мира», где он застал «до 200 судов военных и грузовых, больших и малых»[3].

На стыке двух дорог, идущих от генуэзского города Каффы и венецианского Солдая, в центре Крымского полуострова возник один из старинных татарских городов Солхат, выросший на месте татарской крепости — Крыма, Солхат, хотя и являлся административным центром всего Крымского полуострова, но в

---

[1] В. Рубрук, Путешествие в восточные страны, стр. 66.
[2] К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения, т. XI. ч. I, стр. 81.
[3] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 280.

своем превращении в богатейший торговый пункт обширных размеров»[1] был обязан караванной торговле. В нем постоянно жили половецкие, русские и аланские купцы[2].

Во второй половине XIII в., в период развития караванной торговли, на ее путях возник ряд новых городов, из которых особенно примечательными являются города Маджар и Астрахань. Они подробно описаны Ибн-Батутой. Гор. Маджар, расположенный на пути караванной торговли между Азаком (Тану) и Астраханью, являлся одним из крупных торговых центров на северном Кавказе и всегда шумел «мнози бо от различных язык живущей на месте том»[3]. Ибн-Батута называет Маджар «одним из лучших тюркских городов, на большой реке (на Кубани в месте впадения речки Буйвал), с садами и обильными плодами». «На базаре этого города я видел еврея, — пишет Ибн-Батута, — который приветствовал меня и заговорил со мною по-арабски. Я спросил его, из какой он страны, и он сообщил, что он из земли Андалузской (Испания), что он прибыл оттуда сушей, а не ездил морем и приехал через Константинополь великий, через римские земли и через черкесов»[4].

Одним из лучших городов Ибн-Батута называет город Хаджи-Тархан-Астрахань, построенный на реке Итиле при монголах. «Город этот, — пишет он, — получил название свое от тюркского хаджи (поломника), одного из благочестивцев, поселившегося в этом месте. Султан отдал ему это место беспошлинно, (т. е. сделал тарханом), и оно стало деревней, потом оно увеличилось и сделалось городом»[5]. К сожалению, арабский путешественник не указывает ни времени возникновения города, ни местоположения его. Средневековые карты помещают г. Цитрахань на западном берегу Волги, несколько выше нынешней Астрахани, в районе бывшего хазарского города Итиля, на месте, называемом «Жареный Бугор», исследованном в 1777 г. С. Гмелиным. В развалинах города С. Гмелин нашел татарские серебряные монеты, кольца, серьги, запястья и др. вещи[6]. В 1893 г., ко времени раскопок А. А. Спицына, остатки старой Астрахани, разрушенной Волгой и ветрами, состояли лишь из

---

[1] Архив Маркса — Энгельса, т. VIII, стр. 147, 1946 г.

[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 63.

[3] ПСЛР, т. XXV, стр. 166.

[4] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 287—288.

[5] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 301. Рассказы Ибн-Батута о возникновении Астрахани-Хаджи-Тархани совпадают с данными Самуйло Гмелина, записанными со слов астраханских татар в 1777 г.: «Некий знатный татарин, вернувшись с богомолья, одного из своих рабов отпустил на волю, чем жители (города), будучи тронуты, назвали свой город Аджи-тарханом..., чтобы город вечно хранил свою вольность». С. Гмелин, Путешествие по России, ч. II, 1777 г., стр. 65.

[6] С. Гмелин, Путешествие по России, ч. II, 1777 г., стр. 64. В. В. Бартольд, Место Прикаспийской области в истории мусульманского мира, 1925, стр. 44.

небольшого участка в 170 сажен длиною и 150 сажен шириною, весь культурный слой города был уничтожен каменоломнями. Найденные остатки строительного материала и керамики были тождественны с керамикой Сарая. А. А. Спицын скупил у местных жителей 240 золотоордынских монет, собранных жителями в Жареных Буграх[1].

Астрахань занимала большую территорию, окруженную каналами; в зимнее время с устройством искусственного ледяного вала Астрахань превращалась в неприступную для неприятеля крепость. Связанная по волжскому пути с Сараем на севере, на юге — с Кавказом и Ираном, Астрахань играла важную роль в средневековой торговле. О значении Астрахани до ее разрушения Тимуром Иософато Барбаро писал: «Город Цитрахань — теперь он почти разрушен. Но прежде славился своей обширностью и богатством. До разрушения его Тамерланом пряности и шелк... доставлялись в Тану через Цитрахань и потом уже на шести или семи венецианских галерах привозились в Италию»[2]. В 1374 г. венецианец Лункино Тариго «с одной вооруженной баркой вышел к реке Танаис (Дон), по которой дошел до такого места, где названная река (Дон) наиболее приближается к Эдили (Волге)... и от реки к реке волоком по земле угнал барку к названной реке Эдилю и вышел к Баканскому морю, принимавшему много кораблей»[3]. Речной путь, по-видимому, был кратчайшим по сравнению с сухопутно-караванным, существовавшим между Тану и Астраханью и являвшимся в то же время наиболее длительным. Из инструкции Пеголотти видно, что сухим путем от Тану к Астрахани приходилось ехать довольно долго: 25 дней на волах или же 10—12 дней на лошадях[4].

В числе городов, близко лежащих к Астрахани, современники указывают на Сарай, расположенный на расстоянии однодневного пути по воде, двухдневного пути по суше от Астрахани. «От Джитархана до Сары (Сарая) один день пути водой по реке Волге», — пишет Пеголотти. Арабский географ XIV в. Абулфеда говорит о двухдневном пути от Астрахани, имея в виду дорогу по суше. Говоря о Сарае, они оба подразумевают старый Сарай — Сарай Бату, названный у Абулфеда «Иски-юртом»— Старым юртом[5].

На карте Фрао Мауро указываются оба Сарая — Сарай Берке и Сарай Бату, первый из них назван saray grando великим Са-

---

[1] А. А. Спицын, О поездке члена Археол. комиссии А. А. Спицына летом 1893 г. на Жареный Бугор и в некоторые приволжские золотоордынские города. Отчет Археол. комиссии за 1893—1895 годы, стр. 77.

[2] В. Семенов, Библиотека иностранных писателей о России, т. I, стр. 31.

[3] Ф. Брун, Черноморье, ч. I, 1879, Одесса, стр. 208.

[4] H. yule, Cathay and the way thether, London, 1866. p. 287.

[5] Gjeograpie d'Abulteada, t. II, Paris, 1848, p. 214.

раем, второй просто «Сараем» (saray)[1]. Старый Сарай с перенесением столицы ханов в новый потерял свое политическое значение как столица, но его роль в караванной торговле по-прежнему была велика. Об этом свидетельствуют остатки его (развалин близ села Селитренное на реке Ахтубе), занимающие около 36 кв. километров[2]. Что касается нового Сарая, то превращение его в политический центр благоприятствовало его развитию. Не случайно Фрао Мауро называет его saray grando Великим Сараем. Ибн-Батута, посетивший его при хане Узбеке в 1333 г., называет так: «один из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины на ровной земле, переполненный людьми, с красивыми базарами и широкими улицами...». «Однажды мы поехали верхом с одним из старейшин, — пишет он, — намереваясь объехать его кругом и узнать объем его. Жили мы в одном конце его и только после полудня совершили (там) молитву полуденную, поели и добрались до (нашего) жилища не раньше как при закате... В нем 13 мечетей для соборной службы... Кроме того, еще чрезвычайно много (других) мечетей». В Сарае проживали монголы, ясы, кипчаки, черкесы, русские, византийцы, персы, арабы и другие. Каждый народ имел особый квартал, отделенный друг от друга, и особые базары. «Купцы же и чужеземцы и с обоих Ираков, из Египта, Сирии и других мест живут в (особом) участке, где стена ограждает имущество купцов»[3]. По словам неизвестного автора, в Сарае насчитывалось тогда около 75 тысяч жителей[4], что говорит о величине

---

[1] Ф. Ф. Чекалин, Нижнее Поволжье по картам XV в., Труды Саратовской архивн. ком., т. II, 1890, стр. 247.

[2] Ф. В. Баллод, Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды, 1923, Казань, стр. 81 и след.

[3] В. Г. Тизенгаузен, Сборник. т. I, стр. 306.

[4] «Вот что я видел в городе Сарае, в степи Кипчатской, в землях тюрков. Случилось, что они (сарайцы) страдали от засухи, что у них не выпадало дождя; вследствие этого они пришли в отчаяние, и мудрецы из них потеряли всякую надежду. Вдруг к ним пришла женщина-чародейка и сказала им: «Если вы хотите, чтобы к вам пришел дождь, то дайте мне денег». Тогда она уговорилась с жителями города, чтобы они собрали для нее с каждых 3-х лиц 2 диргема и чтобы эти деньги были оставлены у кадия; если к ним (жителям) придет дождь (вследствие ее чар), то она возьмет деньги; если же нет, то деньги будут возвращены тому, кому они принадлежат. Когда деньги были собраны, то они были оставлены у кадия, она же назначила им (людям) свидание на завтра. На другой день все из города отправились за черту его, к тамошней горе, на которой старуха уже успела разбить палатку. Когда время стало подходить к полудню, старуха вышла из палатки, перед нею была одна коза (или козел), с которой была содрана кожа до головы. В руке ее (старухи) находился прут, который она устремляла по направлению к западу. Когда она сделала это, то Аллах всевышний заставил появиться тучу и повелел полить дождю. И задождило по воле Аллаха всевышнего, солнце (в это время) действовало (пекло) очень сильно, а народ пошел (т. е. вернулся в город), утопая в воде(?). Я был в числе их (пришедших посмотреть на это) и из тех, которые относили (ей) по 2 диргема с каждых 3-х лиц. Старуха забрала эти деньги и оказалось их свыше 50 000 диргемм. (В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 550).

города в период его наивысшего развития. Арабские писатели, говоря о Сарае, как о большом городе, отнюдь не преувеличивали: развалины Сарай-Берке еще недавно занимали территорию не менее 48 кв. километров[1].

Кроме двух Сараев и Астрахани, на средневековых картах XIV—XV вв. по обоим берегам Волги отмечен еще ряд городов и населенных пунктов, посещавшихся итальянскими купцами. На Каталонской карте 1375 г. севернее Сарая, на западном берегу Волги, обозначен город «Barchimen», или Baljman, как он назван на карте Фрао Маура. В обоих случаях речь идет о городе Бельджимане, указанном арабским географом Абульфида, развалины города находятся у поселка Дубовки, Саратовской области. В 1915 году из его развалин было извлечено до 15 тыс. пудов костей, 92 воза кирпича, 100 пудов медного лома, 150 пудов железа и 11 пудов свинца[2]. Севернее Бельджинама, на западном берегу Волги, находился город «средней величины Укек с красивыми постройками»[3]. Укек — один из самых старых городов Золотой Орды, был известен еще Рубруку и славился торговлей солью. Впоследствии здесь был монетный двор ханов. Однако после основания города Мохши (Наровчат) г. Укек стал терять свое значение, как центра улуса. Город Мохши (Наровчат) не значится на итальянских средневековых картах; о нем мы узнаем лишь по данным золотоордынской нумизматики и археологическим раскопкам, произведенным А. А. Кротковым в 1925 году. Раскопки дали значительный материал для истории этого города, расположенного в районе, населенном мордовой. Он особенно рзавился в начале XIV в., когда превратился в один из значительных городов Золотой Орды. С организацией монетного двора, в котором с 1312 по 1342 гг. чеканились монеты хана Узбека, г. Наровчат превратился в важный улусный центр Золотой Орды по управлению мордвой, которые снабжали татар воском, медом, хлебом и мехами[4].

В русских летописях неоднократно говорится еще об одном татарском городе на правом берегу Волги — о Бездеже, упоминаемом в русских летописях наряду с Ургенчем, Астраханью и Сараем. Однако местоположение его остается невыясненным. Д. Ф. Кобеко отождествлял Бездеж с позднейшим татарским селом Бектяш, расположенным на правом берегу Волги, в пределах бывшей Симбирской губернии[5]. На итальянских картах XIV в. Бездеж почему-то не упомянут, хотя, согласно русским

---

[1] Ф. В. Баллод, Старый и Новый Сарай, стр. 11

[2] Ф. В. Баллод Приволжский Помпей, 1923, стр. 37.

[3] Gjeograpie d'Abulfeada, t. II, p. 323—324.

[4] А. А. Кротков, К вопросу о северных улусах Золотой Орды. «Известия об-ва обследования и изучения Азербайджана». № 5. 1928, Баку, стр. 76—77.

[5] Д. Ф. Кобеко, Где находился упоминаемый в летописях город Бездеж? Журнал МНП за 1892 г., ноябрь, стр. 153.

летописям, Бездеж считался важным торговым и административным центром. Это обстоятельство вызывает сомнение относительно доводов Д. Ф. Кобеко, приводимых им в пользу Бектяш-Бездеж. Быть может, загадочный Бездеж надо искать не на Волге, а в другом месте, где-то вблизи Мохши-Наровчата.

На карте Фрао Мауро на восточном берегу Волги отмечаются следующие населенные пункты, известные итальянским купцам, и, очевидно, имевшие торговое значение: Zotrage, Apacha, Samara. На карте братьев Пицигани (1367 г.) и Каталонской карте того времени, кроме Samara, отмечены следующие города: Bulgar, Carnbdom, sibir, Tora — Тура-Тюмень[1]. Из указанных городов более известен и более изучен город Булгар, разрушенный в 1236 г. Батыем. Он вскоре был восстановлен и до постройки Сарая являлся временной резиденцией ханов Золотой Орды. А. П. Смирнов и Н. Я. Мерперт относят восстановление Булгар к 70—80 гг. XIII века[2], но, по-видимому, он был восстановлен гораздо раньше. Братья Николло и Маффес Поло в течение года (1261-62) жили в этом городе, бывшем в ту пору резиденцией хана Берке. Берке даже после основания Сарая «жил в Булгарах да в Сарае». Хан был очень обрадован приходом братьев Поло в город Булгар, «приказал... вдвое заплатить братьям за драгоценности, давал он им и другие большие богатые подарки». Братья Поло после более чем годичного пребывания в Булгарах» «вышли из Болгара, пошли... к городу... Укек»[3]. В сообщениях Марко Поло не говорится о развалинах Булгара, да и сам хан вряд ли мог жить в разрушенном городе.

Как показывают археологические данные, этот, когда-то небольшой по размерам город, при монголах во многом вырос и к началу XIV в. достиг значительного развития и даже пережил блестящую пору расцвета[4]. К этому времени относится постройка в городе Булгары прекрасных зданий вроде Черной палаты, Малого минарета, четырехугольника и других общественных сооружений[5]. При посещении его Ибн-Батутой в 1333 году город Булгары был крупнейшим торговым центром. Булгарские купцы вели крупную торговлю в Поволжье, Сибири и на Крайнем севере с жителями «Страны мрака». Ибн-Батута описывает характерный способ обмена, практиковавшийся булгарскими купцами в торговле с жителями «Страны мрака». «Каждый из них, — писал

---

[1] Ф. Ф. Чекалин, Саратовское Поволжье в XIV в. по картам того времени. Труды Саратовской учен. арх. комиссии, т. II, 1889, Саратов. стр. 14, 247

[2] А. П. Смирнов, Н. Я. Мерперт, Экспедиция на строительстве Куйбышевской ГЭС, Вестник Академии наук СССР, № 1, 1953, стр. 63.

[3] Марко Поло, Путешествие, 1940, стр. 4—5.

[4] А. П. Смирнов, Н. Я. Мерперт, Археологические работы в районе строительства Куйбышевской ГЭС. Вестник Академии наук СССР, в. II, 1951 г., стр. 41, след. А. П. Смирнов, Волжские Булгары, 1951, стр. 54.

[5] А. М. Ефимова. Гидрологические сооружения др. Булгарах. Труды Куйбышевской арх. экспедиции, т. I, 1954, стр. 389.

Ибн-Батута, — оставляет там те товары, с которыми приехал, и возвращались в свою обычную стоянку. На следующий день они приходят снова для осмотра своего товара и находят супротив него (известное количество) соболей, белок, горностаев. Если хозяин товара доволен тем, что нашел насупротив своего товара, то он берет его, если же недоволен им, то оставляет его. Те (т. е. жители «мрака» набавляют его (своего товара), часто же убирают свой товар, оставляя на месте — товар купцов. Так (происходит) купля и продажа их. Эти меха отправляются в Индию, Китай, Иран, где они стоят чрезвычайно дорого»[1].

О значении города Булгар в системе золотоордынской торговли говорят не только надписи над местами погребения лиц, прибывших в Булгар из разных стран Востока в XIV в., но и громадное количество найденных в его развалинах монет из Иднии и западных стран[2], китайских зеркал, керамики из Китая, Херсонеса и др. В большом количестве золотоордынские монеты были найдены не только в развалинах Булгара, но и в соседних с ним районах Поволжья. А. П. Смирнов насчитал 13 больших монетных вкладов в ближайших к Булгарам районах, в некоторых случаях достигающих до 15 000 монет[3].

Об остальных городах Золотой Орды, за исключением Ургенча и Сарайчука, не сохранилось более или менее достоверных данных. О Сарайчуке имеются интересные указания у Пеголотти и у Ибн-Батуты: оба автора подчеркивают торговое значение Сарайчука, стоявшего на пути караванной торговли с Востоком. «От Сары (т. е. Сарая Бату) до Сарканко (Сарайчук) 8 дней пути водой, туда можно прийти и сухим путем, — пишет Пеголотти, — но отправляются обычно водой вследствие более дешевой перевозки товаров»[4]. Ибн-Батута проехал расстояние от Сарая до Сарайчука за 10 дней на арбах, запряженных лошадьми[5]. Развалины города Сарайчука находятся вблизи станицы Саранческая, на западном берегу реки Урала, в 48 километрах от города Гурьева. Они были обследованы в 1865 году капитаном генерального штаба Алексеевым, который измерял площадь города и его вала. В своей статье, опубликованной в «Уральских войсковых ведомостях», он определяет длину города в две версты и 100 сажен, ширину в 1 версту 50 сажен. Город был окружен валом длиною до 8 верст. К сожалению, Алексеев не подверг изучению культурный слой города, ограничившись лишь ссылкой на множество битого кирпича и мрамора на территории бывшего города[6]. После поверхностного обследования в районе Сарай-

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 297—298.
[2] А. П. Смирнов, Волжские Булгары, 1951. стр. 59.
[3] Там же, стр. 54.
[4] H. yule, Cathay and the way thither, p. 287.
[5] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 307—308.
[6] Алексеев, О развалинах татарского города Сарайчука, «Уральские войсковые ведомости» за 1867 год, № 30.

чука, проведенного Алексеевым, археологических разведок здесь больше не производилось, между тем советская археология могла бы дать многое для изучения Сарайчука, равно как и других золотоордынских городов — Искера (Сибирь) и Тюмени, обозначенных на итальянских средневековых картах.

В более благоприятных условиях в смысле изучения оказались среднеазиатские города Золотой Орды: Ургенч, Сыгнак и другие. Они лучше отражены в источниках.

Ургенч (Куна Ургенч) — столица хорезмшахов, один из старинных очагов среднеазиатской культуры, почти полгода выдерживавший осаду монголов и сильно пострадавший при его взятии в апреле 1221 г. Один из ранних историков, Ибн-ал-Асира, говорит даже о его полном уничтожении, но, видимо, несколько преувеличивает. Не прошло и нескольких десятилетий, как город уже снова ожил и с развитием караванной торговли превратился в крупнейший торгово-ремесленный и культурный центр Джучиева улуса[1]. К таким же выводам пришел и С. П. Толстов в результате своих многолетних археологических изысканий в районе Ургенча. По археологическим данным, территория города при монголах вышла за прежние границы. Только одна цитадель города, Таш-кала (каменный город), не существовавшая до монгольского нашествия, в период Золотой Орды не только включала свою прежнюю территорию города, но и захватила значительную часть северного района, прежде лежавшего вне черты города[2]. За границами «Таш-кала» было сооружено несколько грандиозных памятников: большой минарет, построенный при Узбеке его наместником Кутлук-Тимуром, мавзолей шейха Шерефа, сооружение которого А. В. Якубовский относит к первой половине XIV века, мавзолей Тюрабен-ханом, одна из красивейших построек Средней Азии, сооруженная в 20-х годах XIV в., мавзолей Наджим-ад-дина Кубра (20—30 гг. XIV в. крепость Хорезм-бага, Ак-кала (белый город) (30—40 гг. XIV в.) и много других построек[3].

Появление таких архитектурных памятников в первой половине XIV в., сохранившихся даже после варварского разрушения города Тимуром, свидетельствует о росте производительных сил в Хорезмском улусе Золотой Орды, достигших наивысшего своего подъема в 30—40 гг. XIV в. Ибн-Батута, посетивший Ургенч в этот период, оставил нам описание этого города. «Это — один из самых больших, значительных, красивых тюркских городов, богатый славными базарами, просторными улицами, многочисленными постройками, отборными красотами... Он (точно) ко-

---

[1] А. Ю. Якубовский, развитие Ургенча, 1931, стр. 14.

[2] С. П. Толстов, Археологические исследования Хорезмской экспедиции АН СССР, «Вестник Академии наук СССР», № 8 за 1953 г., стр. 43.

[3] С. П. Толстов, По следам древнехорезмской цивилизации, 1948, стр. 318.

леблется от множества своих жителей и волнуется от них как волна морская». «Однажды,— пишет он,— я поехал по нем верхом и заехал на рынок. Забравшись в середину его, я доехал до крайнего предела давки, на место, которое называется Шаур; я не был в состоянии пробраться через это место, вследствие чрезвычайной толкотни; хотел я вернуться, но (также) не мог, вследствие множества народа»[1]. «Кто отправляется с товарами,— писал Пеголотти,— тому следует пройти в Органчи (Organci), так как там идет бойкая торговля». В другом месте он говорит: «Кто хочет отправиться из Генуи или Венеции в эти места и в путешествие в Китай, тот пусть везет с собой ткани и идет в Органчи, а в Органчи купит на них серебро и идет дальше в Китай»[2].

Судьбу аналогичную Ургенчу пережили и остальные города Золотой Орды, расположенные в низовьях Сыр-Дарьи и не меньше пострадавшие от отрядов Джучи в 1220 г. в период завоевания Чингис-ханом низовьев Сыр-Дарьи. Войска Джучи, взяв г. Отрар, разрушили цитадель и сравняли ее с землей. Таким же испытаниям были подвергнуты города Сыгнак, Узгент, Барчакент, Янкент, Джент и другие города на правом берегу Сыр-Дарьи. Во время путешествия Плано Карпини на месте этих городов были видны одни лишь развалины. «В этой земле мы нашли бесчисленные истребленные города,— писал он,— разрушенные крепости и много опустошенных селений». Более или менее уцелели лишь города Янкент и Барчакент «Barchin»[3].

Восстановление указанных выше городов, по-видимому, началось лишь в конце XIII в., в связи с перенесением ставки потомков Орда-Ичена из района Балхаша к низовьям Сыр-Дарьи. Владетель Синей Орды Сасы-Бука, умерший в 1320—21 гг., был похоронен в городе Сауране. «Анонимо Искендера» относит наивысший подъем городов в низовьях Сыр-Дарьи ко временам Сасы-Бука и его сына Эрзена, т. е. к 20—40 гг. XIV в.: «Большую часть Медресе, ханака, мечетей и прочих благотворительных учреждений, которые находятся в Отраре, Сауране, Дженде и Берчкенде, устроил он (Эрзен)». «Благодатью своей справедливости и милости он (Эрзен) сделал весь Туркестан образцом высшего рая... Безопасности и процветания, какие имел тут улус во время его правления, (никто) после него не видел и во сне. 25 лет он правил таким образом, и в 745 г. умер от естественной болезни, могила его находится в городе Сыгнаке»[4].

О значении Сыгнака в период его подъема в 30—40 гг. XIV в. узбекский историк XVI в. Рузбахани писал: «Этот город в древности был очень цветущим, с обрабатываемыми полями, богатый

---

[1] В. Г. Тизенгаузен. Сборник, т. I, стр. 308.
[2] H. Jule, Cathay and the way thither, p. 294.
[3] Плано Карпини, История монгалов, стр. 51.
[4] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 129—130.

разнообразными продуктами... Из достоверных источников известно, что в нем было до такой степени большое население, что ежедневно поступало 500 верблюдов с вьюками бурьяна, из которых к вечеру ни один не оставался непроданным»[1]. Город Сыгнак, достигший наивысшего подъема в 30—40 гг. XIV в., сильно пострадал от Тимура, а в период войны узбекских и казахских ханов вновь превратился в развалины. В 1901 г. при посещении города В. А. Каллауром были еще заметны остатки прежних строений. Из фотографического снимка мавзолея Кек-Кесена, сделанного Каллауром, видно, что мавзолей имел богатую архитектуру[2]. А. Ю. Якубовский, обследовавший развалины Сыгнака в 1930 г., нашел лишь обломки голубых, синих, белых изразцов с очень высоким качеством поливы, не уступавшим лучшим самаркандским и бухарским образцам. «Наличность вышеупомянутых образцов и изразцовых мозаик дает право думать,— пишет А. Ю. Якубовский,— что здание (Кек-Кесен) построено не раньше конца XIV и скорее всего в XV в.»[3]. Учитывая условия той борьбы, которая шла в низовьях Сыр-Дарьи во второй половине XIV—XV вв., вряд ли можно отнести основание Кек-Кесена к концу XIV или XV в. Скорее всего он был построен в 30—40-х годах XIV в.

Из описанных золотоордынских городов, число которых доходило до двадцати, большинство были небольшими торговыми центрами со слабо развитым ремеслом. Только города Ургенч, Булгар, возникшие до монгольского завоевания, имели высокое ремесленное производство; что же касается обоих Сараев, то они были главным образом административно-торговыми центрами. В остальных городах ремесленное производство было слабо развито. В качестве примера можно привести Солхат, один из крупнейших татарских городов в Крыму, который «всадник едва мог объехать к полдню на хорошем коне». И. Н. Бороздин, производивший археологическую разведку в Солхате, на территории Караван-сарая (около 2500 кв. метров) не обнаружил остатков ремесленных очагов в черте Караван-сарая, а также и вне его черты. Единственное, что удалось обнаружить, это — остатки небольшой гончарной мастерской в районе Караван-сарая[4]. Слабое развитие ремесла в Солхате подтверждает тот исторический факт, что при постройке Узбеком мечети в городе Солхате в

---

[1] Прошлое Казахстана в исторических материалах, 1935, стр. 108—109.

[2] А. Каллаур, Древние города в Перовском уезде, разрушенные Чингис-ханом в 1219 г., Древности киргизской степи и Оренбургского края, Оренбург, 1910, стр. 187—189.

[3] А. Ю. Якубовский, Развалины Сыгнака, Изв. ГАИМК, т. VI, вып. II, 1930, стр. 156. Ср. С. П. Толстов, По следам древнехорезмской цивилизации, 1948, стр. 61 и след.

[4] И. Н. Бороздин, Солхат, «Новый Восток», 1936, № 13—14, стр. 287, 292.

1313 г.строительный материал, а также и мастера были привезены сюда из Египта[1]. Пример с Солхатом является характерным не только для Крыма, но и для других городов Золотой Орды, имевших административное или торговое значение.

Золотоордынские города в своем развитии были обязаны не столько ремеслу, сколько караванной торговле, получившей большое развитие в XIII и первой половине XIV в. Правящая феодальная аристократия, получавшая большие барыши от караванной торговли, поощряла караванную торговлю, проходившую главным образом по путям, которые шли через владения Джучиева улуса на Восток, в Среднюю Азию и Китай. Караванная торговля, «поощряемая монголами ради собственной выгоды»[2], в XIII и первой половине XIV в. получила большое развитие. О безопасности путей караванной торговли при монголах можно судить по Пеголотти: «Путь из Таны в Китай, — писал он, — по словам купцов, совершавших это путешествие, вполне безопасен и днем и ночью; только если купец по дороге туда и обратно умрет, то все его имущество передают государю страны, в которой он умер, и будет взято его чиновниками..., но если вместе с ним там окажется его брат или близкий друг, который скажет, что он — брат умершего, то ему и будет отдано имущество умершего, и оно, таким образом, будет сохранено»[3].

В этой караванной торговле, однако, собственно, золотоордынские товары, за исключением скота занимали самую ничтожную долю. Участие кочевников Дешт-и-Кипчака в торговле ограничивалось лишь продажей скота, главным образом, коней. У арабского путешественника Ибн-Батута имеется интересный материал о торговле лошадьми. «Лошадей в этой земле (Дешт-и-Кипчаке) чрезвычайно много,— писал он,— стоят они безделицу; так, отличному коню цена — 50 или 60 диргемов тамошних, равняющихся 1 нашему динару или около того»[4]. Золотоордынский диргем в то время (XIV в.) равнялся русским 2 копейкам, следовательно, хороший конь стоил от 1 р. до 1 р. 20 коп. Сам Ибн-Батута продал своих коней в Сарайчуке за 4 динара, т. е. по 46 коп. каждого. Барышники, торгующие лошадьми, пригоняли гурты лошадей в соседние страны и наживали себе большие состояния. «Лошади эти развозятся в страны индийския, — читаем у того же Ибн-Батуты, — и бывает их в караване по 6000, а иногда и более или менее, так что на 100 и 200 (коней)... у торговцев лошадьми, при наличии больших таможенных сборов, остается большой барыш, потому что они продают в Индии дешевого коня за 100 динаров серебром..., нередко они продают его вдвое-втрое дороже, и отличный конь

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 363.
[2] Маркс и Энгельс, Архив, т. VIII, 1946, стр. 154.
[3] H. Jule, Cathay and the way thither, p. 290.
[4] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 276.

стоит 500 динаров и больше того»[1]. У Иософато Барабаро имеются указания о продаже татарских коней и верблюдов в Персию и рогатого скота в Италию[2].

Одной из доходнейших статей золотоордынской торговли была работорговля. Причерноморские итальянские города, особенно г. Каффа, были главными центрами работорговли. Они снабжали рабами все невольничьи рынки Европы, Азии и Африки. Испанский путешественник Перо Тафур, посетивший г. Каффу между 1435—1439 гг., в своей книге «Происшествия и путешествия» оставил подробное описание работорговли в этом городе. Тогда город уже захирел, а в Золотой Орде заканчивался процесс ее распада, но даже в то время в г. Каффе шла бойкая работорговля. «В этом городе они продают рабов и рабынь в большем количестве,— пишет он,— чем в любом месте мира... Я купил там двух рабынь-женщин и одного мужчину, они до сих пор живут у меня вместе со своими детьми в Кордове. Рабов продают вот как. Продавцы обнажают их, и мужчин и женщин, надевают на них войлочные колпаки и называют цену. Потом их совсем голыми заставляют пройтись взад и вперед, чтобы было видно, нет ли у них какого-либо телесного изъяна. Если среди рабов продается татарин или татарка, цена на них в три раза больше, ибо с уверенностью можно сказать, что ни один татарин никогда не предавал своего хозяина»[3]. В XIII—XIV вв., в период могущества татаро-монголов, когда после каждого удачного похода в их руки попадало бесчисленное количество пленников, работорговля в г. Каффе, должно быть, была очень бойкой. Об этом свидетельствуют акты генуэзской нотариальной конторы, заключенные в городе Каффе в 1281—1290 годах. Среди рабов, проданных в г. Каффе, в те годы встречаются черкесы, русские, болгары, маджарцы, татары и др.[4]. С 1366 по 1397 годы в одной только Флоренции зафиксировано триста восемьдесят девять сделок по продаже рабынь, двести пятьдесят из этих рабынь были татарки[5]. Из портов причерноморья в Геную и Венецию каждый год ввозили рабов тысячами. В 1368 году их число в Италии настолько увеличилось, что в одно время даже опасались их восстания и поэтому начали их поспешно переправлять в Испанию, Германию и Африку[6].

В числе товаров татарского происхождения в источниках

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 286—287.

[2] В. Семенов, Библиотека иностранных писателей о России, т. I, стр. 35.

[3] Pero Tàfur, Andancas è Viajes, Madrid, 1874, p. 161—162.

[4] Bratianu, Actes des notaires. Genvo is de pere et de Caffe de la fin du treizieme siecle (1281—1290), Bucarest, 1927, p. 178., 183—184, 189, 200 ete.

[5] Г. Хархт, Венецианец Марко Поло, Издательство иностранной литературы, М., 1956, стр. 31.

[6] И. В. Лучицкий, Рабство и русские рабы во Флоренции в XIV—XV вв. 1886, Киев, стр. 12—13.

отмечаются меха, воск, соль, рыба, кожа, изготовлявшиеся самими кочевниками[1]. Правда, в числе «татарских товаров» упоминаются также шелк, камка (китайская шелковая ткань), перец, грецкий квас, никогда не производившийся в Дешт-и-Кипчаке[2]. В источниках в числе «татарских товаров» неверно названы: хлеб, вино, ткани, ковры, серебро, жемчуг, фарфор, краска и другие вещи не татарского происхождения. Серебро, хлеб, частично меха, воск по своему происхождению являлись русскими или вывозились из Литвы; ковры и шелка из Средней Азии, фарфор и драгоценные камни — из Китая, жемчуг, перец и краски — из Индии, вино — с Кавказа[3]. Из этих перечисленных товаров видно, что большинство так называемых «татарских изделий» было иноземного производства, из татарских товаров хотя и поступал на рынок скот, но производных продуктов скотоводства обычно в торговом обороте не замечалось. «У тех из них, которые живут в степи, там мясо не продается и не покупается»,— писал Эль-Омари.

Притом, в большинстве случаев, золотоордынская торговля носила формы простого обмена товаров. Во время своего путешествия по Монголии Плано Карпини и сопровождавшие его лица в пределах Золотой Орды «не могли и найти ничего продажного на деньги». Рубрук и его товарищи во время путешествия на золото и на серебро не могли купить ничего съедобного, получали все необходимое путем обмена на полотно и ткани[4]. Возможно, нам возразят, что это относится к более раннему периоду, но и после, как сообщает С. Герберштейн, у татар «Золото и серебро, кроме купцов, почти не употребляется, а употребляется у них только обмен вещами»[5].

Мы рассмотрели экономическую структуру Дешт-и-Кипчака XIII—XIV вв. Из этого краткого обзора можно сделать следующие выводы:

1. Несмотря на некоторое развитие производительных сил в Дешт-и-Кипчаке, монголы-татары все же оставались кочевниками-скотоводами.

2. Земледелие, ремесла, появившиеся только в последние годы существования Золотой Орды, не вышли из своей первобытной формы; караванная торговля не затронула основ натурального хозяйства монголов.

Разбирая экономический строй Золотой Орды, мы как бы отвечаем на поставленный вопрос: создали ли монголы более высокий экономический строй в завоеванных ими странах? Обычно варварские завоевания, как указывал К. Маркс, приво-

---

[1] Spuler, указ. соч., стр. 403—404.

[2] Акты, относящиеся к истории западной России, т. I, 1846, стр. 30.

[3] Spuler, Указан. сочинения, стр. 407—408.

[4] В. Рубрук, Путешествие в Восточные страны, стр. 84, 86, 165.

[5] Герберштейн, Записки о московитских делах, А. И. Малеина, СПБ, 1908, стр. 140.

дят к троякому исходу: «Народ-завоеватель навязывает побежденным собственный способ производства (например, англичане в этом столетии в Ирландии, отчасти в Индии); или он оставляет существовать старый и довольствуется данью (например, турки и римляне); или происходит взаимодействие, из которого возникает новое, синтез (отчасти при германских завоеваниях)»[1].

В своих попытках превратить все пространство захваченных земель в пастбище, низвести людей до положения покорных пастухов монголы потерпели крах. Следовательно, первый исход, указанный К. Марксом, исключается. От монгольского завоевания не получилось и синтеза, как то имело место при германских завоеваниях. Таким образом, третий исход также исключается; остается второй, оказавшийся наиболее приемлемым для монголов-завоевателей, — оставить старый, уже существовавший у покоренных способ производства, ограничившись данью с покоренных народов.

Монголы, будучи не в состоянии навязать покоренным свой способ производства, сами постепенно приспособлялись, или, говоря словами Ф. Энгельса, «приноровились» «к тому высшему» экономическому положению, которое они застали в покоренной стране. Устройство городов, приобретение навыков ремесленного производства, земледелия было своего рода попыткой «приноравливания» к тому «высшему экономическому положению», которое монголы застали в завоеванных ими странах. Но мы уже видели, что земледелие, ремесла, торговля в хозяйстве кочевников играли незначительную роль. Основным источником существования массы кочевого населения оставалось скотоводство. Монголы, за редким исключением, продолжали оставаться кочевниками, «вели натуральное хозяйство, оно не менялось, хотя к монголам, в результате успешных завоевательных войн, пошли деньги, продукты производства разных культурных народов, потянулись караваны купцов, но ростовой торговый капитал не создал новых видов производства и не менял основ натурального хозяйства. По-прежнему скот и охота были главными источниками существования. Следовательно, никто не мог обойтись без пастбищных территорий и мест, удобных для охоты»[2].

Монголы, будучи кочевниками, не менее чем другие народы, занимавшиеся земледелием, нуждались в землях, пастбищах и местах охоты. Главная причина монгольского завоевания и заключалась в стремлении приобрести большие необитаемые пространства земли, как непременное условие кочевого способа производства монгола-скотовода. Отвоевав все пространства земель от Иртыша до низовьев Дуная, удобных для кочевья, потомки Чингис-хана стали собственниками этих земель, необходимых для развития феодального способа производства.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XII, ч. I, стр. 187—188.

[2] Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монгалов, 1934, стр. 110.

Верховным земельным собственником на этой территории был хан из потомков Джучи, которому принадлежало право распоряжаться завоеванными землями. «Император этих татар имеет изумительную власть над ними, — писал Плано Карпини, — никто не имеет пребывать в какой-нибудь стране, если император не указывает ему (т. е. вассалу — М. С.). Сам он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают места тысячникам, тысячники — сотникам, сотники же — десятникам[1]. В то же время хан, формально являясь верховным земельным собственником, «был единственным земельным собственником не в большей степени, чем средневековый германский император или английский король, который лишал своих вассалов феодов и раздавал последние при том условии... если располагал реальными для осуществления своих титульных прав. Но в действительности непосредственным господином он являлся лишь в личном уделе (инджу), в своих рамках»[2]. Как видно из свидетельства Рубрука в 1251 г., вся земля от Дуная до «восхода солнца» была разделена между монгольской аристократией. «Они (т. е. монголы) поделили между собой Скифию, — писал Рубрук,—которая тянется от Дуная до «восхода солнца». Всякий из них, «имеет ли он под своей властью большее или меньшее количество людей», знал границы своих пастбищ (а также), где он должен пасти свое стадо зимой, летом, весной и осенью»[3]. Земельные участки, распределенные между представителями правящего дома, с указанием их точных границ, были наследственно закреплены за их потомками, и этот порядок, установленный при образовании Джучиева улуса, не нарушался на всем протяжении существования Золотой Орды. Доказательством этого служит сообщение узбекского историка XVI в. Рузбахана о земельных владениях казахских султанов. «Каждый казахский улус возглавляется одним султаном из рода Чингис-хана, — писал Рузбахан, — каждый из них останавливается согласно яса на тех землях, которыми владели его предки, начиная от Джучи и до Шайбана-хана; порядок пользования летними и зимними пастбищами такой же»[4]. Ту же картину мы видим в Крыму, где четыре фамилии, происходившие из четырех знатных родов (ширин, барын, аргин и яшлав), разделивши между собою весь Таврический полуостров в период захвата Крыма монголами, владели своими земельными участками до падения Крымского ханства[5].

---

[1] Плано Карпини, История монгалов, стр. 23.

[2] Н. Н. Козьмин. К вопросу о турецко-монгольском феодализме; ОГИЗ, 1934, стр. 52.

[3] В. Рубрук, Путешествие в Восточные страны, стр. 69.

[4] Прошлое Казахстана в источниках и материалах, 1935, Алма-Ата, стр. 107.

[5] Ф. Ф. Лашков, Исторический очерк крымско-татарского землевладения, Известия Таврической учен. архивн. комиссии. № 22, 1845, стр. 58.

Приведенные нами примеры являются характерными не только для Средней Азии или Крыма, но и для других районов Золотой Орды.

В фондах бывшего Саровского монастыря, ныне хранящихся в Центральном государственном архиве Мордовской АССР, имеется родословная татарских князей: Сеид-Ахметовых, Адашевых, Кудашевых, Тенишевых и Янгалычевых, происходивших от татарского князя Бехана «из Золотой Орды», который «по власти Золотой Орды царя владел многими окрестными городами и другими станищами татарскими и мордовскими» по долине реки Мокши; с того времени их потомки Сеид-Ахметовы, Адашевы, Кудашевы и др. «стали владеть вотчинами и землями и поселились по разным местам»[1]. Составитель родословной называет Бехана современником Дмитрия Донского, но, вероятно, появление Бехана надо отнести к более раннему периоду. Город Наровчат-Мохши, расположенный на территории владений потомков Бехана, известен по монетам, которые чеканились, начиная с 1312 г., а город Темников, возникший на местопребывании монгольского темника-десятитысячника, принадлежавшего к потомкам Бехана, по-видимому, берет свое начало с 1257—59 гг., когда на Руси были введены темники, тысячники и сотники. Следовательно, Бехан мог владеть долинами реки Мокши «по власти Золотой Орды царя» Батыя.

Насколько владельцы этих больших земельных владений по своему усмотрению распоряжались своими вотчинами, можно судить на примере так называемых «Мещерских князей», владевших вотчинами вблизи Рязанского княжества. Родоначальник «Мещерских князей» Бахмет Усеинов также «пришел из Большой Орды в Мещеру, и Мещеру воевал и засел ее», закрепив «Мещерские места» за своими потомками, а его правнук Александр Укович продал в 1382 г. свою вотчину Дмитрию Донскому[2]. Родословная «Мещерских князей», опубликованная в «Бархатной книге» Н. И. Новиковым, — единственный источник при изучении истории «Мещерских князей», относит появление Бахмета Усеинова к 1198 г., когда не было еще на Руси татар. Следовательно, год 670 попал в родословную по ошибке переписчика. Пожалование землей Бахмета в «Мещерских местах» могло происходить вскоре после монгольского завоевания, поскольку вышеупомянутый Александр Укович, продавший «Мещерские места» в 1382 г., был праправнуком Бахмета Усеинова. Факт продажи владельцами своих земельных владений показывает, что монгольские феодалы распоряжались своими земельными участками по своему усмотрению, они могли не только передать их по наследству, но и продать.

---

[1] Центр. гос. архив Мордовской АССР, фонд Саровского монастыря, опись I, д. 35, л. 123.

[2] Бархатная книга, ч. III, 1787, стр. 239.

Насколько нам позволяли сохранившиеся источники, мы рассмотрели историю образования крупной земельной собственности в Золотой Орде. В связи с монгольским завоеванием была образована не только частная собственность на землю, но одновременно и другие важные условия феодального способа производства — право принуждения непосредственного производителя. «Вообще собственность на землю заключает также и собственность на ее органические продукты. Если вместе с землей завоевывают самого человека, — пишет К. Маркс, — как органическую принадлежность земли, то его завоевывают как одно из условий производства, и таким путем возникает рабство и крепостническая зависимость, вскоре превращающие и видоизменяющие первоначальные формы всех коллективов, сами становясь базисом последних»[1]. В результате монгольского завоевания вместе с землей завоеванным оказался и сам человек — непосредственный производитель, которого можно было «внеэкономически принуждать».

«Каждый кочевник, — писал еще Рубрук, — как бы бедный он не был, должен был нести какую-нибудь службу, ибо Хингис (т. е.Чингис-хан) издал такое постановление, что ни один человек не свободен от службы, пока он не настолько стар, что больше не может никаким образом работать»[2]. Закрепленное за землей кочевое население обязано работать, должно было обеспечивать благосостояние своего господина своим трудом, продуктами своего труда. «Так вожди, так и другие, — писал Плано Карпини, — обязаны давать императору для дохода кобыл, чтобы он получал от них молоко на год, на два или на три, как ему будет угодно, и подданные вождей обязаны давать то же самое своим господам, ибо среди них нет никакого свободного»[3].

По словам Рубрука, крепостное население должно было доставлять ко двору господ кобылье молоко, «так же как в Сирии поселяне дают третью часть плодов, так татарам надлежит приносить ко дворам своих господ кобылье молоко каждого третьего дня»[4].

Очевидно, это и есть тот «калан», о котором упоминается в ярлыке Тимур-Кутлука. Обычно «калан» переводится на русский язык словом «оброк», который доставлялся господам в виде «рацион-провианта» (сусен, суткул) от продуктов скотоводства—молока, масла, мяса и сыра[5]. Натуральный оброк, установленный в период Золотой Орды, продолжал существовать во

---

[1] К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, Партиздат, 1940, стр. 24—25.

[2] Б. Рубрук, Путешествие в Восточные страны, стр. 134.

[3] Плано Карпини, История монгалов, стр. 24.

[4] В. Рубрук, Путешествие в Восточные страны, стр. 75.

[5] Н. И. Березин, Внутреннее устройство Золотой Орды, стр. 17, В. В. Бартольд, Персидская надпись на Анайской мечети Мануче, СПБ, 1911, стр. 32.

всех татарских государствах, который образовался при распаде Джучиева улуса. В Ногайской орде, как сообщает Какаш и Тектиндр, зависимое население «поочередно снабжали своих мурз или князей всем необходимым, доставляя всё в изобилии»[1]. Родоначальник фамилии яшлавов в Крыму Кудаган, владетель города Чутуф-кале «брал со всех городских жителей, яко со своих подданных подати деньгами и вещами, как-то. со скота, овощей, съестных припасов, с вина»[2].

Таким образом, существование натуральной ренты в Золотой Орде не вызывает сомнения. Возможно также, что здесь, наряду с натуральной рентой, стала зарождаться и отработочная рента. В половецком словаре (1303 г.) впервые встречается термин «уртак», позднее этот же термин мы встречаем в ярлыке Тимура-Кутлука в 1347 г. В. В. Радлов переводил этот термин словом «пайщик»[3]. Если бы речь шла о городском населении, то действительно можно было переводить слово «уртак» словом «пайщик», товарищ, компаньон, но в самих источниках этот термин применен к сельскому населению. Поэтому было бы уместно объяснить происхождение «уртака» с возникновением отработочной ренты у татар. У казанских и крымских татар до самой Октябрьской революции оставался обычай работать «уртагына», т. е. пахать исполу хозяйскую землю, при этом, как на отработках, половина урожая шла тому, на чьих землях проводилась работа, а другая половина тому, кто ее обработал. Нам кажется, правильнее термин «уртак» переводить на русский язык словом «издольщик».

То, что в Золотой Орде существовала отработочная рента в форме «уртак» или в иной форме — это бесспорно. В Крымском ханстве, например, по своей структуре мало чем отличавшемся от Золотой Орды, подданные крымских феодалов несли обычную барщину. Подданные князя рода аргинов «все старые и молодые... послушались и повиновались ему полностью, как во времена предков», были обязаны косить, пахать, отправляться с ним, куда он прикажет»[4]. На примере тех же крымских феодалов можно сделать вывод, что татарские феодалы других районов орды, пользуясь правом феодального иммунитета, могли производить суд и расправу над своими подданными; это давало им возможность внеэкономически принуждать непосредственного производителя[5].

Как это видно из слов Плано Карпини и Ибн-Батута, в хозяй-

---

[1] Путешествие Какаша и Тентандра в Персию в 1602—1603 гг. Чтения в Обществе истории и древности российской, 1896, кн. стр. 27.

[2] Ф. Ф. Лашков, Архивные данные о бейликах в Крымском ханстве, Труды Археологич. съезда в Одессе в 1884 г., IV, 1889. Одесса, стр. 105.

[3] В. В. Радлов. Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлука, Записки Восточн. отдел. русск. арх. общества, т. III, 1888, стр. 19.

[4] Ф. Ф. Лашков. Архивные данные о бейликах в Крымском ханстве, стр. 102.

[5] Там же, стр. 107.

ствах феодальной знати применялся и труд невольников-рабов («къл»)[1]. О значительном распространении рабства в Золотой Орде говорит тот факт, что в половецком словаре приводится ряд татарских слов, так или иначе связанных с рабством (къл) раб (servus) къллык—рабство (servitus) азат итермен—освобожу от неволи и т. д.[2]. В источниках, относящихся к истории Крымского ханства, есть указания о применении труда рабов в качестве пастухов для рытья колодцев. Но труд рабов не так был уж выгоден в условиях кочевого хозяйства, поэтому в большинстве случаев они использовались главным образом в качестве домашних слуг. Позднее, в связи с общим хозяйственным упадком, в орде применение рабского труда стало очень ограниченным. В ряде случаев феодалы за особые заслуги наделяли рабов скотом, чтобы рабы могли сами себя содержать.

Об этом свидетельствует ряд грамот ногайских мурз, из которых видно, что холопы (кълары) владели значительным числом лошадей[3].

В результате тяжелой эксплуатации крепостных людей-кочевников и рабов феодальная аристократия стала владетельницей огромных богатств, скота и других ценностей. Выше уже приводилось свидетельство Ибн-Батуты о наличии в отдельных хозяйствах до 10 тысяч и более голов лошадей. По словам Эль-Омари, современника Ибн-Батута, ежегодный доход отдельных феодалов Дешт-и-Кипчака доходил от 100 до 200 тысяч динаров, что составляло в переводе на русские денежные знаки от 50 до 100 тысяч рублей[4]. Такие представители татарской феодальной аристократии по своему экономическому положению мало чем отличались от западноевропейских феодалов. Поэтому не случайно западноевропейские путешественники монгольских ханов по традиции называют царевичами (султаны, огланы), князьями (беки-нояны), дворянам (мурзы), а всех «благородных» (алпауты)[5] именуют западноевропейской феодальной терминологией—королями, герцогами, графами, маркизами, баронами и рыцарями[6]. Золотоордынская правящая знать в официальных бумагах, как правило, именуется «баронами»[7].

---

[1] Плано Карпини, История монгалов, стр. 11. В. В. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 238.

[2] Codex Cumanicus, p. 113, 146, 260.

[3] ЦГАДА, Ногайские дела за 1629, д. № 1, л. 321, 324.

[4] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 244.

[5] Термин «султан» соответствовал русскому термину «царевич», «оглан», тоже царевич, но он как бы напоминает русских князей изгоев, отцы которых хотя и принадлежали к потомкам Джучи, но не были ханами Золотой Орды. Бек—князь соответствовал монгольскому нояну или арабскому эмиру (В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 296). Мурзы — сыновья князя; об алпаутах, как о вельможах Золотой Орды, говорится в русских летописях (т. V, стр. 48, т. XVIII, стр. 127), так же и у С. Герберштейна (Записки о московитских делах (стр. 164), но, как правило, сами татары алпаутами называют дворян.

[6] Марко Поло, Путешествие, стр. 97.

[7] Hammer — Purgstall, указ соч. стр. 517.

Золотоордынских феодалов, располагавших десятками тысяч голов скота и закрепощенным населением, разделяла глубокая пропасть. Современники, посетившие Золотую Орду, отмечают резкий контраст между феодалом и закрепощенным кочевым населением. Этот контраст заметно виден в одежде, пище, быту. В то время как представители господствующих классов носили шубы, сшитые из шкур пушных зверей, мягкие и теплые одежды, зависимое население делало шубы из шкур собак, носило платье из грубого полотна, приготовленного самими[1]. Богатые феодалы, ведя паразитический образ жизни, умирали от жира, тогда как основная масса населения голодала. Так, например, Рашид-ад-дин, рассказывая о смерти одного золотоордынского царевича, сообщает, что «он был очень толст и дороден, со дня на день становился тучнее и дошел до того, что телохранители днем и ночью присматривали за ним... опасаясь, что неравно жир выступит у него горлом и он умрет..., наконец, он внезапно заснул, жир выступил у него через горло и его не стало»[2].

В это же время Эль-Омари приводит ряд эпизодов, рисующих крайне бедственное положение народных масс в Золотой Орде, даже в нормальных, обычных условиях жизни. «Вследствие бедственности их,— писал Эль-Омари,— происходящей от дурного положения (случается, что), когда кто-нибудь из них находит кусок мяса, то отварит его, но недоваривает, выпивает *отвар* и оставляет мясо на съедение в другой раз, затем собирает кости, переваривает их и снова выпивает отвар»[3].

Вряд ли этот рассказ преувеличен. Записанный со слов лиц, непосредственно побывавших в Золотой Орде, он отражает действительный факт из жизни народных масс, часто вынужденных продавать даже собственных детей. «По временам, когда в иные годы они находятся в стесненных обстоятельствах,— писал Эль-Омари,— они продают детей своих, чтобы на выручку от них прокормить себя, и говорят относительно тех детей из своих, которых они продали: «Лучше остаться в живых нам и ему (дитяти), чем умирать нам и ему»[4]. «Стесненные обстоятельства», заставляющие их продавать собственных детей, были связаны с уплатой дани. «Для султана этого государства (Кипчака) (наложена на всех их), т. е. на подданных дань, которая взыскивается с них. Иногда они ставятся данью в трудное положение — в годы неурожайные,— говорит Эль-Омари,— вследствие падежа, приключающегося скоту их, или вследствие (сильного) выпадения снега и утолщения льда. Они продают тогда детей своих для уплаты своей недоимки (податной)»[5].

---

[1] В. Рубрук, Путешествие в Восточные страны, стр. 97.
[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 42.
[3] Там же, т. I, стр. 231.
[4] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 231.
[5] Там же, т. I, стр. 235.

Было бы неверным считать, что родители продавали детей для уплаты повинностей только во время каких-либо народных бедствий (например, падеж скота). Продажа детей с целью уплаты налогов в Золотой Орде была обычным явлением. Так, например, в 1338 году Орда не страдала от падежа скота; наоборот, этот год был более благоприятным для скотоводов, а кочевники были вынуждены продавать своих детей.

С развитием феодальных отношений еще больше усилилась феодальная эксплуатация трудящегося населения и обострились классовые противоречия в стране. К сожалению, эта сторона жизни Золотой Орды неизвестна. Господствующие классы скрывали от иностранцев выступления народных масс против феодально-крепостнического гнета. Поэтому в сочинениях иностранцев-путешественников по этому вопросу нет никаких данных. Архивы Золотой Орды, где, несомненно, были сосредоточены все материалы, связанные с подавлением народных движений, сгоревшие во время пожаров, для науки потеряны безвозвратно. Факт о борьбе народных масс против феодально-крепостнического гнета в Средней Азии не является исключением для улуса Чегатая; такая же борьба происходила и в Улусе Джучи. Надо полагать, что именно народные движения во второй половине XIV в., особенно в Улусе Джучи, явились одной из причин внутренних междоусобиц, расшатавших устой феодального общества в Дешт-и-Кипчаке.

Глава IV

НАЧАЛО ФЕОДАЛЬНОЙ МЕЖДОУСОБИЦЫ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ

В 1342 г. умер хан Узбек, один из самых могущественных ханов Джучиева дома. В течение 30-летнего правления Узбека Золотая Орда достигла своего наибольшего могущества; государи соседних стран заискивали перед нею и стремились установить с «императором Узбеком» более прочные связи; внутри государства шел процесс дальнейшей централизации государственного аппарата; внутренние раздоры и междоусобицы прекратились.

Рост внешне-политического могущества Джучиева улуса базировался на дальнейшем росте производительных сил феодального общества. Феодальная аристократия, грабившая народы покоренных стран и собственный народ, стала обладательницей огромных богатств, пастбищ и бесчисленного количества скота. Государственный аппарат обеспечивал господствующему классу неограниченные возможности эксплуатировать зависимое население.

Феодальная аристократия, захватившая в свои руки управление улусами, при Узбеке стала оказывать влияние на все стороны государственного управления. Правда, при жизни Узбека роль местных феодалов еще не так была заметна, но уже тогда они оказывали известное влияние на хана. В этом отношении характерным является случай, связанный с женитьбой египетского султана Эль Малика Эннасира на сестре Узбека. Когда египетский посол предоставил письмо султана Узбеку по поводу заключения брачного контракта, он получил такой ответ: «...если в твоем докладе заключается что-нибудь, кроме (обычного) привета, то поговори о нем с эмирами». Для решения вопроса пришлось созвать 70 эмиров. Несмотря на желание самого Узбека ускорить выработку брачного контракта, эмиры тянули дело в течение 4-х лет и закончили лишь после того, как «до них (т. е. до эмиров — М. С.) дошли подарки» султана[1].

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 168.

Этот пример является показательным и дает нам право расшифровывать одно место из сочинения арабского писателя Эль-Омари об Узбеке: «...Из дел своего государства он, (т. е. Узбек) обращает внимание только на сущность дел, не выходя в подробности обстоятельств, и довольствуется тем, что ему доносят, но не доискивается частностей относительно взимания и расходования (податей)»[1], предоставляя решение таких важных вопросов, как взимание и расходование государственных налогов эмирами, державшими в своих руках все нити государственного управления.

Феодальная аристократия, пользовавшаяся при Узбеке большим политическим влиянием в Золотой Орде, стала играть еще более активную роль после смерти хана в шивале 742 г. (10 марта — 7 апреля 1342 г.)[2]. Прежде всего было нарушено завещание хана, назначившего своим преемником старшего своего сына Тинибека. Из трех сыновей хана Тинибек уже с 1333 г. в качестве наследника престола принимал участие в управлении государством, командовал войсками хана. В момент смерти Узбека Тинибека не было в Новом Сарае, он находился в походе «в землю Джачатайскую для завоевания этих стран». Таким образом, смерть Узбека была неожиданной, иначе вряд ли хан мог послать своего преемника в Среднюю Азию. Получив известие о смерти Узбека, Тинибек поспешил вернуться, чтобы занять престол, как это было предусмотрено завещанием хана. Пока Тинибек находился в пути, его мать, Тайдула, объявленная по обычаю монголов регентшей, организовала заговор против своего старшего сына и, договорившись с эмирами, передала престол своему второму сыну — Джанибеку. Для обмана было объявлено, что «эмиры согласились (временно) поставить (над собой) среднего сына Джанибека до тех пор, пока не явиться управлять ими Тинибек». В то же время, чтобы не допустить возвращения Тинибека в Сарай, заговорщики отправили своих людей в Сарайчек якобы для встречи хана. «Пришедши к нему, они (эмиры — М. С.) все собрались для целования руки его, потом они ударили его и умертвили его, когда он был перед ними. Затем они вернулись к брату его Джанибеку и уведомили его (о случившемся). Привязавшись (впоследствии) за что-то к младшему брату Хидрбеку, он (Джанибек) убил и его также, (и) стал править государством единодержавно»[3]. Так рассказывается об убийстве Тинибека в биографии султана Эль-Малик-Эннасира и у других арабских

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 230.

[2] Там же, Сборник, т. I, стр. 263, 329. Русские летописи относят дату смерти Узбека к осени 1341 г. (П. С. Р. Л., т. XVIII, стр. 94). У нас нет основания не верить арабским писателям; персидские авторы также относят смерть Узбека к 1342 г. (В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 101, 213).

[3] В. Г. Тизенгаузен. Сборник, т. I, стр. 263—264.

авторов. У персидских авторов история убийства Тинибека описывается несколько иначе. В «Истории Шейх-Увейса», составленной в 70-х годах XIV столетия, говорится: «Узбек хан умер. Преемником (его) сделался Динибек, у которого было два других брата: Джанибек и Хизрбек. Джанибек начал восстание против (своего) брата (Динибека), между ними произошло сражение, (в котором) Динибек был разбит и взят в плен. Джанибек казнил его и сел на отцовский престол, он погубил также Хизрбека и завладел престолом царским в 743 г. (6. VI—1342—25.V—1343)»[1].

Приведенный нами отрывок из «Истории Шейх-Увейса» позволяет внести некоторые исправления в рассказ арабских авторов об убийстве Тинибека. Если учесть, что с Тинибеком находились войска, посланные для завоевания Средней Азии, то едва ли можно допустить, что они оставались пассивными при убийстве своего военоначальника сторонниками Джанибека. По-видимому, прав составитель «Истории Шейх-Увейса», сообщающий о борьбе между Тинибеком и Джанибеком, закончившейся пленением Тинибека. В течение какого времени продолжалась эта борьба? Из биографии Эль-Малик-Эннасира можно заключить, что Джанибек стал ханом вскоре после смерти Узбека в 1342 г. Между тем составитель «Истории Шейх-Увейса» относит время вступления на престол Джанибека к 743 г. (1343 г.), т. е. спустя год после смерти Узбека. Следовательно, Тинибек правил в течение года или полутора лет и был убит в 1343 г. Это подтверждают и русские летописи, говорящие о царствовании Тинибека в 6849—6850 гг. Правда, самый факт убийства Тинибека в русских летописях (за исключением Троицкой) трактуется неверно. Согласно русским летописям, борьба между братьями была вызвана расправой Дженибека со своим младшим братом Хидыр-беком: «прогневался на него старший брат его Тинибек, царь, Озбяков сын большой, и бысть вражде между их»[2]. Тогда как арабские и персидские источники указывают, что младший брат Джанибека был предан смерти после убийства старшего из братьев — Тинибека.

Участие золотоордынской феодальной аристократии в придворной борьбе на стороне Джанибека, очевидно, объясняется тем, что Тинибек, еще с малолетства воспитанный в качестве преемника Узбека и в достаточной мере знакомый с государственными делами, был неприемлемым кандидатом для эмиров, стремившихся к усилению своей власти, в то время как их ставленник Джанибек, незаконно занявший ханский престол, должен был действовать по указке эмиров и целиком зависел от них.

13-летнее правление Джанибека является периодом посте-

---

[1] В. Г. Тизенгаузен. Сборник, т. II, стр. 101.
[2] ПСРЛ, т. X, стр. 212—213.

пенного упадка былого могущества Золотой Орды. Это прежде всего сказалось на отношениях с соседними государствами. В течение правления Дженибека происходят столкновения с Польшей, Литвой и с итальянскими колониями в Крыму. Одновременно возникают распри среди самих членов Джучиева рода, закончившиеся отнюдь не в пользу ханской власти. По-видимому, еще в первые годы правления Джанибека имело место столкновение хана с венецианцами, описанное в работах Капали и Хайда. Поэтому нет необходимости останавливаться на нем подробно. Суть этой стычки состояла в следующем: В 1343 г. в городе Тане венецианцами в драке был убит наместник хана в Тану Chazamer. Татары ответили посылкой карательного отряда. Город был взят приступом и разгромлен. Материальный ущерб, причиненный венецианцами, выражался не менее как в 650 золотых флоринов; кроме того, венецианцам было запрещено впредь посещать город Тану[1].

Аналогичный инцидент, закончившийся избиением татар, произошел с генуэзцами в Каффе в 1344 г. Хан потребовал от генуэзцев немедленно покинуть город и пристань, и, получив отказ, приступил к осаде города. Осада шла очень вяло. В феврале 1344 года осажденные генуэзцы организовали удачную вылазку — сожгли осадные машины и перебили до 5000 татар. Хотя осада города после этого была снята, но война продолжалась. Папа Климент VI пришел на помощь итальянцам. По его инициативе 13 июля 1345 года между венецианцами и генуэзцами, до этого враждовавшими между собою, был заключен союз против хана, и папа Климент VI объявил крестовый поход против татар. Однако обращение папы не имело успеха; от крестового похода пришлось отказаться. Натиск же татар на Каффу в 1346 году усилился. Между тем венецианцы и генуэзцы из-за прекращения торговли терпели большой материальный ущерб. В Греции и в Италии в эти годы ощущался недостаток зерна, пряностей, шелка и рабов, доставлявшихся через порты Черного моря — Тану и Каффу. Венецианский сенат вынужден был направить своих послов к хану Джанибеку с ценными подарками и просить мира[2]. В наказе, данном сенатом послам Райкерио и Барбазелло, предлагалось «отправиться прямо в местопребывание хана или императора Чани-бека, где бы он ни находился, вручить ему грамоты» и «ходатайствовать у него (хана) о выдаче охранительной грамоты для послов, каких Дожево правительство намеревается к нему отправить»[3].

Переговоры с венецианцами закончились подписанием мира в предместье Сарая, Гулистане в 1347 г. Текст договора, состав-

---

[1] Canale, Della Crimea del Suo Commercio, t. II. Genova, 1856, p. 450.

[2] Heud, Geschichte des Levanten handels im Mittelalter, t. II, Leipzig, s. 196.

[3] Сборник Венецианско-генуэзких грамот (1342—1349 гг.). Записки Одесского об-ва Истории и древности, т. V, 1858. Одесса, стр. 185—188.

ленного на итальянском языке, дошел до нас и напечатан в приложении к труду Хаммера «История Золотой Орды». «Этот договор, — говорилось в заключительной части, — должен положить прочную основу отношениям и устранить трения между правительствами». По договору восстанавливались привилегии, данные венецианцам при Узбеке; по-прежнему устанавливались льготные торговые условия в Тану и Дешт-и-Кипчаке; венецианцам был сделан ряд дополнительных уступок: товары обоих стран освобождались от весовых сборов, таможенные сборы не должны были превышать 5% стоимости товаров[1]. Текст договора генуэзцами до нас не дошел, но, по-видимому, он был аналогичен венецианскому.

Каковы были отношения Золотой Орды с Литвой и Польшей в период конфликта хана с венецианцами и генуэзцами в Крыму, мы в деталях не знаем. Известно лишь, что поляки и литовцы воспользовались внешнеполитическими затруднениями хана. В 1344 году Казимир начал войну с татарами из-за Галицкой Руси, но одновременно возникшие претензии на Галицию со стороны венгров тогда помешали Казимиру захватить эту область. В 1349 году он занял Белз, Брестев и Владимир-Волынск, ранее находившиеся под властью татар, а вскоре и вся Галиция и Волынь, за исключением Луцка, оказались в руках поляков. При каких условиях происходило вытеснение татар из этих городов, у нас нет достаточных данных. Во всяком случае дело не обошлось без военных столкновений, иначе Казимир не обращался бы к папе Клименту VI с просьбой организовать крестовый поход против татар[2]. Тоже можно сказать и относительно агрессивных действий литовского князя Ольгерда, захватившего ряд городов на юго-западе, ранее подчиненных татарам. Не случайно русские князья сообщали Джанибеку, что «Ольгерд улусы твои все высек и в полон вывел»[3].

Неудачная война с генуэзцами в Крыму и осложнение взаимоотношений с Польшей и Литвой дали возможность царевичу Джучиева улуса, не принадлежащим к дому Батыя, начать борьбу с ханом за восстановление независимости своих улусов. У «Анонимо Искендера» и других зависимых от него авторов имеются данные о борьбе царевича Синей Орды Мубарек-Ходжи с ханом Джанибеком. Отец его Эрзен в качестве вассала Узбека

---

[1] «Император Джанибек также получает привилегию на товары, с которыми он вступает с нами в сделку. Товары эти не подлежат обложению свыше 5%. Все товары сарайские, представленные на наших кораблях, галерах, подлежат освобождению от таможных пошлин», также венецианцы пользуются таким же благоприятством со стороны монголов. Сахиб, сеньор Таны, Сегизбей (правитель Азака) не будет облагать их свыше 5%, также освобождаться от весовых сборов. (Hammer — Purgstall, указ. cor., стр 517—558.

[2] А. Е. Пресняков, Лекции по русской истории, т. II, стр. 67.

[3] В. Н. Татищев, История Российская, к. IV, 1784, стр. 164.

«во всем проявлял подчинение и повиновение». Мубарек-Ходжа, после смерти отца ставший правителем Синей Орды, решил не подчиняться больше потомкам Батыя, объявил себя независимым от хана. Сведения «Анонимо Искендера» о Мубарек-Ходже подтверждаются данными золотоордынской нумизматики. Сохранились монеты Мубарек-Хаджи, выбитые в городе Сыгнаке, с титулом — «Султан правосудный Мубарек Хо(джа) да продолжит бог царство его». П. С. Савельев, давший описание его монеты с неясным годом чеканки, относил время чеканки монеты к 729 или 739 г.[1]. Дата 1329 или 1339 гг., устанавливаемая П. С. Савельевым, не может быть нами принята. «Анонимо Искендера» относит год смерти Эрзена к 724 г. (15.V—1344—3.V—1345): «После него (Эрзена) сын его Мубарек-Ходжа из-за большого желания и жадности начал смуту и до сих пор эта смута (булкак) известна в Дешт-и-Кыпчаке. Так как у людей в характере сидели безопасность и устойчивость, и они привыкли к спокойствию то эти смуты не достигли больших размеров. Через 6 месяцев он распростился с подобной раю равниной Сарая (?) и еще через 2 года и 6 месяцев бездомно скитался в краях и странах киргизов и Алтая, пока не погиб там. После него брат по указу Джанибек-хана стал правителем его улуса»[2].

Мубарек-Ходжа не мог чеканить монеты в 1329 или 1339 г., когда в Синей Орде правил его отец, умерший в 1345 г. Поэтому монета Мубарека могла появиться только после 1345 г .«Анонимо Искендера» не сообщает, кто заставил его «распроститься с подобной раю равниной Сарая» (Читай-Сыгнака, т. к. о ханстве его в Сарае не могло быть и речи, пока там правил Джанибек, но «Анонимо» указывает, что после изгнания Мубарека его брат Чимтай «по указу Джанибек-хана стал правителем того улуса». Дополнением к приведенному рассказу может служить запись Рогожской летописи о войне хана Джанибека с царем Ордаком. В Рогожской летописи за 6860 год, т. е. 1352 г., говорится: «Тое же осени прииде царь Чанибек с войны, прогна царя Ордака в пустыню»[3]. В этом рассказе Рогожской летописи бесспорно речь идет об изгнании Джанибеком мятежного царевича Мубарека из Синей Орды, что отмечается и в «Анонимо Искендера», но с той лишь разницей, что вместо Мубарека он называет «царя Ордака», т. е. царя из потомков Орда-Ичена, которым и был Мубарек-Ходжа.

Движение, начавшееся в Синей Орде против хана Джанибека за восстановление независимости бывшего владения Орда-Ичена, говорит о многом — это признак ослабления Золотой Орды, начавшейся с правлением хана Джанибека. По-видимому, борьбу за независимость своих улусов подняли и потомки Шай-

---

[1] П. С. Савельев, Монеты Джучидския..., стр. 156—157.
[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 130, 211, 214.
[3] Рогожский летописец, стр. 61.

бана. Хафиз Мухамед Эльташкенди упоминает об одном из шайбандиов Инсан-оглана, кто «первым из них стал царствовать... дни (царствования) их длились до смерти... Джанибека»[1]. Появление «царя» у шайбанидов свидетельствует о наличии и здесь сепаратических элементов. В числе монет, описанных П. С. Савельевым, имеется несколько экземпляров, отличающихся своей «легендой» (типом) и тамгою от остальных монет ханов Золотой Орды, в том числе и выбитых в Сыгнаке. П. С. Савельев относит их к монетам, выбитым шайбанидами без указания даты и места чеканки. Имя хана на них также неразборчиво. П. С. Савельев предложил следующую их расшифровку: «Султан правосудный — верховный Инсан хан»[2]. Из этого он сделал правдоподобное предположение, что речь идет о хане Иксане. Вышеприведенный отрывок из сочинения Хафиза Эль-Ташкенди еще раз подтверждает правильность выводов П. С. Савельева.

Приведенные нами факты достаточны, чтобы говорить о начавшемся политическом кризисе в Джучиевом улусе, первые признаки которого появились после смерти хана Узбека. Кризис этот обострился в связи с таким стихийным бедствием, каким явилась страшная «гостья» — чума, занесенная из Китая в 1346 году. «Черная смерть (чума) началась, должно быть, в Китае, — писал К. Маркс, — где истребила 13 миллионов человек; она свирепствовала в 1346 г. на побережье Каспийского и Черного морей, а также в землях у устья Дона; распространилась затем в Египте, Сирии, Греции, а генуэзские корабли завезли ее в Италию, Францию, Англию, Германию. В 1349 г. она появилась в скандинавских странах, откуда (перешла) в Новгород и Псков[3]. От чумы, прокатившейся по всей Европе, особенно сильно пострадало население Дешт-и-Кипчака, Крыма и Поволжья. Под 1346 годом в русских летописях говорится: «Бысть от бога на люди под восточною страною, на город Орначь и на Хозторокань и на Сарай и на Бездеж и на прочи грады в странах их, бысть мор силен на Бесермены и на Татарове и на Ормены и на Обезы и на Жиды и на фрязы и на Черкасы и на всех томо живущих, яко не бе кому их погребати»[4]. Из-за чумы «в землях Узбековых... обезлюдели деревни и города»[5]. Только в одном Крыму тогда погибло от чумы свыше 85 000 человек. По сообщению русских летописей, в Сарае, Астрахани, Ургенче и в других городах вымерло столько народа, «яко не бе можно живым мертвых погребати». От последствий чумы Золотая Орда долго не могла оправиться. Только в последние годы правления Джанибека она была в состоянии возобновить войну с хулагидами на

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 537.
[2] П. С. Савельев, Монеты Джучидския..., стр. 262—263.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, архив, т. VIII, стр. 149.
[4] ПСРЛ, т. IV, стр. 57, т. V, стр. 225, т. VIII, стр. 210, т. X, стр. 217.
[5] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 530. Ф. Брун. Черноморье, т. I, стр. 285.

Кавказе, закончившуюся временным присоединением Азербайджана к Золотой Орде.

Возможно, что этот успех, в известной мере, объясняется не столько усилением Джучиева улуса, сколько ослаблением государства хулагидов, где после смерти хана Абу-Саида в 1335 году началась междоусобная борьба, закончившаяся захватом власти узурпатором Меликом-Ашрефом. Мелик-Ашреф, пользуясь анархией в стране, творил «беззаконие», отчего «люди стали покидать родину». Некоторые из них бежали в Золотую Орду и подстрекали хана на войну с Меликом-Ашрефом. К 1357 г. было собрано до 300 000 войска, и весной того же года золотоордынцы вторглись в Азербайджан. Овладев Дербентом и Ширваном, Джанибек послал вызов Мелику-Ашрефу: «Я иду с тем, чтобы завладеть улусом Хулагу..., встань и выходи (мне) навстречу». Но местная феодальная знать не поддержала узурпатора,— «люди от него отвернулись». Мелик-Ашреф едва собрал против Джанибека 17—18-тысячное войско, а по другим данным и того меньше. Потерпев поражение в первом же сражении, он был взят в плен и по указанию Джанибека казнен в Тавризе»[1].

Завершив завоевания Азербайджана, заболевший Джанибек возвратился в Сарай, оставив вместо себя своего сына Бердибека, который был «возведен на престол султанства». Вместе с Бердибеком в Тавризе остался эмир Сарай-Тимур, назначенный визирем для управления только что завоеванным Азербайджаном[2]. При возвращении в Сарай золотоордынцы вывезли с собой много драгоценностей и другой добычи. По истечении двух месяцев после ухода Джанибека в Тавризе было получено известие о серьезной болезни хана. Тулубей, один из наиболее влиятельных эмиров хана, находившийся в Сарае, вступил в тайные переговоры с Бердибеком и звал его в Сарай, обещая ему трон отца. «Бердибек из-за любви, которую он имел к трону Дешт-и-Берке, бросил Азербайджан и поспешно направился через Дербент в Орду. С 10 спутниками он среди ночи расположился в доме Тоглу-бая. Между тем Джанибек-хану стало лучше, он поднял голову от подушки болезни и хотел на другой день снова присутствовать в диване. Один из доверенных (его) людей, который узнал о прибытии Бердибека, доложил Джанибеку обстоятельство этого. Джанибек забеспокоился и посоветовался об этом с Тогай-Тоглу-хатун. Хатун из-за любви к сыну постарался представить эти слова ложными. Джанибек позвал Тоглу-бая на личную аудиенцию и, не зная, что ветром этой смены является он, стал говорить с ним об этой тайне. Тоглу-бай встревожился, под предлогом расследования вышел наружу,

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр 94—92, 101—103.
[2] Там же, стр. 96.

готчас (снова) вошел внутрь с несколькими людьми, которые были в согласии (с ним), и Джанибека тут же на ковре убили»[1].

Так описывает убийство Джанибека «Анонимо Искендера». Гаффари и Хайдар Разы, повторившие этот рассказ в более сжатом виде, относят убийство Джанибека к 3 шагбана 768 года, т. е. к 22 мая 1357 года[2]. У арабских писателей эти подробности убийства отсутствуют. Лишь один историк Ибн-Халдун передает его в несколько иной версии. По его словам, Джанибек был схвачен приближенными и «на пути был заключен в оковы, а сановники государства написали сыну его Бердибеку, приглашая его на царство. Он (Бердибек) ускорил путь к ним, оставив в Тавризе правителем Ахиджука. Когда Бердибек прибыл в Сарай, Джанибек уже умер. На место его (Джанибека) назначили его (Бердибека)»[3].

В Рогожской летописи приводится рассказ об убийстве Джанибека в сходной с рассказом Ибн-Халдуна редакции: «Царь Чанибек взя Мисюрь (?) и посади ту на царство сына своего Бердибека, а сам уверноуся во свояси и от некоего приведения на пути разболелся и взбесился. И послаша рядьцы по Берьдебека, он же пришед отца удави, а братью изби, а сам седе на царство»[4]. По-видимому, Ибн-Халдун и Рогожский летописец приводят официальную версию, пущенную в ход в Сарае для оправданий действий Бердибека, и поэтому она не полно раскрывает действительную картину переворота. Факты же, приведенные в «Анонимо Искендера» относительно убийства Джанибека, подтверждаются и другими данными, в том числе Никоновской летописью, которая использовала не только официальные, но и неофициальные источники, не исключая и «Анонимо Искендера».

Составители «Анонимо Искендера» и Никоновской летописи приписывают организацию заговора Тулубею. Этот «мудр и силен зело окаянной» князь, начавший свою деятельность еще при Узбеке, был сначала второстепенным эмиром. Его имя несколько раз фигурирует в русских летописях в числе послов Узбека при переговорах с русскими князьями. Выдвинувшийся при Джанибеке уже в последние годы его правления, он попал в число придворной знати. Оставленный в Сарае при отъезде хана в поход, он приступил к организации заговора. Отсутствие старшего эмира Маглубая и визиря Махмуда Хисамутдина, сопровождавших хана в походе, создавало весьма благоприятные условия для осуществления его замыслов. По свидетельству русских летописей, он «восхоте всею Ордою владети и всеми землями и тако многих князей ордынских привлекома к себе в совет, обещав же кому что дати». Заговорщики тайно сообщили

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 128—129.
[2] Там же, стр. 211.
[3] Там же, Сборник, т. I, стр. 389.
[4] Рогожский летописец, стр. 66.

Бердибеку: «яко время ти есть седети на царство, а отцу твоему уже время сниматися с царства. И так нача помалу, помалу советовати ему убити отца его Чанибека, Азбекова сына»[1].

В Никоновской летописи говорится, что одновременно с убийством Джанибека были убиты и его 12 братьев. По «Анонимо Искендера», число жертв было гораздо больше. «Тотчас после этого Тоглу-бай привел Бердибека, — читаем у анонимного автора, — посадил на тот ковер, на котором он убил его отца, и убил каждого, кто не подчинился. Бердибек вызвал его и сказал: «Как ты уничтожил Муксана караджу, так я уничтожу некоторых из урога». Таглубай одобрил эти слова. Он (Бердибек) вызвал к себе всех царевичей и за один раз всех их уничтожил. Одного его единородного брата, которому было 8 месяцев, принесла на руках Тайдула-хатун и просила, чтобы он пощадил это невинное дитя. Бердибек взял его из рук, ударил об землю и убил»[2].

Истреблены были главным образом царевичи из рода Узбека. Эмиры, по-видимому, мало пострадали. Из четырех улусных эмиров Джанибека, подписавших договор с венецианцами в 1347 году, трое: Маглубей, Янгильбей и Кутлубуга принимали участие в заключении договора с теми же венецианцами и в 1358 году. Лишь имя Тайдци, одного из улусских эмиров Джанибека, больше не упоминается в источниках. В договоре 1358 года появляются новые лица в числе «могущественных сановников» хана, а именно: Алимбей (Али-бек), Сарай-бек и Тулунбек, выдвинувшиеся уже при Бердибеке[3]. Таким образом, при Бердибеке число улусных эмиров увеличилось до шести, в то время как до него существовало только четыре улусных эмира, они-то и скрепляли своими подписями договор с венецианцами 1347 года. Позднейшие арабские писатели также говорят не о четырех, а о шести улусных эмирах орды. Из старых эмиров за Моглубеем сохранилась по-прежнему должность «эмира — эмир над эмирами», за Хисаматдином Махмудом должность визиря. Вскоре, однако, Толубей вытеснил их на второй план, став первым лицом государства после хана, что, по-видимому, послужило причиной нового заговора, организованного старшими эмирами против Тулунбея и его покровителя Бердибека.

При Бердибеке процесс ослабления государства становится еще более заметным. Доказательством этого служит прежде всего потеря только что завоеванного Азербайджана, включенного при Джанибеке в состав Золотой Орды. Золотоордынцы, оставленные в Тевризе при наместнике хана, через два месяца покинули Азербайджан и вернулись в Сарай. Персидские писатели относят возвращение сторонников Мелика-

---

[1] ПСРЛ т. X, стр. 229.

[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, том II, стр. 129.

[3] Hammer-Purgstall, Geschichte der Goldenen Horde, s. 520—521.

Ашрефа к власти сразу же после ухода Бердибека из Азербайджана[1].

Уже в самом начале правления Бердибека снова возникли разногласия с венецианцами в Крыму, урегулированные только в 1358 году. По договору 1358 года орда была вынуждена сделать сравнительно с предшествующим договором существенные уступки в пользу венецианцев. Последние приобрели право торговать в Солдае (Судаке), куда им раньше въезд был запрещен. Кроме того, таможенные сборы, взимаемые в пользу хана, были снижены до 3%[2]. В эти же годы русское православное духовенство также добивалось больших льгот в свою пользу. По ярлыку Бердибека, данного в ноябре 1357 года, русскому духовенству возвращались права, отнятые ранее Джанибеком; оно освободилось от дани и постоев в церковных домах, восстанавливалась независимость церковного суда в пределах ханской юрисдикции. Эти уступки в пользу русского духовенства были, говоря словами проф. М. Д. Приселкова, «делом огромной важности».

В источниках не сохранилось данных о внутреннем положении орды за эти два года царствования Бердибека; современники говорят лишь об исключительной жестокости Бердибека в отношении к своим родичам. Абулгази, раскрывая причины этих жестокостей, писал: «Из своих братьев и старших и младших и близких родственников никого не пощадил, всех предал смерти, *желая упрочить за собой государства*»[3]. По-видимому, со стороны его родственников исходило какое-либо посягательство на его власть, чем можно объяснить жестокость хана. Однако террористические методы управления не упрочили его положения: спустя 2 года он погиб в результате очередного дворцового переворота в 1359 г. вместе с «доброхотом своим окаянным Тавлубием, князем темным и сильным и с иными советниками его»[4].

Как отмечал еще Хаммер, с убийством Бердибека открывается полоса непрерывных дворцовых переворотов, сопровождавшихся кровавыми убийствами. Хаммер удачно сравнил историю Золотой Орды этого времени с историей 30-ти римских тиранов, ускоривших падение Рима. История Золотой Орды этого периода темна и крайне запутана, источники — чрезвычайно ограничены и противоречивы. «Восточные источники умалчивают об этом ужасном периоде,— говорит Хаммер,— только скудные данные русских летописей и монеты ханов служат теми вехами, которые указывают путь в этой пустыне истории»[5].

С момента убийства Бердибека (в 1359 году) до вступления на престол Тохтамыша (в 1379 году), т. е. за 20 лет, в орде

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 97.
[2] Hammer-Purgstall, Geschichte der Goldenen Horde, s. 519.
[3] Абулгази, Родословная тюрок, стр. 155—156.
[4] ПСРЛ, том X. стр. 230—231.
[5] Hammer-Purgstall, Geschichte der Goldenen Horde, s. 315.

сменилось более 25 ханов[1]. Они сменяли друг друга с такой калейдоскопической быстротой, что летописцы не успевали даже вносить их имена в свои летописные записи. Восстановить в полной мере историю Золотой Орды за эти 20 лет смуты дело пока непосильное для исследователей. Трудно установить даже более или менее полно имена ханов, правивших в эти годы. Ни арабские, ни персидские хроникеры, ни русские летописцы не зарегистрировали в своих анналах происходившие в Золотой Орде события. Сведения Ибн-Халдуна, «Анонимо Искендера» и русских летописей носят крайне отрывочный и противоречивый характер.

Согласно Ибн-Халдуну, Бердибеку наследовал его сын Тохтамыш, тогда почти еще ребенок[2]— несколько позднее будто бы бежавший ко двору Тимура. Однако ни в одном источнике, кроме Ибн-Халдуна, не имеется данных о сыне Бердибека, носившем имя Тохтамыш. Даже современники Ибн-Халдуна отнеслись к его рассказу с недоверием. Судя по этому, можно предположить, что даже такому выдающемуся историку Востока, каким был Ибн-Халдун, события, происходившие в Дешт-и-Кипчаке, представились весьма смутно. По «Анонимо Искендера» и зависящих от него персидских авторов, после смерти Бердибека совсем прекратилась линия потомков Батыя. «Никого из родов султанов не остался в живых. После этого, дабы дело царства не расстроилось, эмиры, согласившись (между собой), возвели на трон царства неизвестного человека под предлогом, что он (Кильдибек) — сын Джанибек хана»[3]. «Муиззи», довольно точно передающая генеалогию монгольских ханов, считает Кильдибека внуком одного из ранее умерших сыновей Узбека-Иринбека[4]. Следовательно, сообщения «Анонимо Искендера», Абулгази и др. авторов о прекращении будто бы линии Бату после смерти Бердибека вызывают большие сомнения. Кроме того, в «Анонимо Искендера» допускаются и хронологические неточности, называя Кильдибека преемником Бердибека. Русские летописи относят царствование Кильдибека не к 1359 году, когда был убит Бердибек, а к 1361 г. После же смерти Бердибека и до воцарения

---

[1] После убийства Бердибека до воцарения Тохтамыша (1379 г.) сменялись ханы: Кульпа, Навруз, Хидыр, Тимур-Ходжа, Ордамулюк (Орди-шах), Мамай, Абдуллах, Кельдибек, Мирпулат, Мурат, Булат-Тимур, Пулат-Ходжа, Азиз, Ходжи-Черкес, Хасан, Алипхаджа, Коганбек, Арапшах, Махмедбулак, Тулюнбек, Урус, Токтакия, Тимурмулюк, Тохтамыш. Имена этих ханов мы встречаем в русских летописях, в арабских и персидских анналах. Кроме этих ханов, в персидских хрониках приводятся имена еще 5 ханов Золотой Орды: Базарчи, Тукай, Сасы-Бука, Туглук-Тимур, Кутлук-Ходжа (В. Г. Тизенгаузен. Сборник, т. II, стр. 106, 146, 207). От этих ханов не сохранилось монет, их имена не упоминаются ни в русских летописях, ни у арабских авторов, поэтому мы считаем эти данные весьма сомнительными.

[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 129.

[3] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 129.

[4] Там же, стр. 52.

Кильдибека в орде один за другим царствовали несколько ханов, не отмеченных у «Анонимо Искендера».

Согласно русским летописям, на хронологическую точность которых можно вполне положиться, после убийства Бердибека «по нем седе в орде на царстве Кульпа, и царства месяца 6 и дней 5, и много зла сотвори, и тако и ему не стерпе суд божий, и убиен бысть от Науруса з двема сыны своими, с Михайлом (?) и Иваном (?), и тако по Кульпе седе по орде на царстве царь Наурус»[1]. Среди имен ханов Золотой Орды, которые приводятся арабскими и персидскими авторами, имя Кульпа не упоминается, но монеты, выбитые с именем хана Кульпа в 760 (1359) году в Бельджимене, Азаке, Хорезме, Гулистане и в Новом Сарае, подтверждают верность сведений русских летописей о воцарении хана Кульпа после Бердибека[2]. Об этих событиях К. Маркс писал: «1359 умер хан Бердибек. Его родственники Кульпа (два сына которого были христианами) приняли правление. Анархия, измена, убийства изнуряли Кыпчакское царствование — раздоры между волжскими и каспийскими татарами...»[3]. Кульпа правил очень недолго, через полгода он, как и его предшественник, стал жертвой нового заговора, организованного его конкурентом Наврузом. Можно предположить, что частая смена ханов была связана с интригами регентши царицы Тайдулы. В русских летописях ее имя упоминается как одно из авторитетных лиц в Сарае.

От Навруза, как и от его предшественника Кульпы, сохранились монеты, выбитые в Новом Сарае, Гулистане, Азове, Крыму и Хорезме в 1359 году[4]. Власть нового хана распространялась, главным образом, на западную часть улуса, хотя монеты с его именем чеканились еще в Хорезме. Но Навруз в своей деятельности опирался на ту часть феодальной аристократии, хозяйственные интересы которой были связаны с районами Поволжья и западными улусами государства. Не случайно русские летописи называют его «царем Волжским», впервые употребляя этот термин.

Когда началось враждебное Наврузу движение, то в нем прежде всего принимали участие те феодалы, которые придерживались восточной ориентации. В никоновской летописи есть указание об ордынских князьях, которые начали «тайно ссылаться с Хидырем, царем Заяцким, лукавствующе на Волжского своего царя Науруса и составися тайна лесть их в дело»[5]. «Ано-

[1] ПСРЛ, том VIII, стр. 10, т. X, стр. 231.

[2] П. С. Савельев. Монеты Джучидския... стр. 28—29. Лэн-Пуль, «Мусульманския династии», стр. 199 (называет его сыном Джанибека, но это сомнительно, т. к. Бердибек истребил всех своих братьев, по-видимому, Кульпа был сыном Иренбенка, старшего сына Узбека.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Архив, т. VIII, стр. 150.

[4] П. С. Савельев, Монеты Джучидския..., стр. 28. А. К. Марков, Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа, стр. 464.

[5] ПСРЛ, том X, стр. 232.

нимо Искендера», так и Никоновская летопись, говорят о прибытии послов от эмиров Сарая с письмами к хану Синей Орды Чимтаю, ставшему к этому времени «полносамостоятельным» правителем своего улуса, прося его прибыть в Сарай, но он якобы «не захотел, а послал туда своего брата Орда-Шейха с несколькими огланами». Дальше «Анонимо» говорит о заговоре, который закончился убийством хана и провозглашением ханом Золотой Орды Хызр-Оглана, брата Чимтая[1].

Сообщения «Анонимо Искендера» имеют весьма важное значение, из него мы узнаем о деятельности этого «Заяцкого царя» Хидыра, бывшего сыном правителя Синей Орды Сасы-Бука, но в то же время этот источник страдает и большими недостатками: «Анонимо Искендера» не соблюдает хронологической последовательности, путает имена ханов, сидевших в Сарае. Согласно анонимному автору, «после Навруза ханом был провозглашен Орда-Шейх», потом уже Хидыр; в действительности же по приглашению Сарайских князей прибыл из Синей Орды не Орда-Шейх, а Хидыр, сын Сасы-Бука. Между Наврузом и Хидыром где-то на Волге произошло вооруженное столкновение, закончившееся неудачно для Навруза: он и его сын Темир и царица Тайдула, выданные эмирами Сарая Хидыру, были казнены вместе с князьями, «иже в любви и в совете быша» с Наврузом. В том числе были казнены старший эмир хана Маглубей и вся «маулебузина чадь со множеством татар»[2].

С воцарением Хидыра к власти пришла младшая линия джучидов, из рода Орда-Ичена, ранее никогда не занимавшая золотоордынский престол и не имевшая в Сарае своей партии, в силу чего Хидыру не пришлось долго удержаться у власти. Вскоре возникла «замятня велика в орде», закончившаяся убийством Хидыра собственным его сыном Тимур-Хаджием[3].

Царствование Тимур-Хаджи, как и его отца, было кратковременным. Как передают Четвертая Новгородская и Семеновская летописи, уже в начале его царствования возникли какие-то дворцовые интриги, и он был провозглашен ханом не сразу после переворота, а лишь на 4-й день, а уже на 7-й день царствования был свергнут с престола темником Мамаем[4].

Рогожская летопись указывает о свержении Тимур-Хаджи после двух недель его царствования, инициатором переворота называет не Мамая, а царевича Ардемелика[5], вернее, Орда-Шейха, как его называет «Анонимо Искендера» и говорит о двухлетнем правлении Тимур-Хаджи в Сарае, но это сомнительно: от Тимур-Хаджи сохранилась одна единственная монета, выбитая им в Сарае в 762 (1361) году, это уже одно свидетельствует о

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 130.
[2] ПСРЛ, том X, стр. 232; том XVIII, стр. 100.
[3] ПСРЛ, том X, стр. 233.
[4] ПСРЛ, том IV, стр. 64; том XVIII, стр. 101.
[5] Рогожский летописец, стр. 71.

кратковременности его правления[1]. «Анонимо Искендера», говоря об убийстве Тимур-Хаджи, сообщает некоторые подробности, неизвестные из других источников: «У него (т. е. Тимура-Хаджи) была сильная склонность к распутству... Однажды ночью он пошел в дом одного из знатных и без всякого предисловия протянул руку к его жене. Жена, думая, что этот другой — посторонний (человек), подняла крик: этот знатный, не узнав (его), ударил его ножом и убил»[2].

После убийства Тимур-Хаджи к власти пришел Орда-Шейх, один из царевичей потомков Орда-Ичена. «Анонимо Искендера» называет его сыном убитого хана Тимур-Хаджи. Насколько анонимный автор прав, судить об этом трудно; в русских летописях о происхождении Орда-Шейха не говорится ничего. По «Анонимо Искендера», продолжительность правления Орда-Шейха ограничилась одним годом, по Рогожской же летописи, «он царствовал месяца... и его убили. И бысть в Орде замятня велика и сеча, старии князь(и) Сарая и Кочун и иных множества побиша»[3]. Упоминаемый Рогожской летописью эмир Сарайбек при хане Бердибеке был в числе шести улусных эмиров и считался «могущественным сановником» государства. Кто был Кочун, неизвестно. От Орда-Шейха сохранилась монета, выбитая в Сарае и Тану (Азаке) в 1361 году[4]. Очевидно, его власть распространялась только на эти города.

В убийстве Орда-Шейха активную роль сыграли те представители правящих кругов феодальной знати, которые раньше вершили судьбой государства, но с приходом к власти потомков Орды-Ичена (Хидыра, Тимур-Хаджи и Орды-Шейха) были удалены от дел; к власти пришли новые лица из восточных улусов. На это имеется намек у «Анонимо Искендера». Повествуя об убийстве Орда-Шейха, анонимный автор отмечает: «Эмиры до истечения одного года соглашались на царство Орда-Шейха. После этого один из неизвестных и недалеких людей в порыве невежества сказал: «Как это уруг султанов Ак-Орди (читай Кок-Орды — М. С.) станет властителем трона царей Кок-Орды (читай Ак-Орды)? Среди ночи одним ударом ножа покончил его дело. Наутро, когда эмиры узнали об этом, то (по) его (т. е. убийцы хана — М. С.) ложному указанию зарезали и казнили

---

[1] А. М. Марков, Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа, стр. 466.

[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 30. Согласно «Анонимо Искендера», между Хидыром и Тимур-Хаджой правил второй сын Сасы-Бука-Халфа. Однако ни один источник не называет его царем Золотой Орды. Также вызывает сомнение утверждение автора относительно происхождения Тимур-Хаджи, которого он называет сыном Орда-Шейха (Орды-Мулюка), русские летописцы считают его сыном Хидыра.

[3] Рогожский летописец, стр. 71.

[4] А. М. Марков, Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа, стр. 467.

несколько невинных эмиров»[1], прибывших вместе с ханами из Синей Орды. Ханы Синей Орды, конечно, привели с собой в Сарай многих своих сторонников из восточных улусов, строя на них свои политические расчеты. Поэтому вполне естественна была оппозиция со стороны тех придворных кругов, которые были оттеснены на второй план во время правления преемников Орда-Ичена.

Если принять во внимание сообщения русских летописей о темнике Мамае, как об одном из участников заговора против хана Тимура-Хаджи и ту активную роль, которую он играл при последующих ханах, то участие Мамая в убийстве хана Орда-Шейха и его сторонников не подлежит сомнению.

Начало карьеры этого всесильного временщика относится еще ко времени хана Бердибека. «Ибн-Халдун называет его «одним из старших эмиров Бердибека». Но нам предоставляется, что тогдашняя роль Мамая преувеличена. В договоре Бердибека с венецианцами, где перечисляются имена всех высокопоставленных лиц, имя Мамая вообще не упоминается. Его влияние усилилось уже после смерти Бердибека. «Когда Бердибек умер и (верховной) власти не стало, а (эмиры правили самостоятельно в провинциях», тогда и начинается активная деятельность Мамая. Русские летописи впервые зарегистрировали выступление Мамая в связи с заговором против Тимур-Хаджи только в 1361 году. Возвышение Мамая было связано еще и с тем, что он оказался тесно связанным с ханским родом благодаря своей женитьбе на дочери хана. «Ханум, дочь Бердибека, была замужем за одним из старших монгольских эмиров, по имени Мамай»[2],— писал Ибн-Халдун, объясняя усиление влияния Мамая на государство.

По обычаю монголов, женитьба на дочери хана делала его гургеном, т. е. ханским зятем, своего рода членом царского рода и давала большие права, за исключением права на трон. Претендовать на ханский трон имели право лишь лица, принадлежавшие к «золотому роду чингизидов» по мужской линии[3]. В начале своей карьеры, пользуясь своим исключительным положением в качестве гургена, Мамай пытался было претендовать и на трон ханов и даже выбил в Азаке в 762 году монету с титулом: «Мамай — царь правосудный»[4]. Однако в своих домогательствах Мамай потерпел неудачу и после 1361 года уже больше не чеканил монет со своим именем и, подобно своему предшественнику Ногаю, в течение двадцати лет правил государством при помощи подставных лиц из рода Батыя.

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 130, как уже нами было отмечено, «Анонимо Искендера» по ошибке вместо Белой Орды говорит о Синей Орде, вместо Синей Орды называет Белую.

[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 389.

[3] Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, стр. 146.

[4] Х. М. Френ, Монеты ханов Улуса Джучиева, 1832, СПД, стр. 20.

В то время как в Сарае правил еще Орда-Шейх, Мамай, находившийся в Крыму, «поставил ханом отрока из детей Узбека, по имени Абдуллаха, и двинулся с ним в Сарай»[1]. Ранние монеты Абдуллаха, выбитые в г. Азаке в 762 (1361) г., как бы подтверждают сообщение Ибн-Халдуна о провозглашении Абдуллаха ханом, но только не в Крыму, а в Азаке. После провозглашения его ханом Мамай «двинулся с ним в Сарай» против Тимур-Хаджи. Тимур-Хаджа, по-видимому, направил свои войска против Мамая, поскольку, как сообщает русский летописец «Тимур-Хаджа, побеж за реку, за Волгу и тамо убоен бысть.., сидев на царстве месяц един и семь дний»[2].

После убийства Тимур-Хаджи Сарай был взят Абдуллахом, о чем свидетельствует монета его, выбитая в Сарае в 762 (1361) году[3]. На этот раз ему не пришлось долго править Сараем, ибо, как сообщает Ибн-Халдун, «у него (Абдуллаха — М. С.) стал оспаривать его (престол) один из эмиров государства, который поставил (ханом) из детей ханских другого по имени Кутлук-Тимура»[4]. О Кутлук-Тимуре, временно занявшем Сарайский престол после изгнания из Сарая Абдуллаха и Мамая, мы ничего не знаем: от него не сохранилось монет, о нем не сообщают ни русские летописцы, ни персидские авторы. Конкурентом Абдуллаха одновременно выступал Мурат (Амурат), брат недавно убитого хана Хидыра, сын Орда-Шейха, и Кильдибек, «творяшеся сын царя Чанибека». Оба конкурента Абдуллаха, таким образом, были «из детей коанских». В данном случае Ибн-Халдун мог говорить не о Мурате, правление которого было более длительным, а о Кильдибеке «творяшеся сын царя Чанибека», внуке Азбека, царствовавшего в Сарае недолго, который «многих поби, последи же и сам убьен бысть, а иные князи затворишася в Сарай, царя у себе именующе Амурата»[5].

О Мурате мы будем еще говорить, а теперь вернемся к деятельности Кильдибека, которого русские летописи рисуют слишком жестоким. Об этих жестокостях сообщает также «Анонимо Искендера». «Этот человек счел порукой своей жизни, — пишет анонимный автор, — гибель эмиров; тайно вызывал каждого из них, заставлял заниматься покушением друг на друга». В числе убитых эмиров автор называет Ахмета и Нангудая, еще со времени Джанибека игравших весьма заметную роль в истории Золотой Орды. Применяя беспощадный террор, Кильдибек достиг некоторого успеха: ему подчинялись районы Сарая, Азова, а также районы, населенные мордвой; монеты его чеканились в

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 390.
[2] ПСРЛ, т. X, 233.
[3] А. К. Марков, Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа, стр. 467.
[4] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 390.
[5] ПСРЛ, том XVIII, стр. 101.

Сарае, Азаке и Мохши[1]. Чеканка монет Кильдибеком прекращается в 1361 году. Это значит, что он погиб в том же году, вскоре после захвата Сарая. «Анонимо Искендера», описывая умерщвление Кильдибеком своих эмиров, добавляет: «после этого... сын..., который был главным столпом его державы, улучил удобный случай и убил его. После этого на трон царства сел другой человек, также по соглашению с..., но на третий день он также был убит»[2]. Из-за дефекта в манускрипте нельзя разобрать имени эмира, убившего Кильдибека. При ближайших преемниках Кильдибека старшим эмиром хана считался Ильяс, сын Маглубея. Возможно, он и убил Кильдибека.

«Анонимо Искендера» не называет имя хана, посаженного на престол после Кильдибека, т. к. он царствовал только 3 дня. Другие авторы вообще не говорят о преемнике Кильдибека из-за кратковременности его правления. Возможно, что идет речь о хане Мир-Пулате, от которого сохранились несколько монет, выбитых в Гулистане и в Сарае в 1361 г. Его имя не вошло в русские летописи,и это свидетельствует о краткости его правления; по данным «Анонимо Искендера», он царствовал только три дня[3]. Должно быть, после этого сарайские князья провозгласили ханом Мурата (Амурата), власть которого ограничивалась окрестностями Сарая, в то время как улусы, расположенные на западе от Волги, оказались под властью ставленника Мамая Абдулаха. Этот период, начиная с 1361 года, является самым путаным периодом в истории Золотой Орды. В самом Сарае и ближайших к нему районах происходила беспрерывная междуусобная борьба феодальных группировок, тогда «мнози цари побиена быша и царицы, и царевича, и рядцы, и секошася сами межи себе». Одновременно два хана —Абдуллах и Мурат — оспаривали власть друг у друга в окрестностях Сарая. Связь между центром и периферией государства была нарушена, и этим воспользовались местные феодалы, пытавшиеся образовать ряд самостоятельных владений, независимых от ханов, сидевших в Сарае. В источниках сохранились письменные данные, говорящие об образовании уже в 1361 году ряда самостоятельных княжеств.

Под 1361 г. русские летописи говорят о князе Булат-Тимуре, действовавшем в районе бывшего Булгарского ханства: «Булак-Темер, князь ординский, Болгары взял и все городы по Волзе и улусы и отня весь Волжский путь»[4]. Захватив Булгары и опираясь на местные сепаратистские элементы, Булат-Тимур пытался образовать независимое татарское княжество в Булгарах. Об этом свидетельствуют его монеты, выбитые в городе Булга-

---

[1] М. Х. Ф р е н, Монеты ханов улуса Джучиева, стр. 17.
[2] В. Г. Т и з е н г а у з е н, Сборник, т. II, стр. 129.
[3] М. Х. Ф р е н, Монеты улуса Джучиева, стр. 19.
[4] ПСРЛ, т. X, стр. 233; т. XVIII, стр. 101; т. XXV, стр. 181.

рах. На монетах Булат-Тимура чеканки 768 (1366) г. стоит интересный штамп: «Султан покой(ный) Джанибек хан, да продлится ц(арствие его). Булат-Тему(р), сын Нугана». П. С. Савельев, изучивший эти необычные монеты Булат-Тимура, склонен был допустить существование хана Джанибека II, от имени которого якобы Булат-Тимур чеканил свои монеты. В. В. Григорьев высказал довольно правдоподобную гипотезу относительно Булат-Тимура, как лица, не принадлежавшего по своему происхождению к царскому роду Джучидов, поэтому действовавшего от имени покойного хана Джанибека в качестве его наместника в Булгарах[1]. Эту гипотезу, по нашему мнению, можно принять. Русские летописи называют Булат-Темира не ханом, а лишь князем ордынским. Если полагаться на его монеты, он был «сыном Нугана». Эмир Нуган — историческое лицо, он входил в число четырех улусных эмиров Золотой Орды.

В то время как на восточном берегу Волги в 1361 году создавалось независимое татарское княжество с центром в Булгарах, на западном берегу Волги появляются новые претенденты на образование самостоятельного княжества, сначала в лице князя Секиз-бея, затем — князя Тагая. О первом, т. е. о Секизбее, говорит только Рогожская летопись в связи с событиями, развернувшимися в районе реки Пьяны. Появившийся здесь князь Секиз-бей «за Пьяна все пограбил», а затем «обрывся рвом (и) ту седе»[2]. Возможно, этот князь Секиз-бей, захвативший район реки Пьяны (в пределах мордовских земель) в 1361 году, тот самый «отличный и могущественный муж, Cikhi biy — владыка Таны[3], который упоминается в венецианских грамотах 1349 г. в качестве наместника хана Тану. Захват Таны (Азова) Мамаем в 1361 году, весьма вероятно, заставил Секиз-бея удалиться в район реки Пьяны, где он пытался образовать новое татарское княжество, как это делал Булат-Тимур. В 1361 г. туда же «прибежал князь ордынский Тагай... иже от Бездежа». Взяв Наровчат и «всю ту страну отняв себе» (от Секиз-бея?) «тамо себе пребываше», «сам себе княжаша»[4]. После четырехлетнего пребывания в Наровчате Тагай в 1365 г. совершил поход на Рязанское княжество, взял город Переяславль, но, встретив отпор от князя Олега рязанского, «в мале учете в Наручадь»[5]. Княжество Тагая, основавшегося в районах Мохши-Наровчата, занимало значительную территорию. В пределах бывшей Симбирской, Нижегородской, Пензенской губерний еще в

---

[1] П. С. Савельев, Монеты Джучидския..., стр. 198.

[2] Рогожский летописец, стр. 71.

[3] Записки Одесского об-ва истории и древности, т. IV стр. 216—217.

[4] ПСРЛ, т. X, стр. 233; т. XV, стр. 101; т. XXV, стр. 181. При Дмитрии Донском из Орды выезжали в Москву Алабуга и Серкиз служить Донскому. Не был ли тот Серкиз Секизбеем?

[5] ПСРЛ, т. IV, стр. 10—11; т. VIII, стр. 13; т. X, стр. 233.

XIX в. было немало сел, рек, урочищ, носивших имя «Тагая», что свидетельствовало о пребывании его в этих местах[1].

С образованием двух самостоятельных княжеств на Средней Волге, одного на левом берегу с центром в г. Булгары, другого на правом ее берегу с центром в г. Наровчат, большая территория на средней Волге оказалась оторванной от Сарая. Княжества Тагая и Булат-Темира не являются исключением. Такой же процесс образования новых государственных объединений происходил и в других районах Дешт-и-Кипчака. Ибн-Халдун, например, сообщает о владениях Хаджи-Черкаса и Алибека, образованных одновременно с владениями Мамая в Крыму, вскоре после убийства Бердибека.

Хаджи-Черкес, по словам Ибн-Халдуна, являющийся походным эмиром Бердибека, после убийства хана «завладел окрестностями Астрахани», засев в Астрахани, стал «владетелем Астраханского удела»[2]. О размерах его удела можно судить по карте братьев Пицигани (1367 г.), в которой указывается его лагерь «Casade Gercasi» значительно выше города Астрахани[3]. К 1369 году Хаджа-Черкес настолько крепко чувствовал себя в своем улусе, что он был в состоянии начать борьбу с Мамаем из-за Сарая. О другом татарском князе (эмире) Алибеке или Аибеке, тоже являющимся походным эмиром Бердибека, Ибн-Халдун говорит, что он «таким же образом», как и Мамай, завладел уделом и «правил своими владениями самостоятельно»[4].

Ибн-Халдун, писавший об «уделе» Алибека-Айбека, к сожалению, не указывает местонахождение его владений. Но если известно, что монета Алибека-Аибека чеканилась в гор. Сарайчуке, то удел этого князя нужно искать на реке Япре с центром в гор. Сарайчуке, и что князь должен был происходить из потомков Шайбана, по наследственному праву овладевший уделом Шайбана.

К этому же времени надо отнести отделение Хорезмской области джучидов от Золотой Орды и образование в Хорезме нового государственного объединения под властью суфиев. Чеканка золотоордынских монет с именем хана Золотой Орды прекращается с 762 (1361) года. Последний раз в этом городе чеканились монеты хана Хидира. Ни один из ханов после Хидира больше не чеканил своих монет в Хорезме. Зато в эти годы в Хорезме стали появляться анонимные монеты с надписью «Нет бога, кроме Аллаха и Магомета, его пророка». В дальнейшем на этих анонимных монетах появляются имена первых четырех

---

[1] Список населенных мест Российской империи, вып. XXX, XXXIII.

[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 389.

[3] Ф. Брун, Черноморье, т. I, Записки Новороссийского университета, т. XXVIII, 1879, стр. 301.

[4] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 389.

халифов без указания имени лица, от которого выпускались эти монеты. Один из выдающихся исследователей Средней Азии археолог М. Е. Массон, опубликовавший описание этих монет, видел в появлении анонимных монет в Хорезме начало установления в Хорезме самостоятельной династии суфнев, которая происходила из отуреченного монгольского рода кунгратов[1].

Точку зрения М. Е. Массона, поддержанную А. Ю. Якубовским, можно принять. По не совсем ясным сведениям, имеющимся у Низам-ад-дина Шами и Шераф-ад-дина Йезди, основателем династии Суфиев в Хорезме следует считать Ак-Суфия, сына золотоордынского эмира Нангудай, женатого на Союн-Беке, дочери хана Узбека[2]. Эмир Нангудай, довольно заметная фигура в истории Золотой Орды начало 60- гг. XIV века, пал жертвой феодальной войны. Его сын Ак-Суфи, также женатый на дочери хана, в качестве ханского зятя-гургена, претендовал на родовое достоинство этого дома. По-видимому, воспользовавшись безвластием в Золотой Орде, он добился отделения Хорезма от Золотой Орды и основал династию Суфиев в Хорезме. Однако, Ак-Суфи, не принадлежавший к «золотому роду» Джучидов по мужской линии, не мог приписывать себе титул хана, в силу чего монеты Ак-Суфи и его преемников чеканились анонимно.

Какова была первоначальная территория хорезмийских владений Суфиев, судить трудно из-за недостатка данных. При Хусаин-Суфи, стоявшем во главе Хорезма после Ак-Суфи, владения Суфиев расширились за счёт других районов, ранее не принадлежавших Улусу Джучи. В 1365 г. Хусаин-Суфи «покорил мечом» Кият и Хиву, принадлежавшие дому Чегатая[3]. К концу 60-х годов XIV века династия Суфиев вступила в длительную борьбу с Тимуром. Новая династия стала известной далеко за пределами Хорезма, и не случайно Ибн-Халдун называет Хусаин-Суфия одним «из представителей престольных царей сарайских»[4].

Раньше, чем Хорезм от Сарая, отпала Синяя Орда, где еще при хане Джанибеке началось сепаратистское движение за восстановление былой самостоятельности улуса Орда-Ичена. Попытка царевича Мубарек-Хаджи, отказавшегося признать над собой власть Джанибека, тогда кончилась неудачно; Чимтай, брат Мубарека-Хаджи, вынужден был признать Джанибека. В период 17-летнего управления Синей Ордой Чимтаем в западных владениях Золотой Орды началась смута, оказавшаяся весьма благоприятной для отпадения Синей Орды от Сарая. Как

---

[1] М. Е. Массон. Монетный клад XIV века из Термеза. Бюллетень САГУ, вып. XVIII, Ташкент, 1929, стр. 56—63.

[2] Материалы по истории туркмен и Туркмении, 1941, М. — Л., т. I, стр. 514—516.

[3] Там же, стр. 514 и след.

[4] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 390.

видно из «Анонимо Искендера», последние годы своей жизни правитель Синей Орды Чимтай «провел с полной самостоятельностью»[1] бывшего улуса Орда-Ичена, а при Урусхане, сыне Чимтая, Синяя Орда превратилась в самостоятельное государство. По-видимому, к такой же самостоятельности стремились в своих улусах и потомки Шайбана.

Начавшийся распад Золотой Орды на ряд самостоятельных княжеств настолько ослабил государство джучидов, что ханы, будучи заняты борьбой между собою, совершенно потеряли не только власть над завоеванными ими народами, утратили свое влияние в соседних с ними государствах, но и в своих собственных владениях. Для примера можно взять Крым, где в эти годы генуэзцы и венецианцы, пользуясь безвластью, значительно укрепили свое положение. При Бердибеке венецианцам принадлежал в городе Тану лишь один квартал. В марте 1356 г. наместник хана в Крыму Зе-ад-дин Ромадан, заключив договор с венецианцами, открыл им доступ к порту Правант. Немного спустя, в 1365 году, генуэзцы прибрали к своим рукам гавани Солдайскую и 18 деревень вдоль морских берегов в окрестностях Солдая — Судака[2]. На карте братьев Пицигани, составленной в 1367 г., город Тана изображен под венецианским знаменем — со львом, без татарского полумесяца. Только на Каталонской карте 1377 г. над г. Тана в связи с усилением власти Мамая снова появляются татарские знамена с полумесяцем.

Ощутительнее были для татар потери юго-западных улусов в Подолье, где до этого были «татарские места», ханские баскаки собирали татарскую дань. В 1363 году Литовский великий князь Ольгерд совершил поход и разбил в битве на Синей воде трех татарских князей Хаджибея, Кутлу-бугу и Дмитрия (?): «а то три браты татарския князи отичи и дедичи Подольской земли, а от нех заведили атаманы, а баскаки, приезжаючи от них, атаманов, имывали с Подольской земли дань»[3]. Племянники Ольгерда закрепили за собой Подолию и «баскакам выходе не почали давати»; ими были основаны города Бакота и Каменец, чтобы «боронить подольскую землю от татар»[4]. С этого времени прекратился «выход» татарской дани с Подольской земли, о чем свидетельствует грамота Карнатовича 1375 года, данная им Доминиканскому монастырю; «Коли еси земляне имуть давати дань у татары, то серебро имеют такоже тии люди дати»[5]. Несколько лет спустя Ольгерд овладел также Черниговым, Нов-

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 130.

[2] Ф. Брун, Черноморье, т. I, стр. 286 и след.

[3] ПСРЛ, т. VIII, стр. 31—32; А. Е. Пресняков, Лекции по русской истории, т. II, вып. I, 1939, стр. 72.

[4] А. Е. Пресняков, Лекции по русской истории, т. II, вып. I, 1939, стр. 72—73; М. К. Любавский, Очерк по истории Литовско-Русского государства, 1910, стр. 24.

[5] Акты, относящиеся к истории Запад. России, т. I, 1846, стр. 30.

городом-Северским, Трубчевском, Стародубом и Рыльском и удалил из этих городов татарских баскаков. Если сюда прибавить потерю татарами Волынского княжества, захваченного в 1366 году поляками, то станет ясна картина татарских потерь в их западных и юго-западных улусах. Самая западная граница владений темника Мамая, стоявшего тогда во главе Западного улуса, проходила через Мамаево урочище и реку Мамай-Сурка на днепровских порогах, дальше этой границы власть татар на запад не распространялась[1].

Зависимость северо-восточных русских княжеств от татар по мере распада Золотой Орды тоже становилась чисто формальной. Взимание «ордынского выхода» за эти годы прекратилось. Набеги татар не шли дальше окраин Нижегородского и Рязанского княжеств. Центральные районы русских княжеств не подвергались татарскому опустошению. Наоборот, летописи отмечают нападение русских князей на татарские владения на Волге. В 1366 году новгородские ушкуйники ограбили «множество татарских купцов на Каме и в гор. Булгаре. Поход был повторен в 1369, 1370, 1371 и 1374 годах. В 1370 году войско Нижегородского князя пошло «ратью» на булгарского князя Асана (Хасана): «князь же болгарский Асан посла противу их с молением и с челобитием и со многими дары, они же дары взяша, а на княжение посадиша салтана Бакова сына»[2]. В следующем году нижегородский князь предпринял новый поход против татар и на отвоеванной у татар территории на реке Суре построил город Курмыш с целью обороны юго-восточных границ Нижегородского княжества от набегов татар[3]. В 1377 году войска Московского и Суздальско-Нижегородского княжества организовали новый поход на булгар. Татары были разбиты и вынуждены были заплатить контрибуцию в размере 500 рублей, (по другим данным — 3000 рублей), они согласились принять к себе «даруга» и «таможника» великого князя Московского.

В то время как на окраинах государства образовался ряд самостоятельных удельных владений, в окрестностях Сарая шла ожесточенная борьба между ханами Абдуллахом и Муратом. История борьбы за власть между указанными ханами более подробно, чем у восточных историков, отражена в русских летописях. «Бысть в та времена на Волжском царстве два царя,— читаем в русской летописи,— Авдул царь Мамаева орды, а другой царь — Амурат с сарайскими князи. И тако те два царя и те две орды, мал мир имеюще, межи собою всегда во враждах и в бранех бяху»[4]. Эта борьба, начавшаяся еще в 1361 году, продол-

---

[1] В. Г. Ляскоронский, Русские походы в степи в удельно-вечевое время. Журнал МНП за 1907 г., май, стр. 9.

[2] ПСРЛ, т. XI ,стр. 13. С. М. Шпелевский, Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии, стр. 132.

[3] ПСРЛ, т. XI, стр. 18.

[4] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 130.

жалась и в следующем 1362 году. Вначале «Мамай брань сотвори со Амуратом и со всеми князи Сарайскими, и многих князей ордынских старых избил»; после «Амурат изгоном приде на Мамая князя и многих у него татар побил». Каждый из них пытался распространить свое влияние на Русь. Мамай дал ярлык на великое княжение Владимирское великому князю Дмитрию Ивановичу, Мурат в свою очередь дал такой же ярлык Суздальско-Нижегородскому князю Дмитрию Константиновичу, но у Мурата не оказалось достаточно сил, чтобы отстоять свою кандидатуру на великое княжение, Дмитрий Константинович вынужден был бежать из Владимира в Суздаль вместе с татарами Мурата.

Имя Мурата исчезает со страниц русских летописей с 1363 года. У «Анонимо Искендера» имеются следующие сведения о его смерти: «У старшего его эмира Ильяса, сына Маглубая, был красивый сын, у Мурад-хана к нему (сыну Ильясу) была большая склонность, и он хотел убить отца и посадить того на место отца. Однажды он сообщил эту тайну своей жене. Жена из-за крайнего недомыслия, вообразив, что под видом этого будет другое дело, сообщила эмиру Ильясу о намерении царя. Ильяс раньше, чем тот мог захватить его, использовал возможность и убил Мурат-хана»[1]. Анонимный автор не сообщает года смерти Мурата, но последние монеты Мурата относятся к 1363 году; в этом году, по-видимому, и закончилось его правление.

После Мурата на очень короткое время ханом был провозглашен Булат-Ходжа, от которого сохранились монеты, выбитые в 1364 году в Гулистане»[2]. «Анонимо Искендера», назвав его сыном Ордена, выходцем из Синей Орды, отмечает неуравновешенность и непоследовательность в характере этого хана: «Продолжительное время он таил в себе желание этого и имел в сердце хорошие намерения. По (воле) судьбы, после восшествия на престол он отступил от этих намерений и устроил основание своего дела на тиранстве. Когда все были стеснены, он снова стал милостивым и ласковым. Когда (возмущение) улеглось и государство пришло в порядок, он возобновил прежние обычаи. Эмиры поняли, что нога не найдет себе места (т. е. дела не придут в порядок) и совместно среди ночи убили его прямо в постели»[3].

Преемником Булат-Ходжи стал Азиз. «Анонимо Искендера» называет его сыном Тимур-Хаджи и относит ханство его к 1364 году. Это подтверждается и его монетами, выбитыми в предместьях Сарая — в Гулистане[4]. Таким образом, можно предположить, что Булат-Ходжа был провозглашен ханом не в Сарае;

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 130.

[2] А. К. Марков, Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа, стр. 466.

[3] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 131.

[4] П. С. Савельев, Монеты Джучидския..., стр. 207.

иначе бы он чеканил свои монеты именно в этом городе, как он сделал в 1365 году, обосновавшись в Сарае. Русские летописи сообщают об ярлыке Булата-Хаджи, выданном им Суздальско-Нижегородскому князю Дмитрию Константиновичу на Владимирское великое княжество в отмену ярлыка, данного московскому князю на то же княжение ранее ханом Абуллахом. Едва ли в этом, при тогдашнем неустойчивом положении в орде, можно видеть обдуманную политику, направленную против усиления Московского княжества, как это делалось при Узбеке и Джанибеке. Скорее всего, отдавая ярлык Суздальско-Нижегородскому князю, Булат-Ходжа искал себе союзника против Булат-Тимура, сидевшего тогда в Булгарах. Впоследствии, действительно, в 1367 г. Булат-Тимур, разбитый войсками Суздальско-Нижегородского князя, бежал на Нижнее Поволжье и тут нашел смерть от «Азиза-царя»[1].

Восстановил ли Азиз, сменивший Булат-Ходжу, свои права над Булгарским княжеством, превращенном в независимое княжество в 1361 году Булат-Тимуром, нам неизвестно. В случае подчинения Булгар хан должен бы чеканить свои монеты в Булгарах, между тем монеты хана Азиза чеканились только в Сарае и предместьях города — Гулистане. Последние монеты хана Азиза относятся к 1367 году. С этого же года в Сарае начал чеканить свои монеты Абдуллах, захвативший Сарай после смерти Азиза[2]. У «Анонимо Искендера» имеется краткий рассказ об убийстве Азиза из-за какого-то «скверного обычая», установленного ханом. Хан то давал обещания бросить этот «скверный обычай», то снова возвращался к нему и «из-за этого был убит»,— пишет анонимный автор, не рассказывая, однако, что он имел в виду, говоря о «скверном обычае»[3].

Азиз был устранен сторонниками Мамая, передавшими власть в Сарае хану Абдуллаху. Несколько монет хана Абдуллаха, выбитых в Сарае, относятся к 1367 году, но в 1368 году Абдуллах оставил Сарай, передав престол другому хану. Преемником Абдуллаха в Сарае Ибн-Халдун называет Хаджи-Черкеса: «Хаджи-Черкес, владетель астраханских уделов, пошел на Мамая, победил его и отнял у него Сарай. Мамай отправился в Крым и стал править им независимо»[4]. То, что Абдуллах удалился из Сарая в 1367 или 1368 году,— это не вызывает сомнения, но захват Сарая Хаджи-Черкесом после ухода Абдуллаха сомнителен. В 1368 г. в Сарае чеканились монеты хана Хасана (Асана). По-видимому, Абдуллах и Мамай были изгнаны из Сарая Хасаном.

О хане Хасане у нас нет никаких других данных, кроме его

---

[1] ПСРЛ, том XI, стр. 9.
[2] П. С. Савельев, Монеты Джучидския..., стр. 42.
[3] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 130—131.
[4] П. С. Савельев, Монеты Джучидския..., стр. 212.

монет, а также свидетельств русских летописей, причем последние знают его только в качестве булгарского князя. Его монеты со штампом «Султан правосудный Хасан-хан» чеканились в Сарае в 1368 г.[1]. Через год он бежал к булгарам, где и объявил себя булгарским князем, восстановив самостоятельность этого княжества, утраченную после убийства Булат-Тимура. В 1370 году по указанию Мамая князь Дмитрий Константинович суздальский «пошел ратью» на булгарского князя Асана. «Князь же Асан посла противу их с молением и с челобитием и со многими дары. Они же дары вземше, а на княженьи посадиша Салтана, Бакова сына»[2]. По-видимому, речь идет о царевиче (султане) Мухаммеде (Мамет-Салтан), провозглашенном булгарским князем, который вместе с князем Асаном правил Булгарами. Во время нового похода князя Дмитрия Константиновича в Булгары в марте 1376 года «князи Болгарстии Асан и Мамет Салтан биша челом князю и даша откуп с града великому князю Дмитрию Ивановичу Московскому тусящу рублев, князю Дмитрию Константиновичу Суздальскому... тусящу и воеводам рати тусящу рубалев»[3]. Кто был этот Хасан (Асан), ставший в 1369 г. после бегства из Сарая во главе Булгарского княжества,— из источников не видно. У «Муиззи» упоминается о двух царевичах из потомков Шайбана: Хасан-оглане и Али-оглане[4]. Нам кажется, хан Хасан, чеканивший монеты в Сарае, и Хасан-оглане — есть одно и то же лицо.

Преемником хана Хасана (оглана) в Сарае после его удаления к Булгарам был Хаджи-Черкес, владетель астраханских уделов» и он «отбил у него Сарай»[5]. Чеканка монеты ханом Хасаном в Сарае прекращается в 1369 году. Управление Сараем переходит в руки Хаджи-Черкеса. «Когда же Хаджи-Черкес ушел из Астрахани в Сарай,— рассказывает Ибн-Халдун,— то Урус-хан (хан Синей Орды) послал войска свои из горной страны Хорезмской, которые осадили Астрахань. Хаджи-Черкес послал свои войска против них с одним из эмиров своих, который прибегнул к хитрости, успел отогнать их от Астрахани, потом внезапно напал на них и на эмира, предводительствовавшего ими. Хаджи-Черкес был очень озабочен этой враждой. Против него выступил Айбек (Алибек) хан, отнял у него Сарай и несколько времени самовластно правил им». На этом заканчивается рассказ Ибн-Халдуна о Хаджи-Черкесе. Несколькими строками ниже, говоря о победе Тохтамыша в 1379—80 году над остальными ханами, Ибн-Халдун указывает: «Он (т. е. Тохтамыш) завоевал также удел Ходжи-Черкеса в Астрахани»[6].

---

[1] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 109; том XI, стр. 13.
[2] Там же.
[3] В. Н. Татищев, История Российская, к. IV, стр. 238.
[4] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 54.
[5] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 391.
[6] Там же.

Таким образом, Хаджи-Черкес после изгнания из Сарая ушел в свой Астраханский улус, существовавший независимо от власти ханов до 1379—80 г., когда Астраханское княжество было завоевано Тохтамышем. В пользу такого толкования говорят и монеты, выбитые в Астрахани в 1374 году с именем хана Черкес-бека[1]. По-видимому, Хаджи-Черкес умер в 1375 году, так как именно с этого года во главе Астраханского улуса стоял «Хазитороканский князь именем Салчен», внук хана Джанибека[2].

Выше мы говорили об этом Айбеке (Алибеке), образовавшем удельное княжество где-то на реке Яике, который, по словам Ибн-Халдуна, отняв Сарай от Хаджи-Черкеса, «несколько времени самовластно правил им (Сарайским престолом — М. С.), потом погиб и после него Сараем правил сын его Кари-хан. Против него выступил Урус-хан». Эль-Калакшани, не упоминая о сыне Алибека Кары-хане, говорит, что Урус-хан «отнял царство у указанного выше Айбек (Алибек) хана»[3]. Еще Х. М. Френу были известны несколько дефективных монет, выбитых в Сарае в 1375 году с не совсем ясными именами ханов. Х. М. Френ принял их за монеты хана Ага-бека[4]. П. С. Савельев, опубликовавший описание нескольких монет того же хана, выбитых в Сарайчуке в 1374 году, в одном случае прочел имя хана как «Али-Ходжа хан», в другом — как «Ильбек-хан». П. С. Савельев допускал одновременное существование двух ханов—Али-Ходжа и Ильбек-хана, но с такого рода трактовкой согласиться нельзя. На самом же деле обе монеты, выбитые — одна в Сарае с именем Али-Ходжи, другая в Сарайчуке — с именем Ильбек-хана, принадлежат одному и тому же хану; да и сам П. С. Савельев признает, что оба экземпляра, «кажется, даже одного и того же штампа»[5]. Что же касается разночтения имени хана как «Ага-бек» или «Али-Ходжа» и даже «Ильбек-хан», то оно объясняется только дефектами чеканки монет. Арабские писатели называют его то Айбеком, то Алибек-ханом[6]. Независимо от разночтения (хан Айбек или хан Алибек) эти монеты принадлежат хану, отнявшему Сарай от Хаджи-Черкеса, т. е. Айбеку (Алибеку).

---

[1] Х. М. Френ, Монеты ханов Улуса Джучиева, стр. 22.

[2] ПСРЛ, том XVIII, стр. 117. В одной исторической повести татар имеется следующий рассказ о происхождении этого князя Салчена: у хана Джанибека была дочь, которая любила Амата, сына эмира Исы. Когда родители отказались выдать ее замуж за Амата, дочь хана убежала с Аматом в Булгары и здесь родила сына. Дочь и ее жених были убиты по приказу хана, но младенца пожалели, посадив на плот (сал), пустили по Волге до Астрахани, там он был спасен, потому его назвали Салчен, т. е. приплывший на плоте. (Татарская хрестоматия, составленная С. Куклашевым, Казань, 1859, стр. 48—49).

[3] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 407.

[4] Х. М. Френ, Монеты ханов Улуса Джучиева, стр. 22.

[5] П. С. Савельев, Монеты Джучидския..., стр. 217 и след.

[6] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 374.

Как сообщает Ибн-Халдун, Айбек (Алибек)-хан царствовал в Сарае «несколько времени, потом он погиб и после него Сараем правил сын его Карихан. Против него выступил Урус-хан из гор Хорезмских и отнял у него Сарай. Карихан, сын Айбек-хана, бежал в свой первоначальный удел»[1]. Сохранились монеты «султана правосудного Гияс-из-дина Каган-бек-хана», выбитые в Сарае в 1375 году[2], что подтверждает сообщение Ибн-Халдуна о царствовании этого хана после Илебек-хана. Называя его Кари-ханом, Ибн-Халдун неточно передает его имя, допуская одновременно и хронологические неточности. У «Муиззи» в числе царевичей того времени упоминается потомок Шайбана — Коанбай, бывший, однако, не сыном Айбек-хана, а племянником царевича Али-оглана[3]. Ибн-Халдун мог писать только об этом Коан-беке, назвав его Кари-ханом. По словам Ибн-Халдуна, Кари-хан (вернее, Коан-бек-хан) после захвата Сарая другим ханом «бежал в свой первоначальный удел». Ибн-Халдун, к сожалению, не указывает местонахождение этого удела. На западе от Сарая, в Крыму и на Северном Кавказе тогда правил новый ставленник Мамая Мухамед-Буляк, на Нижнее Поволжье, в Астрахань он не мог бежать — там правил Ходжа-Черкес, Хорезм ему не принадлежал. Таким образом, остается лишь улус Шайбана, сюда только Коан-бек-хан и мог бежать после оставления им Сарая. Не мог ли он уйти в Сарайчук, где в 1375 г. чеканил от своего имени монеты Арабшах, тоже принадлежавший к потомкам Шайбана? Монеты Шайбана, выбитые в Сарайчуке, прекращаются в 1375 году[4]. Возможно, Арабшах уступил этот район Коан-беку, а сам ушел на Среднее Поволжье.

Ибн-Халдун и Эль-Калакшани называют преемником Коан-бека (Кари-хана) Урус-хана, но преемником его в Сарае был Арабшах. Монета Урус-хана, выбитая в Сарае, датируется только 1377 годом. После Коан-бека в Сарае стал чеканить монеты хан Арабшах. Арабшаха знают и русские летописи. Под 1377 г. в летописи записано: «Перебежа из Синие Орды за Волгу некоторый царевич, именем Арапша, в Мамаеву орду Волжскую и бе тот Арапша свиреп зело и ратник велий и крепок... победи многих и въсхоте ити ратью к Наугороду к Нижнему»[5]. Русские летописи называют его царевичем Синей Орды, на самом же деле Арабшах происходил не из потомков Орда-Ичена, а из потомков Шайбана, он был сыном Булат султана[6]. Русские летописи относят его появление на Руси к 1377 году, но он до этого правил в Сарае в качестве хана, о чем свидетель-

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 391.
[2] П. С. Савельев, Монеты Джучидския..., стр. 56—57, 220—221.
[3] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 55.
[4] П. С. Савельев, Монеты Джучидския..., стр. 223.
[5] ПСРЛ, т. IV, стр. 73; т. XI, стр. 27—28.
[6] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 55.

ствуют его монеты, выбитые в Сарае в 1375 году с титулом «Султан правосудный Арабшах-хан»[1]. Очевидно, его бегство за Волгу было связано с появлением Урус-хана, захватившего Сарай в 1377 году, что и заставило Арабшаха бежать в бывшие владения князя Тагая. Захватив Наровчат в 1377 году, Арабшах предпринял в 1377 г. поход на Нижний-Новгород, а затем на Рязань: «много зла сотвори и возратися во-свояси» в район реки Пьяны. Спустя год его имя исчезает со страниц русских летописей. По-видимому, в 1378 году Арабшах был изгнан Мамаем, овладевшим к тому времени всеми западными районами Золотой Орды.

Об Урус-хане в русских летописях не имеется никаких данных. Это объясняется тем, что Русские князья были связаны с Мамаем; Урус-хану же, занятому войной с Тохтамышем, было не до русского улуса. «Это был царь,— писал о нем «Анонимо Искендера»,— очень сварливый, сильный и могущественный. После смерти отца он сел на трон ханский. Все время он побуждал своего отца к тому, чтобы тот завладел также и улусом Кок-Орды (т. е. Ак-Орды), но Чимтай (отец Урус-хана — М. С.) не слушал (его). Когда Урус-хан сел на царство, то он на первом же курултае сообщил то, что было в его уме, столпам державы и вельможам двора. Все согласились и стали побуждать и подстрекать его. Несколько дней он устраивал большие пиры и жаловал каждому дорогие подарки, а (затем) направился в ту сторону»[2]. Урус хан, сын Чимтая, принадлежал к потомкам Орда-Ичена и был царевичем Синей Орды, которая при отце его (Чимтае) превратилась в самостоятельное государство, независимое от сарайских ханов.

Дату смерти Чимтая и начало царствования Урус-хана в Синей Орде «Анонимо Искендера» не сообщает. Он лишь отмечает продолжительность его царствования (9 лет); из других источников нам известно, что Урус-хан умер в 1378 году в Сыгнаке. Следовательно, время вступления Урус-хана на трон ханов Синей Орды следует отнести к 1369 году, хотя самые

---

[1] П. С. Савельев, Монеты Джучидския..., стр. 228.

[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 131. О происхождении Урус-хана в источниках имеются противоречивые данные: по данным «Анонимо Искендера» Гаффара и Хайдара-Ризы, Урус-хан был потомком Орда-Ичена; его отец Чимтай (Джиджай) был «сыном Эрзена (Идерена), сына Сасы-Бука, сына Нукая, сына Букая, сына Кули, сына Орда, сына Джучи (В. Г. Тизенгаузен. Сборник, т. II, стр. 129, 211, 214). Согласно же «Муиззи» Урус-хан принадлежал к потомкам Тукай-Тимура и был сыном Бакадула, сына Тимур-Ходжи, сына Бандука, сына Анека, сына Уз-Тимура, сына Тукай-Тимура, сына Джучи») (В. Г. Тизенгаузен. Сборник, т. II, стр. 55—59), Вслед за Вельяминовым-Зерновым (Исследование о Касимовских царях и царевичах, ч. I, стр. 231, ч. II, стр. 122) и Ховартом (History of the Mongols, v. II, p. 220) мы принимаем первый вариант, т. е. «Анонимо Искендера» и примыкающих к нему авторов, поскольку все эти авторы опираются на генеалогию, которую сообщает Рашид-ад-дин.

рание его монеты, выбитые в Сыгнаке, датируются 773 (1371—1372) годом[1].

Ибн-Халдун относит захват Сарая Урус-ханом к 776 (1374—1375) году, но эти данные расходятся с данными нумизматики. Каждый из ханов Золотой Орды, захватив столицу государства — Сарай, сразу же приступал к чеканке монет от своего имени. Монеты же Урус-хана, выбитые в Сарае, относятся лишь к 1377 году. Сам Урус-хан вряд ли был в состоянии в первые годы своего воцарения двинуться на Сарай, еще не закрепившись в Синей Орде, да и в самой Синей Орде было тогда не совсем спокойно. В соседних улусах боролись между собой за обладание берегами Аральского моря потомки Орда-Ичена и Шайбана.

В источниках имеются указания на одного из конкурентов Урус-хана — царевича Туи-Хаджи, отца хана Тохтамыша, в начале царствования Урус-хана, вступившего с ним в борьбу. Согласно «Анонимо Искендера», Туи-Хаджа-оглан, правитель Мангишлака, из-за отказа явиться по требованию Урус-хана на курултай был казнен. Его сын Тохтамыш «один-два раза убежал из орды и снова отправился туда», находясь в состоянии войны с Урус-ханом, пока не нашел себе защиты у Тимура[2]. Лишь к 1374—1375 году укрепилось положение Урус-хана в Синей Орде. В этом году он предпринял безуспешный поход на Астрахань, как об этом рассказывает Ибн-Халдун, но его нападение на город было отбито Хаджи-Черкесом[3]; войска Урус-хана, вынужденные снять осаду города, ушли обратно. В период правления в Сарае хана Алибека войска Урус-хана вторично совершили набег на Сарай, но также безуспешно. Он овладел Сараем лишь в 1377 году, на что указывают его монеты, выбитые в Сарае, начиная с 1377 года[4].

С овладением Сарая в 1377 году Урус-хан подчинил своей власти все районы Золотой Орды, расположенные на востоке от Волги, за исключением Хорезма, остававшегося под властью Суфиев; есть все основания утверждать о захвате им и камских булгар. Составитель «Дяфтари Чингис-намэ» называет камских булгар «урусхановым юртом»[5]. Историки Тимура рассматривают его как одного из серьезных конкурентов Тимура, что и подтвердилось тем упорством, которое было проявлено Урус-ханом и его преемниками в борьбе с Тохтамышем, за спиной которого стоял Тимур.

В западных улусах к тому времени растет влияние темника Мамая. После бегства из Сарая в Крым в 1367 г. ему удается

---

[1] П. С. Савельев, Монеты Джучидския..., стр. 234.
[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 131.
[3] Там же, Сборник, т. I, стр. 391.
[4] А. К. Марков, Каталог мусульманских монет Эрмитажа, стр. 478.
[5] Отдел рукописей Научной библиотеки Казанского университета, № 40, л. 79.

создать некоторую стабилизацию в западных улусах. Устранив непопулярного среди татарской феодальной аристократии хана Абдуллаха, он провозгласил нового хана Мухаммеда-Буляка, происходившего из потомков Батыя; пользуясь популярностью его у татар. В 1372 г. он подчинил себе районы Прикубанья, о чем свидетельствуют его монеты, выбитые в г. Маджар. К 1377 году под властью Мамая находились бывшие владения князя Тагая, перед этим захваченные Арабшахом. На это указывает тот факт, что во время битвы на реке Пьяне Мамая с Русью мордовские князья привели «на князей» русских «рать татарскую из мамаевой орды...»[1].

К началу лета 1377 г., надо полагать, что все улусы Золотой Орды, расположенные на западе от Волги, за исключением Астраханского улуса Хаджи-Черкеса, находились под властью Мамая, следовательно, как бы произошло разделение Золотой Орды между Мамаем и Урус-ханом.

Несколько укрепив свое положение в орде, Мамай взялся за восстановление зависимости Русского улуса от татар, почти прекратившейся в годы безвластия в орде[2]. Уже в 1371 году он вызвал Тверского князя Михаила Александровича и Московского — Дмитрия Ивановича и заставил их признать себя вассалами «князя Мамая и царя его»— Мухамед-Буляка. Правда, в этом признании нельзя видеть восстановление зависимости Москвы от татар в прежнем смысле. По договору, заключенному между Мамаем и великим князем Дмитрием Ивановичем, Москва, хотя и обязывалась давать татарский «выход», но в гораздо меньшем размере, чем при ханах Узбеке и Джанибеке[3]. В следующем году Мамаю удалось посадить на Рязанское великое княжество своего ставленника Олега Ивановича, которого он хотел противопоставить московскому князю. Однако расчеты Мамая не оправдались. Рязанское княжество при Олеге не могло уже соперничать с Москвой, вскоре Олег вошел в союз с Московским князем, признав его своим «старшим братом».

Используя сложившуюся обстановку, Дмитрий Иванович отказался выполнить «ряд», заключенный с Мамаем, отказался от уплаты дани. Можно согласиться с А. Е. Пресняковым, что Мамай едва ли получил дань после 1373 года, установленную по «ряду»1371 года. Грабежи и разорения татарами русских земель

[1] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 118.

[2] П. С. Савельев, Монеты Джучидския..., стр. 48.

[3] А. Е. Пресняков, Образование Великорусского государства, 1918, стр. 320. О размерах ордынского «выхода» при Узбеке и Джанибеке трудно сказать что-нибудь определенное. В договоре великого князя Дмитрия Ивановича с князем Владимиром Андреевичем, составленном 25 марта 1389 г., размер дани определен в 5320 руб. В «доокончание» великого князя Василия Дмитриевича с тем же Владимиром Андреевичем, составленном в 1401—1402 гг.—7165 руб. Эти данные относятся ко времени после нашествия Тохтамыша, вынудившего Дмитрия Ивановича платить дань в гораздо больших размерах, чем Мамаю. (Духовные и договорные грамоты великих удельных князей XIV—XVI вв., стр. 31, 44).

вызывали антитатарские движения в русских городах. В 1372 г. произошло избиение мамаевых послов и сопровождавшего их татарского отряда в Нижнем Новгороде[1]. Подобное возмущение против татарских сборщиков дани произошло годом раньше в Рязани, что повлекло за собой нападение татар из орды Мамаевой на Рязань в следующем году. Татары особенно участили свои набеги на Русь с 1377 года, в частности под этим годом русские летописи отмечают большое сражение на реке Пьяне, окончившееся поражением Суздальско-Московского войска[2], за которым последовало разграбление татарами Нижнего Новгорода и его окрестностей.

В 1378 г., «собрав воя многи», Мамай послал с князем Бегичем «рать на великого князя Дмитрия Ивановича и на всю землю русскую». Войско Дмитрия Ивановича встретило татар в пределах Рязанского княжества на реке Воже и 11 августа во время переправы через реку Вожу наголову разбило войско Бегича и «убиша их множество». В числе убитых оказались знатные татарские князья: Хаджибей, Коверга, Карабулук, Кастров и много других, был убит и сам князь Бегич[3]. К. Маркс придавал этой битве большое значение: «Дмитрий Донской,— писал К. Маркс,— совершенно разбил монголов на реке Воже (в Рязанской области). **Это первое правильное сражение с монголами, выигранное русскими»**[4].

Разгром Бегича произвел ошеломляющее впечатление на орду. Узнав о поражении своего войска, Мамай, как передает Никоновский летописец, «о семь скорбяще зело и лицо свое одирающе, и ризы своя растерзаще, и глаголяще: «Увы мне, увы мне! что сътворили рустии князи надо мною? Како мя срамоте и стыду передали? Како мя поношение и поругание и смех сътворили всемь? Како могу избыти сего поношениа и бесчестия»[5]. Отчаяние Мамая понятно. Татарская феодальная аристократия, до поры до времени поддерживавшая Мамая, надеялась при помощи всесильного временщика восстановить свою власть над всеми землями, завоеванными Батыем, теперь же, разочаровавшись в нем, легко могла расправиться с Мамаем так же, как она ранее расправлялась с ханами Золотой Орды, принадлежавшими к «золотому роду» Чингис-хана, Мамай же был только темником.

Чтобы поддержать свой авторитет в орде и сохранить власть, пошатнувшуюся в связи с разгромом войска Бегича, Мамай решил обрушиться всеми силами на Дмитрия Ивановича и восстановить зависимость Руси от татар, как это было при Узбеке. Не случайно поэтому, когда ему удалось собрать зна-

[1] ПСРЛ, т. VIII, стр. 21; т. XI, стр. 20.
[2] ПСРЛ, том VII, стр. 25.
[3] Там же, том V, стр. 8; том XVIII, стр. 127.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс, Архив, т. VIII, стр. 151.
[5] ПСРЛ, том XI, стр. 46.

чительные по тому времени силы, Мамай потребовал от московского князя уплаты дани в том увеличенном размере, в каком московские князья давали ее при Узбеке и Джанибеке. Навязать свою волю московскому великому князю Мамай мог только лишь силой оружия, и он стал готовиться к походу на Русь. К тому времени обстоятельства складывались весьма благоприятно для Мамая. На востоке умер Урус-хан, его преемники же были заняты войной с Тохтамышем. Следовательно, нападения с востока не приходилось опасаться. В 1379 году Мамай подчинил себе весь Северный Кавказ, а в следующем году овладел Астраханским улусом, принадлежавшим Хаджи-Черкесу. При каких обстоятельствах совершился захват Мамаем Астрахани, мы пока не знаем, но в 1380 году Астрахань была подчинена Мамаю: с 782 (1380) г. в Астрахани ставленник Мамая Мухаммед-Буляк чеканил свои монеты[1].

С захватом Астрахани Мамаем по существу все улусы Золотой Орды, лежавшие на западе от реки Волги, оказались под его властью. Наконец, перед самым походом на Русь был отстранен от власти хан Мухаммед-Буляк, который пользовался некоторой популярностью в среде татарских феодалов и в силу этого мог быть опасен для Мамая. Никоновский летописец, сообщая под 1380 годом об убийстве Мамаем Мухаммед-Буляка, дает следующее объяснение: «Увидя же, яко любять татарове царя его и убояся, егда како возмужав отьиметь от него власть, и волю его, и того ради уби его, и всех верных его и любящих его»[2]. Вместо Мухаммеда-Буляка был провозглашен ханом Тулук-Бек, метко охарактеризованный русским летописцем: «не владеюща ничим же перед Мамаем, но всяку старшинство воздержаша Мамай и всеми владеяще в орде»[3]. Не случайно, в своем ярлыке Тулук-бек писал о себе, что он действует «Мамаевою дядиною мыслию». При таком безвольном хане никто не осмеливался противодействовать Мамаю в деле подготовки к большой войне против Руси.

Подготовляя «большую войну», в 1379 году Мамай предпринял удачный поход на Нижегородское и Рязанское княжества, Рязанский князь Олег вынужден был явиться к Мамаю и стал его союзником в будущей войне с Москвой. Перед началом похода на Москву Мамай договорился и с литовским князем Ягайлом о совместных действиях против Москвы. Союзником Мамая были также генуэзцы Крыма, предоставившие в распоряжение Мамая незначительный, но хорошо обученный отряд пехоты. Таким образом, Мамаю удалось собрать значительные военные силы, в которых, помимо татар, участвовали фрязи (венециан-

---

[1] А. К. Марков, Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа, стр. 476.

[2] ПСРЛ, т. XI, стр. 46.

[3] Там же, т. V, стр. 48; т. XVIII, стр. 127.

цы, генуэзцы), черкесы, ясы и буртасы. По русским источникам, Мамай привел на Куликово поле огромное войско. Согласно «Сказанию о Мамаевом побоище», одних лишь убитых татар на Куликовом поле насчитывалось 400 тысяч человек. Цифры эти, конечно, крайне преувеличены, как и преувеличено число русских войск, якобы составившее 400 тысяч человек[1].

Московский летописный свод конца XV века, легший в основу позднейших летописных сводов XVI в., определяет количество войска московского князя, прибывшего в Коломну, в «100000 и сто, опроче князей русских и воевод местных». «От начала бо такова сила не бывала князей Русских,— пишет летописец,— яко же в се время (т. е. после объединения русских земель — М. С.), бе бо всее силы и всех ратей числом с полтораста тысящь или с двесте тысящь»[2]. Дмитрий Донской вряд ли мог выставить без Тверского, Суздальско-Нижегородского и Рязанского княжеств 300 000—400 000 воинов. Позднейшими археологическими разведками на Куликовом поле не подтвердились указания источников о потере обеих сторон до 600 тысяч воинов. Немецкая рукописная хроника Лиенденблата, составленная вскоре после 1380 года, определяет число убитых с обеих сторон только в 40 000 человек. Если основываться на данных летописного свода 1470—1480 гг., то число воинов Дмитрия Донского, участвовавших в бою на Куликовом поле, можно определить суммарно в 100 или 150 тысяч человек[3]. Согласно тем же источникам, военные силы Мамая были гораздо больше, чем силы Дмитрия Донского, но вряд ли они превосходили вдвое войска великого князя Московского. Мамай один без помощи восточных улусов (Урус-хана, Хорезма, Булгар) вряд ли мог собрать большое войско. Но перевес военных сил Мамая над силами Московского князя создавал уверенность в том, что великий князь «отбежит... в дальнии отоки — либо в Великий Новгород или на Двину», все богатства Руси достанутся победителю[4]. В этот решающий момент Мамай надеялся не только наказать своего «улусника» и заставить его признать власть татар, он мечтал сам сесть на Московский трон. «Яко аз не хощю тако сътворити, како Батый,— говорил Мамай,— но егда дойде в (Руси), убию (большого) князя их, и который его град красный довлеет нам, и ту сядем ведати и Русью владети, тихо и безмятежно поживем»[5]. Ему казалось, что он близок к осуществлению давнишней своей мечты стать ханом Золотой Орды, уничтожив законного хана

---

[1] ПСРЛ, т. XI, стр. 65. Автор «Задонщины» говорит о 300000-й русской рати. Проф. В. Г. Ржига, Слово Софония Рязанца о Куликовской битве («Задонщина»), Учен. записки МГПИ. им. Ленина, т. XIII, 1947, стр. 77.

[2] ПСРЛ, том XXV, стр. 202.

[3] М. Н. Тихомиров „Куликовская битва 1380 г., «Вопросы истории», № 8, 1955 г., стр. 16.

[4] Сказание о Мамаевом побоище, 1907 г., стр. 15.

[5] Там же, стр. 14.

Тулук-Бека, под знаменем которого он организовал поход на Русь. Еще в самом начале похода, когда Мамай стоял на реке Воронеже, он, согласно первоначальной редакции «Сказания о Мамаевом побоище», уже называл себя «царем» (ханом)[1]. Расчеты Мамая во всех отношениях не оправдались. Великий князь Дмитрий Иванович не собрался бежать ни в Великий Новгород, ни на Двину. Подняв русский народ на борьбу со своим злейшим врагом, Дмитрий Иванович «стражу земли Русские мужеством своим держаще», сумел возглавить борьбу широких народных масс за родину. Моральный фактор, как одно из условий победы, был на стороне русских людей и оказал решающее влияние на исход битвы. Даже соперник Москвы князь Тверской не предпринял никаких враждебных действий против Дмитрия Ивановича в период Куликовской битвы, а войско Рязанского князя Олега, союзника Мамая, умышленно двигалось медленно на соединение с войсками татар. Автор «Задонщины», образно передавая общее патриотическое настроение тогдашней Руси, писал: «На Москве кони рьжут, звенит слава русская по всей земле русской, трубы трубять на Коломне, в бубны бьют в Серпухове, стоять стязи у Дону у великого на брезе, звонять колоколы вечныа в Великом Новегороде, стоят новгородцы у святой Софьи, а рекучи: «Уже нам, братие, на пособ(и)е великому князю Дмитрию Иванович(у) не поспеть»[2].

Русские войска, опирающиеся на всенародный патриотизм всего русского народа, и в военном отношении были более подготовленными, чем войска Мамая. Татары не знали ни о движении войска Дмитрия Ивановича, ни о планах своего противника, в то время как Дмитрий Иванович был в курсе движения татар с момента их стоянки на Мамаевом кургане, откуда начал Мамай свой поход на Русь, до прихода на Куликово поле[3]. Когда 8 сентября оба войска столкнулись на Куликовом поле, то это оказалось неожиданностью для Мамая, и он был вынужден принять бой в такой для него неудобной обстановке: союзники Мамая не успели соединиться с татарами, Ягайло со своим войском находился на расстоянии более 30 километров от татар в Одоеве, а Олег Рязанский — еще дальше от поля боя. Сравнительная краткость, непродолжительность боя, начавшегося с часу дня и закончившегося к исходу четвертого часа

---

[1] С. К. Шамбинаго, Повести о Мамаевом побоище, 1906, стр. 201.

[2] Проф. В. Г. Ржига, Слово Софония Рязанца о Куликовской битве («Задонщина»). Ученые записки МГПИ им. Ленина, т. XII, стр. 67.

[3] Е. Луцкий, Куликово поле, Ученые записки Московского городского пединститута, т. II, 1941, стр. 169. А. Насонов, Монголы и Русь, стр. 134. Согласно «Сказанию о Мамаевом побоище», Мамай начал свой поход, переправившись через Волгу к реке Воронеж, но это весьма сомнительно. Левый берег Волги не входил в состав Орды Мамая, резиденция Мамая находилась на правом берегу Волги, в Мамаевом кургане, в районе нынешнего Сталинграда, откуда Мамай начал свой поход в 1380 году.

полным разгромом татар, не позволила союзникам Мамая участвовать в бою даже при всем их желании, а у войска Олега вряд ли было желание способствовать победе татар.

Преимущество русского войска перед татарами заключалось не только в организации лучшей разведки, но и военной тактике, примененной русскими в этой исторической битве. Учитывая тактику флангового удара конницы, обычно применявшуюся татарами, русское командование создало ряд ударных групп, обеспечив в то же время себе резерв для решающего этапа боя. После 3-часового сражения инициатива боя перешла к русским. Татары, поражаемые с двух сторон, были разбиты, лишь небольшая часть татарского войска с Мамаем во главе спаслась бегством, но основная их часть пала на поле сражения во время битвы, часть была взята в плен при преследовании отступающих татар.

«Повесть о Мамаевом побоище» является основным, при этом единственным источником, при изучении вопроса разгрома орды Мамая на Куликовом поле, но она имеет тот недостаток, что ее авторов интересовала в первую очередь победа русских войск над Мамаем. Судьбу же самого Мамая и остатков его орды, бежавшей после поражения, по материалам «Повести» проследить нельзя. Очевидно, во время сражения было разгромлено основное ядро орды, сгруппировавшееся около Мамая. Об этом говорит хотя бы тот факт, что в источниках более не упоминается имя хана Тулук-Бека под знаменем которого Мамай шел на Куликово поле. Остальные лица из окруженцев Мамая разбежались кто куда и их нельзя было преследовать, поэтому по «Повести» остается не ясно, почему Мамай после бегства оказался не на своей ставке, Мамаевом кургане, на Волге, а в Крыму — в своем первоначальном улусе, где он начал свою карьеру в 50-х годах XIV века.

Политические последствия Куликовской битвы были огромны, победа еще более укрепила значение Москвы как центра национального объединения в борьбе за освобождение от татаро-монгольской зависимости, положила начало полной ликвидации Золотой Орды и освобождению от татарского ига Руси и ряда народностей Восточной Европы. В результате Куликовской битвы была разгромлена одна из крупнейших татарских орд, возглавляемая Мамаем, существовавшая более 10 лет в качестве государственного объединения.

Глава V

ВРЕМЕННОЕ ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЕДИНСТВА ДЖУЧИЕВА УЛУСА

Двадцатилетняя феодальная междоусобная борьба в Золотой Орде с воцарением нового хана Тохтамыша временно прекратилась. После Куликовской битвы, закончившейся полным разгромом татар, случилось то, что казалось невозможным. Новому хану Тохтамышу, пришедшему на смену Мамаю, удалось объединить под своей властью Синюю Орду, Хорезм, Астраханский удел Хаджи-Черкеса, орду Мамая и восстановить единство Джучиева улуса. Победитель на Куликовом поле Дмитрий Донской всё же вынужден был признать себя вассалом хана, Литва платила дань татарам за те русские земли, на которых когда-то сидели татарские данники.

Тохтамыш получил от татарских феодалов прозвание «великий». Так татары не именовали ни Узбека, ни Менгу-Тимура, ни даже самого Батыя. Источники показывают, однако, что восстановление единства Золотой Орды произошло не на базе социально-экономического развития Джучиева улуса — оно было лишь результатом осуществления задуманного Тимуром политического плана. Татарская феодальная аристократия, растерявшаяся после поражения на Куликовом поле под угрозой усиления Москвы, также решила на время поддержать Тохтамыша, за спиной которого стояла сильная рука Тимура.

Тимур же, напротив, временно поддерживая Тохтамыша, хотел при помощи подставного хана подчинить Джучиев улус, объединив его со своими владениями. Но если борьба Тимура в Средней Азии, происходившая под лозунгом освобождения государства из рук чужеземцев и возвращение его «законным владетелям» — царевичам Чеготаева рода[1], имела успех, то его борьба за присоединение Хорезма, никогда не принадлежавшего Чеготаю, оказалась неудачной. Хорезмская знать, объединившись вокруг династии Суфиев, принадлежавшей к «золотому роду» Джучидов, хотя и по женской линии, считалась закон-

[1] Б. М. Заходер, Империя Тимура, «Исторический журнал», 1941, № 6, стр. 71.

ным владетелем своего улуса; а другой противник Тимура Урус-хан, происходивший из царского рода, сам претендовал на весь Джучиев улус. Поэтому политика Тимура, проводимая им в Улусе Чеготая, в Улусе Джучи не имела никакой перспективы. Чтобы покорить Хорезм, Тимур трижды совершал походы на Ургенч, сопровождавшиеся небывалыми разрушениями, но он всё же не достиг поставленной цели. В 1379 году во время четвертого похода Тимура на Хорезм там умер Юсуф-Суфи, так успешно боровшийся со знаменитым завоевателем. После смерти Юсуф-Суфи в Хорезме вспыхнула борьба двух партий, одна из которых поддерживала Хаджи-Лака, другая — Баланки-Суфия. Хаджи-Лак, сторонник соглашения с Тимуром, потерпев неудачу, бежал к Тимуру. Только благодаря расколу среди правящих кругов Хорезма в конце октября 1379 года Ургенч был взят и разграблен дотла: все сокровища, собранные потомками эмира Наугадая, увезены были в Самарканд и Шахрисябиз[1]. Но и тогда хорезмская знать продолжала борьбу с Тимуром. На этом опыте Тимур смог убедиться, с какими трудностями связано покорение областей, ранее не принадлежавших потомкам Чеготая. Между тем широкие завоевательные планы Тимура затрагивали не только Хорезм, но и Синюю и Белую Орды.

Не совсем ясна по источникам позиция Урус-хана во время походов Тимура на Хорезм, но когда началась война Тимура с владетелем Могулистана Камар-ад-дином, последний нашел поддержку и союзника в лице Урус-хана, который вообще покровительствовал всем, кто бежал из Средней Азии, спасаясь от насилия Тимура. Так, например, в 778(1376—1377) году эмиры Адильшаха и Сари-Буга, поднявшие неудачное восстание против Тимура, бежали в область узбеков и нашли затем пристанище у Урус-хана[2]. Факты свидетельствуют о враждебном настроении хана Синей Орды к Тимуру. Борясь с Урус-ханом, власть которого распространялась от берегов Сыр-Дарьи до берегов Волги, Тимур не решился повторить в отношении хана Синей Орды неудачный опыт Хорезма. Тимур меняет свою тактику борьбы за подчинение северных улусов. Он отказался от прямого нападения на Джучиев улус и стал пытаться подчинить его с помощью подставленных лиц из царевичей Джучиева дома, как это он проделывал в Средней Азии при помощи подставленного царевича Сургатамыша. Бегство царевича Тохтамыша ко двору Тимура накануне войны с Урус-ханом было на руку Тимуру. Тимур оказал изгнанному пышный прием и поддерживал его в борьбе с Урус-ханом и его наследниками до

---

[1] Об этом подробно смотри Низам-ад-дина Шами и Шарафа-ад-дина Иезди, Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, стр. 519, А. Ю. Якубовский, Развалины Ургенча, стр. 19.

[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II., стр. 251—252.

тех пор, пока Тохтамыш не стал во главе огромного улуса.

Вопрос о происхождении Тохтамыша, оставившего большой след в истории Золотой Орды, туманно и противоречиво освещен в источниках. Ибн-Халдун называет его сыном хана Бердибека и причисляет к потомкам Батыя. О маловероятности подобного утверждения мы уже говорили. Лэн-Пуль и Замбор, не указывая источников, считали Тохтамыша потомком Орда-Ичена, но и это утверждение не менее сомнительно[1]. Согласно данным генеалогической таблицы монгольских ханов «Муиззи» и Абулгази, Тохтамыш принадлежал к потомкам Тукай-Тимура, тринадцатого сына Джучи[2]. У нас нет никаких оснований отвергать данные «Муиззи» о происхождении Тохтамыша.

Современники, так много писавшие о Тохтамыше, к сожалению, не сообщают о жизни Тохтамыша до его бегства ко двору Тимура. Согласно «Анонимо Искендера», отец Тохтамыша Туи-Ходжа оглан «был правителем Мангишлака», был казнен за неповиновение Урус-хану в первый же год его правления. Сын его, Тохтамыш, оставшийся еще несовершеннолетним, «один и два раза убегал из Орды и снова отправлялся туда, т. к. он еще не достиг совершеннолетия, то ему прощали. После того, как Урус-хан завоевал трон Узбека и овладел всем государством, Тохтамыш бежал и укрылся у Тимура». Шераф-ад-дин Иезди относит время прибытия Тохтамыша в Самарканд к 1376 году и сообщает о большом почете, который был оказан Тохтамышу при дворе Тимура. «Его величество,—писал Шераф-ад-дин Иезди,— высоко оценив его приезд, не оставил без соблюдения ни одной тонкости (проявления) благородных царских качеств почести оказанного ему приема и почета. По выполнению обычая (давать) мир (той) он роздал ему и его свите столько добра-золота, драгоценных камней, халатов, поясов, оружия, тканей, лошадей, верблюдов, шатров, палаток, барабанов, знамен, дружин и слуг и прочих принадлежностей великолепия и величия, что и словами не рассказать и пером не описать. В знак же крайнего своего уважения и расположения он назвал его сыном»[3]. Тогда «Тимур пожаловал ему (Тохтамышу) область Сабран (Сауран) Отрар и Сыгнак и отдал приказ, чтобы украсили его», т. е. провозгласили ханом в Сауране.

---

[1] Лэн-Пуль, Мусульманския династии, перевод В. В. Бартольда, 1899, стр. 189. E. Zambour, Manuel de genialogie et de chronologie pour L' Histoire de L'islam Hannober, 1927.

[2] По «Муиззи», отцом Тохтамыша был Туи-Ходжа, сын Кутлук-Ходжа, бывшего сыном Купчека (сына Сарыча, сына Урунч-Гимура, сына Тукай-Тимура, сына Джучи). (В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 60—61). То же говорит и Абулгази. В русской родословной книге, напечатанной во «Временнике», издание Московского общества истории и древности российских (кн. 10, стр. 127) также приводится родословная Тохтамыша, близкая к генеалогической схеме вышеуказанных авторов.

[3] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, том II, стр. 131, 147, W. Barthold, Tochtamich, Enzyclopaedie des islam.

Тохтамышу не удалось тогда закрепить за собой область Сауран. Урус-хан, узнав о прибытии Тохтамыша в Сауран, послал против Тохтамыша своего сына Кутлу-Бугу-оглана «с порядочным войском». В сражении под Саураном победа осталась на стороне Урус-хана, хотя сам Кутлу-Бугу-оглан погиб в битве. Не добившись успеха, Тохтамыш вернулся в Самарканд. Тимур и после этой неудачи обласкал его еще больше, чем на первом приеме и снова направил с войском в Сауран. Урус-хан и на этот, раз не собираясь уступить Тохтамышу Сауран, послал против него своего старшего сына Тохтакию с несколькими царевичами, эмиром Алибеком и другими знатными эмирами с войском, в четыре раза превосходившим войско Тохтамыша, и заставили его обратиться в бегство[1].

Несмотря на столь решительную победу над Тохтамышем, победитель оказался в критическом положении. В самой Синей Орде в это время началось какое-то брожение против Урус-хана. Его эмиры, очевидно, чувствуя слабость хана в борьбе с Тохтамышем, стали его покидать. На сторону Тохтамыша в 1376 г. перебежал сын одного из эмиров Урус-хана Едигей, отец которого Балтычка из племени акмангит занимал пост старшего эмира при дворе Урус-хана[2]. Бегство Едигея, принадлежавшего к придворной аристократии, свидетельствовало о колебаниях в придворных верхах Синей Орды. Едигей принес известие о больших военных приготовлениях Урус-хана. Вскоре к Тимуру прибыл посол из Синей Орды, передавший требование Урус-хана о выдаче Тохтамыша. «Тохтамыш убил моего сына,— писал Урус-хан,— и, убежав, пришел в ваши владения, выдайте моего врага, если же нет, назначив место битвы, тотчас явитесь на бой». На этот ультиматум Тимур ответил: «Он (Тохтамыш) нашел себе у меня убежище, я его не выдам, что же касается боя, то я для него готов». Зимой 1377 г. началась война. Став во главе огромного войска, Тимур двинулся к Отрару и остановился в районе Саурана, недалеко от лагеря Урус-хана. Неожиданно разразившаяся снеговая (в перемежку с дождем) буря и затем наступившие сильные морозы на три месяца приостановили военные действия с обеих сторон. В течение этого времени обе стороны от морозов понесли огромные потери в людях и животных. Столкновения ограничивались мелкими стычками, пока Урус-хан не покинул своего лагеря, назначив начальником Кара-Кисека. Тогда Тимур произвел атаку на войска противника и принудил Кара-Кисека к бегству, но и у Тимура не хватило сил добить своего врага. Потеряв 10000—15000 лошадей и большую часть войска и не добившись решительной победы, он вернулся в Самарканд. Лишь через

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 106—107, 135, 147.

[2] В. В. Бартольд, Отец Едигея,, Известия Таврического общества Истории, Археологии, Этнографии, т. I (58), 1927, стр. 19—20.

15 дней Тимур, неожиданно напав на войско Урус-хана в районе Джайранкамыша, разбил его. В руки Тимура попала огромная добыча. Покидая Сауран, Тимур «пожаловал царство той области царю Тохтамышу и оставил в том государстве»[1]. Победа Тимура над войсками Урус-хана и вторичное провозглашение Тохтамыша ханом, как утверждают историки Тимура, совпали со смертью Урус-хана.

Историки Тимура датируют время смерти Урус-хана и вступление Тохтамыша на отцовский престол 1377 годом. Однако эта дата, принятая также академиком В. В. Бартольдом, не подтверждается данными золотоордынской нумизматики. До нас дошли монеты Урус-хана, выбитые в большинстве своем в Сарае в 779 (1377—1378) г., и одна монета с датой 782 (1379) г.[2]. Нельзя допустить, чтобы его преемник продолжал чеканить монеты с именем умершего отца. По данным тех же историков, преемник и сын Урус-хана Токтакия царствовал всего лишь 2 месяца, после него на престол вступил другой его сын — Тимур-Мелек. «Раньше чем взяться за другое дело,— читаем мы в одном из источников,— Тимур-Мелек нашел более важным уничтожить Тохтамыша и привел войско в Сауран». Тохтамыш, разбитый Тимуром-Мелеком, случайно спасся. Дата прибытия Тохтамыша ко двору Тимура после поражения от Тимур-Мелека нам известна. Это случилось в 780 (1378—1379) году[3]. Получается, что со времени царствования Тохтамыша и его бегства в третий раз прошло не более трех месяцев, хотя историки Тимура отводят на это больше года.

Одержав победу над Тохтамышем, Тимур-Мелек в 780 (1378—1379) году вскоре потерял всякий интерес к государственным делам. Его примеру последовала и окружавшая его придворная аристократия. Один из приближенных хана, перебежавший из Синей Орды, сообщил Тохтамышу о всём происходящем во дворце Тимур-Мелека. «Днем и ночью (он) занят питьем вина, развлечениями и удовольствиями, спит до полудня и, если даже произойдет тысяча важных дел, ни у кого не окажется смелости разбудить его, по этой причине люди отчаялись в нем, и все государство и область требуют Тохтамыша»[4].

Зимой 1379 года Тимур снарядил против Мелека огромное войско по главе с эмирами Урок-Тимуром, Щияс-ад-дином тарханом и др., «чтобы они посадили... на престол в Сыгнаке Тохтамыша»[5]. Тимур-Мелек, беспечно проводивший время на Каратале, южнее Сыгнака, был разбит; большинство его эмиров покинуло своего хана. Первым на сторону Тохтамыша перешел

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 107—108, 135—137, 148—149.
[2] П. С. Савельев, Монеты Джучидския..., стр. 235.
[3] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 138.
[4] Там же, том II, стр. 108.
[5] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 108, 138, 150.

«главный столп державы» — Казан-бахадур «с несколькими знатными эмирами»; вслед за ним в ставку Тохтамыша «стали направляться непрерывно отряд за отрядом другие и в непродолжительное время к нему присоединилась масса (людей)». Тогда же, по-видимому, перешел на сторону Тохтамыша один из эмиров Урус-хана, Алибек, впоследствии при Тохтамыше сохранивший за собой должность старшего эмира. Ближайшие родственники Тимур-Мелека стали также колебаться. Племянник хана, Муахмуд-оглан, командир «левого крыла» («сол кол»), осведомленный, «что улус естественно склоняется к Тохтамышу», пытался было уговорить Тимур-Мелека отказаться от борьбы, но был убит по подозрению в сношениях с Тохтамышем. «Я казню каждого,— заявил на заседании Мелек, — кто будет удерживать меня от этого похода». Его угрозы не могли оказать нужного действия, так как большинство населения уже покинуло его. Тохтамыш у реки Карабака напал на Тимур-Мелека и после упорного сражения Тимур-Мелек вместе со своим главным эмиром (эмир-эль-эмир) Балтычком, отцом Едигея, был взят в плен. Тимур-Мелек был казнен. Балтычку предложили перейти на сторону Тохтамыша, но он остался верным своему хану и был казнен Тохтамышем[1]. Эта казнь главного эмира хана впоследствии явилась одной из причин раздора между Тохтамышем и Едигеем.

В честь победы Тохтамыша над Мелюком по приказу Тимура были освобождены из тюрем колодники. Судя по монетам Тохтамыша, выбитым в 781 (1379—1380) гг. в Хорезме, Тимур отдал ему в управление Хорезм, ранее находившийся под властью Тимура[2]. Оставшись в зиму 1379—1380 г. в Синей Орде, весной 1380 г. Тохтамыш, «снарядив бесчисленное войско, двинулся в поход, покорил царство Сарайское и область (или) Мамака (т. е. Мамая)»[3].

Организация походов Тохтамыша на запад, завоевание им Сарая и Астрахани, победа над Мамаем — обо всем этом персидские авторы умалчивают. Нет никаких подробностей и у арабских писателей, к этому времени утерявших всякую связь с Золотой Ордой. Ибн-Халдун пишет, что Тохтамыш после завоевания удела Урус-хана «отправился в Сарай, тут находились правители Урус-хана, но он отнял его (улус) у них... Он завоевал (также) удел Хаджи-Черкеса в Астрахани, отобрал все, что было в руках узурпаторов, изгладил следы их и вступил в Крым против Мамая, который бежал перед ним»[4]. Как у персидских авторов, так и у Ибн-Халдуна отсутствует дата захвата Тохтамышем Сарая. По-видимому, к осени 1380 года Тохтамыш был

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 131—132, 191.
[2] П. С. Савельев, Монеты Джучидския..., стр. 114.
[3] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 109, 133, 150.
[4] Там же, т. I стр. 391.

уже в Сарае, только этим можно объяснить бегство Мамая после Куликовской битвы именно в Крым, а не на Волгу. Находясь в Крыму после Куликовской битвы, Мамай собрал остатки своего войска и «въсхоте ити изгоном на великого князя Дмитрия Ивановича, и на всю Русскую землю», получил «весть, что идеть на него некий царь с востока, имен Тохтамыш, из Синей Орды. Мамай же, еже уготована великого князя Дмитреа Ивановича рать, с тою ратью пойде противу его, и сретошася на Калках, и быст им бой, и царь Тохтамыш победи Мамая и прогна его»[1]. Можно согласиться с В. Г. Ляскоронским, что битва происходила не на реке Калке-Калкамусе, впадающей в Азовское море, а у рек Колмак, Кальченке (Кальчене — приток Ворсклы), здесь позднее упоминается ряд названий, связанных с именем Мамая: Мамай-Сурка, Мамаево урочище и др. Мамай, естественно, хотел встретить своего противника вблизи Литовской границы, рассчитывая на помощь своего союзника Ягайлы[2].

Разбитый у днепровских порогов, Мамай бежал в Крым. После этого татарские князья и мурзы стали переходить на сторону Тохтамыша, тем самым обеспечив ему победу над Мамаем. Русские летописи передают настроения татарской феодальной аристократии накануне крушения державы Мамая: *«Мамаевы же князи, атай Мамая совещашеся межь собою, глаголяще: «несть добро нам в Мамаеве царстве жити, всюду бо есмы поругаеми и избиваемы от сопротивных наших*; и что пользует нам житие в царствии его? *Отьидем убо ко царю Тохтамышу, и узрим тамо, что аще будет».* И тако Мамаевы князи, сшедше с конев своих, *биша челом царю Тохтамышу, и даша ему правду по своей вере*, и пиша к нему роту, и яшася за него, а Мамая оставиша отнюдь в мале дружине, посрамлена и поругана. Мамай же видев таковая от своих князей, и в той же час скоро побеже с своими думцами и единомысленики. Царь же Тохтамыш посла за ним в погоне вся своя; Мамай же, гоним сый и бегаше перед Тохтамышевыми гонители, и прибежа близ града Кафы, и сослася с Кафинцы до докончанию его к ним и по опасу, дабы его приняли на избавление, доне деже избудет от гонящих его»[3].

Говоря о расправе генуэзцев с Мамаем, летописец главную причину видит в алчности генуэзцев: «Кафинцы же, видяще многое его имение, совещашася сотвориша над ним месть и убиша его». Дело сводилось, по-видимому, не только к алчности. Генуэзцы этой расправой хотели отомстить Мамаю за то, что он отобрал в 1365 г. у них 18 деревень, захваченных в

---

[1] ПСРЛ, т. IV, стр. 82—83; т. XI, стр. 68—69; т. XVIII, стр. 130.

[2] В. Г. Ляскоронский, Русские походы в степь в удельно-вечевое время, Журнал МНП за 1907 г., № 5, стр. 9.

[3] ПСРЛ, том IV, стр. 83, т. XV. стр. 69, т. XVIII, стр. 130.

период междоусобицы в Орде. Договорившись с Тохтамышем о возвращении им этих деревень, генуэзцы только после этого выдали Мамая Тохтамышу. По договору, заключенному с наместником хана в Солхате сеньором Черке-беком от 28 ноября 1380 г., генуэзцы обязывались «быть верными и преданными императору (т. е. хану), быть приятелями его друзей и врагами его неприятелей и не принимать в свой город и в свою крепость ни его противников, ни тех, которые от него отложася». В Каффе хан посадил своего чиновника для разбора дел подданных хана и ханского «митаря» для взимания податей «по старому обычаю»[1]. По заключении договора генуэзцы выдали Мамая Тохтамышу. «Царь же Тохтамыш, взя орду Мамаеву и царицы его, и казни его, и ордабазары его, и улусы его, и богатства его, злато и серебро, и жемчуг, и камениа много зело взя, и раздели дружине своей»[2].

После расправы с Мамаем осенью 1380 г. власть Тохтамыша распространилась на все районы Дешт-и-Кыпчака. Камские булгары, по-видимому, тоже были покорены тогда же. Во время похода Тохтамыша на Москву в 1382 г. они находились под властью Тохтамыша. Русские летописи под 1381 годом отмечают появление ханских послов на Руси, предъявивших требование князьям явиться к новому хану. Получив отрицательный ответ, хан решил принудить Дмитрия Ивановича силой. Между тем каолиция русских князей, возникшая перед Куликовской битвой, распалась. Прежде всего отпал от каолиции Нижний Новгород, попавший после завоевания Тохтамышем камских булгар под удар татар. Нижегородской князь Дмитрий Константинович должен был признать себя вассалом татар, как и рязанский князь Олег. Оба князя сопровождали Тохтамыша в его походе на Москву.

Московский великий князь, оставшийся один на один против татар и понесший столько жертв при разгроме Мамая, не мог в 1382 г. оказать должного сопротивления Тохтамышу. После трехдневной осады Москва была взята татарами обманным путем и подверглась небывалому разгрому и ограблению. Вслед за подчинением тверского князя власть Тохтамыша распространилась на всю северо-восточную Русь[3]. Хотя юго-западная и северо-западная Русь и остались по-прежнему в составе владений великого князя Литовского, но литовские князья должны были платить дань татарам за те русские земли, которые раньше были подчинены татарам.

Таким образом, Тохтамышу удалось объединить вокруг Сарая все улусы Золотой Орды. Своими успехами Тохтамыш был обя-

---

[1] П. И. Кеппен, Крымский сборник, 1837, стр. 84—85.

[2] ПСРЛ, том XI, стр. 69.

[3] С. М. Соловьев, История России. Книга I, стр. 981, А. Н. Насонов, Монголы и Русь, стр. 135—136.

зан прежде всего Тимуру. «*Власть и могущество его (Тохтамыша) стали развиваться и, благодаря счастливому распоряжению Тимура,* все улусы Джучиева вошли в круг его власти и господства»,— писал один из историков Тимура — Шераф-ад-дин Иезди[1]. Сам хан и его окружение прекрасно это понимали. Эмиры Урлук-Тимур, Ак-Буга и старший эмир Тохтамыша Алибек, происходившие из Синей Орды и связанные хозяйственными интересами со Средней Азией, выступали за сохранение дружбы с Тимуром. Они постепенно внушали Тохтамышу» и всегда побуждали его к соблюдению прав Тимура и следованию путем вежливости относительно его величества, ибо (говорили они) царство улуса Джучи-хана и место отцов его попало в руки могущества (Тохтамыша), благодаря благополучной державе и милости Тимура...». «Обязанность (твоя) состоит в том,— говорили эмиры Тохтамышу,— чтобы, запечатлев в душу это обстоятельство, *ты всегда старался служить его величеству достойными услугами, не оставляя без внимания ни одной мелочи из (обязательных) условий признательности и соблюдения прав,* ибо во всяком случае благодарность за благодеяние непременно служит к большому возвышению и расширению государства»[2].

Вначале Тохтамыш, следуя совету приближенных, оставался верным своему покровителю; когда же умерли эмиры Урук-Тимур, и Ак-Буга и в окружение Тохтамыша вошли новые лица, ориентировавшиеся на западные улусы, политический курс Тохтамыша постепенно стал изменяться, да и сам Тохтамыш по мере усиления своего могущества все более стремился к самостоятельной политике. Историки Тимура в числе ближайших к Тохтамышу советников, возбуждавших его против Тимура, называют эмира Казанчия и других «смутьянов» из племени Мангит, не приводя их имен. По-видимому, они имели в виду эмира Едигея и его старшего брата — эмира Исабека из племени Мангытов. Брат Едигея, Исабек, позднее числился в свите Тохтамыша. Едигей, женатый на дочери Тохтамыша, состоял начальником эмиров левого крыла[3]. Достигший зенита своей славы, Тохтамыш стремился порвать свою зависимость от Тимура и вернуться к традиционной политике прежних ханов Золотой Орды[4].

В 786 (1384—1385) году произошло коренное изменение в политике Тохтамыша в отношении к своему покровителю. В этом году послы Тохтамыша направляются в Египет. Ибн-Дукмак, говоря о появлении послов Тохтамыша, не раскрывает целей этого посольства, но судя по позднейшим переговорам,

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 150—151.
[2] Там же, том II, стр. 109, 151.
[3] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 109, 151.
[4] Н. И. Веселовский, Лекции по истории Востока, стр. 21.

дело шло о заключении союза против Тимура[1]. Спустя некоторое время последовало нападение войск Тохтамыша на Азербайджан и Иран. На эти же области претендовал и Тимур.

С тех пор, как торговые пути, связывающие Запад с Востоком, переместились с севера на юг, овладение Азербайджаном и Ираном для обоих государств приобрело особо важное значение[2]. Тимур ранее Тохтамыша начал борьбу за захват Ирана. Его первый поход на Иран, закончившийся овладением важнейшими стратегическими пунктами восточного Ирана, относится еще к 1380 году. В 1385 году войска Тимура вторглись в Исфаган и Азербайджан. С захватом этих районов Тимур наносил большой удар золотоордынской торговле. Желая не допустить Тимура в Азербайджан, Тохтамыш направил туда в 786(1384—1385) г. войско численностью 90 000—100 000 человек во главе с царевичем Бекбулатом и эмирами Исабеком, Янгидаем; они прошли через Дербент в Азербайджан и осадили Тебриз. После восьмидневной осады жители города обязались уплатить Тохтамышу 250 туманов (1 туман —10 000 серебряным динарам). В следующем году, нарушив мирный договор, войска Тохтамыша овладели городом и в течение восьми суток грабили Тебриз, а затем опустошили города Миранда, Нахичеван (Нахичевань), захватив более 200 000 пленных[3].

Занятый завоеванием Исфагана и Шираза и не успев еще укрепиться в Иране, Тимур не мог вступить в открытую войну с Тохтамышем. С целью выиграть время он вел пока переговоры с ханом и заканчивал подготовку к большой войне[4]. Посылая войско против Тохтамыша, Тимур дал указание эмирам Шейх Али-бахадуру, Ику-Тимуру и Асмани-Абасу не вступать открыто с ним в борьбу: «так как у нас с царем Тохтамышем есть договор и соглашение и мы соблюдаем этот договор,— говорил эмирам Тимур,— то, если вы узнаете, что (это) его войско, воздерживайтесь от боя и возвращайтесь обратно». Этот отряд, имевший чисто разведывательные цели, перешел реку Куру, но преследуемый Тохтамышем, вернулся обратно. Вслед за этим Тимур отправил новый отряд во главе со своим сыном Миран-шахом. Во время происшедшей стычки было захвачено в плен несколько знатных лиц Тохтамыша; Тимур им оказал большой почет. Стараясь показать свое дружеское расположение к хану и пленникам, он говорил им: «Между нами права отца и сына. Из-за нескольких дураков почему погибнет столько людей? Следует, чтобы мы вперед соблюдали условия и договор и не будили заснувшую смуту. И если кто-нибудь сделает противное этому или будет укрощать в нашем уме противное этому...,

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I. стр. 329.
[2] Hammer. Pingstall, указ. соч. стр. 343.
[3] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 97—98, 109—110.
А. Ю. Якубовский, Тимур, «Вопросы истории» за 1946 г., № 8—9. стр. 162.
[4] Léon Cahun, Jntrodition de L' Histoiee de L' Ase p. 488.

следует, чтобы мы с обоих сторон его проучили, наказали, казнили, чтобы (это) было примером для других»[1]. Хотя историки Тимура и говорят о поражении войска Тохтамыша и изгнании его из Дербента, но вряд ли это было так. Имеются монеты Тохтамыша, выбитые в Дербенте, Шемахе, Шибране, Махмут-Абаде и в Баку в 789(1387—1388), 790(1388) и 791(1388—1389) годах[2].

Тохтамыш все же не смог закрепить результатов своей победы в Азербайджане. Между тем Тимур в ноябре 1386 года захватил Грузию. В Тбилиси и Дарьяльском ущелье он выставил против Тохтамыша усиленный гарнизон[3]. Захватом Грузии Тимур закрывал путь в Иран не только через Дарьяльское ущелье, но и через Дербент.

Пока Тимур укреплял свои позиции на Кавказе, Тохтамыш заключил союз с давнишним врагом Тимура эмиром Могулистана Комар-ад-дином и тем создал угрозу собственным владениям Тимура в Средней Азии. «Он (Тохтамыш) стал сноситься с ним (с Комар-ад-дином) и возбуждал его к возмущению против Тимура»[4]. Союзный договор предусматривал нанесение одновременного удара с севера и с востока. Для поддержки Комар-ад-дина Тохтамыш направил в Среднюю Азию многочисленное войско во главе с эмиром Ак-Хаджи-огланом. Комар-ад-дин и Ак-Хаджи-оглан вторглись в Мавераннахр через Туркестан, другой отряд Тохтамыша под командой султана Махмуда из Хорезма ворвался во владения Тимура.

Осенью 1387 года огромное войско Тохтамыша, под начальством эмиров Бек-Ярык-оглана, Илыгмыш-оглана, Исабека и Сатык-бахадура осадило город Сауран. Гарнизон отстоял город, однако окрестности Саурана были сильно опустошены; отдельные отряды татар проникли до Ташкента и разграбили его, один из отрядов Тохтамыша безуспешно осаждал Бухару: ряд городов Мавераннахра подвергся тогда же разорению. Так, например, в г. Карши был сожжен дворец Тимура Зинджер-сарай, сильно пострадал Гузар. Мирза Смаршайх, оставленный Тимуром в Самарканде, попытался вытеснить врага из Туркестана, но, потерпев поражение, вынужден был вернуться в Самарканд и заняться обороной Самарканда и Термеза[5]. Тимур, находившийся тогда в Ширазе, поспешно отправил до 30 000 всадников для защиты Самарканда, а в феврале 1388 года сам двинулся к Самарканду. Золотоордынцы, узнав о приближении Тимура, отступили в Хорезм[6]. По утверждению историков Тимура, войска последнего долго преследовали неприятеля, причинив

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 110.
[2] П. С. Савельев, Монеты Джучидския.., стр. 118—121.
[3] История Грузии, 1946, ч. I, стр. 292.
[4] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 342, том II, стр. 153.
[5] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 110—111, 153—154.
[6] Там же, стр. 154—155.

им большой урон. Это вполне возможно. Именно после этого в Золотой Орде наметились некоторые признаки политического кризиса. Этим объясняется бегство ко двору Тимура некоторых царевичей, принадлежавших к дому Урус-хана.

При описании походов Тимура 1388 года историки впервые упоминают о сыне Урус-хана — Кунче-оглане и Тимур-Кутлуке (сыне Тимур-Мелека). У Абулгази имеется одна подробность, отсутствующая у ранних историков и взятая им из других источников. «Сердце Тимур-Кутлука,— говорит он,—запылало мыслью сделаться государем («падышах»), поэтому он произвел мятеж против Тохтамыш-хана. Тохтамыш хотел его поймать и намеревался его убить, но Тимур-Кутлук бежал и ушел к Тимур-беку»[1]. Этот мятеж, о котором сообщает Абулгази, очевидно, начался после неудачного похода Тохтамыша в Среднюю Азию и поражения его в 1387 году. В организации этого мятежа важную роль сыграл Едигей, связанный родственными узами с Тимур-Кутлуком и вслед за ним бежавший к Тимуру. В связи с изменой Едигея русские летописи говорят об убийстве Тохтамышем своей жены, царицы Тавлинбеку, матери его шестерых детей[2].

Все это подтверждает начавшееся в лагере Тохтамыша недовольство политикой хана. Тимур, хорошо осведомленный о положении в Золотой Орде, решил использовать затруднения Тохтамыша. В ответ на опустошение Тохтамышем Мавераннахра в 1387 году Тимур организовал новый, по счету пятый, поход на Хорезм. Войска Тимура, почти не встретив сопротивления, весной 1388 года ворвались в пределы Хорезмского улуса. Из показаний одного из пастухов, захваченного в плен, стало известно, что наместники Тохтамыша в Хорезме — Илыгымыш-оглан и Сулейман-Суфи покинули Хорезм и перебежали к Тохтамышу, что город и крепость покинуты войсками Тохтамыша. Получив это известие, войска Тимура преследовали отступающую армию до Кушкента и Кира, убили множество сторонников Тохтамыша и с бесчисленной добычей вернулись в лагерь Тимура. Город Ургенч был взят без боя. После нескольких дней пребывания в Хорезме Тимур издал указ о том, чтобы «всех жителей и обитателей города и области переселить в Самарканд и Хорезм (т. е. г. Ургенч), целиком разрушить и территорию города засеять ячменем»[3]. Хотя указ Тимура полностью не был осуществлен, но после этого разгрома Хорезм потерял свое

---

[1] Abul cyhazi, Histoire des Mongol et des tatares, t. I, p. 162.

[2] Произошли одновременно и какие-то осложнения у хана с генуэзцами в Крыму. Его наместник в Салхате Ильяс, сын Кутлубуга Инака, подтвердил договор 1387 года, дав дополнительно обязательство чеканить только «добрые монеты» полного веса Hammer purgstall, указ. Соч., стр. 488.

[3] В. Г. Тизенгаузен. Сборник, т. II, стр. 155; Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, стр. 523—524.

прежнее значение. А. Ю. Якубовский, обследовавший развалины Ургенча, отметил, что 1388 год в жизни Ургенча был более катастрофическим, чем 1221 год, когда Ургенч был разрушен Чингис-ханом[1].

На разрушение Хорезма Тохтамыш ответил новым походом в Среднюю Азию. Осенью 1388 года «он собрал со всего Улуса огромное войско из русских, черкесов, булгар, кипчаков, аланов (жителей) Крыма, Кафы и Азака, башкирдов и мокши — неподдающуюся счету армию, превосходившую число древесных листов и дождевых капель»[2]. Этот поход вкратце описан в русских летописях с той лишь разницей, что он отнесен летописцем не к осени 1388 года, а к 1389 году. В этом 30-дневном походе татар сопровождал нижегородский князь Борис Константинович, только в районе Уруктана[3] он был отпущен ханом с приказанием ждать его возвращения из похода в Сарае.

Войско Тохтамыша перешло Сыр-Дарью, разграбило Яссы и близлежащие районы. Не имея достаточных сил для отражения Тохтамыша, Тимур занялся защитой Самарканда, ожидая прибытия войска из крайних улусов государства. В то же время войско Тохтамыша в связи с выпавшим снегом и стужей также не могло начать энергичные военные действия. Однако вскоре Тимур изменил первоначальный план и, не дождавшись прибытия всех частей войска, решил дать сражение, хотя воины и эмиры советовали отложить военные операции до полного сосредоточения войск. Авангард Тимура во главе с Кунче-огланом и Тимур-Кутлук-огланом зашел в тыл врага и перебил значительный отряд Тохтамыша. Во время стычки был взят в плен военачальник Тохтамыша Айды-Берды-бакши, а главная часть войска Тохтамыша была отброшена на другой берег Сыр-Дарьи. Тимур после этого двинулся к Акару, расположенному на левом берегу Сыр-Дарьи. Здесь он собрал «к себе войско из иля и областей: из Харасана, Балха, Бадахшана, Хисара» и готовился начать весной 1389 года решающие действия. В конце февраля или начале марта 1389 года авангард Тимура, переправившись через реку Сыр-Дарью, напал на Тохтамыша, преследовал его до Белака, расположенного в устье реки Сарык Узена[4]. Тимур приказал своим войскам окончательно добить врага, но начавшееся восстание в Харасане и Могулистане заставило его приостановить наступление своего войска.

Таким образом, кампания 1388—1389 года Тохтамышем была проиграна. Ему не удалось отвоевать Хорезм, он потерял свои владения на Сыр-Дарье (с городом Сыгнаком), занятые Тиму-

---

[1] А. Ю. Якубовский, Развалины Ургенча, стр. 20.

[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 156.

[3] ПСРЛ, т. XI, стр. 121. Быть может, имеется в виду Аран-Тупе, на р. Оре, восточнее Орска, расположенный на расстоянии 30-дневного пути от Нижнего Новгорода, откуда шла дорога к берегам Сыр-Дарьи.

[4] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 111—112, 156

ром весной 1389 года. Неудачу кампании пытались скрыть от населения, чтобы не вызвать новых осложнений. Поэтому русские летописи, пользовавшиеся, очевидно, официальной версией, говорят только об успехах хана. «Царь Тохтамыш пошел на войну ратью на Темир-Аксака... и град его дальний повоева, а до самого не возможе дойти и возвратися паки в свой улус»[1]. То, что можно было утаить от русских князей, того нельзя было скрыть от татарских феодалов. В самой Орде хорошо знали о неудачах Тохтамыша. Среди татарских феодалов сразу же возникло оппозиционное движение, нашедшее свое отражение и в отдельных летописных известиях.

Никоновская летопись сообщает об убийстве Тохтамышем царевича Озибабу[2], а несколько татарских князей перебежали на сторону Москвы и поступили на службу к великому князю. В числе перебежавших летописи указывают «царева постельника» Бахыт-Ходжу, а также Кыдыр-Ходжу и Мамат-Ходжу, принявших христианскую веру[3]. О тогдашних настроениях татарской правящей аристократии говорит официальный документ того времени — ярлык Тохтамыша к Ягайле, написанный в 1393 году. Из ярлыка видно, что царевичи (огланы): Бек-Булат и Ходжам-ад-дин, князь Бакши, Турджак-берди и Давуд организовали заговор против хана; вступив в тайные сношения с Тимуром, они отправили князя Едигея ко двору Тимура, подстрекая последнего к войне с Тохтамышем[4]. Согласно Ибн-Арабшаху и ханско-феодальному эпосу об Едигее и Тохтамыше, организатором заговора против Тохтамыша был Едигей. Академик В. В. Бартольд, отдавая предпочтение ярлыку, как официальному документу, отрицает первостепенную роль Едигея в этом деле[5]. Последующая деятельность Едигея не была столь «скромна», как это полагал В. В. Бартольд. Источники говорят об Едигее, как о большом интригане, хитром и коварном дельце, и полностью подтверждают известия Ибн-Арабшаха. Не случайно, когда Тохтамышу стало известно о заговоре, он в числе первых бежал из Сарая и нашел себе убежище при дворе Тимура, охотно принимавшего у себя всех перебежчиков из Золотой Орды.

Попав ко двору Тимура, этот искусный интриган применил все свое старание, чтобы возбудить Тимура против Золотой Орды. Он заверял от себя и от имени своих сторонников о всяческой помощи Тимуру в предстоящей войне. «Он, Идику, не переставал подстрекать его (Тимура) к этому, возбуждать да опутывать Тимура»,— писал Ибн-Арабшах. По его словам,

---

[1] ПСРЛ, том XI, стр. 121, том XVIII, стр. 139.
[2] Там же, стр. 125.
[3] Там же.
[4] Н. И. Березин, Ханские ярлыки, ч. I, 1850, Казань, стр. 21, 51.
[5] В. В. Бартольд, Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира, Баку, 1924 г., стр. 89.

Едигей говорил Тимуру: «Ты устремляешься в страны дальние, да в местности дикие и заброшенные, из-за этого подвергаешься опасностям, пересекаешь хребты и пустыни и перебираешь книги путешествий, а вот добыча холодная перед самыми глазами твоими; ты добудешь ее легко и удобно, как тебе будет угодно и приятно, для чего же мешкать и дремать? Из-за чего медлить и отлагать? Поднимись с твердою решимостью, и я тебе порука в том, (что) нет крепости, которая тебя задержит, и нет преграды, которая тебя остановит; нет пересекателя (меча), который отгонит тебя... Там только сброд и сволочь. Богатства же там поддадутся угону и сокровища придут (к тебе) на своих ногах!». Он (Идику) не переставал подстрекать его (Тимура) к этому, возбуждать да опутывать его на все лады... Тогда Тимур с величайшею быстротою приготовился к завоеванию Дешт-Берке»[1]. Скрытность, лукавство и неожиданность подготовили и решили успех предсказанного Едигеем и разработанного Тимуром плана разгрома Золотой Орды. «Веруя в лукавые сердца и такой же язык..., пришел так тайно, аже не было нам никакой вести, а ни слова»,— писал Тохтамыш в ярлыке к Ягайло[2].

Не готовый к отпору, Тохтамыш сделал попытку предотвратить кровопролитие. Когда войско Тимура еще было в пути, к нему прибыло посольство Тохтамыша, преподнесшее в подарок сокола и 9 быстроходных коней. В своем послании хан просил Тимура простить его недостойный поступок. «Тимур занимает по отношению ко мне место отца, и права его на меня превышают то, что можно сосчитать и объяснить. Просьба такова, чтобы он простил это неподобающее действие и недопустимую вражду, на которую я осмелился из-за несчастной судьбы и подстрекательства низких людей, и чтобы он провел пером прощения по листу (моих) ошибок»[3]. В случае, если он получит прощение, Тохтамыш обещал быть во всем ему послушным. «После этого *ни на один волос не сойду с пути повиновения и подчинения*,— писал Тохтамыш,— *и не единой мелочи не упущу в соблюдении условий, приличия и послушания*»[4]. Тимур в своем ответном послании упрекал Тохтамыша за его черную неблагодарность; в извинениях Тохтамыша он видел слабость, он «больше не может положиться на слово Тохтамыша, после того, как со стороны Тохтамыша не было соблюдения договоров». «Впрочем,— доба-

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 459. Ср. «Сказание о Едигее и Тохтамыше», издан. под ред. проф. П. И. Мелиоранского, 1905, стр. 9. Тимур тщательно готовился к походу, он приказал взять каждому бойцу провизии на 1 год: 4 овцы старых на каждую душу, лук, по 30 стрел, волчан и щит, на каждых 2 бойцов — по 1 лошади, на каждых 10 бойцов — по 1 палатке, по 1 заступу, по 1 мотыге, по 1 серпу, по 1 пиле, по 1 топору-секире, по 1 шилу. На каждые 100 человек — по 1 котлу и бурдюку (В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 91).

[2] Н. И. Березин, Ханские ярлыки, ч. I, стр. 51.

[3] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 112.

[4] Там же, стр. 159.

вил Тимур в разговоре с послом,— если он (Тохтамыш) говорит правду, что ищет мира, то пусть пришлет к нам навстречу Али-Бека, чтобы мы после переговоров с эмирами выполнили то, что окажется нужным»[1]. 21 февраля 1391 года Тимур созвал курултай и, посоветовавшись с царевичами и эмирами, выступил в поход против Тохтамыша.

В этом походе на Золотую Орду Тимур избрал обходный путь через Яссы, Сауран, Карачук и по реке Сырасу. Поднявшись до реки Тобола, он круто повернул на запад. Подробное описание пути Тимура не входит в нашу задачу; этот вопрос уже был предметом специального исследования в работе Шармуа «Экспедиция Тимура против Тохтамыша»[2].

Время похода против Тохтамыша на этот раз было выбрано удачно: Золотая Орда не была готова отразить наступление врага; движение Тимура оказалось для Тохтамыша неожиданным: оно началось еще в феврале 1391 г., в Сарае о нем узнали только 6 апреля, когда 2 нукера Едигея, бежавшие из лагеря Тимура, принесли первые известия о движении неприятеля. Пленный из числа пограничных войск Тохтамыша на допросе показал: «Тохтамыш-хан не знал о вашем приходе, (но) два нукера Идегу бежали из вашей орды, пришли и дали ему знать о вашем выступлении (сообщив), что вы идете с войском, которое многочисленнее степного песку и древесных листьев. От этого известия у Тохтамыша-хана огонь запал в душу, дым пошел из головы, он сказал: «Я соберу вдвое такое же войско». Тотчас же дал знать во все стороны, собрал войско правого и левого крыла и теперь, расположившись в Крык-Куле, опять послали за войском»[3]. Таким образом Тохтамыш рассчитывал стянуть свои войска в Крык-Кули, на правый берег Яика, но вся подготовка похода проходила так поспешно, что хан не успел собрать достаточных военных сил. Из сообщения пленного видно, что к назначенному Тохтамышем сроку не прибыли еще войска из Азова, Булгара и др. местностей.

Согласно разработанному плану Тохтамыш предполагал сосредоточить свои войска у Крык-Куле и ударить по противнику во время переправы его через реку Яик. Тимур, разгадав замысел Тохтамыша, совершил переправу в верховьях Яика, где его никто не стерег. Тохтамыш со своим войском вынужден был поспешно отступать от Крык-Куля; когда же запоздавшие части войск Тохтамыша прибыли в назначенное место, они не застали уже Тохтамыша и стали добычей Тимура. Сын Мамая, прибывший с Азовским войском и захваченный в плен Тимуром, сообщил: «Я отправился из Сарая к хану, но не застал его в

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 112—113, 159—160.

[2] Charmoy, Expidition Tumour — I век ou Timmerlan contre Toctamich: khan de L'onluse D'jotchi, Mimoire de L'akadimi des scinces de st. Petersbonr, V-me serie, V. III, 1836.

[3] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 164.

том месте, в которое было условлено, о прочем сведений не имею»[1]. Но даже без этих запоздавших частей войско Тохтамыша не уступало по численности войскам Тимура. По «Анонимо Искендера», соотношение сил обоих противников было примерно одинаковым. По данным же Абдуразака Самарканди, войска Тохтамыша даже превосходили почти вдвое войско Тимура, но это утверждение Самарканди, очевидно, основывается на первоначальных расчетах Тохтамыша и не имело под собой ничего реального. Численный состав войска Тимура нам известен; под его командой находилось 200000 воинов[2]. Войска Тохтамыша насчитывали примерно столько же, это подтверждает и «Анонимо Искендера». Узнав о переправе Тимура, Тохтамыш отступил, не приняв боя, и увел свои войска на северо-запад в глубь страны. Пленные, раскрывая планы Тохтамыша, показывали Тимуру: «Мы слышали, что в вашем лагере (люди) от бескормицы ослабели. Они (противники Тимура) хотят увлечь вас вперед и сделать так, чтобы (вы) сами по себе рассыпались»[3].

Выполняя задуманный план, войска Тохтамыша отступали все далее на северо-запад. Из описания похода Тимура, составленного его историками, видно, что преследуя Тохтамыша, войска Тимура переправились через реку Яик, Сакмару, Самару, Соку и подошли к пределам бывшего Булгарского царства. Тохтамыш решил принять бой на реке Кундурче, севернее Самарской Луки, когда силы неприятеля окажутся от непрерывных переходов истощенными. С военной точки зрения расчеты Тохтамыша были правильными. Войска Тимура, двигаясь по вражеской территории в течение шести месяцев, были сильно ослаблены из-за нехватки продовольствия[4]. Что касается места сражения, избранного Тохтамышем на реке Кундурча, то выбор его нельзя считать удачным. В этом районе река Кундурча, берущая свое начало недалеко от города Сергиевска, сначала течет по направлению к северо-западу, затем поворачивает на юго-восток и соединяется с рекой Соком перед впадением ее в Волгу, образуя треугольник. В случае вынужденного отступления войско Тохтамыша легко могло быть прижатым к Волге и подвергнуться полному разгрому. В случае же наступления войск Тохтамыша Тимур имел удобный рубеж — реку Сок, позволявшую ему организовать крепкую оборону. Этот промах Тохтамыша был учтен Тимуром. Когда войско Тохтамыша, пе-

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 165.

[2] «В лето 793, в годы свени в серединный весенний месяц султан Турана-Тимур-бек шел с 200000 войском, имени своего ради по кровь Тохтамыш-хана, остановив в этом месте, он возвел тот курган, дабы он был знаком» (Труды отдела истории, культуры и искусства Востока в гос. Эрмитаже, т. II, стр. 186, 1940 г., А. Пономарев, Поправки к чтению надписи Тимура. «Советское востоковедение», т. III, 1945 г., стр. 223—224).

[3] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 165.

[4] Charmoy, указ., соч., стр. 359.

рейдя в контратаку, зашло в тыл врага, Тимур создал на реке Сок оборону, как об этом сообщает Низам-ад-дин Шами, назвав Сок «Черной рекой»[1].

Историки Тимура, описывая сражение 18 июня 1391 года на реке Кундурче, особое внимание уделяют на построение армии Тимура, что в конечном итоге обеспечило ему победу. Тимур разделил свое войско на 7 корпусов, выделив для прикрытия правого и левого флангов по одному корпусу и усилил свой главный отряд; в резерве оставлен был один корпус. Говоря о новой тактике, примененной в сражении при реке Кундурче, историки Тимура имели в виду выделение резерва, что, однако, не было «новинкою» в военном искусстве. Дмитрий Донской во время Куликовской битвы, за 10 лет до этого, построил свое войско в таком же порядке, как описывали историки Тимура сражение на р. Кундурча. Следовательно, заслуга Тимура заключается только в том, что он учел уроки Куликовской битвы, забытые совсем Тохтамышем. Татары остались верными старой монгольской тактике Чингис-хана, предусматривающей обход противника для нанесения флангового удара при помощи конницы.

Утром 18 июня оба войска стали друг против друга. Золотоордынцы, имея численный перевес на обоих своих флангах, начали обходить неприятеля. Левый фланговый отряд Тохтамыша, обойдя правый фланг Тимура, вышел в тыл корпуса Хаджи-Сайф-ад-дина. Левый фланг Тимура также был обойден войсками Тохтамыша, Тимур получил уже тревожные сообщения от командиров левого и крайнего крыла. Создавалась опасность полного окружения. Связь между отдельными корпусами была нарушена, тогда как Тохтамыш держал «в стройном порядке центр и крылья своего войска»[2].

Об опасном положении войск Тимура сообщает Ибн-Арабшах: «В то самое время, когда войско его уже было разбито и звенья рати его разошлись, вдруг подъехал человек по имени Саид-Берке, которому Тимур (находясь) в крайней беде, сказал: «О мой почтенный Сейид, мое войско разбито!» Но Сейид ответил ему: «Не бойся!» Потом Сейид слез с коня своего, остановился, схватил горсть хрящу (опять) сел на своего серого коня, пустил ее в лицо неприятелю-губителю и крикнул (громким) голосом своим: «Ягы кочды!» (т. е. враг побежал). Сле-

---

[1] Река Кундурча находится в пределах нынешней Куйбышевской области. На карте Фра Маруа в районе реки Кундурча показано место боя. «Тут Тамерлан совершил величайшее избиение татар» (Чекалин, Нижнее Поволжье по картам XV века, Труды Саратовской ученой архивной комиссии, т. II, стр. 247). Не связано ли происхождение Царева Кургана в устье реки Сок с событиями 18 июня 1391 года? По преданию, здесь когда-то происходила несчастная война от «невиданного царя». (Россия, полное географическое описание нашего отечества, том VI, стр. 7, 32).

[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 117, 188.

дуя этому храброму шейху, Тимур закричал то же (самое). Был у него зычный голос, точно как у (человека), созывающего верблюдов, сильно жаждущих (и кричащего): «Джаут! Джаут!» И вернулись войска его (Тимура), как возвращаются коровы к своим телятам, и (снова) принялись за бой с своими противниками и супостатами. Не оставалось в войске его ни новичка, ни старичка, кто бы ни кричал: «Ягы кочды!» Затем они еще раз сделали общий натиск и дружным усердием и взаимным жаром. Рать Тохтамыша отступила, обратясь в бегство, и по пятам ее следовали возвращающиеся вспять. Войско тимурово наложило меч на них и, благодаря этой победе, подавало им пить чашу смерти. Захватили они (воины Тимура) имущество и скот (их) да забрали в плен главных начальников и свиту»[1].

Ибн-Арапшах, несомненно, преувеличивает роль Саид-Берке в победе Тимура. Ибн-Халдун, также описавший эти события, в победе Тимура видел, наряду с другими причинами, прежде всего измену военачальников Тохтамыша. По его рассказу, первым изменил хану Оглан-булат (вернее, Бек-булат), находившийся в свите Тохтамыша. «Тимур вошел в сношения с некоторыми из эмиров его, так что Тохтамыш заподозрил их. Настала сеча, приготовились они к битве, и пострадала страна от войск Тимура; все, которые находились в ней, были разбиты...»[2] Данные Ибн-Халдуна совпадают с официальными материалами; Тохтамыш в письме в Ягайло подчеркивал: «Во время битвы прежде те дурные люди (т. е. изменники), ушли с места, отчего и народ ушел с места»[3]. В русском переводе этого ярлыка особо подчеркивается роль Бекбулат-оглана, как главного виновника поражения: «Бекбулат, наш враг, нас выдал и побегл от нас, коли тви лжый Бекбулат побега, тогда вся рать на бег повернулася»[4]. Бекбулат был не единственным изменником; вместе с ним же изменили Тохтамышу царевичи: Хаджам-ад-дин, Туртджак-берде, Давуд и князь Тегин. В Ногайской редакции «Сказания о Едигее и Тохтамыше» имеется опущенная в других источниках подробность: Тохтамыш, собрав остатки своих войск, призвал к себе всех военачальников и предложил им обсудить, что предпринять дальше, но получил уклончивые ответы от своих приближенных, думавших только об измене. Вместо сопротивления беки советовали ему на время скрыться в лесу, когда же он это сделал, они уведомили об этом Тимура[5]. Войско Тохтамыша, прижатое к Волге, стало легкой добычей неприяте-

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 456—457.

[2] Там же, стр. 392—393.

[3] Н. И. Березин, Ханские ярлыки, ч. I, 1851, стр. 51.

[4] Н. И. Березин, Ханские ярлыки, ч. I, стр. 21—22. По-видимому, Бекбулат сбежал, переправившись через Волгу к верховьям Дона, к реке Воронежу, где находится его улус (ПСРЛ, т. XI, стр. 96).

[5] К. Ананьев, Караногайцы и их предания, Сб. Сведений о Северн. Кавказе, т. II, Ставрополь Кавказский, 1906, стр. 7.

ля — «впереди оказалась река Итиль, а сзади губительный меч». Лишь немногим, в том числе хану, удалось выбраться «из этого омута бедствий», жены его, дети, имущество и снаряжение — все попало в руки неприятеля[1]. Потери Тохтамыша были огромны; поле битвы на протяжении 40 ферсахов было усеяно трупами; по данным Шармуа, число погибших воинов доходило до 100 тысяч человек[2].

Потери Тимура неизвестны. На карте Фрао Маура показано место сражения: «тут находится 18 могил, сделанных Тамерланом... Он приказал похоронить только начальников»[3]. Если эти 18 могил означают место погребения начальников «тьмы», т. е. десятитысячников, то потери Тимура должны быть признаны также значительными. Его войско вышло из боев сильно потрепанным, поэтому после сражения у реки Кундурча Тимур не рискнул идти на Сарай и Астрахань, а ушел обратно в Самарканд, хотя поволжские города Золотой Орды после разгрома Тохтамыша оставались фактически беззащитными. Остановившись лагерем на одном из островков Волги, носившем имя Уртюбе, Тимур в течение 26 дней приводил в порядок свои войска; в это время отдельные его отряды занялись грабежом, возвращаясь в лагерь «с бесчисленной добычей — лошадьми, верблюдами, быками, баранами и множеством рабов-девушек и детей на телегах. Всех неприятелей, искавших спасения на островах Итиля, схватив и забрав в плен, привели (в лагерь). Победоносным войскам в этой славной победе досталась такая огромная добыча, что нога изложения и написания совершенно не может достичь границы описания ее. У отдельных людей в высочайшей Орде, которые с трудом находили необходимейшее пропитание, скопилось столько лошадей и баранов, что во время возвращения, идя назад, «они не были в силах гнать их, а потому некоторых погнали, а некоторых оставили... В лагере Тимура оказалось столько подобных хуриям девушек и красивых отроков, что одних тех, которые были выбраны лично для Тимура, было более 5 000 человек»[4].

Перед своим уходом Тимур дал указание военачальникам собрать разбежавшихся людей Тохтамыша и направить их в Среднюю Азию. Кунче-оглан, Тимур-Кутлук-оглан и Едигей, сопровождавшие Тимура в этом походе и оказавшие большие ему услуги, обласканные Тимуром, просили разрешение отправиться по своим улусам. «Если выйдет высочайшее указание,—

---

[1] П. Семенов, Туземцы Северного Кавказа, стр. 435—436.

[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 171.

[3] Chamoy указ. Соч. стр. 128.

[4] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 172. Хаммер, ссылаясь на Мунаджим-баши, утверждает, что в этом походе в руки Тимура досталось 4 000 000 овец, 40 000 шт. рогатого скота, 500 000 лошадей и 500 000 людей. (Hammer Purgstall стр. 353—354), но эти данные не подтверждаются другими источниками.

говорили они,— мы пойдем по своим домам, приготовим их для переселения и перейдем к его величеству Тимур согласился и приказал выдать указы и ярлыки, чтобы никто не трогал их домов и иля (улус); он поставил им условием, чтобы они вскорости возвратились с семьями и родными, пообещав им еще большие милости»[1].

Тимур-Кутлук, добравшись до своего улуса, стал собирать людей, чтобы присоединиться к Тимуру, однако Едигей, оказавшийся более дальновидным, уговорил его этого не делать: «Какая тебе польза от того, что ты этих людей переводишь к Тимуру,— говорил он,— Тимур же отправит их в Самарканд и рассеет по разным местам, а ты останешься по-прежнему нукером Тимура». Действуя по совету Едигея, Тимур-Кутлук собрал старшин всех племен и сказал им: «Вас Тимур убьет, детей ваших и домочадцев сделает пленниками». На это народ ответил: «Мы идем из-за вас, а Тимура мы не признаем». После этого Тимур-Кутлук-оглан вернул людей, направляя их в один укромный уголок, там и остановился, пока он, Тимур-Кутлук, не был объявлен ханом[2]. Сам Едигей, как передает Ибн-Арапшах, еще до своего ухода из лагеря Тимура «послал гонцов к своим родичам, соседям и племенам левого крыла, без ведома о том Тимура (сказать), чтобы они ушли из своих мест и откочевали из своих родных краев, направляясь туда, где и самый центр и местности до него (представляют) трудное сообщение и много опасностей, чтобы они, коли возможно, на одном привале не оставались два дня, и чтобы они (непременно) поступили так, иначе Тимур, застигнув их, рассеет их и погубит всех. Они последовали тому, что предписали Идеку, и шли, не останавливаясь»[3].

Один лишь Кунче-оглан, долгое время живший при дворе Тимура и получивший от него ряд привилегий (тарханы), «вернулся и привел с собой некоторых своих людей, а некоторых оставил на месте при своих вещах и хозяйстве. Через несколько дней после того, как он вернулся, он услышал известие о Тимур-Кутлуке и восшествии его на царство. Сердце его раздавилось и, при удобном случае, отвратив свои глаза, он ночью бежал и вернулся в свое место пребывания»[4].

Тимур понял слишком поздно допущенную им ошибку, выпустив из своих рук золотоордынских царевичей и прежде всего хитрого Едигея, он попытался исправить свою ошибку: «По уходе Идику от Тимура,— пишет Ибн-Арапшах,— последний захотел исправить свое упущение, поняв, что Идику прельстил его ум и обманул его. Он отправил к нему гонца (с приказа-

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 118.
[2] Charmoy, указ. Соч., стр. 123.
[3] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 467.
[4] Там же, том II, стр. 118, 173.

нием) вернуться к чему по одному делу, которое случилось, и для совещания, которое подвернулось, но когда гонец предстал перед ним (Идику) и сообщил ему, для чего он прислан, что он (Идику) сказал ему и бывшему при нем эмиру, запретив обоим следовать за ним: «Управляйтесь с вашим делом, да отправьтесь к вашему господину, облизывайте его руки и сообщите ему, что сроку нашего обещания тут конец и что я (далее) не причастен ему, ибо страшусь Аллаха»[1]. Вернувшись к своему улусу, племени Мангит, Едигей, как глава этого племени, объявил себя князем Мангитского юрта, на базе которого позднее была организована Ногайская Орда. Другой участник этого сражения, царевич Бек-булат, переметнувшийся в числе первых на сторону Тимура еще во время битвы на реке Кундурче, вернувшись в свой улус, объявил себя ханом еще в то время, когда Тимур-Кутлук и другие были в стане Тимура.

Где находился Тохтамыш после сражения 18 июня 1391 г., не совсем ясно. Шармуа, написавший историю похода Тимура против Тохтамыша, допускает, что хан бежал либо на Кавказ, либо ко двору Витовта[2]. Историки Тимура намекают о бегстве Тохтамыша в Либку, т. е. Литву, но это мало вероятно: в таком случае ему незачем было письменно излагать Ягайле причины своего поражения в минувшей войне. Не укрывался Тохтамыш и на Руси: русские летописи не говорят о его пребывании на Руси после поражения 1391 года. Кавказ же находился слишком далеко от места битвы.

Немногочисленные исторические данные, дошедшие до нас, хранят молчание о Тохтамыше до осени 1391 г. Ибн-Халдун, упоминая о захвате царевичем Бек-булатом имущества, а также жен Тохтамыша, не говорит ничего о хане. «Оглан Булат пошел в Сарай, овладел им и напал на имущество Тохтамыша и домочадцев его»[3]. Коренной улус Бек-булат-оглана находился в верховьях Дона[4], куда он удалился после сражения на реке Кундурче и объявил себя ханом. Это подтверждают и монеты, выбитые в 1391 году «в Орде», т. е. в его улусе, еще до захвата им Сарая, только после этого появляются его монеты в Сарае с титулом «Султан правосудный»[5].

По истечении некоторого времени Тохтамыш, вернувшийся в Дешт-и-Кипчак, стал собирать силы для возвращения потерянного им трона. «Что касается Тохтамыша,— пишет Ибн-Арапшах,—то он, когда страх его отошел и в мозгу его (опять) утвердился разум, да враг его ушел и спокойствие его водвори-

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 468—469.

[2] Charmoy, Expidition Tumocn i век on Tumerlan Contre Toctamichi khan.... p. 121.

Charmoy, указ. Соч., стр. 121.

[3] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 393.

[4] ПСРЛ, т. XI, стр. 96.

[5] А. К. Марков, Каталог мусульманских монет Эрмитажа, стр. 491.

лось, собрал войско свое и призвал на помощь народ свой, который помог ему»[1]. Опираясь на вооруженные силы, «Тохтамыш пришел в Сарай и опять завладел им. Оглан Булат бежал в Крым и овладел им». Пока Тохтамыш был занят осадой Крыма (Солхат), появился новый претендент на престол в лице Тимур-Кутлука, который «явился в Сарай... и овладел им»[2]. Софийская летопись относит захват Сарая Тимур-Кутлуком к 1393 году[3], но эта датировка неверна, другие источники все без исключения приурочивают это событие к осени 1391 года. Узнав о захвате Сарая Тимур-Кутлуком, Тохтамыш снял осаду Солхата, «возвратился (туда) и вырвал его (Сарай) из рук его (Тимур-Кутлука)»[4]. Прочно утвердившись в Сарае в 1392 г. (об этом свидетельствуют его монеты, выбитые в этом городе)[5], он возобновил борьбу с Бек-булатом, запершимся в гор. Солхате. «Войско его (Тохтамыша) продолжало идти и возобновило осаду его, пока наконец не овладело им. Он (Тохтамыш) одержал верх над оглан Булатом и убил его»,— пишет Ибн-Халдун[6]. Сохранившийся ярлык Тохтамыша, данный 10 сентября 1392 г. одному из крымских феодалов Бек-Хаджию, позволяет нам раскрыть более подробно обстоятельства, обеспечившие победу Тохтамыша над новым ханом. Для этого Тохтамышу пришлось раздавать тарханные ярлыки местной крымской аристократии, чтобы привлечь ее на свою сторону путем предоставления им разных льгот. Образцом подобных грамот может служить ярлык Тохтамыша на имя Бек-Хаджи, по которому он «отныне и вперед» освобождался от всех государственных повинностей и делался «вольным тарханом»[7].

Одержав победу над Бек-булатом, Тохтамыш назначил в качестве своего наместника в Крыму эмира Кутлук-Буту, имя которого упоминается в ярлыке в качестве областного начальника Крыма. К началу 1393 г. почти вся территория Золотой Орды, за исключением некоторых районов Синей Орды, вновь

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 470.
[2] Там же, стр. 393.
[3] ПСРЛ, том V, стр. 246.
[4] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 393.
[5] П. С. Савельев, Монеты Джучидския..., стр. 76.
[6] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 393.
[7] Н. И. Березин, Ханские ярлыки, ч. II, Казань, 1853 г. Чтение ярлыка, даваемое Н. И. Березиным, явно устарело; по толкованию Н. И. Березина, получается, что Тохтамыш лишь подтверждает ярлык, данный ранее Тимур-Булатом («Так повелел Тиму-Булат»), лицом, совершенно неизвестным в истории Золотой Орды. Надо согласиться с поправкой А. Н. Самойловича к чтению Н. И. Березина, что в загадочной строке вместо «tib temiz»—«говоря Тимур-Пулад» (кстати слово «Булад» тоже неполностью сохранилось в оригинале ярлыка, отсутствует последняя буква), читалось «Булаи» — «так», следовательно, надо читать «tidimez bulai» — «мы сказали так» (А. П. Самойлович, Несколько поправок к изданию и переводу ярлыков Тохтамыша-хана. Изв. Таврич... Об-ва Истор. Архит. и Этногр., т. I, (58), 1927, стр. 141—142).

оказалась в руках Тохтамыша. Даже Кунче-оглан, один из противников Тохтамыша, признал над собой власть хана. Позднее мы его встречаем в числе царевичей Золотой Орды, принимавших участие в борьбе против Тимура, когда последний вторично выступил против Тохтамыша. В ярлыке на имя Ягайло от 20 мая 1393 года Тохтамыш сообщает своему союзнику о восстановлении своей власти над всеми владениями Золотой Орды: «Б(ог) нас пожаловал опя(ть), наши неприятели-ворози, дал нам всех у наши руки. Мы их сказнили так, што опять не будут нам пакостити». Одновременно хан просит своего «брата» Ягайло, чтобы он «с подданных нам волостей («ил»)», захваченных Литвой, «собрав выходы («хардж»), вручи идущим послам для доставления в казну» то, что раньше подданные хана «давали выход Белою Орду». Далее предлагается восстановление торговых отношений между обоими государствами: «Што было межи нас как здравна, гостем путь чист, и вашим и нашим торговцем, без приим (без пошлин), без пакости». В русском переводе ярлыка, составленного одновременно с оригиналом, имеется весьма существенное добавление, отсутствующее в татарском оригинале: Тохтамыш ставит вопрос о заключении военного союза: «Как отц наш, так отци ваши были заодно, послы сылали межи собою, а мы тако же хочем с вами быти. Аже будет, ва(м) надобе помочь на кого, на врага вашего, яз вам есмь готов за того тобе на помочь всею моею силою, а только весть нам дайте. А коли на потом, коли нам бы надобе, вы нам таковы же будьте»[1].

Это добавление в русском переводе ярлыка объясняет нам цель посольства Кутлу-Буга и Асана (Хасана) в Литву 1393 года. Оно имело своей задачей именно заключение с Ягайлом военного союза против Тимура. Того же добивались через год (в 1394 г.) послы Тохтамыша и от египетского султана Эззахира. Послы Тохтамыша передали султану послание, содержавшее просьбу, «чтобы султан и он (Тохтамыш) были одной руки на мятежника-злодея Тимурленка»[2]. Как реагировали на предложение Тохтамыша египетский султан и литовский князь, мы не знаем: источники не сохранили этих данных; во всяком случае ответ едва ли был отрицательным. Не заручившись помощью со стороны этих государств, Тохтамыш не вступил бы в новый конфликт с Тимуром после катастрофы на реке Кундурча. То, что в Египте предложение о союзе было поддержано, об этом можно судить хотя бы по тому факту, как убийство послов Тимура в Египте. И не были ли заключены союзнические отношения с турецким султаном и царем грузинским против Тимура.

---

[1] Н. И. Березин, Ханские ярлыки, часть I, 1851, стр. 21—22, 51.
[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 363.

На этот счет нет прямого указания, но косвенные данные говорят о возможности такого союза. Золотоордынский хан Улук-Мухаммед в письме к турецкому султану Мухаммеду II в 1428 г., напомнив султану о прежних временах, когда между ханами Золотой Орды и султанами Рума были дружественные отношения, писал: «Наш предок Тохтамыш-хан и ваш великий дед Гази Баязид были в хороших дружественных отношениях, послами, подарками, приветствиями обменялись; между ними хорошее дружество проявлялось»[1]. Не случайно после разгрома Золотой Орды в 1396 году Тимур предпринял поход против турецкого султана, закончившийся захватом в плен султана Баязида на реке Анкаре в 1402 году. Интересно то, что в этой войне союзником Баязида был и египетский султан Фарадж, с которым Тохтамыш вел переговоры о союзе против Тимура в 1394 году. Тохтамыш также вел переговоры с Грузией, что стало известно Тимуру. Последний, заподозрив грузин в сношениях с Тохтамышем, предпринял третий по счету поход в эту страну. Пока войско Тимура было занято войною с Грузией, Тохтамыш повел свои войска через Дербент и, выйдя в тыл, заставил Тимура отказаться от мысли взять Дарьяльские ворота[2]. Войско Тохтамыша под начальством Али-оглана, Ильяс-оглана, Исабека, Яглы-бея и других эмиров, перейдя через дербендские ущелья, вступило в Ширван, занятый незадолго перед этим Тимуром[3].

Нападение на город Ширван было отбито, но Тимур не был еще готов начать войну. Желая выиграть время, он отправил зимой 1395 г. ко двору Тохтамыша посольство во главе с опытным дипломатом Шаме-ад-дином Алмалыкским, чтобы добиться примирения с ханом. Посол, передавая грамоту Тимура, произнес искусную речь, которая произвела сильное впечатление. Выслушав речь Шаме-ад-дина, «он (Тохтамыш), высказав готовность примириться, хотел рукою добрых отношений уцепиться за полу извинения, от всей души поставить ногу повиновения на путь согласия и сделать так, чтобы пыл вражды между ними исчез»[4]. Однако эмиры Тохтамыша убедили хана прервать переговоры с Тимуром и решить спор силою оружия. В таком духе был составлен ответ Тимуру. «Тохтамыш-хан вследствие речи этих несчастных, сойдя с пути истины,— читаем мы в источнике,— ушел в пустыню гордости и самообольщения, посеял семена горя и смятения и в ответе своем на письмо Тимура написал грубые выражения». Тимур, получив ответ Тохтамыша, «чрез-

---

[1] Akdes Nimet Kurat, Topkapi Sarayi Muzesi arsirendek Altin Ordu, Krinzie turkstan Handrina ait, ycerlik ve bitikler, Jstahbul 1940, s. II. стр. 8.

[2] История Грузии, т. I, 1945, стр. 293.

[3] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 173.

[4] Там же, стр. 147.

вычайно разгневался на тот неприличный ответ» и отдал приказание войскам начать наступление[1].

Война 1395—1396 годов началась при гораздо более худших условиях для Золотой Орды, чем война 1391 года. Хотя Тохтамыш подчинил себе основные улусы, но государство еще не успело залечить раны после войны 1391 года. Хан нуждался в деньгах, поэтому он вынужден был продать в 1393 г. московскому князю право на владение городами: Нижним Новгородом, Городцом, Муромом, Тарусой, а также Мещерой[2]. В самой Орде не все было благополучно — намечались внутренние столкновения среди феодалов. В Никоновской летописи говорится: «бысть во Орде Тохтамышеве великих князей его татарских нелюбше велие и размирия много, и бысть им бой на реце на Волзе межь собою, и паде их на том бою много князей и татар»[3]. Летописец относит эти события к сентябрю 1395 года, но они, несомненно, имели место несколькими месяцами ранее. Как видно из контекста летописи, столкновения произошли до нашествия Тимура, последнее падает на весну 1395 года. Тохтамыш и сам понимал шаткость своего положения. Получив известия о выступлении Тимура, он отправил к нему своего посла Уртака с предложением мира. Посланник Тохтамыша, прибыв в Дербент, узнал, что Тимур с огромным войском приближается к границам государства. Не выполнив поручения хана, он в страхе вернулся к Тохтамышу и уведомил хана, «что Тимур с огромным войском, устроив свой авангард и центр, уже подошел»[4]. Получив это известие, Тохтамыш выделил большой авангард под командой эмира Казанчи, но этот авангард, подошедши к реке Куй, был отброшен Тимуром. Тохтамыш же стал лагерем «на месте, нарицаемом Ордынским», южнее реки Терека[5].

Лагерь хана во многом повторял расположение войск Тохтамыша на реке Кундурче; Тимур мог его легко прижать к Тереку и разбить, как это он сделал в 1391 году у Волги. Очевидно, учитывая прошлый опыт, Тохтамыш снял свой лагерь и ушел за реку Терек. Туда же устремился за ним и Тимур. Войска Тохтамыша, вытесненные из города Дедякова Тимуром, переправившись через реку, соорудили на другом берегу Терека против Дедякова своеобразные инженерные укрепления, «зало-

---

[1] Низа-ад-дин Шами говорит о согласии Тохтамыша и его эмиров на заключение мира и дружбы между обоими государствами (Сборник, том II, стр. 119), в противность мнению Абдуразака Самарканди, писавшего позднее Низам-ад-дина Шами. Известия Абдуразака совпадают с известиями другого персидского историка Мирхонда (История Татарии в документах и материалах, стр. 79).

[2] М. К. Любавский, Образование основной территории Московского государства, 1929, стр. 92.

[3] ПСРЛ, т. XI, стр. 158.

[4] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 175.

[5] ПСРЛ, том XI, стр. 159.

жив лесами»[1]. Персидские историки Тимура также подчеркивают, что Тохтамыш построил «окопные щиты»[2], укрепленные кольями, за ними было построено несколько рвов. Вследствие этих фортификационных сооружений войско Тимура не могло переправиться через реку Терек в этом единственно удобном для перехода месте. Оба войска, отделенные друг от друга рекой, в течение трех дней вели бой за переправу. На третий день под прикрытием ночи Тимур преодолел заграждения и напал на Тохтамыша[3].

Дальнейший ход военных действий полнее, чем у Клавихо, излагают персидские историки Тимура, сообщая такие подробности, которых не знал испанец. Тимур и на этот раз разделил свое войско на 7 корпусов, оставив при себе на всякий случай резерв. Тохтамыш остался верен старой тактике монголов, рассчитанной на обход неприятельских флангов. Ночью 14 апреля 1395 г. Тохтамыш сделал попытку атаковать врага с флангов, но атака была отбита. 15 апреля войско Тохтамыша во главе с эмирами Кунче-огланом, Бек-Ярлык-огланом, Актау Давуд-Суфи и Утургу «с большой толпой» войска атаковали левый фланг Тимура; другой отряд Тохтамыша во главе с эмиром Исабеком и Бакиш-Хаджи — правый фланг[4]. Тимур, используя свой мощный резерв, обратил в бегство Исабека. После двухдневных кровопролитных боев, значительно ослабивших левый фланг Тохтамыша, последний произвел перегруппировку войск и усилил свое левое крыло. «Поэтому он (Тохтамыш) приказал из своего правого фланга Яглы-бей-бахадур-Бахрену, который был предводителем улуса бахренов.., (перейти) на левую сторону, чтобы завтра, когда пойдут в бой, племя бахрен явилось на поле сражения со стороны левого крыла»[5]. Однако эта перегруппировка сил не спасла положения. 16 апреля левое крыло войск Тохтамыша было смято, Яглы-бей пал на поле сражения, а на правом фланге, с переброской Яглы-бея, начались раздоры между эмирами. Как сообщает Ибн-Арапшах, один из эмиров правого крыла Ахтау, «имевший злобу на одного из эмиров, потребовал (выдачи) его, прося у него (Тохтамыша) разрешения убить его (эмира). Он (Тохтамыш) сказал ему: «Да, твое желание будет уважено и твоя просьба будет улажена, но ты видишь, что случилось и приключилось с людьми, так оставь нас в покое, пока мы не управимся и не добьемся того, чего желаем; (тогда) я отдам тебе твоего должника и представлю тебе твоего

---

[1] Клавихо, Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. Перевод И. И. Срезневского, СПБ, 1885, стр. 338. М. Г. Сафаргалиев, Где находился золотоордынский город Дедяково? Ученые записки Мордовского пединститута, № 4, 1956, стр. 129—130.

[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 176.

[3] Клавихо, Дневник путешествия ко двору Тимура..., ,стр. 639.

[4] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 120, 176—177.

[5] Там же, стр. 207.

соперника и ты вымести на нем твою злобу и удовлетвори твои притязания», но он ответил: «Нет (мне он нужен) сейчас, а коли нельзя, то нет тебе (от меня) ни послушания, ни повиновения. Хан долго убеждал Охтау, «этот эмир (не послушался) и двинулся с громадной толпои; за ним последовали все изменники и отступники, да и все его племя... Вследствие этого расстроилось войско Тохтамышево и стрелы желания его не попадали в то место, в которое они пускались»[1].

Левый фланг Тохтамыша был полностью истреблен, а правофланговый отряд вместе с Актау Бек-Ярлык-огланом и Таштимур-огланом, не оказывая поддержки левому флангу, стали самовольно отступать по направлению к Азову, это и решило исход боя. Тохтамыш с немногочисленными приверженцами, «опасаясь за жизнь свою», покинул поле сражения. Район боев был покрыт утьма тьмами» убитых и раненых «и толико бысть побито от обою... аки некия великия сения валы лежаще обоих избиенных»,— пишет летописец[2]. По данным арабских писателей, Тохтамыш ушел в сторону Булгар — «в землю русских»[3]. Известие арабских авторов о бегстве Тохтамыша в «землю русских» надлежит понимать в том смысле, что Тохтамыш бежал к границам русских, к булгарам, непосредственно граничившим с русскими княжествами.

Преследуя отступающее войско неприятеля, Тимур переправился через реку Куру «по пятам неприятеля» и дошел до Укека и «многих из них убил». Большая часть сторонников Тохтамыша была взята в плен; хан с немногими своими приближенными «бросились на плотах в воду и переправились на ту сторону Итиля». Войско Тимура, перейдя на левый берег Волги, преследовало остатки разбитых войск Тохтамыша. «Тохтамыш-хан бросил ханство,— писал Шериф-ад-дин Иезди,— дом, и все, что имел, явное и скрытое, и, опасаясь за жизнь свою, с несколькими людьми ушел в сторону Булгара, в лесистую местность... Победоносное войско (Тимура) в этой стороне реки дошло до того же места, до которого оно в первом походе на Дешт добралось с той стороны реки и ограбило (все это). Место (же) это недалеко от «страны мрака»[4]. Таким образом, войска Тимура и во втором своем походе, как и в первом, дошли до Булгар и «ограбили» все, что было восстановлено при монголах.

Историки Тимура, хотя и не сообщают о разрушении Тимуром булгарских городов, но города Булгар, Жукатин, Кермен-чук и другие были, несомненно, разграблены и опустошены Тимуром во время второго похода 1395 года. Об этом свидетельствуют многочисленные предания казанских татар, отра-

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 465—466.
[2] ПСРЛ, т. XI, стр. 159.
[3] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 330, 363, 548.
[4] Там же, том II, стр. 178.

женные в «Повести о нашествии Тимура булгарам». К сожалению, «Повесть», как и «Сказание об Аксак-Темире», в целом до сих пор не подвергалась критическому анализу. В ней, несомненно, имеется много неточностей, анахранизмов, внесенных в результате позднейших наслоений. Несмотря на эти недостатки, достоверность передаваемых в «Повести» фактов о разрушении Тимуром булгарских городов не вызывает сомнения. Гор. Булгар, имевший до этого десять тысяч двадцать четыре дома, был «обращен в ничто и небытие; в мире осталось только одно имя его»[1]. Из более раннего списка «Повести», каким является список британского музея (XVII в.), видно, что Тимур, прежде чем идти на Булгар, «захватил после боя город Ашдрахан (т. е. Астрахань) и стал держать дорогу на север, на Булгары»[2]. Это как раз случилось во время второго похода, т. е. в 1395 году.

Некоторые историки (В. В. Григорьев, В. В. Бартольд) скептически отнеслись к факту разрушения Тимуром булгарских городов, ссылаясь на отсутствие прямого указания у историков Тимура. Но мы уже видели, что Шериф-ад-дин Иезди как раз говорил об ограблении страны булгар. Советский исследователь А. П. Смирнов, как и до него С. М. Шилевский, на основе изучения большого археологического материала допускает возможность ограбления Тимуром булгарских городов. «Весьма вероятно,— пишет А. П. Смирнов,— что жажда грабежа увлекала отдельные отряды из Тамерлановской армии на север, чтобы пограбить этот богатый город, широко известный на Востоке, наоборот, было бы менее понятно, если бы вожди армии забыли про булгар»[3]. Во время раскопок в г. Булгарах найденные обломки поливной посуды тимуровского времени также служат подтверждением наших доводов о разрушении города Тимуром[4]. Да и раскопки развалин г. Булгар, в частности баня, говорят о том, что он был разрушен в период военной катастрофы конца XIV века[5]. Однако А. П. Смирнов, допуская возможность захвата Тимуром города Булгар, все же был склонен считать, что булгарские города были окончательно разрушены в 1396 году русскими войсками. Действительно, в некоторых летописях под 1396 г. отмечается: «Князь великий Василий Дмитриевич Московский и посла брата своего Юрья Дмитриевича с силою многою ратью на Казань; они же, шедше,

---

[1] История Татарии в документах и материалах, т. I, 1397, стр. 92.

[2] Богатырские сказания о Чингис-хане и Аксак-Темире, 1934, перевод В. А. Панова, стр. 230—231.

[3] А. П. Смирнов, Волжские булгары. 1951, М., стр. 71.

[4] А. П. Смирнов, Основные этапы истории города булгар, Материалы и исследования по археологии СССР, т. 42, 1954, М., стр. 311.

[5] Н. Ф. Калинин, А. П. Смирнов, Реконструкция булгарской бани XIV в; Краткие сообщения ИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 29. А. П. Смирнов, Мерперт М., Археологические работы в районе Куйбышевской ГЭС, Вестник Академии наук СССР, № 11, 1951, стр. 41.

взяша град Болгары и Жукатинь и Казань, и Керменчук и иных много городов, и пробыша тамо три месяцы,, воюще и пленяще землю и возвратишася со многими богатством во свояси». Приведенный отрывок из русской летописи еще не дает права делать вывод о разрушении городов, здесь говорится лишь о взятии булгарских городов русскими без какого-либо сопротивления со стороны местного населения, еще не оправившегося после похода Тимура. Больше того, имел ли место поход русских на Булгар в 1396 г.— это тоже еще вопрос. Выше приведенные цитаты из русских летописей о походе 1396 г. могли быть отнесены к походу 1399 г. В Московском летописном своде конца XV века, служившего основанием другим Московским летописным сводам XV и XVI века,— есть следующие весьма интересные записи под 1399 годом: «В то же лето взять быст Новыгород Нижнея и на Болгары князь Юрьи ходил, а писано назади в лето 903, зане опись в летописце была»[1]. Под 903 годом же даются те факты, которые отнесены к 1396 году. Допускать, что г. Булгар был разрушен в 1361 г. Булат-Тимуром, так предполагает Х. Х. Гимади[2] у нас нет оснований. Русские летописи, сообщая о походе русских войск на Булгар в 1376 году, пишут о городе, как о хорошо укрепленной крепости: «Болгары же изыдоша из града противу их и сташа на бои и начаша стреляти из луков и из самострелов... а инае из града гром пищаху и поможе бог князем русским и выгониша их во град, они же окоянении побегоша в град свой»[3]. Таким образом, летописный рассказ рисует нам город таким, каким он представлялся до разгрома его Тимуром.

Войска Тимура, разрушив булгарские города (Булгар, Жукотин, Керменчук и др.) по пути к Сараю, предварительно разрушив в числе других городов и город Укек, остановились в столице ханов Золотой Орды. Здесь, по указанию Тимура, царевич Куюрчак-оглан (сын Урус-хана), сопровождавший Тимура, был провозглашен ханом Золотой Орды. Как сообщают историки Тимура, победитель «приготовил принадлежности падишахского достоинства, удостоил его шитого золотом халата и золотого пояса, велел ему переправиться через Итиль и передал ему ханство над улусом Джучи. Царевич Джучиева рода, согласно приказанию, перешел на ту сторону реки и занялся собиранием рассеянной армии и устройством улуса...»[4].

Провозглашение Куюрчака ханом Золотой Орды было маневром Тимура, избегавшего повторения своих прежних ошибок,

---

[1] ПСРЛ, т. XXV, стр. 229.

[2] Материалы по истории Татарии, т. I, Казань, 1948, стр. 219.

[3] ПСРЛ, т. XI, стр. 25; т. XVIII, стр. 117—118; т. XXV, стр. 192.

[4] Сплошной след пожарища; угли, зола, обожженные кости, обгорелое дерево в районе Укека, обнаруженные при раскопке на месте Укека, говорят, как жестоко был разрушен этот, один из старинных городов Золотой Орды (Ф. В. Баллад, Приволжский Помпей, 1923, стр. 73).

допущенных им по отношению к Тохтамышу. Шериф-ад-дин Иезди, передавший эти сведения, разъясняет истинные намерения Тимура: «Тимур завоеватель,— писал он,— который во всяком деле был доволен только тогда, когда доводил его до крайнего предела, после разбития и разогнания Тохтамыш-хана и уничтожения его армии и воинов, захотел в своих высоких помыслах *покорить и завладеть всеми теми областями и землями, да подчинит и покорит все народы и племена тех пределов и местностей*»[1]. Поручив управление в Сарае своему ставленнику, войска Тимура вернулись на правый берег Волги и приступили к покорению западных улусов Золотой Орды на Дону, в бассейне Днепра и в Крыму. Эмиры правого крыла Тохтамыша, бежавшие с поля сражения на Тереке, успели меж тем провозгласить нового хана в лице Таш-Тимур-оглана, сына Джанака, принадлежавшего к потомкам Тукай-Тимура, сына Джучи. Историки Тимура умалчивают об этом, но данные нумизматики говорят о кратковременном пребывании у власти хана Таш-Тимура. На его монетах, выбитых в Крыму в 794 (1395) г., стоит штемпель: «Султан правосудный — Таш-Тимур хан»[2].

Появление в Золотой Орде нового хана, антагониста Куюрчук-оглана нарушило планы Тимура, поэтому он поспешно направился с войском в западные улусы Золотой Орды. Его авангард под командой эмира Османа, «взяв проводников, отважно отправился в путь. Дойдя до реки Узы (Днепр), он в местности Манкирман ограбил Бек-Ярык-оглана и некоторых из находившихся там людей улуса Узбекского и большую часть их покорил, так что лишь немногие, и то только с одной лошадью, смогли спастись; Таш-Тимур-оглан и Актау бежали и, переправившись через реку Узу, вступили в улус Хурмадая, люди которого были их врагами. Там положение их стало хуже, чем от грабежа и плена, и оттуда туман Актау, ища (спасения) в бегстве, ушел в Рум и поселился на равнине Исраяка... Повернув от реки Узы, Тимур счастливо отправился на русских»[3]. Прежде чем вступить на территорию Руси, войска Тимура ограбили Манкирман (так персидские историки называют город Аккерман), здесь, по свидетельству тех же персидских писателей, находился улус Бек-Ярык-оглана; улус был ограблен, а Бек-Ярык бежал в низовья Дона.

Разорив юго-западные улусы, войска Тимура проникли через Перекоп в Крым. В Крыму был ограблен улус Бек-Хаджи, сторонника Тохтамыша, получившего от него ярлык в 1392 году.

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 178.

[2] П. С. Савельев, Монеты Джучидския.., стр. 299.

[3] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 121, 179. Об уходе части татар из Крыма в Турцию говорят и другие авторы. Во время войны с Баязедом Тимур разбил и захватил в плен князя белых татар, а их было добрых пятьдесят тысяч мужчин и женщин (т. е. татар Белой Орды — М. С.) Клавихо, Дневник путешествий.., стр. 144).

Овладев Крымом, войска Тимура в течение 18 дней осаждали Каффу; город, наконец, был взят, и все христианское население города было ограблено и забрано в плен[1]. Разграбив крымские города, отряды Тимура вышли к берегам Азовского моря и атаковали Бек-Ярык-оглана с остатками его войск. Бек-Ярык-оглан, доведенный «до полного изнеможения и бессилия, по необходимости и в (полном смятении), оставив семью и детей своих в когтях несчастия, бежал с одним (лишь) сыном и вышел из окружения их (войск Тимура)»[2].

Преследуя Бек-Ярыка, Тимур направился к верховьям Дона, дойдя до границ Рязанского княжества, отсюда войска Тимура вторглись в пределы Руси. Низам-ад-дин Шами и остальные историки Тимура сообщают, что Тимур, «дойдя до города урусов, по имени Карасу, разграбил его со всей областью»[3]. Под «Карасу» персидские писатели понимали, по-видимому, город Елец — окраинный город Рязанского княжества, о разорении которого сообщают и русские летописи. По свидетельству русских летописей, Тимур «князя Елечицкого плени и людей помучи». Далее войско Тимура, забрав «в плен красивых женщин и девушек», двинулось на Москву[4]. До Москвы Тимур не дошел. Простояв в пределах Рязанского княжества 15 дней «и ту пусто вся сотворившу», 26 августа он ушел обратно[5]. Повесть, вошедшая в русские летописи «О приходе Тимура на Елец», и татарская редакция «Повести о нашествии Тимура в Булгар» объясняют уход Тимура под влиянием зловещего сна, якобы виденного им перед походом на Москву[6].

Действительная причина отступления Тимура от Ельца кроется отнюдь не в сновидениях, а в столкновении войска Тимура с войсками великого князя Василия Дмитриевича. Как отмечал еще С. М. Соловьев, «нападение Тимура не было неожиданностью для великого князя». Великий князь, имевший время приготовиться, собрал большое войско и стал на границе своего княжества, намереваясь отразить врага[7], Тимур же, имея с собой лишь часть своего войска, не осмелился вступить в бой с победителями на Куликовом поле и отступил 26 августа 1395 года, увозя огромную награбленную его отрядами добычу: «рудное золото и чистое серебро, затмевавшее лунный свет, и холст, и антиохийские домотканные ткани, наваленные горами, как горы Каф. (целыми) вьюками блестящие бобры; чёрных

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 254.
[2] Там же, том II, стр. 129, 179.
[3] Там же, стр. 129.
[4] Там же, стр. 180.
[5] ПСРЛ, т. XI, стр. 252. С. М. Соловьев, История России, книга I, стр. 1029.
[6] ПСРЛ, т. XI, стр. 252; История Татарии в документах и материалах, стр., 44.
[7] С. М. Соловьев, История России, I, стр. 1029.

соболей также несметное число; горностаев столько связок, что их не перечтешь; меха рыси, освещающие опочивальни, как родимое пятно ночи, упавшее на лицо дня, блестящие белки и красные, как рубины, лисицы, еще много других сокровищ, от счета которых утомляется ум»[1]

В то время как Тимур опустошал Елец, его сын Мираншах, во главе другого отряда, был занят разорением области Азака (Тану). Он овладел этой венецианской крепостью, сжег дома, предав все немусульманское население смерти, затем вышел на Кубань — в область черкесов. Здесь был разрушен город Маджар. Черкесы, уничтожив сено на лугах, ушли в горы. Мираншах жестоко отомстил черкесам[2]. Преследуя одного из старших эмиров Джучиева улуса Утрука, войско Тимура дошло до Эльбруса, по пути разграбив населенные пункты и крепости Северного Кавказа, и вторглось в Северный Дагестан (Бугазку), в область кумыков, где войска Тимура расположились на зимовку[3].

Овладев Золотой Ордой, Тимур занялся освоением завоеванной им территории. В ряде важнейших городов Золотой Орды были поставлены его наместники. Так, например, для управления Астраханью Тимур назначил эмира Омар-и-Табани, такой же наместник был поставлен и в Сарае. Однако, как сообщают историки Тимура, местное население встретило завоевателей враждебно. Наместник Тимура в Астрахани Омар-и-Табани, «подметив проявление враждебности со стороны старшины (каландара) Мухаммеда, доложил об этом Тимуру», Тимур решил жестоко наказать жителей города. Зимой 1395—1396 гг., оставив царевичей в ставке, сам направился к Астрахани, несмотря на неблагоприятные для похода условия. Из-за сильной стужи и снегопада войско «шло, утопая в снег». Астрахань превращена была в своеобразную крепость, окруженную высоким ледяным валом. Подойдя к городу, Тимур потребовал к себе старшину города Мухаммеда. Тот «поневоле вышел навстречу», был взят под стражу и впоследствии был брошен в прорубь — «сделался добычей рыб»[4]. Заняв город, Тимур наложил на жителей города контрибуцию; когда его требования были удовлетворены, началось разграбление города. «Все, что в нем было одушевленного и неодушевленного (имущества), подверглось грабежу», после чего всех жителей выселили из черты города, а город сожгли[5]. Разрушения были настолько велики, что восстановить город на старом месте оказалось невозможным. Оставив старый город в развалинах, жители построили город на

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 180.
[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 122, 180.
[3] Там же, стр. 123, 184.
[4] Там же, стр. 184.
[5] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 184—185.

другом месте — на левом берегу Волги, недалеко от нынешней Астрахани[1].

Такую же участь Тимур готовил столице государства г. Сараю. Войско Тимура во главе с его внуком Пирмухаммедом и эмиром Джыханшах бахадуром, отправленными для разрушения города, «взяли Сарай и, подложив огонь, сожгли его, сравняв город с землею». Жившие вокруг города племена по большей части были ограблены, частью пересланы в ставку Тимура[2]. Данные археологических раскопок А. В. Терещенко в Новом Сарае полностью подтвердили следы невероятных зверств, совершенных Тимуром в этом городе. В развалинах города были найдены одни обрубки человеческих тел, ноги лежали поперек туловища, кости были изрублены в мелкие куски, в разных местах валялись остатки человеческих тел, иные без черепов, другие без рук и ног[3].

Такому же разграблению подверглись и другие города Золотой Орды: Старый Сарай, Бальджимен, Маджар, Азак (Тана), Солхат, Дедяков и др. На этот раз Тимур проявил исключительную жестокость в отношении Золотой Орды и особенно к ее городским центрам. Хотя уничтожение коснулось не только городских жителей, но и большей части кочевого населения, все же города пострадали в несравненно большей степени. Разрушая города, кровожадный завоеватель сознательно стремился к максимальному подрыву старой караванной торговли через Крым и Хорезм[4]. Методические разрушения золотоордынских городов войсками Тимура, разорение населения, увод жителей в Среднюю Азию, — все это нанесло большой удар производительным силам страны, от которого Золотая Орда уже не могла оправиться. Последствием безжалостного разрушения производительных сил страны являлся голод, начавшийся зимой 1395 года, давший себя почувствовать не только побежденным, но и победителям. Зимой 1395—96 года войска Тимура стали испытывать большую нужду в продовольствии и фураже для скота. «Вследствие сильного холода и мороза войско Тимура ослабело и пало духом,— писал Шариф-ад-дин Иезди,— большая часть скота погибла, скудость и дороговизна дошли до того, что 1 ман проса (около килограмма — М. С.) нельзя было найти и за 70 кепекских динаров, 1 быка — за 100 динаров, а барана за 250 динаров»[5]. Это же отмечали и наши летописи. В Никоновской летописи читаем: «бывшу царю Темирь-Аксаку на ордынских местах в Приморьи и прииде на него гнев божий; мор

---

[1] В. В. Бертольд, Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира, стр. 94.

[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 123, 185.

[3] Ф. В. Баллад, Старый и Новый Сараи, 1923, Казань, стр. 11—12.

[4] А. Ю. Якубовский, История падения Золотой Орды, «Вопросы истории», № 2 за 1947 г., стр. 31.

[5] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 185.

силен на люди и на скоты»[1]. Кое-как продержавшись до начала весны за счет награбленной добычи, войско Тимура с наступлением весны 1396 года поспешно ушло в Иран по разоренной им же дороге, не достигнув своей цели — подчинения Золотой Орды.

Последствия второго похода Тимура оказались для жителей Дешт-и-Кипчака более губительными, чем результаты первого похода. В 1391 году Тимуром была разгромлена лишь небольшая часть государства на Востоке в районах военных действий, город Сарай и другие города не были затронуты завоевателями, не говоря уже о западных районах. Теперь пострадали в буквальном смысле слова основные жизненные районы государства, расположенные на Западе от Волги. Тимур разрушил города, стоящие на пути караванной торговли—Каффу, Солхату, Азаку, Маджары, Астрахань и оба Сараи, превратив цветущие города в раззалины. Производительные силы страны были разрушены, огромная толпа народа уведена в плен, те, кто уцелел, бежал по окраинам государства, лишенные крова, скота, обжитых местностей, влача нищенский образ жизни, короче говоря, страна была поставлена перед катастрофой. Если после первого похода Тимура кочевники Золотой Орды были в состоянии кое-как свести концы с концами, теперь же — после 1395 г. не могло и быть речи о восстановлении единства государства.

---

[1] ПСРЛ, т. XI, стр. 162.

Глава VI

БОРЬБА ФЕОДАЛЬНЫХ ГРУППИРОВОК В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XV В.

Поражение Тохтамыша на Тереке и разорение страны Тимуром вызвали полное крушение Золотой Орды. Тохтамыш, как и другие ханы Джучиева улуса, опиравшийся на феодальную аристократию, не в состоянии был защитить государство от нашествия врага. Татарская феодальная аристократия, стремившаяся к обособлению, при первой же неудаче покинула хана и разбрелась по своим улусам. Это обстоятельство облегчило победителю завоевание и разорение страны. Тимур с присущей ему жестокостью в течение года беспощадно грабил завоеванные области, разорял города, нанося огромный, непоправимый материальный ущерб.

Караванная торговля после разрушения городских центров потеряла всякое значение. Кочевое население, ограбленное победителем, лишилось основного источника существования — скота и было вынуждено влачить нищенское существование. Большая часть кочевников попала в плен и была уведена в Среднюю Азию; оставшаяся часть перекочевала в Литву, Турцию или в Россию. Ибн-Арапшах, свидетель недавних разрушений, писал после посещения им Золотой Орды: «Дела племен Дештских стали ухудшаться да расстраиваться и, вследствие малочисленности убежищ и крепостей, подвергались разъединению и розни... Большая толпа их ушла с Тимуром, которому она стала подвластной и у которого находилась в плену. От них отделилась часть, которая не поддается ни счету, ни исчислению и не может быть определена ни диваном (палатой), ни дефтерем (списком); она ушла к румийцам и русским и, по своей злополучной участи и превратной судьбе своей, очутилась между христианами, многобожниками и мусульманскими пленниками... По этим причинам живущие в довольстве обитатели Дешта дошли до оскудения и разорения, до разорения и безлюдства, до нищеты и совершенного извращения»[1].

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 470.

Сравнивая настоящее и прошлое состояние Золотой Орды, тот же Ибн-Арапшах подчеркивал: «Выезжают, бывало, караваны из Хорезма и едут себе на телегах спокойно, без страха, без опаски, вдоль до (самого) Крыма, а переход этот (требует) около 3 месяцев... Караваны не возили с собою ни продовольствия, ни корму для лошадей и не брали с собою проводника вследствие многочисленности (тамошних) народов, да обилия безопасности, еды и питья у живущих там людей. Ныне же в тех местностях, от Хорезма до Крыма, никто из тех народов и людей не движется и не живет, и нет там другого общества, кроме газелей и верблюдов»[1].

Караванный путь, игравший большую роль не только в жизни Золотой Орды, но и во всей средневековой торговле, с разрушением городов Таны, Сарая, Астрахани перестал существовать. Венецианские, генуэзские купцы, державшие в своих руках всю восточную торговлю, стали пользоваться новыми путями, лежавшими значительно южнее — через Сирию и Иран. «До разрушения Цитрахани (Астрахани) Тамерланом,— пишет Иосафато Барбаро,— пряные корни и шелк, отправляемый ныне через Сирию, доставлялись Цитрахань и потом уже на шести или семи венецианских галерах перевозились в Италию. Ибо в то время ни венецианцы, ни другие приморские жители не производили еще в Сирии никакой торговли»[2].

В связи с этим золотоордынские города: Сарай, Астрахань, Солхат Маджар и Азак (Тану), разрушенные Тимуром, после 1396 г. находились в жалком состоянии. Особенно характерной является судьба гор. Сарая. Город, хотя частично и был восстановлен, но потерял свое значение как важнейший экономический и политический центр. Число монет, чеканившихся в Сарае после 1396 года, гораздо меньше числа монет, выбитых в Астрахани, Крыму или Булгаре. Это значит, что города Астрахань, Азак (Тану) и Солхат (Крым), восстановленные одновременно с Сараем, играли большую роль, чем прежняя столица. Если раньше ханы стремились овладеть Сараем, то теперь, наоборот, ханы борются не за столицу, а за окраины — за Крым, Астрахань и Булгар. Это объясняется тем, что Сарай и его окрестности подверглись большему разорению, чем окраины государства, да и само население уходило на окраины, где жизнь тогда казалась более безопасной.

Откочевывая к окраинам, население отдавалось под покровительство более могущественных феодалов. Шильтбергер, долгое время служивший у разных ханов, указывал, что «король и сановники в Татарии вместе с владетелем летом и зимою кочу-

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 460.

[2] В. Семенов, Библиотека иностранных писателей о России, том I, 1836, стр. 56; Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский, Золотая Орда и ее падение, стр. 376.

ют в полях вместе с женами и детьми, стадами своими; там, где король останавливается, *разбивают около него сто тысяч юрт*»[1]. Раньше этого не бывало. Во времена Плано Карпини за ханским двором обычно следовали лишь повозки знати и слуги со скотом. Академик Б. Я. Владимирцов, констатировавший аналогичную же картину у монголов после Юанской династии, видел причину возврата монголов от айльной системы кочевья к куренной во всеобщем оскудении монголов «под воздействием постоянных войск и набегов»[2]. Действительно, при феодальных войнах, при полном распаде центрального аппарата власти, мелкие орды, не будучи в состоянии защитить себя от нападения враждующих групп, стали сосредоточиваться вокруг отдельных, более сильных царевичей.

После ухода Тимура в 1396 году в пределах Золотой Орды одновременно появилось несколько ханов, разделивших между собою Джучиев улус. На левом берегу Волги, в районе Сарая, правил ставленник Тимура Куюрчак-хан, в Нижнем Поволжье, в районе Астрахани,— Тимур-Кутлук; на Яике — Едигей; в Крыму — Таш-Тимур. Каждый из этих ханов действовал в своем улусе как независимый владетель.

Что же касается хана Тохтамыша, то местопребывание его не совсем ясно. Выше мы привели свидетельство историков Тимура о бегстве Тохтамыша в 1395 году на север, к «лесистым местам» Булгар, где он, по-видимому, дождался ухода Тимура. Село Тохтамышево в пределах бывшего Мамадышского уезда, Казанской губернии, согласно позднейшим преданиям, обязано своим возникновением пребыванию Тохтамыша в этом районе в 1395—96 гг. По-видимому, из района Булгара Тохтамыш предпринял ряд попыток удержаться в булгарах. Русские летописи засвидетельствовали появление посла Тохтамыша Темир-Ходжа в Рязани, к этому же времени относится нападение одного из татарских отрядов, во главе с царевичем Ентяком, на Нижний Новгород; русские летописи сообщают о завоевании Тохтамышем «поморских городов»[3], расположенных на севере от камских булгар. А. Ю. Якубовский склонен был видеть в «поморских городах», завоеванных Тохтамышем, крымские города[4], но из летописного контекста этого не видно. Под «Поморьем» в тогдашних представлениях мыслилась вся огромная территория от Перми-Вятки до берегов Белого моря[5]. Пребывание Тохтамыша в 1396 г. в Булгарах и в соседних областях, почти не

---

[1] Штильтбергер, Путешествие по Европе, Азии и Африке; Записки Новороссийского университета, том I, 1869, Одесса, стр. 37.

[2] Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, стр. 128.

[3] ПСРЛ, т. XI, стр. 162—163. В. Н. Татищев, История Российская, к. IV, стр. 386.

[4] А. Ю. Якубовский, Из истории падения Золотой Орды; «Вопросы истории», № 2, 1947 г., стр. 32.

[5] А. А. Спицын, Русская историческая география, 1917, стр. 42.

отраженных в источниках. В Никоновской летописи пребывание Тохтамыша в Среднем Поволжье ошибочно отнесено к 1398 году. В ней говорится о посылке ханом послов своих «по всем странам» и о призыве «татар отовсюду к себе» в Орду. Собрав с местного населения «злато и серебро и дары многие»[1], хан мечтал собрать силу, чтобы снова вернуться в Дешт-и-Кипчак, собрать остаток от разгрома орды, восстановить свою власть над всем улусом Джучиевым, как это он сделал в 1392 г. Но на этот раз его стремления были сорваны наступлением русских князей на камских булгар. На разорение Нижнего Новгорода и «поморских городов» русские князья ответили походом против Тохтамыша и заставили его удалиться из района Среднего Поволжья.

В марте 1396 г. в Египте были получены известия, «что Тохтамышхан, государь стран «Северния степи», сидевший на престоле Беркахана в землях Кипчацких, собрал войска и пошел на владетеля города Каффы, лежавшего на берегу Крыма (и) принадлежавшего генуэзским франкам, что между ними произошло сражение и что хан Тохтамыш приступил к осаде ея»[2]. Взял ли перед этим он Сарай или из Булгара направился в Крым, источники об этом умалчивают. По-видимому, Тохтамыш не занял Сарая, иначе сохранились бы от него монеты, выбитые в этом городе. Следовательно, после неудачи в Булгаре, Тохтамыш ушел в Крым и овладел Таврическим полуостровом, при поддержке князей Ширинских, как об этом говорится в родословной этих князей. За эту помощь Тохтамыш сделал своим старшим эмиром ширинского князя Рухтимера в период своего кратковременного пребывания в Крыму. В родословной князей Ширинских записано: «Руктимир-бей всегда находился при хане Тохтамыше, за оказание ему (хану) верные и усердные услуги, от коих зависело сохранение его (хана) жизни и благосостояния, (был) возведен в первенство над всеми подвластными хану беями и народами и дано ему, Руктимиру-бею, первенство во время присутствия в диване и первые по хану с правой стороны места». Тохтамыш выдал за него свою родную сестру Джанаки султану, «от которой он, Руктимир-бей, имел сына Тегин-бея»[3].

Говоря о воцарении Тохтамыша в Крыму в 1396 г., надо подчеркнуть, что он был возведен на трон не в качестве хана всей Золотой Орды, а только как хан Крыма. В русской редакции родословной татарских царей, сохранившейся в списке 1696 года, Тохтамыш рассматривается как основатель Крымского ханства. «*Тохтамыш царь первый на Крыме*, а убил его Идигей князь», и сами крымские ханы из династии Гиреев называли

---

[1] ПСРЛ, том XI, стр. 167.

[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр 364.

[3] Ф. Ф. Лашков, Сборник документов по истории Крымско-татарского землевладения; Известия Таврической ученой комиссии, № 23, 1895, стр. 124.

себя преемниками Тохтамыша[1], хотя фактический основатель Крымского ханства Хаджи-Гирей не был ни сыном, ни внуком Тохтамыша. Позднейшие крымские ханы называли себя продолжателями дела Тохтамыша только потому, что начало превращения крымского улуса Золотой Орды в самостоятельное ханство было положено Тохтамышем в 1396 г. после временного захвата им Крыма, где он до бегства в Литву управлял полуостровом, но ни в качестве хана Золотой Орды, а лишь как глава Крымского улуса, пытаясь создать самостоятельное от Сарая ханство, как это пытались делать Куюрчак, Тимур-Кутлук и Едигей в других районах государства.

Таким образом, к 1396 г. на территории Золотой Орды временно возникло четыре независимых друг от друга орды — владения, боровшиеся между собой: Орда Куюрчака вблизи Сарая, орда Тимур-Кутлука в районе Астрахани, Мангытский юрт Едигея за Яиком, орда Тохтамыша в Крыму.

История образования этих орд в разной степени отражена в немногочисленных источниках, особенно мало сказано об орде, объединявшейся вокруг царевича Куюрчака. О нем весьма отрывочно сообщают историки Тимура при описании походов Тимура в 1395 году против Тохтамыша.

Куюрчак, как уже было указано выше, после разгрома Тохтамыша Тимуром в 1395 году «при помощи Тимура стал главой иля и улуса» в окрестностях только что разрушенного Сарая. Куюрчак перед этим большую часть своей жизни провел при дворе Тимура, и естественно в Дешти-и-Кипчака он не имел своих сторонников. С ним считались как с ханом до тех пор, пока с ним находилось войско Тимура; с уходом Тимура племена, объединившиеся вокруг него, «стали отставать и перешли на сторону Тимур-Кутлука»[2].

В источниках не сохранилось данных о судьбе орд Едигея и Тимур-Кутлука после 1392 года. Эти орды, как известно, образовались после разгрома Тохтамыша в 1392 году. Имена Тимур-Кутлука и Едигея исчезают со страниц источников и вновь появляются только в 1396 году. По-видимому, после неудачной попытки захватить ханский престол в 1392 г., они оба со своими улусами откочевали куда-то на северо-восточные окраины Золотой Орды и оставались там до второго похода Тимура против Тохтамыша, не принимали участия в столкновениях ни на той, ни на другой стороне. По рассказу Клавихо, Тимур перед вторым походом против Тохтамыша, или даже во время этого похода, пытался привлечь на свою сторону

---

[1] В. В. Вельяминов-Зернов, Исследование о Касимских царях и царевичах, ч. I, стр. 95, 229—230; Ногайские мурзы Крымское ханство считали «Тохтамышевым царевом юртом» (В. В. Вельяминов-Зернов, Исследование о Касимских царях и царевичах, ч. II, стр. 123).

[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 133, 212, 214.

Едигея, но безуспешно. «Тимурбек послал сказать ему, что он его любит и прощает. Он предлагал женить своего внука на его дочери. Эдигу ответил ему, что он прожил у него двадцать лет и был из тех, кому больше всего доверял Тимурбек, что он знает все его уловки и что такими хитростями его не провести»[1]. В этом рассказе особый для нас интерес представляет приведенный Клавихо ответ Едигея о своем 20-летнем пребывании у Тимура. Бегство Едигея ко двору Тимура произошло в 1376 г., с того времени прошло 20 лет; следовательно, переговоры между Тимуром и Едигеем происходили в 1395—1396 гг.

Из ответа Едигея видно, что он и Тимур-Кутлук не примкнули тогда к Тимуру, занимали в ту пору выжидательную позицию. Как только Тохтамыш был разбит, они оба вернулись в свои улусы: Едигей в Мангытский юрт, находившийся на реке Яике; Тимур-Кутлук — в Астрахань, где он был провозглашен ханом еще в 1391 г. В русской редакции родословной царей татарских Тимур-Кутлук назван первым царем Астраханским — «У Темир Бек Булата сын — Тимур Кутлуй *первый царь на Астрахани*»[2]. Ногайские мурзы в своих грамотах обычно рассматривали Астрахань как — Тимур-Кутлуев царев юрт».

Захватив Астрахань и превратив ее в свой юрт[3], Тимур-Кутлук выступил против своего дяди Куюрчака и его орды, кочевавшей в районе Сарая. Как сообщает «Анонимо Искендера», племена, ранее группировавшиеся вокруг Куюрчака, при получении известия о приближении Тимур-Кутлука, «стали отставать от него», Куюрчак-хан со своими приближенными бежал, и царство (его) досталось Тимур-Кутлуку, а эмирство—Идегу»[4].

---

[1] Клавихо, Дневник путешествия... стр. 342.

[2] В. В. Вельяминов-Зернов, Исследование о Касимовских царях и царевичах, часть I, стр. 49.

[3] К этому времени надо отнести восстановление города Астрахани, дотла разрушенного Тимуром, только не на старом месте — «Жареном Бугре», а на левом берегу Волги. Преемник Тимур-Кутлука Шадыбек в 805 (1402) году чеканил в Астрахани свои монеты. На его монетах впервые появляется название «Новая Астрахань» (Марков А., Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа, стр: 94) в отличие от старой Астрахани. Новый город, по словам Кантарини, был «не очень обширен», окружен низкою стеною, состоял из обмазанных домов (Семенов, Библиотека иностранных писателей о России, стр. 90—91).

[4] После основания Иваном IV нынешней Астрахани новая Астрахань, возобновленная Тимур-Кутлуком, считалась старым городом, так ее называл английский путешественник Дженкинсон, побывавший в этих краях в июле 1558 г.. «14 июня, пройдя мимо старого замка, где была старая Астрахань, и оставив его по правую руку,— пишет он,— мы пришли к Новой Астрахани» (Англ. путеш. в Москов. государстве в XVI в., перевод Ю. В. Готье, стр. 171). Англ путешественник, под Новой Астраханью понимая нынешний город, построенный воеводой П. Оболенским, который по приказу царя оставил старый город и переселил татар на другую сторону Волги, а для себя он избрал бугор, лежавший «несколько ниже против первого города» (К. Малиновский, Кремль Астраханский, Сборник трудов членов Петровского Общества исследователей Астраханского края, 1892 г., стр. 5).

Осенью 1396 г., или в начале 1397 г., Тимур-Кутлук и Едигей начали войну с Тохтамышем в Крыму. В 799 (5 октября 1396—23 сентября 1397 г.) в Египте было получено сообщение о начавшейся войне между Едигеем и Тохтамышем. «Гонцы из земли Дештской сообщили, что произошла вражда между Идики, отнявшем землю от Тохтамыш-хана, государя страны дештской, сидевшего на престоле Берке, в землях кипчацких, и между владетелем Каффы,— города (находившегося) на берегу Крыма, в руках генуэзских франков, что упомянутый Идики собрал войска и приступил к осаде ея»[1]. Из генуэзских источников видно, что война велась не между Едигеем и генуэзцами, а между Едигеем и Тохтамышем, она закончилась изгнанием Тохтамыша из Крыма. Чтобы осилить Тохтамыша, Тимур-Кутлук привлек на свою сторону татарскую аристократию Крыма, наделив феодалов различного рода льготами. Известный ярлык Тимур-Кутлука на имя одного из крупных феодалов Крыма — Мухаммеда, сына Хаджи-Байрама, от 27 апреля 1397 года, не был простой случайностью: Тимур-Кутлук сделал их «тарханами» и пожаловал Хаджи-Байрама и его сыновей «землями, водами... виноградниками и садами, банями, мельницами, владеемыми местами (поместьями — М. С.), свободными местами, которые им остались от прежних времен, с их деревнями, крестьянами-издельщиками (уртак)». «Кто бы ни был,— гласил ярлык Тимур-Кутлука,— да не причиняет насилия беззаконным образом, да не отнимает от них имущества». Владетели ярлыка и их подданные освобождались от повинностей с виноградников, амбарных пошлин, платы за гумна, ясака и податей, называемых кланом. При посещении Каффы для торговых целей они освобождались от всяких пошлин[2].

Лишившись поддержки крымской знати, Тохтамыш вынужден был искать убежища у Литовского князя Витовта. В русских летописях под 1397 годом записано: «Прииде некоторый царь, именем Темир Кутлуй, и прогна царя Тохтамыша и седе в Орде и Сараи на царстве, а Тохтамыш сослася Витовтом и бежа из Орды в Киев и со царицами да два сына с ними»[3]. Витовт, поддерживавший дружественные отношения с Тохтамышем, принял хана и прибывших с ним татар с почетом: татарам были выделены места для жительства в пограничных районах государства, в частности в Черкасах и Каневе[4], а Тохтамышу на его содержание и нужды двора отдан город Лида со всеми городскими доходами[5].

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 531.

[2] В. В. Радлов, Ярлык Тохтамыша и Тимуркутлука, Записки Восточного отделения русского археологического общества, т. III, 1889, стр. 21.

[3] ПСРЛ, т. VI, стр. 130; т. VIII, стр. 71.

[4] А. И. Барабашов, Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы, 1885, стр. 95.

[5] А. Мухлинский, Исследования о происхождении и состоянии литовских татар, 1857, стр. 10.

В 1398 году, согласно свидетельству Длугоша, Витовт предпринял даже большой поход в Дешт-и-Кипчак. Литовские войска, не встретив сопротивления, дошли до Дона и разорили главное кочевье татар, называемое Ордой, захватив в плен много татар с их семьями и со скотом[1].

Поддерживая Тохтамыша, Витовт преследовал далеко идущие цели. Раскрывая их смысл, русский летописец приписывал Витовту намерение водворить Тохтамыша в Орде и при его помощи подчинить себе Русь. «Пойдем пленити землю татарскую,— говорил Витовт,— победим царя Темир-Кутлуя, взем царство его и разделим богатство и имение его и посадим во Орде на царствие его царя Тохтамыша, и на Каффе, и на Озове, и на Крыму, и на Азторахани, и на Заяицкой Орде, и на всем приморье, и на Казани, и то будет все наше, и царь наш и мы не точию Литовскую землю и Польскою владети иматы и северною, и Великим Новым городом и Псковым и немцы, но и всеми великими княжени русскими»[2]. По договору между Витовтом и Тохтамышем, в случае успешной кампании, Витовт должен был посадить Тохтамыша «в Орде на царстве», а Тохтамыш обязывался посадить Витовта «на Москве на великом княжении на всей Русской земли». Поход Витовта и Тохтамыша в 1398 г. на орду не дал желательных для союзников результатов, он лишь обострил взаимоотношения Литвы с Тимур-Кутлуком и привел к военной катастрофе на реке Ворскле.

Самоуверенный Витовт не учел сил Тимур-Кутлука и стоящего за его спиной Едигея, одного из крупнейших государственных деятелей Золотой Орды периода распада. Непримиримый враг Тохтамыша Едигей в ответ на разорение областей двинул большое войско татар Тимур-Кутлука на Литву, одновременно он потребовал выдачи хана и сам с остальной массой татар выступил в поход вслед за Тимур-Кутлуком. «Выдай ми царя беглого Тохтамыша,— велел передать Витовту Едигей,— враг бо ми есть и не могу терпети, слышав его жива суща и у тебя живуща; пременяет бо ся житие сие: днесь царь, а утро — беглец, днесь — богат, а утро — нищь, днесь имеет други, а утро же — враги; аз же боюсь и своих, не токмо чужих; царь же Тохтамыш чужд им есть и враг зол, тем же выдай ми его, а что около его ни есть то тебе». Витовт отказался выполнить требование Едигея: «Яз царя Тохтамыша не выдам, а со царем Тимур-Кутлуем хочу ся ведетись сам»[3]. Чтобы выиграть время, Тимур-Кутлук затеял переговоры, хитрил, давал различные обещания: «Чтобы пожаловал Витовт Кейстутович, милость на нем показал, в сына его взял,— говорил он Витовту,— а дани бы и обро-

---

[1] Dluogsz, Dzieje, т. III, p. 491.

[2] ПСРЛ, т. XI, стр. 171.

[3] ПСРЛ, т. XI, стр. 172. С. М. Соловьев, История России, книга I, стр. 1033—1034.

ки во всей Орды на всякое лето по возможному взимал». Витовт, введенный в заблуждение ханом, требовал от татар «во всей орде быти на деньгах ордынских знамению Витовту». Когда подошел с войском Едигей, хан стал разговаривать другим языком. Он потребовал теперь от Витовта уплату дани и настаивал на чеканке литовских монет с клеймами Едигея. 12 августа татары неожиданно начали отступать; Витовт, преследуя татар, оторвался от своих баз, лишился выгодных в военном отношении позиций на реке Ворскле, перешел на левый берег реки и вышел в степь, выгодную для действий татарской конницы. Тимур-Кутлук и Едигей, придерживаясь татарской военной тактики, обошли с флангов войска Витовта, вышли в тыл и прижали их к реке Ворскла и там разгромили их наголову. В разгар сражения первым покинул поле битвы сам Тохтамыш, увлекший за собой войска Витовта; тем самым он создал панику в лагере Витовта[1]. При поспешном и беспорядочном отступлении Витовт потерял весь свой обоз. Татары, преследуя отступающие литовские войска, дошли до Киева, взяв 3000 рублей в виде откупа с города, разграбив все на своем пути, ушли обратно в степь. В результате этого поражения Литовское княжество настолько было ослаблено, что Витовт не мог уже оказывать поддержки Тохтамышу и последний скрылся из Литвы, перебрался в Сибирь, где и пытался обосновать новое татарское государство.

После победы над соединенными литовско-татарскими войсками окончательно укрепилась позиция Тимур-Кутлука в Золотой Орде, но он вскоре, в том же 1399 году, умер. Едигей, еще при Тимур-Кутлуке ставший «князем над всеми князьями в орде», после смерти Тимур-Кутлука фактически взял управление государством в свои руки «Он водворял в султанство кого хотел и смещал его с него, когда хотел; прикажет — и никто не противится ему, проведет грань — и (никто) не переступит эту черту»,— писал Ибн-Арапшах, характеризуя время правления Едигея[2]. «Султаны при нем носили только имя, но не имели никакого значения»,— говорит о нем другой арабский писатель.

Но не будучи принцем крови, Едигей, как и его предшественник Мамай, не мог присвоить себе титул хана. Вынужденный сажать на трон ханов из царевичей Джучиева рода, он при помощи подставных лиц продолжал править всеми делами государства, как полновластный владыка.

После смерти Тимур-Кутлука Едигей выдвинул в качестве подставного лица хана Шадыбека, от которого сохранились

---

[1] В. Г. Ляскоронский, Русские походы в степи в удельно-вечевое время; Журнал Министерства народного просвещения, май за 1907 г., стр. 36 и след: Его же, К вопросу о битве кн. Витовта с татарами на реке Ворскле в 1399-м году, Журнал МНП, 1908 г., июль, стр 76—77.

[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 472.

монеты, выбитые в 1400 году[1]. При Шадыбеке в последний раз в истории Золотой Орды произошло объединение всех прежних улусов Джучиева дома. Его монеты чеканились в Каффе, Азаке (Тану), Астрахани, Дербенте, Баку, а последние годы его правления — даже в Хорезме[2]. Однако ни Шадыбек, ни Едигей не могли считать себя в полной безопасности, пока живы были Тохтамыш и его сыновья, оспаривавшие право на Джучиев улус у ставленников Едигея. Сам Тохтамыш, бежавший «в землю, которая недалеко от Самарканда», по словам Клавихо, восстановил дружественные отношения с Тимуром, а сын Тохтамыша скрылся в Каффу, и оттуда воевал с ним (Едигеем) и нанес большой вред «сторонникам Едигея». «Едигей напал на этот город,— пишет Клавихо,— жители города заключили мир, а сын Тохтамыша бежал к Тимурбеку, а тот Тохтамыш и сын его жив и в дружбе с Тимурбеком». К сожалению, Клавихо не указывает даты этого события и имени сына Тохтамыша, бежавшего ко двору Тимура. Из слов Клавихо видно, что сам Тохтамыш, находившийся где-то в соседстве с владениями Тимура, был «в дружбе с Тимурбеком», и, кажется, между ним и Тимуром был заключен военный союз против Едигея. «Тохтамыш, император татарский, и Тимурбек помирились,—пишет Клавихо,— и стали вместе стараться обмануть этого Едигея»[3]. У Шераф-ад-дина Иезди имеются указания о прибытии посла Тохтамыша к Тимуру перед началом похода его в Китай в феврале 1405 г. Тимур обласкал посланного (т. е. посла Тохтамыша — М. С.) и обещал ему: «После этого похода я, с божьей помощью, опять покорю улус Джучиев и передам ему, т. е. Тохтамышу[4].

Военный союз Тохтамыша с Тимуром против Едигея не мог быть заключен в феврале 1405 года — перед походом Тимура в Китай. Этот союз, бесспорно, возник гораздо раньше, но когда именно, установить по источникам невозможно. Источники, рисующие нам деятельность Тохтамыша в 1399—1405 гг. до нас не дошли. Из указания историков Тимура не видно, где Тохтамыш вел переговоры с Тимуром и где именно надо искать «землю, находившуюся недалеко от Самарканда», откуда были направлены послы Тохтамыша к Тимуру. Из русских летописей можно установить, что Тохтамыш находился в Сибири, и был убит близ Тюмени, действительно расположенном не так далеко от Самарканда. Надо полагать, что Тохтамыш сразу же, после поражения на реке Ворскле в 1398 году, бежал в Сибирь и там успел создать значительный по размерам улус, далеко выходивший за восточные пределы золотоордынской границы. Вблизи Томска имеется ряд курганов, носивших имя Тохтамы-

---

[1] А. К. Марков, Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа, стр. 443—449.

[2] ПСРЛ, т. XI, стр. 183.

[3] Клавихо, Дневник путешествия ко двору Тимура, стр. 341—342.

[4] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 189.

ша, а весь этот район назывался «тохтамышев юрт», возникновение которого, несомненно, связано с пребыванием в этих местах Тохтамыша[1]. В одном из исторических памятников, носившем название «Дефтери Чинизнама», где перечисляются местопребывания ханов и их юрт, сказано: «Тохтамыша ханов юрт находился на трех реках (узанах)»[2]. Как раз в районе, называемом «Тохтамышевым юртом», расположены три реки: Обь, Том и Чулым.

Тохтамыш, захвативший столь обширный район, действительно мог стать опасным соперником Едигея; чтобы предупредить это, Едигей решил избавиться от своего недруга, воспользовавшись смертью Тимура, союзника Тохтамыша. Об этом последнем столкновении Едигея с Тохтамышем, происходившем где-то в Сибири, имеется несколько отрывочных указаний у современников, в частности у Шильтбергера, который сопровождал Едигея в его походе против Тохтамыша в Сибирь, но эти известия слишком скудны. Более подробные данные об этом последнем (15 по счету) сражении Тохтамыша с Едигеем сообщает Ибн-Арапшах. «Пятнадцатое сражение было не в пользу Идеку,— пишет он,— он (Идеку) был разбит и рассеян, обращен в бегство и прогнан. Тохтамыш стал единодержцем в царстве и очистился для него Деште Берке». Скрывшийся в песчаных степях Едигей меж тем выжидал удобного момента. Узнав, что «он (Тохтамыш) один без войска (находится) в загородной местности», ночью напал на беспечного Тохтамыша, который «очнулся только тогда, когда бедствия окружили его, а львы смертей охватили его и змей копий да ехидны стрел уязвили его»[3]. Ибн-Арапшах, записавший рассказ об убийстве Тохтамыша, не дает ни даты, ни места, где был убит Тохтамыш. Некоторые подробности сообщают русские летописи: В Архангелогорской летописи под 1406 г. записано: «...тое же зимы царь Женибек (Шадибек) уби Тохтамыша в Сибирской земли близ Тюмени, а сам седе на Орде»[4]. «Анонимо Искендера» также говорит о смерти Тохтамыша в Тулине (Тюмень), не оговаривая, что в данном случае речь идет о насильственной его смерти.

После убийства Тохтамыша Едигей «из края Северного поднялся с войсками, двинулся во владения Хорезмские, которыми правил наместник (Тимура) по имени Мусика. Узнав о татарах, последний убоялся гибели своей и ушел, забрав с собою своих людей и приверженцев. Тимуриды, занятые междоусобной войной, не могли защитить Хорезма, поэтому Едигей без особых

---

[1] С. К. Кузнецов, Отчет об археологических розысканиях в окрестностях Томска, произведенный летом 1889 г. Труды Томского общества естествоиспытателей, т. I, 1890, Томск, стр. 169—170.

[2] Отдел рукописи научной библиотеки Казанского университета, № 40, л. 79.

[3] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 471.

[4] Утюжский летописный свод, 1950 г., стр. 70, ПСРЛ, т. XXV, стр. 236.

трудностей «прибыл... в Хорезм и овладел им». В Хорезме он поставил в качестве «своего наместника» Анка в реджебе (месяце) 808 (28.XII—1405—21.I—1406 года[1].

Пока Едигей находился в Сибири, воюя с Тохтамышем и Тимуридами, в Золотой Орде произошло движение против самого Едигея. Шадыбек вышел из повиновения своему покровителю и принял меры к установлению единовластия, отстранив от должности старшего эмира. «Так как Идигу установил тонкие обычаи (туре) и великий закон (ясак) и люди из привольности попали в стеснение, то Шадыбек тайно хотел уничтожить его. Пока он так думал, Идику узнал то, что у него в уме, и хотел до возникновения смуты принять меры против его дела. Шадыбек узнал и с престола царства бежал в сторону Дербента Бакинского, укрылся у эмира Шейх Ибрагима Дербентского и там умер»[2]. Приведенный рассказ «Анонимо Искендера» совпадает с данными Шильтбергера; последний несколько только дополняет рассказ анонимного автора: «Когда он (Шадыбек) узнал, что приближается Едигей,— читаем мы у Шильтбергера,— то обратился в бегство и погиб в стычке с людьми, посланными за ним Едигеем. Затем последний возвел на престол короля Пулата, который царствовал полтора года и был изгнан Джалал-ад-дином»[3].

В обоих приведенных нами рассказах о возмущении Шадыбека против Едигея опущены некоторые подробности, которые осложнили положение хана и ослабили его позиции в момент столкновения с Едигеем. В период отсутствия Едигея в орде произошло выступление против самого Шадыбека, организованное сторонниками сына Тохтамыша. Русские князья Василий Дмитриевич московский и его противник Иван Михайлович тверской, прибывшие «в судех по Волзе» к хану Шадыбеку 20 июня 1407 г. не застали его. «Бысть в то время замятня великая, згони Шадыбека с царства Зелени-салтан Тохтамышевич», поэтому русские князья явились «царю Зелени-салтану Тохтамышевичу», а не к Шадыбеку[4]. Правда, Джалал-ад-дин (Зелени-салтан) на этот раз недолго удержался на престоле; прибывший с войсками Едигей вынудил его бежать из Орды, но появление у Шадыбека нового конкурента в лице Джалал-ад-дина создало ему новые затруднения в борьбе с Едигеем. Из рассказа Шильтбергера явствует, что Едигей, прежде чем посадить нового хана Пулата, «вступил в Болгарию, которая также им была завоевана»[5]. Против какого хана был предпринят этот поход

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 472.

[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 133—134; Н. И. Веселовский, Лекции по истории Востока, стр. 22.

[3] Шильтбергер, Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 г., Зап. Новорос. университета, т. I, Одесса, 1867, стр. 35.

[4] ПСРЛ, т. VI, стр. 135; т. XX, ч. I, стр. 224.

[5] Шильтбергер, Путешествие... стр. 35.

Едигея, Шильтбергер не сообщает,— скорее всего против Джалал-ад-дина, провозглашенного ханом в Булгаре летом 1407 г., по низложению Шадыбека сторонниками Джалал-ад-дина.

Изгнав Джалал-ад-дина из Булгар, Едигей, как указывает Шильтбергер, «возвратился восвояси» в Дешт-и-Кыпчак, чтобы обрушиться на Шадыбека. «Бысть... замятни велиа в орде... мятеж велик... царя Шадибека согнаша, а Булат салтана на царство Ординское посадиша и князей многих ордынских посекоша»[1]. Все изложенные нами события, связанные с изгнанием Шадыбека и Джалал-ад-дина и провозглашением нового хана Булат-султана, имели место во время пребывания в орде названных выше русских князей: князь тверский Иван Михайлович, приехавший в орду к хану Шадыбеку, был отпущен ханом Булат-султаном.

Русские летописи не указывают, куда скрылся Джалал-ад-дин после воцарения хана Булат-султана. «Сыновья Тохтамыша,— писал Ибн-Арапшах,— разбрелись в (разныя) стороны: Джалал-ад-дин и Керимберди (ушли) в Россию, а Кубяк и остальные братья—в Сыгнак»[2]. Хотя русские летописи и не сообщают о пребывании Джалал-ад-дина и Керим-Бердия в России, но возможность эта не исключена. Объясняя причины похода на Москву в 1408 году, Едигей в своей грамоте к великому князю подчеркивал: «...слышанное нам учинилось таково, что Тохтамышевы дети у тебя, и того ради пришли есьми ратию». Конечно, не это обстоятельство послужило поводом для прихода Едигея на Русь, но упрек Едигея, что великий князь приютил детей Тохтамыша, мог иметь основания. Причины похода татар на Москву в 1408 г. вскрыты в ярлыке Едигея: «Послы царевы и гости из орды к вам приезжают, а вы послов и гостей на смех поднимаете; а прежде сего улус был царев и страх дрьжал, и пошлины давали, и послов царевых чтили, и гостей держали без истомы, и без обиды... А Темир Кутлуй сел на царство, и ты улусу, государь, учинился и от тех лет у царя еси в Орде не бывал, царя еси в очи не видал, ни князей, ни старших бояр, ни меньших, ни иного еси никого не присылывал, ни сына, ни брата, ни с которым словом не посылывал. И потом Шадибек осемь лет царствовал, у того еси тако же не бывал, ни кого еси ни с которым же словом не посылывал. И Шадибеково царство тако же ся минуло, и ныне царь Булат Султан сел на царство и уже третий год царствует, тако же еси ни сам ни бывал, ни сына, ни брата, ни старшего боярина не присылывал»[3].

Письмо Едигея в истории русско-татарских отношений представляет исключительно большой интерес. Из письма видно, что с 1395 года прекратилась уплата «выхода», приостановились

---

[1] ПСРЛ, т. VI, стр. 135; т. XI, стр. 201—202.
[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 471—472.
[3] ПСРЛ, том IV, стр. 110—111; том V, стр. 159; том XI, стр. 209—210

поездки великого князя и бояр в Орду; русские князья действовали независимо от ханов. Основная цель похода Едигея на Москву сводилась к тому, чтобы восстановить прежние отношения между ордой и «русским улусом». Получив отказ на требования, изложенные в ярлыке, Едигей осенью 1408 года с большой татарской «силой» вторгся на Русь. Татары в течение ноября-декабря разорили Коломну, Переяславль, Юрьев, Ростов, Дмитров, Серпухов, Нижний Новгород, Городец и другие города. Один из татарских отрядов, во главе с царевичем Тенгриберди и с сыном Едигея Якшибеем, был послан в след за великим князем, выехавшим из Москвы для сбора войск. Там же Едигей приступил к осаде Москвы, решив взять город измором. Не надеясь на свои силы, Едигей вызвал Тверского князя Ивана Михайловича с «пушками самострелами». Сломить сопротивление русского народа Едигею не удалось. Во время осады Москвы из Орды было получено тревожное известие о нападении на Булат-Салтана «некоего царевича», который, «усмотрев себе время, восхоте прияти царство Большой Орды и Булат-Салтана царя изгнати или убити». Хан просил Едигея «скоро вернуться в Орду без всякого пожданиа»[1]. Едигей, взяв трехтысячный «откуп», поспешил на помощь своему ставленнику. Этот «царевич» до прихода Едигея все же успел «много мятежа в Орде сотворить», с приближением Едигея он «отошел» из Орды.

Русские летописи, отметившие нападение «некоего царевича» на Булат-Салтана, однако не называют его имени. Из отчета Шильтбергера все же можно сделать заключение, что русские летописи имели в виду Джалал-ад-дина, сына Тохтамыша, попытавшегося после полуторагодичного царствования Булат-хана отнять у него престол[2]. На это намекает в одной из грамот (от 9.X—1409 г.) на имя магистра Ливонского ордена и Витовт. Последний, между прочим, писал: «Как мы раньше вам писали и говорили о сыновьях Тохтамыша, бывшего царя татар, трое из которых были в наших землях и пребывали под Киевом. Один из них был у нас в Торне, старший же по имени Soldan (т. е. Джалал-ад-дин) с другим своим младшим братом к тому времени прибыли в Гродно, как раз надеялся стать царем татар и которому мы помогли направиться к его людям»[3]. Из этой грамоты ясно видно, что Джалал-ад-дин при помощи Витовта временно захватил власть в орде, но в связи с прибытием Едигея после похода 1408 г. был вынужден обратно удалиться к тому же Витовту вместе со своими сторонниками. Витовт, находившийся тогда у Новгорода, заключил в конце 1409 г. договор с Джалал-ад-дином о совместной борьбе против ордена[4].

---

[1] ПСРЛ, том XI, стр. 209.
[2] Шильтбергер, Путешествие.., стр. 36.
[3] Codex Epistolaris Vitoldi, Cracoviae, 1882, p. 882.
[4] Там же, 187, 205.

Впоследствии Джалал-ад-дин со своими татарами, которых, по словам Длугоша, насчитывалось 40 тысяч, принимал участие в знаменитом Грюнвальдском сражении в 1410 году и содействовал разгрому ордена[1].

Со своей стороны Витовт помог Джалал--ад-дину захватить Крым вскоре после битвы под Танненбергом (Грюнвальдом). Войско Джалал-ад-дина, отступая на юг, опустошило Польшу и в 1410 г. заняло Крым и побережье Черного моря, изгнав из Солхата наместника хана Булата. Из-за гор Азака (Тана) произошло столкновение между отрядами Джалал-ад-дина и Булата, по-видимому, Булат погиб в борьбе с Джалал-ад-дином. Чеканка монеты с его именем прекращается в 1411 году. В этом году русские летописи отметили провозглашение ханом в орде Тимура сына Тимур-Кутлука, который возобновил осаду Таны; овладев городом, произвел сильное опустошение его. Один только материальный ущерб, нанесенный венецианцам, составил более 100,000 дукатов[2]. Разбитый Тимуром Джалал-ад-дин вновь бежал ко двору Витовта, русские послы, прибывшие в Литву в конце 1411 г., застали его при дворе Витовта[3].

Русские летописи, сообщая о воцарении Тимура, одновременно говорят о конфликте между Едигеем и новым ханом. В Никоновской летописи под 1411 годом говорится: «той же зимы сяде на царство в орде царь Темир, а Едигей князь в мале убежал»[4]. Летописец смешивает два момента: воцарение Тимура-хана и столкновение его с Едигеем, имевшее место несколько позже. Из сообщения «Анонимо Искендера» видно, что Тимур был посажен на трон Едигеем. «После этого (т. е. после смерти Булат-хана — М. С.) Идигу, также по необходимости,— пишет анонимный автор,— посадил на престол царства Тимур-султана из-за согласия, которое было (у него) с его отцом. Снова больное государство выправилось. Затем Идигу дал ему свою дочь, дабы, благодаря родству, сузился доступ для разговоров подстрекателей. Так протекало некоторое время, и Тимур-султан совсем понравился людям, они склонились к тому, чтобы уничтожить Идигу. Между ними возникла вражда и озлобление, так что они один-два раза сражались (друг с другом). Так как у узбеков всегда было стремление к правлению державы потомков Чингис-хана, то они, кто из подражания, а кто из почтения, направились служить (к) двору Тимур-султана, и он стал сильным»[5]. Только после этого он отдалил от себя Едигея. «Он не вручил своих бразд (эмиру) Идику,— пишет Ибн-Арапшах,—

---

[1] Мухлинский, Исследование о происхождении и состоянии литовских татар, 1857, СПБ, стр. 16.

[2] Heud, Geschichte des Levanten handels im metelalter, V. II, s. 373—374.

[3] Шильтбергер, Путешествия.., стр. 37.

[4] ПСРЛ, т. XI, стр. 215. Эта дата подтверждается монетами Тимура в Булгаре в 814(1411) году. П. С. Савельев, Монеты Джучидския.., стр. 316.

[5] ПСРЛ, т. XI, стр. 215. Эта дата подтверждается монетами Тимура.

сказав: «Нет за ним (Едигеем) ни славы, ни почета; я передовой баран (т. е. глава), которому повинуются, как же я стану подчиняться (другому); я бык (т. е. вождь), за которым следуют, так как же я стану сам итти за другим?» Возник между ними обоими разлад, появилось со стороны ненавистников скрытое лицемерие, пошли бедствия и несчастия, войны и враждебные действия»[1]. Едигей, изгнанный из орды, нашел приют в Хорезме.

Чувствуя свое бессилие, Едигей искал дружбы Тимуридов, он выдал свою дочь замуж за Мухаммеда Джука-бахадуру, сына Шахруха. В своих обращениях к Шаруху Едигей называет себя «слугой Шахруха». Обеспечив таким путем свой тыл с востока, «сделав необходимые приготовления» для защиты города, Едигей «отправился к улусу» своему (т. е. Мангитскому — М. С.) юрту, расположенному «в местности Сам(?), которая находится на расстоянии десятидневного пути от Хорезма». Согласно позднейшему утверждению Дженкинсона, на расстоянии 10-дневного пути от Хорезма был расположен Сарайчук, вокруг которого кочевала Ногайская Орда: «Улус Едигея», куда он бежал от преследования Тимур-хана, надо искать, следовательно, в районе Яика, вблизи Сарайчука. Тут его настигло войско Тимур-хана, во главе с эмирами Аджан-Бухадуром и Безнаем. Во время сражения был убит правитель Хорезма Анака, участвовавший с хорезмским войском на стороне Едигея. Войско Едигея было разбито. Сам Едигей «пришел в Хорезм» в начале 814(IV.1411—12.IV—1412) года, а войско Тимур-хана приступило к осаде города Ургенча, продолжавшейся шесть месяцев[2].

Раздоры, начавшиеся между Тимуром и Едигеем, были на руку сыновьям Тохтамыша, они спешили использовать благоприятную обстановку, собрали своих сторонников, в том же 814(1411—1412) году выступили против Тимур-хана «из стран русских», неожиданно напали и разгромили орду Тимур-хана: большинство кочевого населения перешло на сторону Тохтамышевичей, третий раз провозгласивших Джалал-ад-дина ханом[3].

Власть Джалал-ад-дина на первых порах распространилась на Булгар и Хаджи-Тархан, как показывают монеты, выбитые в этих городах. С появлением Джалал-ад-дина Тимур-хан вынужден был снять осаду Хорезма; предпринять что-либо более серьезное против Тохтамышевичей он был не в силах. «Улус отстал от него и присоединился к детям Тохтамыша. Поневоле, с поводьями свободной воли в руках принуждения, он на распутьи двух дорог избрал бегство и в этом же бедствии

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, том I, стр. 472—473.
[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 193.
[3] Там же, т. I, стр. 473, том II, стр. 139—193.

умер»[1]. Устранив со своего пути Тимура, Джалал-ад-дин в 1411 г. подчинил себе остальные части Золотой Орды, за исключением Хорезма, попавшего в руки Едигея. Решив овладеть Хорезмом, он обратился к жителям осажденного города Ургенча: «До этого Тимур был ханом и вы за него рубили сабли. Теперь же я стал ханом, постарайтесь схватить Идегу, который является нашим врагом». Эмир Базан, женатый на сестре Джалал-ад-дина, перешел на его сторону и участвовал в осаде города, где заперлись сторонники Едигея.

Сколько времени продолжалась осада Ургенча, нам неизвестно. В источниках указывается, что Джалал-ад-дин пытался примириться с Едигеем. Во время переговоров хан дал такое указание своим послам: «Если Идегу пришлет своего родного сына Султан-Мухаммеда и сестру Джалал-ад-дина, которая имела этого сына, и если он станет чеканить монеты (читать) худбу на наше имя, то не воюйте с ним, а отправляйтесь (домой)». Эмир Базан, ставший старшим эмиром Джалал-ад-дина, заключил мир с эмиром Идегу, «по выходе которого (из города) они один другому дали мир и эмиры, оставив осаду, отправились к Джалал-ад-дину»[2]. После заключения мира Джалал-ад-дин по неизвестным нам причинам отказался утвердить условия мирного договора и послал другого эмира Катлуя, который возобновил осаду Ургенча. Снова начавшаяся война не давала перевеса ни той ни другой стороне. Обе стороны были ослаблены настолько, что, когда под стенами Ургенча появилось войско Шахруха, город сдался Тимуридам[3]. После этого Едигей со своим войском вернулся в свой улус, расположенный на расстоянии 10-дневного пути от Ургенча, войско же Джалал-ад-дина двинулось к западным улусам, где он занялся упрочением своей власти. Ему даже удалось, правда, не на долгое время, восстановить прежние отношения на Руси, поколебленные смутой при Едигее. Русские князья, прекратившие посещение Орды после Тохтамыша, в чем упрекал их Едигей, вынуждены были явиться к новому хану. В 1412 году по вызову хана в Орду прибыли великий князь Василий Дмитриевич московский, великий князь тверской Иван Михайлович и князья нижегородские, ярославские и другие «со множеством богатства и со всеми своими вельможами»[4]. Поездка великого князя московского в Орду была вызвана опасением, что хан поддержит против великокняжеской власти собравшихся в Орду тверских и нижегородских князей. Никоновская летопись называет Джалал-ад-дина «злым нашим недругом». Джалал-ад-дин держался столь же независимо и по отношению к своим эмирам, о чем сообщает и «Анонимо Искендера». Это обстоятельство явилось причиной

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 134.
[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 194.
[3] Там же, стр. 194—196.
[4] ПСРЛ, т. VI, стр. 139; том VIII, стр. 92; том XI, стр. 219.

новых раздоров среди самих Тохтамышевичей. По «Анонимо Искендера», через год, а по Шильтбергеру,— спустя 14 месяцев начались несогласия между детьми Тохтамыша. Родной брат Джалал-ад-дина, «подстрекаемый эмирами,.. высунул голову из воротника смуты, после того, как брат его правил один год, он в полночь неожиданно захватил его на троне и безжалостно убил»[1].

«Анонимо Искендера» называет убийцей Джалал-ад-дина, его брата Султан-Мухаммеда, Шильтбергер же — Кепека. По Шильтбергеру, хан «был убит в войне с Кепеком»[2]. Стрыйковский приводит третью версию: у Джалал-ад-дина оспаривал власть третий его брат Керим-Берди, что подтверждается данными русских летописей, более точно регистрировавшими события, происходившие в Орде. В Никоновской летописи под 1412 годом записано: «Злой наш недруг царь Зелин Салтан Тохтамышевич умре, застрелен на войне от своего брата Керим-Бердия». Под 1413 годом в той же летописи говорится: «Тое же осени седе в Орде на царство царь Керим-Берди»[3].

Керим-Берди, в отличие от своего брата Джалал-ад-дина, придерживавшегося литовской ориентации, ставши ханом, занял враждебную по отношению к Литве позицию, он покровительствовал Московскому великому князю и поддерживал его в отношениях к Новгороду. На этой почве у нового хана возникли конфликты с Витовтом, как об этом свидетельствует Длугош. «Витовт решил его сбросить с престола... (и) поддержал другого татарского принца — Бетсабула, по обычаям татар (он) возложил на него знаки ханского достоинства: дал шапку, шубу, вышитую золотом, и возвел его на трон в городе Вильно, дал ему свое войско и послал в Орду против своего врага Керим-Бердия. Часть татар перешла на сторону Бетсабула, часть же осталась верной Керим-Бердию. Между обоими ханами произошло несколько стычек, пока Керим-Бердия (не) одержал победу. Бетсабула был убит, а его брат Ерим-Берди со своими мурзами ушел в Литву к Витовту»[4]. Длугош и Стрыйковский, приводя эти данные, называют Бетсабулу сыном Тохтамыша. Насколько эти данные точны, судить трудно, во всяком случае среди сыновей Тохтамыша, перечисленных в «Муиззи» и в татарской редакции «Сборник летописи», сына Тохтамыша с таким именем не значится. Правда, у него был сын носивший имя Бахтибек, быть может, его польские авторы называют Бетсабулой[5].

Керим-Берди, захватив престол, убил своего брата Джалал-

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 139.
[2] Шильтбергер, Путешествия... стр. 37.
[3] ПСРЛ, том XI, стр. 221.
[4] Dlugosza Dzieje, т. IV, p. 203. Карамзин, История Государства Российского, т. V, 1892, стр. 127.
[5] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 62.

ад-дина осенью 1412 г. Согласно известиям Шильтбергера, Керим-Берди царствовал недолго, спустя 5 месяцев он был вынужден уступить место своему брату Кепеку. Русские князья, ездившие к Керим-Берди осенью 1412 года, вернулись от него в апреле 1413 г., но долго ли он удержался у власти после отъезда из Орды русских князей, мы не знаем. На монетах Керим-Берди, выбитых в Крыму, Сарае и Астрахани, отсутствует год чеканки, что затрудняет определение хронологических дат его царствования[1].

В истории Золотой Орды второе десятилетие XV в. имеет много пробелов. В русских летописях отсутствуют какие-либо данные, относящиеся к этим годам; нет их и в сочинениях восточных историков. Исследователю приходится ориентироваться только на сочинения польских авторов и на известия Шильтбергера, часто противоречащих друг другу. Так, например, согласно Длугошу и Стрыйковскому, Керим-Берди был убит своим братом Ерим-Бердеем (Джаббар-Берди), которому оказывал помощь Витовт[2]. По Шильтбергеру, «Керим-Берди после пятимесячного царствования уступил место своему брату Кепеку»[3]. Н. М. Карамзин, а за ним В. В. Бартольд вообще скептически относились к сообщениям Шильтбергера, называли его известия «неясными, бестолковыми», и все же в данном случае Шильтбергер заслуживает доверия. У «Муиззи», без указания даты, говорится: «Он (Кепек-хан) воцарился после Керим-Берди; он также не дошел до одного года (царствования)»[4]. Монеты Кепек-хана, выбитые в Булгаре, Астрахани относятся к 817 (22. III—1414—8. II—1418) году[5]. В те же годы (1414—1415) в Орде начал чеканку своих монет новый хан Чекри (Чингис-оглан), конкурент хана Кепека. О дальнейшей судьбе Кепека источники умалчивают. В одном письме, датированном 15 июля 1416 г., сообщалось магистру Ливонского ордена: «Вы также знайте, что царь татарский, который убил своего брата, бежал от татар в Литву и должен прибыть через 5—6 дней к Витовту»[6]. В письме этом речь идет, несомненно, об одном из сыновей Тохтамыша, убившим своего брата Кепека.

О хане Чекри (Чингис-оглане), о происхождении которого не сохранилось никаких данных[7], имеется указание у Шильтбергера: «При Абубакире (внуке Тимурленка) находился коро-

---

[1] П. С. Савельев, Монеты Джучидския.., стр. 320—321.

[2] А. И. Барбашев, Витовт, Последние двадцать лет княжения—1410—1430 гг., 1891, стр. 188.

[3] Шильтбергер, Путешествия.., стр. 37.

[4] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 62.

[5] А. К. Марков, Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа, стр. 501.

[6] Codex Epistolzis Vitoldi, p. 252.

[7] По Гаффари Чаку (Чекри), сын Дервиша, сына Гиас-ад-дина, происходил из потомков Тукай-Тимура, сына Джучи (В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 60, 212).

левский сын из великой Татарии. Этому принцу было предложено возвратиться на родину для занятия там престола. Он отправился с 600-ми всадниками, в коих числе был и я». Из дальнейшего рассказа Шильтбергера мы узнаем, что Чекри с 6-ю стами всадников, в числе которых был и сам автор повествования, еще при жизни хана Шадибека перешел из Ирана через Темиркапе, т. е. Дербент «в великую Татарию, к вельможе, именем Едигей, который послал ему предложение возвратиться для занятия там престола»[1]. Шильтбергер не приводит даты его приезда в Орду, но из его сообщения видно, что это произошло в 1405 году, перед походом Едигея в «страну Сибирь». Чекри, сопровождавший Едигея в Сибирь, занял престол только в 1414 году. В этом году «Кепек,— как пишет Шильтбергер,— был изгнан Едигеем и моим господином», а господин Шильтбергера Чекри был возведен на престол согласно обещанию Едигея. Через некоторое время им пришлось бороться с новым претендентом на престол Магомедом. Чекри принужден был бежать в степь, «Магомед сел на престол»[2]. Мы привели все данные о Чингис-оглане (Чекри), имеющиеся у Шильтбергера и отсутствующие у других авторов. В свое время Хаммер принял на веру слова Шильтбергера о девятимесячном правлении хана Чекри. Монеты этого хана, выбитые в Сарае, Булгаре, Астрахани и Бек-Базаре, относятся к 817(22.III—1414—8.II—1415) и 818(9.II—1415—30.II—1416) годам[3]. Следовательно, время его царствования не ограничивается девятью месяцами, оно продолжалось около двух лет. Вызывают сомнения сведения баварца о конкуренте Чекри.

По Шильтбергеру, трон был отнят у Чекри новым претендентом Магометом. Но он, по-видимому, ошибается: т. к. царевич Магомет хотя и значится в числе царевичей Джучиева дома, претендовавших на трон ханов Золотой Орды, действовал несколько позже. Конкурентом Чекри мог быть только другой сын Тохтамыша—Ерим-Берди (Джаббар-Берди), отнявший улуса у хана Чекри с помощью Витовта. Из рассказа Шильтбергера видно, что хан Чекри был посажен на трон Едигеем, личным врагом Витовта, и это привело к ослаблению литовского влияния среди татарской знати Дешт-и-Кипчака. Витовт, заинтересованный в поддержании и сохранении своего престижа в Орде, не мог примириться с этим. Провозгласив хана сына Тохтамыша царевичем Ерим-Берди, Витовт» дал ему саблю, одел ханскую ризу и направил его вместе с Радзивиллом в орду «со своим войском». Войско, посланное с Керим-Берди, «добравшись до Волги, врасплох напало на орду Керим-Берди(?); после ожесточенного боя убило самого Керим-Берди(?) и много его

---

[1] Шильтбергер, Путешествия.., стр. 30.

[2] Там же, стр. 37.

[3] А. К. Марков, Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа, стр. 501. П. С. Савельев, Монеты Джучидския.., стр. 324—325.

людей. Царство досталось Ерим-Берди. Новый хан отправил в Литву с Радзивиллом большие подарки Витовту, выразив свою преданность: (он) остался верным своему слову, (и) в течение своего кратковременного царствования сохранял дружбу с Витовтом»[1].

Длугош, из хроники которого мы привели этот отрывок, в основном верно передает обстоятельства провозглашения ханом Ерим-Берди. Но он вместо хана Чекри, против которого Витовт направил свое войско, ошибочно называет соперника Ерим-Берди — Керим-Бердием. Керим-Берди, убитого еще своим братом Копеком, давно уже не было в живых. Ерим-Берди (Джаббар-Берди) разбил и убил хана Чекри (Чингис-оглана) в 1416 г. Победа Ерим-Берди (Джаббар-Берди) над Чекри (Чингис-огланом) подтверждается указанием Абдуразака Самарканди. По словам Абдуразака Самарканди, 17 марта 1416 г. «из Хорезма пришло известие, что Джаббар-Берди, обратив в бегство Чингис-оглана, овладел улусом Узбекским»[2].

Длугош отмечает кратковременность царствования Ерим-Берди, подтверждением чему служит отсутствие монет, выбитых с именем Ерим-Бердия. Наоборот, сохранились монеты сменившего его хана Дервиша чеканки 820—821 (1417—1418) годов. Дервишхан, возведенный на трон Едигеем в 1418 г., был лишь игрушкой в руках Едигея, который правил самолично делами государства. Характеризуя положение дел в Дешт-и-Кипчаке в эти годы, Эль-Айни писал: «При нем (т. е. Едигее) находился человек из рода Чингис-хана, по имени Дервишхан, которого Идики поставил (над ними) в виде хана, но (на самом деле) власть да право приказывать и запрещать принадлежали ему (Идики), за Дервишханом же было только имя»[3]. Не случайно на монетах Дервиш-хана, наряду с именем хана, стоит имя «эмира Идеку бека»[4]. Наиболее ранняя монета Дервиш-хана в 820(18.II—1417—19.I—1418) г. была выбита в Сарайчуке, в городе, принадлежавшем самому Едигею, где Дервиш-хан, по-видимому, и был провозглашен ханом, остальные же монеты с именем Дервиша и Едигея чеканились в Сарае, Астрахани и Дербенте с 821 (201—911—1419) гг.[5]

Ерим-Берди, изгнанный из районов Поволжья, в 1417 г. бежал в Крым, у венецианцев и генуэзцев, искал себе защиты от преследований Едигея. Войска Едигея напали на Тану и разграбили город дотла. В городе было убито 640 венецианцев,

---

[1] Codex Epistolazis Vitoldi, p. 352, Dlugosza Dzieje, т. IV, p. 204.

[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 195.

[3] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 532. Этот Дервиш был сыном хана Золотой Орды Куюрчака. (Березин, Библиотека восточных историков, т. II, ч. I, стр. 169).

[4] Н. И. Веселовский, Хан из темников Золотой Орды. Ногай и его время, стр. 67.

[5] А. К. Марков, Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа, стр. 503.

материальный ущерб составлял до 200 000 дукатов. После разорения Тану войско Едигея за отказ выдать хана осадило Каффу. В итоге длительной осады города Едигей заключил мир с генуэзцами на условии удаления сына Тохтамыша из Каффы[1]. Сохранившиеся (с теми или иными дефектами) монеты Дервиша-хана, выбитые в Каффе, в которых параллельно с именем хана стоит имя эмира Едигея, очевидно, чеканились после изгнания Ерим-Бердия из Каффы. Сын Тохтамыша ушел в Литву, где он пал от рук своих спутников. «Знайте, что татарский царь, который убил в этом году своего брата (?), он был у Витовта, был убит своими спутниками»,— говорится в одном официальном письме, датированном 26 декабря 1417 г.[2]. Этим «татарским царем», убившем своего родственника Чекри, мог быть только Ерим-Берди, бежавший в Литву в самом конце 1417 года.

Едигею удалось изгнать из Дешт-и-Кипчака сыновей Тохтамыша, но они, находясь при дворе Витовта, при каждом удобном случае могли вредить Едигею. Не имея возможности открыто выступить против Литвы, Едигей в 1419 г. направил ко двору Витовта посольство с большими подарками, «как сын к отцу», и предложил заключить вечный мир между обоими государствами. «Не могу утаить от внимания пресветлейшего князя,—писал Едигей,— что мы оба с тобой идем к закату жизни нашей, поэтому следовало бы остаток жизни нашей провести в мире, а та кровь, которая между нами была пролита, всасывалась в землю, ветер развеял слова укора и гнева, пламя войны очистило сердца от зла, а вода угасила пламя»[3].

Длугош сообщает о заключении мира между Едигеем и Витовтом, но это весьма сомнительно. Спустя год после отправления посольства Едигея к Витовту в Крыму появляется сын Тохтамыша Кадыр-Берди, провозглашенный ханом не без участия Витовта и при поддержке князей Ширинских. «У Тохтамыш хана был сын по имени Кадыр-Берди,— пишет арабский хроникер Эль-Айни,—который постоянно воевал с Идекой из-за царства. В этом, т. е. 822 (28 I—1419—16. I—1420) г., Кадыр-Берди (снова) пошел на Идекей, а Идекей со своей стороны выступил против его»[4].

В «Сборнике летописи» Кадыр Али бея имеется ряд деталей, отсутствующих у других авторов. «У Тохтамыша была дочь по имени Джанака,—читаем в «Сборнике летописи»,— ее взял Едигей, в то время Кадыр-Берди было три только года; Джанака выпросила у Едигея пощадить ее брата, спрятала его в царства. В этом, т. е. 822 (28 I—1419—16. I—1420) г., Кадыр-Берди-хан с Крымским войском перешел через Волгу и вступил

---

[1] Heyd, указ соч., стр. 378.
[2] Codex Epistolazis Vitoldi, p. 398.
[3] Dlugosza Dzieje, т. IV, p. 320, Codex Epistolazis Vitoldi, p. 493.
[4] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 532.

в сражение с Едигеем» у реки Яик[1]. Данные «Сборника летописи» совпадают с известием Ибн-Арапшаха, сообщавшего о сражении, имевшем место на реке у Сарайчука, между Едигеем и Кадыр-Берди[2]. Описание этого сражения имеется также у Эль-Айни без указания места боя: «Встретились они и произошли между ними бой великий и сражение ожесточенные,— пишет Эль-Айни,— С обеих сторон было убито много народу; Кадыр-Берди (сам) был убит во время схватки, и соратники его бежали. Идикей также был поражен множеством ран, и войско его также обратилось в бегство. Идикей бежал, предполагая, что Кадыр-Берди победил. Покрытый ранами, он прибыл в одно (отдаленное) место, спешился там и сказал одному из бывших с ним лиц: «Ступай и разведай, в чем дело; если найдешь кого-либо из нашего войска, укажи ему (путь) сюда». Тот отправился и, произведя разведку, встретился с одним из эмиров татарских. Это был один из сторонников Тохтамыша хана, у которого он был старшим (эмиром). Поведал ему тот человек про дела Идеки, тогда он (эмир Тохтамыша) спросил: «Где он?» Тот указал ему (путь) и он пришел к нему (Идеки). Увидев его, Идека стал поносить и стращать его. Тогда тот сказал ему: «День был в нашу пользу и мы сделали свое дело, (теперь) ты все, что можешь (буквально,— что бы ни исходило из рук твоих)». Затем он приказал бывшим при нем людям своим напасть на него (Идека) с мечами, и они разрубили его на куски»[3].

Как видно из «Сборника летописи», Кадыр-Берди, убивший Едигея, вскоре скончался от ран, полученных во время сражения[4]. Составитель «Сборника летописи» не сообщает год смерти Едигея и Кадыр-Берди, ограничился лишь замечанием, что Едигей был убит на 63 году жизни. Эль-Айни относит убийство Едигея к 822 году. Это же подтверждает и Эссахави: «Едики или Идеки, государь царства Дештского (?) умер насильственною смертью в (8)22 (18. II—1419—16. I—1420) г. После него утвердился Мухаммед-хан из рода Чингис-ханов»[5].

Со смертью Едигея, с именем которого была связана более чем двадцатилетняя междоусобица в Орде, смута не прекратилась. Наоборот, с устранением этого сильного временщика, открылась широкая дорога другим авантюристам.

При жизни Едигея царевичи Джучиева дома так или иначе должны были считаться с могущественным временщиком, те-

---

[1] Н. И. Березин, Библиотека восточных историков, т. II, ч. I.

[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 473. Ибн-Арапшах почему-то реку Яик назвал Сейпухом, т. е. Сыр-Дарья. Быть может, это ошибка позднейших переписчиков. Арапшах, хорошо изучивший Среднюю Азию, не мог не знать, что Сарайчук расположен на Яике.

[3] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 532—533.

[4] Н. И. Березин. Библиотека восточных историков, т. II, ч. I, стр. 108.

[5] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 474.

перь, после его смерти, их уже никто не мог удерживать или стеснять. О положении в Орде в 1421 г. сообщает Гильбер-де-Ланноа, ездивший по поручению Витовта «к одному императору Татарии, живущему на расстоянии однодневного пути из Монкистра (Аккермана) «в Кафскую пустыню» и называвшемся императором «Солхатским». Гильбер-де-Ланноа не называет имени хана, к кому он ездил, но, несомненно, это был хан Кадыр-Берди, друг Витовта, «незадолго до того скончавшийся». «После смерти хана,— пишет Ланноа,— между татарами этой Татарии и татарами великого хана, императора Орды, возник вопрос важнейший в мире для татар, касательно того, кого сделать императором, потому что каждый хотел своего и вследствие этого все находились в волнении (an menterie) и были вооружены»[1].

Со смертью Кадыр-Берди, последнего из сыновей Тохтамыша, и после гибели временщика Едигея, бесконтрольно управлявшего в течение 20-ти лет делами Джучиева улуса, естественно, должна была возгореться с особенной силой борьба за власть между отдельными группами феодалов: каждая группа хотела своего хана и поддерживала того или иного представителя династии. В итоге династической борьбы в разных частях Дешт-и-Кипчака в 1421 г. одновременно появилось несколько ханов. В одном из своих писем к магистру Ливонского ордена Витовт насчитал шесть татарских ханов, оспаривавших власть друг у друга.

Одним из первых ханов, имя которого чаще встречается в документах того времени, был Улук-Мухаммед, провозглашенный ханом в 1421 г. в Крыму с согласия знатных крымских родов ширинов, барынов и других, с одобрения Витовта. Западно-русские летописи отмечают приход ко двору Витовта крымских феодалов «с великими дарами... и просиша (они) у него (Витовта) иного царя. Он же дал им иного царя именем «малого Салтана»[2]. Под «малым Салтаном» западно-русские летописи подразумевали хана Мухаммеда, провозглашенного ханом после смерти Кадыр-Берди в 1421 г. Польский хроникер Стрыйковский, буквально повторяя западно-русские летописи, писал: «Перекопским татарам Витовт дал двух султанов, он послал на царство Керкилски (читай — Кырек-ерский — М. С.) Магомета, а затем — Давлет-Бердия»[3]. Следовательно, по приглашению татарских князей в Крым был послан Витовтом один из двух Мухаммедов, последовательно царствовавших в Дешт-и-Кипчаке в 20—30 гг. XV в.

О каком из двух Мухаммедов идет речь: об Улук-Мухам-

---

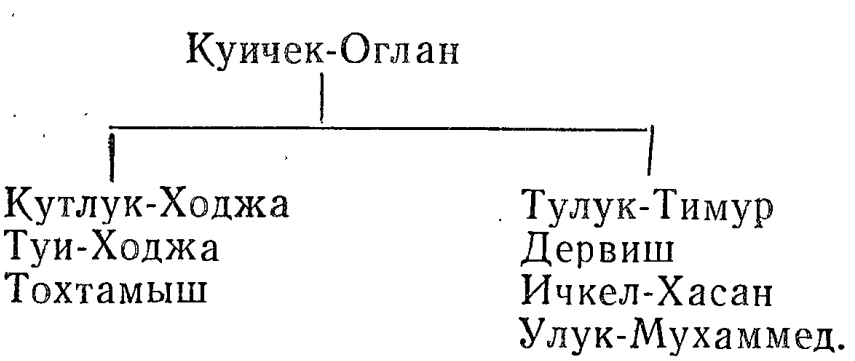
[1] Путешествие Гильбера-де-Ланноа в восточные земли Европы в 1413—1414 и 2421 гг., Университетские известия, Киев, № 10, 1873 г., стр. 42—43.

[2] ПСРЛ, т. XVII, стр. 66, 284.

[3] Stryikowski, Kronika Polska, Litowska, Zmodska i Wszystki Rus, t. II, Warszava, 1846, t. II, p. 173.

меде или Кичи-Мухаммеде, Стрыйковский не указывает. Согласно Хафизи Мухаммеда Эль-Ташкенди, приведенных у турецкого историка XVI в. Джаннаби, после смерти хана Кадыр-Берди «сановники государство поставили (т. е. возвели на престол) одного из сыновей Тохтамыш-хана, по имени Кучук-Мухаммеда, бывшего (тогда) еще отроком, чтобы не прервать связи порядка (престолонаследия)»[1] Эль-Ташкенди, однако, ошибочно называет преемника Кадыр-Бердия Кичи-Мухаммедом вместо Улук-Мухаммеда. Турецкий историк Джаннаби, приведя вышеуказанный отрывок, писал: «Но жители Дешта несогласны с этим и говорят, что после Тохтамыша великого царствовал Тохтамыш-малый (?), что потом правил Улук-Мухаммед, а за ним Кучук-Мухаммед»[2]. Так и было в действительности: Кичи-Мухаммед начал царствовать только в 30-х гг. XV в., тогда как Улук-Мухаммед был провозглашен ханом вскоре после смерти Кадыр-Берди. Хафиз Мухаммед Эль-Ташкенди ошибочно называл Улук-Мухаммеда Кичи-Мухаммедом, поскольку он ошибочно называет Кичи-Мухаммеда сыном Тохтамыша. Кичи-Мухаммед, сын золотоордынского царя Тимура (сына Куюрчака), вышел из среды противников Тохтамыша, Улук-Мухаммед же, не будучи сыном Тохтамыша, все же был родственником последнего.

Согласно генеалогической таблице и русской редакции родословной ханов, Тохтамыш и Улук-Мухаммед происходили из потомков Тукай-Тимура, сына Джучи. Дед Тохтамыша Кутлук-Ходжа и прадед Улук-Мухаммеда Тулук-Тимур были родными братьями от Куичек-оглана, сына Сарыча[3].



Установив происхождение преемника Кадыр-Берди и условия воцарения Улук-Мухаммеда, нам остается определить время его воцарения. А. К. Марков, изучавший монеты Улук-Мухаммеда, относит самые ранние монеты Улук-Мухаммеда к 821 (1418—1419) году[4]. Но они никак не могли появиться в 821 г., когда в западных районах Золотой Орды правил Кадыр-Берди,

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 538.
[2] Там же.
[3] В. В. Вельяминов-Зернов, Исследования о Касимовских царях и царевичах, ч. I, стр. 234—235.
[4] А. К. Марков, Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа, стр. 503.

а в восточных — Дервиш. При посещении Гильбером-де-Данноа Дешт-и-Кипчака в начале 1421 г. в орде еще не было хана; Улук-Мухаммед мог стать ханом только на исходе 1421 г. В 824 (6. I—1421—25. XII—1421) году при дворе египетских султанов и при дворе Шахруха в Герате были получены известия о воцарении Улук-Мухаммеда в Дешт-и-Кипчаке. «В 824 (1421) году государем земель Дештских был Мухаммед-хан, но между ним и Баракханом и Беркеханом (?) происходили смуты и войны, и дела не улаживались»,— писал Эль-Айни в своей хронике[1]. То, что Улук-Мухаммед сделался «государем земель Дештских» в 1421 году, вернее в конце этого года, это — бесспорно. Посол Шахруха Султан-Кушчи, отправленный ко двору Улук-Мухаммеда в Дешт-и-Кипчак, «которому Мухаммед-хан выказывал внимание и изъявил свое доброжелательство», вернулся обратно «в месяце зул-кигда» (28. X—26. XI) 1421 г.[2].

Из летописи Эль-Айни явствует, что с воцарением Улук-Мухаммеда феодальная междоусобная борьба не была изжита. Согласно Эль-Айни, уже в 1421 г., видимо, через год, в Золотой Орде началась война между сторонниками Улук-Мухаммеда и сторонниками двух других ханов — Барака и Берке, «и дела не улаживались». Об этих двух конкурентах Улук-Мухаммеда в источниках имеются данные, главным образом о хане Бараке, о Берке же сообщает Эль-Айни единственный раз в вышеприведенном отрывке.

Барак, сын бывшего хана Золотой Орды Куюрчака, как сообщает о нем Абдуразак Самарканди, в 1419 г. «бежал из улуса Узбекского, пришел искать убежища при дворе» Улукбека в Самарканд, где он был принят «по-царски». Спустя некоторое время «он получил позволение уйти обратно в Дешт-и-Кипчак и «захватил орду Мухаммед-хана»[3]. Абдуразак Самарканди не указывает времени ухода Барака в Дешт-и-Кипчак, что могло случиться летом 1422 г. В русских летописях имя Барака впервые появляется 21 августа 1422 года, к этому времени надо отнести захвата Дешт-и-Кипчака Бараком.

О борьбе Барака с Улук-Мухаммедом мы будем говорить дальше. Попытаемся сначала установить, кто такой был Берке, одновременно с Бараком восставший против Улук-Мухаммеда. Как уже было отмечено, имя Берке единственный раз упоминается у Эль-Айни, в других источниках о нем не говорится ни слова; в то же время указывается на двух других ханов, не отмеченных у Эль-Айни, что наводит нас на мысль, что Эль-Айни ошибочно назвал одного из этих ханов Берке-ханом. Другие источники, совершенно не упоминая имя Берке, называют

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 533.
[2] Там же, том II, стр. 196.
[3] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 196.
[4] ПСРЛ, том XI, стр. 238.

двух других ханов: Худайдата и Хаджи-Мухаммеда, действовавших в качестве ханов Золотой Орды.

Эль-Айни мог назвать именем Берке-хана — или Хаджи-Мухаммеда или Худайдата. Из них первый, т. е. Хаджи-Мухаммед, провозглашенный ханом в Сибири в 1421 г., остался там, в западных улусах Золотой Орды он никогда не был. Следовательно, Эль-Айни не мог назвать его Берке-ханом. Что же касается Худайдата, то он именно действовал в западном улусе государства, в тех же местах, где был ханом и Барак. В Никоновской летописи от 31 августа 1422 г. говорится, что «царь Барак побил Кудойдата царя»[1]. Египетские послы, из сообщения которых черпал свои сведения Эль-Айни, главным образом интересовались событиями, происходившими в западных улусах Орды; то, что происходило на востоке, им было неизвестно. Поэтому Эль-Айни мог называть ошибочно Берке-ханом только Худайдата, спутав имена ханов и назвав Худайдата Берке-ханом. Одновременно Эль-Айни ошибся и в датах, отнеся события 1422 г. к 1421 году.

Из трех этих ханов наиболее энергичным оказался сын бывшего золотоордынского хана Куюрчака царевич Барак, который первоначально захватил юго-восточные улусы Золотой Орды. Закрепив эти улусы за собой, на исходе лета 1422 г. он появился на западных окраинах государства Джучидов и 31 августа «побил Куйдодата царя».

Разгромив Худайдата, Барак обрушился на Улук-Мухаммеда. В 826 году (15.XII—1422—4.XII—1425) Улук-Мухаммед все еще считался «государем земель Дештских»[2], но большинство улусов на западе были подвластны Бараку. Летом 1423 г. Шахрух получил известие, в котором говорилось, что «Барак-оглан захватил орду Мухаммед-хана, и большая часть улуса Узбекского подчинилась и покорилась ему»[3]. Однако, несмотря на достигнутые Бараком успехи, ему не удалось закрепить за собой захваченные на западе земли, и спустя год он был вынужден бежать снова на Восток. Последнее упоминание о Бараке в русских летописях относится к 1423 г., когда он подходил с войском к городу Одоеву (на реке Упе) «и много зла учинил, а града не взял и со многим полоном пойде в поле. Князь же Юрий Романович Одоевский да Григорий Протасьев, воевода Мценский, постигоша его в поле и много полона отняша»[4].

После ухода Барака обратно на восток значительная часть западных земель вновь оказалась в руках Улук-Мухаммеда, которому оказал военную помощь литовский князь Витовт. 22 июня 1424 г. Витовт писал магистру Ливонского ордена: «Мы пишем вам, как татарский царь по имени Махмет, наш

---

[1] ПСРЛ, том XI, стр. 238.
[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 533.
[3] Там же, Сборник, т. II, стр. 196.
[4] ПСРЛ, т. XI, стр. 238.

друг, (в) своей искренности сообщает нам, что со всем своим царством хотел вступить в союз с нашей страной и хотел прислать нам своего почтенного посла, а также некоторых своих родственников и именитых князей, с выражением благодарности за оказанную ему нами помощь»[1]. Улук-Мухаммеду не пришлось отправить Витовту обещанных послов, так как вскоре после этого он сам был изгнан из Орды и нашел убежище при дворе литовского князя. В своем письме магистру ордена от 1 января 1425 г. Витовт сообщил: «что татарское государство раздвоено и разделено, так что теперь там шесть государей (das itezunat secks der haben kezer it sin t), которые борются за власть. Один из них Махмет (Улук-Мухаммед) находился при нас, а другие живут в разных местностях, так как их земли велики и обширны»[2].

В письме не объяснены причины бегства Улук-Мухаммеда ко двору Витовта. Несомненно, он был прогнан из Орды другим ханом — претендентом Худайдатом. «Один хан, по имени Кудайдах, вторгнулся в землю Одоевского князя,— писал в том же письме Витовт,— а этот князь подчинен Московскому великому князю, и хан три недели пробыл в Одоевской земле, оттуда двинулся к нашим границам, где пробыл 8 дней; увидев, что ничего не может сделать, отправился в землю рязанских князей, которые в настоящее время послушны нам. И тогда наши князья и бояре, люди, которые живут на границе, собрались и пошли за ханом и, нагнавши его, сразились в рязанской земле и сыграли битву без больших потерь. А язычников было много побито и взято в плен, знатных людей улан, которые княжеского роду, князей, вельмож и добрых людей, так что сам (т. е. Улук-Мухаммед) едва ушел с немногими слугами, но его жены и сестры, жены других князей были убиты, или взяты в плен»[3]. Под 1424 г. эти же события изложены и в русских летописях. Судя по русским источникам, Витовт приписывал себе заслугу разгрома Худайдата, в действительности он был разбит войсками великого князя Василия Васильевича[4].

Худайдат после поражения в 1424 г. исчез с политического горизонта. В 1425 г. хан Улук-Мухаммед снова вернулся в Орду и стал царем в западных районах Золотой Орды. Под 828 (23.XI—1424—12.XI—1425) годом Эль-Айни записал в своей летописи: «В землях же Дештских, столица которых Сарай, была великая неурядица вследствие отсутствия старшего, который взялся бы за дела; одержало там верх несколько лиц из рода ханского и др. Каждый из них правил своим краем и ни у

---

[1] Codex Epistolaris Vitoldi, p. 660.

[2] Codex Epistolaris Vitoldi, p—6 88, А. И. Барабашев, Витовт, Последние двадцать лет княжения, 1891, стр. 190.

[3] Codex Epistolaris Vitoldi, p—6 88, А. И. Барабашев, Витовт. Последние двадцать лет княжения, 1891, стр. 190.

[4] ПСРЛ, том XI, стр. 239.

одного дело не шло на лад, как бы следовало, но перевес между ними одержал Мухаммед-хан»[1]. В другом месте Эль-Айни, говоря об Улук-Мухаммеде, называет его «государем Крыма». Из этого сообщения видно, что Улук-Мухаммед первоначально владел лишь Крымом и лишь в 1426—1427 гг. он подчинил себе Астрахань и Булгары: в 830 (2.XI—1426—21.X—1427) году в этих городах первый и последний раз чеканились монеты с его именем[2].

Чеканка монет Улук-Мухаммеда в городах Булгаре и в Астрахани в 1426—1427 гг. свидетельствует о некоторых успехах сторонников хана Улук-Мухаммеда в борьбе со сторонниками Худайдата и Барака. Наличие монет Улук-Мухаммеда, чеканившихся в Крыму, в Астрахани и в Булгаре, позволяет сделать вывод, что эти земли и улусы были завоеваны ханом после изгнания Худайдата и Барака. Правда, успехами в борьбе со своими противниками Улук-Мухаммед был обязан не столько окружавшим его татарским князьям, сколько благоприятно сложившимся обстоятельствам. Войска Худайдата и Барака были разгромлены военными силами русских и литовских князей; перед Улук-Мухаммедом стоял уже разбитый, ослабленный противник, с которым легче было бороться; главный его противник Барак, правивший до этого в восточных окраинах государства, на западе имел мало сторонников; после гибели своего войска при нападении на Одоев, он поспешно удалился обратно на Восток.

Военные успехи Улук-Мухаммеда ограничились захватом камских булгар и Астраханского улуса, принадлежащих потомкам Тимур-Кутлука; подчинить же земли, лежавшие к востоку от Волги, он так и не смог. Даже Сарай, столица государства, остался в руках противников Улук-Мухаммеда, что подтверждается отсутствием монет, выбитых в Сарае с его именем. Река Волга стала как бы границей, отделявшей западные улусы государства от его восточных улусов, образовавшихся еще во времена возвышения Едигея. Связь западных улусов с восточными, ослабленная в период нашествия Тимура, в годы правления сыновей Тохтамыша окончательно нарушилась, западными улусами правили главным образом его сыновья, в то время как восточными улусами управляли ставленники Едигея. С воцарением Улук-Мухаммеда фактически завершилось разделение Джучиева улуса на две самостоятельные части, совершенно не связанные между собою не только экономически, но и политически. На западе от Волги укрепился на время Улук-Мухаммед, на востоке — потомки Шайбана и Орда-Ичена.

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 533.

[2] А. К. Марков, Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа, стр. 503.

Глава VII

ОБРАЗОВАНИЕ НОВЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ВОСТОЧНЫХ РАЙОНАХ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Единство Джучиева улуса, державшееся не столько на экономических связях, сколько на деспотической власти ханов Золотой Орды, было нарушено во время двадцатилетней феодальной междоусобицы, начавшейся во второй половине XIV в. Восстановление единства государства в правление хана Тохтамыша было временным явлением, связанным с осуществлением политических замыслов Тимура, оно было нарушено им же самим. Те слабые экономические связи, которые покоились на караванной торговле, до поры до времени могли служить связующим звеном между отдельными улусами. Как только изменились пути караванной торговли, слабые экономические связи оказались недостаточными для сохранения единства улусов. Государство начало распадаться на отдельные части, со своими отдельными, местными центрами.

Западные улусы стали тяготеть к России, Литве, сохраняя в то же время связи, хотя слабые, со средиземноморской торговлей через Крым, другие, как Астрахань,— тяготели к Кавказскому миру и к Востоку. На Средней Волге шел процесс обособления бывших камских булгар; Сибирский же юрт ханов Золотой Орды, как и другие районы золотоордынского востока, все больше укреплял экономические связи со среднеазиатским миром. Между отдельными районами, тяготевшими к отдельным местным центрам, с ослаблением и прекращением караванной торговли, утратились общеэкономические связи, это в свою очередь привело к росту сепаратистских движений среди местных феодалов. Местная феодальная аристократия, более не надеясь на ханов, власть которых на местах потеряла всякий авторитет, начинает искать себе опоры на местах, поддерживая того или иного представителя рода Джучидов.

Татарская феодальная аристократия западных улусов, как мы уже видели в предыдущей главе, объединилась вокруг Улук-Мухаммеда, провозгласив его своим ханом.

Ту же картину мы видим в восточных улусах, еще со времен

возвышения Едигея, порвавших связи с западными улусами. Большинство ханов, выдвинутых Едигеем, которых он противопоставлял сыновьям Тохтамыша, фактически являлись ханами восточных улусов, а не всей Золотой Орды. Правда, власть этих ханов была номинальна. Вершил делами сам временщик, бесконтрольно управляя всеми делами восточных улусов и сохраняя единство этих улусов. После смерти Едигея в восточных улусах начинаются те же явления, какие переживали и западные улусы. Здесь, как и на западе, одновременно появляется несколько ханов, претендовавших на восточные улусы Золотой Орды.

Дервиш, выдвинутый ханом восточных улусов в последний год жизни Едигея, по-видимому, погиб вместе с самим временщиком в 1420 г. Его имя больше не упоминается в источниках. Вместо него в качестве хана фигурировал Хаджи-Мухаммед, принадлежащий к потомкам Шайбана. О нем говорится в летописи Хафиза Мухаммеда Эль-Ташкенди и в татарской версии «Сборник летописи», составленный Кадыр Али-беем в 1601 г. Кадыр Али-бей, сам выходец из Сибири, пользовавшийся при составлении летописи не дошедшим до нас источником «Чингис-намэ», рассказывает, что Хаджи-Мухаммед-оглан накануне сражения Едигея с войсками хана Кадыр-Берди вошел в сношения с Едигеем и заключил с ним союз. «Ты оставайся с нами,— сказал ему Едигей,— если бог поможет осуществить дело мое, я тебя сделаю ханом». Во время борьбы на Яике в 1420 г. Хаджи-Мухаммед со своим войском принял участие в сражениях на стороне Едигея, при которых, как мы уже видели, Едигей и его противник Кадыр-Берди оба были убиты. Сын Едигея, Мансур помог Хаджи-Мухаммед-оглану стать ханом. «Князь Едигея умер,— пишет автор «Сборника летописи»,— после него его сын Мансур стал князем; Хаджи-Мухаммед-оглана князь Мансур провозгласил ханом. Один — ханом, другой — князем сделались»[1].

Хафиз Мухаммед аль-Ташкенди именует его не Хаджи-Мухаммедом, а Махмуд-Хаджи-ханом и относит его к потомкам Шайбана. Рассказывая об истреблении большей части потомков Шайбана Тимуром, Хафиз Мухаммед-эль-Ташкенди пишет: «Затем утвердилось ханство за одним из потомков Чингис-хана, по имени Махмуд-Хаджа-хан»[2]. Прав ли был автор «Сборника летописи», называя того хана Хаджи-Мухаммедом, или он в действительности назывался Махмуд-Хаджи, как его называет

---

[1] Н. И. Березин, Библиотека восточных историков, т. II, ч. I, стр. 105—106.

[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 538. Автор «Шайбани намэ» называет его как и автор «Сборника летописи» Хаджи-Мухаммедом (Н. И. Березин, Сборник летописи, т. I, стр. 61—62), то же самое пишет Абулгази, называя его Хаджи-Мухаммедом (Histoire des Mongols et des tatarres, t. I, p. 99), кажется, им можно верить.

и Хафиз Мухаммед-аль-Ташкенди, в обоих случаях, несомненно, имеется в виду одно и то же лицо из потомков Шайбана, провозглашенное ханом в 1421 г. в восточных улусах Золотой Орды. У нового хана Хаджи-Мухаммеда вскоре, однако, появились противники в лице потомков Орда-Ичена, претендовавших на восточные улусы Золотой Орды.

Нами уже было отмечено появление царевича Барака в 1422 году в западных улусах Золотой Орды. Уход его на запад, где уже без него оспаривали власть несколько ханов, быть может, и был вызван борьбой Барака с Хаджи-Мухаммедом-ханом за земли, расположенные на востоке, закончившейся удалением Барака из восточных улусов. Через год, изгнанный из западных улусов Улук-Мухаммедом, Барак снова вернулся на восток и занял земли, «граничащие с землями Тимурленка»[1].

Когда Абдуразак Самарканди рассказывает о событиях, происходивших в восточных улусах Золотой Орды в 1424—1426 гг., он о Хаджи-Мухаммеде-хане почти не говорит, в то же время о Бараке сообщает неоднократно, рассматривая его как единственного хана, действовавшего на востоке. «В 828 г. (23. XI—1424—12. XI—1425) Барак оглан захватил орду Мухаммед-хана, царя Узбекского,— пишет Абдуразак Самарканди,— и, овладев улусом, в 829 (13. XI—1425—1. XI—1426) году пришел в область Сыгнакскую и к пределам владений мирзы Улугбека»[2]. Из этих слов Абдуразака Самарканди можно сделать заключение, что Барак «овладел улусом», ранее принадлежавшим Хаджи-Мухаммед-хану, заставил его уйти в Сибирь.

Закрепив за собой остальные земли на востоке, Барак вступил в войну с Улугбеком, потребовав от последнего вернуть ему владения бывшей Синей Орды, захваченные Тимуром. Получив неудовлетворительный ответ от Улугбека, он заявил: «Пастбища Сыгнака по закону и (по) обычному праву принадлежат мне, так как дед мой Урус-хан в Сыгнаке воздвиг постройку». Область Сыгнака и соседние с ней земли стали подвергаться опустошению со стороны войск Барака. Барак и его сторонники считали себя «неограниченными правителями и нагло притязали на верховную власть»,— замечает Абдуразак Самарканди[3]. В феврале 1427 г. тимуриды с большим войском двинулись к Сыгнаку против Барак-оглана. Несмотря на численный перевес армии мирзы Улугбека, она была разбита войсками Барака. «Правое и левое крыло мирзы Улугбека смешались, и неприятели стали напирать на центр, который так же расстроился. Наконец на войске мавераннахрском стали видны знаки бегства и признаки поражения». «Войско Барака,

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 534.

[2] Там же, том II, стр. 196.

[3] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 196—197; В. В. Бартольд, Улугбек и его время, 1918, стр. 86 и след.

преследуя Улугбека, вошло в коренные владения Тимуридов и «в разных краях владений Мавераннахра и Туркестана занялось грабежом страны и мучением людей, и не делали ни малейшего упущения по части опустошения и разорения»[1].

Разорив Мавераннахр, войска Барака ушли к Дешт-и-Кипчаку, точнее, к бассейнам Сыр-Дарьи, только что отвоеванным от Тимуридов. Эти районы, ранее принадлежавшие ханам Синей Орды, были возвращены потомкам Джучи, а город Сыгнак снова сделался резиденцией наследников Орда-Ичена и затем Шайбана. Однако Барак, борясь за подчинение остальных владений Джучидов на востоке, столкнулся с Шайбанидами и, прежде всего, с Хаджи-Мухаммедом-ханом, воцарившемся в Сибири в 1421 году. Кадыр Алибей в своей летописи сообщает о войне между Хаджи-Мухаммед-ханом и Бараком, причем в изданном экземпляре «Сборника летописи» говорится об убийстве Бараком Хаджи-Мухаммед-хана и его старшего эмира Мансура[2], согласно же другого, рукописного экземпляра «Сборника летописи», оставшегося неизвестным Н. И. Березину и ныне находящегося в отделе рукописей Казанского университета, говорится только об убийстве Бараком старшего эмира хана князя Мансура[3], что более соответствует действительности. Как видно из других источников, в этой борьбе пал не Хаджи-Мухаммед-хан, а Барак.

Шильтбергер в своем рассказе о Бараке определенно говорит, что «Барак погиб в борьбе с Магоммедом», т. е. с Хаджи-Мухаммедом[4]. Об этом же пишет и Абдуразак Самарканди. По словам последнего, в 832 (11. X—1428—29. IX—1429) г. посланник Улугбека «доложил (Шахруху), что между Султан-Махмудом и Барак-огланом в Могулистане произошло большое сражение, и что султан Махмуд убил Барака»[5]. Этот «Магоммед» Шильтбергера или «Махмуд» Абдуразака Самарканди не мог быть Улук-Мухаммедом, так как его власть не распространялась на восточные улусы; им был Хаджи-Мухаммед, которого и Хафиз Мухаммед эль-Ташкенди называет Махмуд-Хаджи-огланом.

Столкновение Барака с Хаджи-Мухаммедом произошло непосредственно после захвата Бараком Сыгнакской области, когда Барак, успешно завершив войну с тимуридами за возвращение бывшего владения Орда-Ичена, стал претендовать на владения Шайбанидов на севере, считая себя верховной главой владений Джучидов на востоке. Были и другие глубо-

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 197—198; В. В. Бартольд, Улугбек и его время, 1918, стр. 86 и след.

[2] Н. И. Березин, Библиотека восточных историков, т. II, ч. I, стр. 106, 1851, Казань.

[3] Отдел рукописей Казанского университета, № 40, ч. 60.

[4] Шильтбергер, Путешествия.., стр. 37.

[5] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 198.

кие причины для столкновения потомков Орда-Ичена и Шайбана: Низовья Сыр-Дарьи и берега Аральского моря, один из богатейших районов восточного Дешт-и-Кипчака, давно уже являлся яблоком раздора между домами Орда-Ичена и Шайбана. Это и понятно. Окраина Золотой Орды, близко соприкасавшаяся с древнейшими среднеазиатскими культурными очагами, всегда играла исключительно важную роль в жизни кочевников; между кочевниками и оседлым населением Средней Азии с давних пор существовал обмен культурными ценностями. Природные условия края во многих отношениях благоприятствовали развитию скотоводческого хозяйства во все времена года, особенно зимой. Здесь кочевники находили богатейшие пастбища для зимовки скота. Кроме того, этот район являлся выгодным стратегическим плацдармом при нападении на владения Тимуридов.

С устранением Барака в 1428 г. господство над восточным улусом перешло из рук потомков Орда-Ичена к потомкам Шайбана, объединившихся на время вокруг Хаджи-Мухаммеда. Однако и среди царевичей Шайбанидова дома, так усердно действовавших против наследников Орда-Ичена, не было единства, когда дело касалось управления улусом. Еще до разгрома Барака кочевая знать провозгласила своим царем царевича Джумадыка, тем самым оспаривая права Хаджи-Мухаммед-хана на трон Шайбана. Вскоре же против обоих ханов восстал третий претендент — царевич Абулхаир, происходивший также из дома Шайбана.

Ниже приводится генеалогическая таблица этих трех ханов, являющихся потомками Бахадура, второго сына Шайбана — брата Бату. Праправнук Бахадура царевич Менгу-Тимур, как видно из таблицы, был родоначальником указанных царевичей[1].

Менгу-Тимур

Бек-Кунди	Тунке	Пулад
Али	Сунджек	Ибрагим
Хаджи-Мухаммед	Суфи	Давлет-Шайх
	Джумадык	Абулхаир

Три эти царевича, оспаривавшие право на царство, опирались на определенные феодальные круги как в самом Шайбаневом улусе, так и у ногайцев, которые, вследствие своей близости

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 54—55. Н. И. Березин, Библиотека восточных историков, т. I (Шайбани намэ), 1851, стр. 15. История Абулхаир-хана, Рукописный фонд Ленинградского отделения института востоковедения, № 478, л. 246, История Кипчатских ханов, там же, № с—439, л. 432.

и многочисленности, оказывали большое влияние на шайбанидов. Хаджи-Мухаммеда поддерживал сын Едигея Мансур, Абулхаира—внук Едигея-Ваккасе. Об этой борьбе имеются весьма ограниченные и крайне тенденциозные сведения в «Тарихи Абулхаир-хани», в «Истории кипчатских ханов», составленных позднее описанных самих событий и слишком идеализирующие Абдулхаира.

Об условиях возвышения Хаджи-Мухаммед-хана говорилось выше. О нем, как и о его конкуренте Абулхаир-хане сохранилось больше данных, чем о хане Джумадыке, провозглашенном ханом в 829 (13 X—1425—1 IX—1425) г. У «Муиззи» о нем говорится так: «В настоящее время (т. е. 829 г.), несмотря на то, что отец его (Джамадыка — М. С.) еще жив, группа (джамагат) посадили его на царство»[1].

Как видно из сочинения Масуда бен Осмаи Кухистани «Тарихи Абулхаир хани», усилению орды Джумадыка способствовало временное ослабление Мангытского юрта, после убийства Газибея сына и преемника Едигея «Эмиры и вожди Дешт-и-Кипчака вышли из терпения от зла Гази-бея,— пишет он,— и возопили от его насилия и угнетения... отвернули от него лицо, сговорившись, умертвили его. (После чего) радостные (они) направились к трону Джумадук хана. Достигнув орды Джумадук хана (они) удостоились чести находиться (у него) на службе и утвердились в ряду эмиров великих и слуг хана высокоместного»[2].

По-видимому хан мало считался с мнениями тех, кто прибыл к нему после убийства Гази-бея. По словам автора «Тарихи Абулхаир-хани», он «от крайней степени падишахского высокомерия и гордости верховной власти не обратил внимания на положение тех людей». Они же, будучи недовольными такой политикой, «пришли в отчаяние, они единодушно бежали из орды хана и прибыли в местность Джантар-Джалкин»[3].

В то время во главе восточного улуса был Хаджи-Мухаммед, провозглашенный ханом еще в 1420 г., или в 1421 г. Только к нему могли бежать все недовольные элементы. «Когда Джумадук узнал об уходе эмиров и войска,— пишет Кухистани,— издал приказ о сборе войска (своего). Левое крыло армии украсилось блеском внушительности и стремительности Абулхаир-ханом, а правое крыло украсилось храбростью Хаджи-огланом и другими багадурами. Джамадук-хан отправился позади войска в Джатар-Джалкин. Когда эмиры и предводители войск противника узнали о прибытии хана владетеля семьюдесятью

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник т. II, стр. 55.

[2] С. К. Ибрагимов, Сочинения Масуда бен Османи Кухистани, «Тарихи Абулхаир-хани» «Известия Академии наук Казахской ССР, серия Истории, археологии и этнографии, в. 3, 1958, Алма-Ата, стр. 86—АА. Семенов, К вопросу о происхождении и составе узбеков-Шайбани хана, Сталинабад, 1954, стр. 44.

[3] С. К. Ибрагимов. Указанное сочинение, стр. 86.

тысячами снаряженных людей, со всей решимостью и не думая о последствиях, устроив средства сражения привели в порядок дело битвы и средства битвы»[1].

Сражение, происходившее в 832 (1428) г. при Джантар-Джалкине, кончилось разгромом войска Джамудык-хана. Сам хан был убит, а царевич Абулхаир, «по закону родства и родственному согласию» подчинившийся Джамадук-хану, был взят в плен Хаджи-Мухаммед-ханом[2]. Учитывая молодость Абулхаира, (ему тогда шел шестнадцатый год), его простили. В том же году в сентябре 1428 г. он был отпущен в свой улус, где он через некоторое время стал собирать вокруг себя бывших сторонников Джумадык-хана. Тем более Хаджи-Мухаммед был занят тогда борьбой с Бараком и не мог что-либо предпринять против Абулхаира.

В 833 году (29.IX—1429—18.IX—1430) Абулхаир был объявлен ханом, «утвердился на троне государства и на престоле владения государства»[3]. На сторону Абулхаира перешли вожди племен: кият, мангит, дурмен, кушчи, напман, китай, цисун, кунграт и др.[4]. Как уверяют авторы «Шайбани-намэ» и «Сборника летописи», в возвышении Абулхаира исключительно важную роль сыграл внук Едигея — Ваккас, «рубивши мечом за Абулхаира», за что хан сделал его своим старшим эмиром: «Говорят, что они пили мед из одной чаши, хаживали один — ханом, другой—его эмиром»[5]. Кажется, только в последние годы правления Абулхаира произошла неприятность между ханом и его любимцем — Ваккасом, закончившаяся убийством последнего, за что впоследствии разгорелась борьба между потомками Абулхаира и Ваккаса.

Провозглашенный ханом в 833 г. Абулхаир в том же году совершил поход в город Тару, взяв его, сделал «местопребыванием трона государства и столицей»[6]. Об этом городе в ранних источниках не сообщалось. Скорее всего историк Абулхаир хана говорит о городе Тюмене («чимги тура»), единственном крупном городе в Западной Сибири, где Хаджи-Мухаммед был объявлен ханом.

К тому времени Хаджи-Мухаммед, одержав победу над Бараком, вернулся в Сибирь, где только что установилась власть Абулхаира.

Автор «Тарихи Абулхаир-хани» сообщает о войне между представителями Шайбанидова дома и о победе Абулхаира над самим Хаджи-Мухаммед ханом. «Вышеупомянутый хан (т. е.

---

[1] Там же, стр. 87.
[2] С. К. Ибрагимов, указанное сочинение, стр. 87.
[3] Там же, стр. 88.
[4] Там же, стр. 88, А. А. Семенов, указанное сочинение, стр. 24
[5] Н. И. Березин, Библиотека восточных историков, т. 1, стр. 59, т. II, ч. 1, стр. 157.
[6] С. К. Ибрагимов, указан. соч., стр. 90.

Хаджи-Мухаммед (он как и Хафиз-аль-Ташкенди, называет Махмуд Хаджи ханом), который некоторое время находился в силе и могуществе, а также на троне владычествования, — пишет историк Абулхаир хана, — когда узнал о прибытии войска, приюта победы, занялся сбором войска своего и пошел со всеми войсками и славными бойцами и огланами потомства Джучи на ситву». Далее сообщается о разгроме войска Хаджи-Мухаммед хана и бегстве разбитого хана с места сражения, находившегося где-то на берегу реки Тобола.

Казнив плененного хана, Абулхаир «по мусульманскому обычаю взял жен Хаджи-Мухаммеда. Хафиз-эль-Ташкенди сообщает о предательском убийстве Хаджи-Мухаммеда. «Абулхаир оглан, — пишет он, — один из потомков Узбека (?) из рода Чингисханова изменил ему, на охоте пустил в него стрелу, убил его, (сам) воцарился после него в Дешт-и-Кипчаке и женился на жене Махмуд-хаджа (читай Хаджиу Мухаммед хана)»[1].

Оба автора, писавшие об Абулхаире, не сообщают дату сражения на реке Тоболе. Мы знаем из сообщения Кухистани, что Абулхаир вскоре после победы над своим врагом в том же году ушел из Сибири в Хорезм. Следовательно, разгром Хаджи-Мухаммеда мог случиться только в 1430 г. Почему победитель вынужден был уходить из Сибири на юг, оставив город Тару (Тюмень), только что ставший столицей государства Абулхаира и сделать своим местом пребывания г. Орда-Базар? Историк Абулхаира об этом умалчивает, он лишь сообщает о столкновениях Абулхаир-хана с Махмуд-ханом и Ахмед-ханом.

«Махмуд-хан и Ахмед-хан, — пишет он, — которые были из падышахов потомства Джучи, не пошли ногою совершающей повиновение и послушание (Абулхаир-хану) и, подняв знамя мятежа и бунта, встали на путь непокорности и непослушания»[2]. Надо думать, что вскоре после победы над Хаджи-Мухаммедом в Сибири, против Абулхаира произошло восстание, организованное Мухаммедом и Ахмедом, что и заставило Абулхаира удалиться в Хорезм.

В истории Золотой Орды нам известны Махмуд и Ахмед, сыновья золотордельского хана Кичи-Мухаммеда, один за другим объявленные ханами после 1459 г. Но в данном случае речь идет не о них, их отцу Кичи-Мухаммеду в 1437 г. едва ли было 20 лет, поэтому его сыновья в 1430 г. не могли быть объявлены ханами. Махмуд и Ахмед могли быть только сыновьями Хаджи-Мухаммед-хана провозглашенными ханами в Сибири, на троне своего отца[3].

У автора «Сборника летописи» имеются сведения о хане

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 538.

[2] С. К. Ибрагимов, Указ. собр. соч., стр. 94.

[3] А. А. Семенов почему-то называет Махмуд хана и Ахмет хана казахскими султанами (К вопросу о происхождении и составе узбеков Шайбани-хана, стр. 36) для такого утверждения нет никаких данных.

Махмуде, сыне Хаджи-Мухаммеда, провозглашенном ханом Сибирским на отцовском месте, от которого идет генеалогия сибирских ханов[1]. Неизвестный автор одной турецкой рукописи о ханах Дешт-и-Кипчака пишет «о сыновьях Хаджи-Мухаммед-хана, утвердившихся в Сибири на ханство»[2]. Если это действительно так, а у нас нет основания ему не верить, тогда раскрывается причина, почему Абулхаир после своей победы вынужден был удалиться из Сибири.

История похода Абулхаира и его орды в Хорезм в 834 г. (19.XI—1930—8.IX—1431) довольно подробно описана как в сочинении Масуда бен Османи Кухистани, панегириста Абулхаира, так и у Абдулразака Самарканди, уже давно ставшая объектом исследователей[3]. Абдулразак Самарканди, при описании похода Абулхаира в Хорезм в 834 г., по отношению воинов Абулхаира употребляет термины «узбеки», в смысле «войско узбеков», «народ и улус узбекский», самого же Абулхаира он неоднократно называет «царем узбекским»[4]. В данном случае термин «узбеки», как указал В. В. Бартольд, дается кочевникам Золотой Орды, обитавшим восточнее Дешт-и-Кипчака и противоставляется улусным людям Чеготая и Тимуридов»[5]. В самой Средней Азии под узбеками подразумевали кочевое население восточного Дешт-и-Кипчаков, вернее кочевников Улуса Шайбана, сына Джучи, то и дело занимавшегося набегами в соседние районы Средней Азии.

Узбеки, напавшие на Хорезм в 834 году, произвели сильное опустошение и в этом же году ушли обратно в Дешт-и-Кипчак. Уход узбеков из Хорезма в степь, по словам Кухистани, был связан с распространением болезни чумы в Хорезме. Чтобы себя «избавить от ужасов чумы и бедствий», они ушли обратно в степь[6], точнее, Абулхаир «направился в страну Орды августейшей и Орда-базар, который был столицей Дешт-и-Кипчака и славой Султана (всего) света, вошёл в обладание наместников двора хана, убежище мира. Здесь (прочли) хутбу (с именем Абулхаир хана) и украсили чекан (монеты) именем славным и титулом благородным Его Величества (Абулхаир хана)»[7].

---

[1] Н. И. Березин, Библиотека восточных историков, т. II, ч. 1, стр. 106.

[2] А. Негри, Извлечение из турецкой рукописи, Записки Одесского общества Истории и Древности, т. I, 1844 г., Одесса, стр. 389.

[3] H. Hovarth, History offhe Mongols, v. II, p. 688—689, W. Barthold, Aboul—khair, Enzyclopeade des islam, t. I,

[4] В. Г. Тезенгаузен, Сборник, т. II, стр. 198—199.

[5] В. В. Бартольд, История средне-азиатских тюрьков, Стамбул, 1926, стр. 161.

[6] С. К. Ибрагимов, Указ, соч., стр. 92. «о свирепстве чумы в 833 году в землях Сарайских» сообщает Эль Маркизи (В. Г. Тизенгаузен, сборник, том I, стр. 442). Следовательно, чума продолжалась и в последующем 834 г.

[7] Там же, стр. 94, Местонахождение Орда-Базара пока не установлено, несмотря на то, что этот город существовал и раньше, там ханы чеканили свои монеты.

Как бы ни преувеличивал значение успехов Абулхаира его панегирист Кухистани, положение Абулхаира было не так уж блестящим. Сам автор «Тарихи Абулхаир хани» сообщает далее о выступлениях против Абулхаира хана Мустафы, «со многочисленными и огромными войсками»[1]. Хотя он и упоминает о победе Абулхаира, одержанной над войсками Мустафы, но из его слов видно, что после победы над Мустафой, Абулхаир вынужден был оставить Орда-базар, только что превращенный в столицу Абулхаира. Историк Абулхаира не сообщает ни места, ни даты сражения, нет у него данных и о происхождении Мустафы. В русских летописях отмечено о приходе Мустафы царевича на Рязань со множеством татар в 1444 году, убитого затем при преследовании русскими войсками[2]. Не был ли этот царевич Мустафа тем ханом, которого разбил Абулхаир? Если это догадка верна, то тогда можно сделать предположение, что описанное сражение произошло перед его появлением на Рязань в 1444 году где-то вблизи Орда-базара. Должно быть тогда город был сильно разорен, почему войска и люди Абулхаира «для лучшей зимовки решили отправиться на завоевание города Сыгнака. Когда войска достигли крепости города, правитель (Хаким) города увидел многочисленность и величественность войска (Абулхаир хана), выйдя к нему с повиновением и послушанием, вручил город эмирам и слугам (Абулхаира) хана, и Ак-курган-Аркун и Сузак и Узгенд также вошли в обладании власти Абулхаира»[3].

С подчинением Сыгнака и прилегающих к ним городов (Ак-кургана. Узгента, Сузака и др.) владение узбеков значительно расширилось. Теперь им принадлежали не только берега Аральского моря с устьем Сыр-Дарьи, но и земли, расположенные на Востоке, вплоть до восточных склонов Алатау с городом Сузака, ныне районным центром Казахской ССР. Абулхаиру «подчинились противники, изъявили покорность различные народы в этих краях»[4]. Однако занятие этих областей были уже последним успехом Абулхаира. Последующие набеги узбеков в Средней Азии не имели более успехов. Сам Абулхаир стал искать пути сближения с тимуридами. В начале 1451 г. было получено сообщение», что царь узбекский Абулхаир хан уже некоторое время идет исключительно по пути чистосердечия, считает себя включенным в ряд друзей и ожидает, что как только его величество (султан Абу-Саид) соизволит»[5].

---

[1] Там же, стр. 94.

[2] ПСРЛ, т. XII, стр. 61—62. Сохранились монеты чеканенные без даты в Астрахани с именем хана «Мустафы-бен—Гиас-ад-дина, бен Таштимура. (А. К. Марков, Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа, стр. 532).

[3] С. К. Ибрагимов, Указ. соч., стр. 96.

[4] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, том I, стр. 538.

[5] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 299.

К тому периоду узбекский союз Абулхаира являющийся временным военно-политическим объединением, состоящий, по словам Хафиза-эль-Ташкенди, из «различных народов и племен», вступил в полосу кризиса. После убийства Ваккаса, старшего эмира Абулхаира, от узбеков отделились мангиты, караколпаки, а значительная же часть кочевников начала группироваться вокруг царевича Джанибека и Гирея, сыновей Барака, ждавших удобного момента, чтобы отделиться от узбеков. В такой критический момент Абулхаиру пришлось вступить в конфликт с калмыками. Калмыки, летом 1451 г. во главе с Уз Тимуром тайши, захватившем до этого бассейн реки Чу, напали на узбеков. В битве при Кук-Кушаны, расположенном в 8—10 километрах победы со стороны противника подул на узбеков», Абулхаир от Сыгнака, столицы Абулхаира, узбеки были разбиты. «Ветер хан, потеряв двух своих виднейших полководцев — Бахтияр султана и Ахмет султана, вернулся в Сыгнак, вынужден был заключить мир с калмыками. Об условиях мира биограф Абулхаира не сообщает, мир для узбеков был, должно быть, унизительный. «Абулхаир хан после ухода в Уз-Тимур тайши (к себе) оставил город Сыгнак (и), собрав народ и улус, занялся делами государства и подданных и приведением в порядок войск»[1].

Оставление бассейна Сыр-Дарьи и поспешный уход Абулхаира к берегам Аральского моря — вызвали переполох и чуть не привели к распаду узбекского союза. Тогда от узбеков отделилась, вместе с сыновьями Барака, большая часть кочевников, издавна обитавших в этих краях. С уходом казахов с Абулхаиром осталась лишь небольшая часть кочевников-узбеков, более не представляющих прежнюю силу. Со смертью основателя Абулхаира в 1468 г. узбекский союз фактически перестал существовать[2]. Остатки узбеков, теснимые, с одной стороны, казахами, с другой — ногайцами, ушли в Среднюю Азию, слились с местными тюркскими племенами Средней Азии и участвовали в образовании узбекского народа[3].

В узбекском союзе еще при жизни самого Абулхаира стало складываться ядро будущих казахов. Абдуразак Сармарканди под 844/2У11 440-21 У1—144 г. пишет: «Временами некоторые из войска узбекского, сделавшись казахами, приходили в Мазиндаран и, устроив везде грабежи, опять уходили (назад)»[4]. Под 851 г. Абдуразак вновь говорит о «войске Дешт-и-Кипчакском и казаках узбекских»[4].

---

[1] С. К. Ибрагимов, Указ. соч., стр. 101.

[2] W. Barthold, Abul. khair, Enzyclopeade des islam.

[3] В. Ю. Якубовский, К вопросу о этногенезисе узбекского народа, 1941. Ташкент, стр. 3, История Узбекской ССР, т. I, 1955. Ташкент, стр. 373—374. Попытка А. А. Семенова, направленная на полное отрицание участия выходца Золотой Орды преобразования узбеков, вряд ли могла быть принята исследователем.

[4] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 199.

Более определенно о казахах, узбеках писал Мухаммед Хайдар, создавший свою книгу «Тарихи Рашиди» в 40 г. XV в. В разделе «О казахах их владельцах, причинах, почему им дано имя казах», Мухаммед Хайдар писал: «Властвовал во всем Дешт-и-Кипчаке Абулхаир хан. Некоторые султаны из рода Джучиева, опасаясь с его стороны беды для себя, решились заранее предотвратить ее. С этой целью несколько султанов Герей хан, Джанибек султан[1] и другие с небольшой толпою людей бежали от Абулхаир хана в Могулистан. Страною этою правил тогда Иса-Буга-хан. Иса-Буга-хан принял беглецов хорошо, они нашли себе верные убежища, зажили спокойно (в другом месте говорится: «отвел им край Чу и Козы-баши»). По смерти Абулхаир-хана в улусе узбекском начались междоусобия, всякий, кто только мог, уходили, ища безопасности, к Гирей хану и Джанибек хану. Впоследствии этого они значительно усилились. Так как сперва они сами, а потом большая часть собравшихся около них людей, одно время были беглецы, ушедшие от своих и скитавшиеся без приюта, то их назвали казахами. Имя это за ними и осталось»[2].

Мухаммед Хайдар, хотя и не сообщает точную дату ухода сыновей Барака и их сторонников из Орды Абулхаира в Могулистан, однако дает понять, что отделение казахов произошло вскоре после поражения в Абулхаире от калмыков в 1451 году, когда Абулхаир поспешно оставил г. Сыгнак и его окрестности. Кочевники же этих районов, ранее входивших к улусу Орда-Ичена и принадлежавшие его потомкам (каковыми являлись сыновьями Барака), пристали к ним. Особенное усиление казахов произошло, по словам автора «Тарихи-Рашиды», уже после смерти Абулхаира-хана, «когда множество народов откочевало к Гирею хану и Джанибек хану, так что число собравшихся около них людей возросло скоро до двухсот тысяч. Звать их стали узбеками-казахами». Эпохой, с которой началась, собственно, власть султанов казахских, говорит далее автор, надо считать год 870(1465)[3]. Следовательно, еще при жизни Абулхаира установилась «власть султанов казахских» над казахами.

Приведенный нами стройный рассказ Мухаммеда Хайдара о начальном этапе образования казахского ханства в основном принят исследователями, в последнее время и вызвал возражение со стороны А. А. Семенова[4]. Отделение от общей массы

---

[1] Гирей и Джанибек были сыновьями хана Золотой Орды Барака, из потомков Орда-Ичена (В. В. Вельяминов-Зернов, Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. II, стр. 121—122).

[2] Рукописный фонд Ленинградского отделения института востоковедения, стр. 394, Л, стр. 132 и след. В. В. Вельяминов-Зернов, Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. II, стр. 151—152.

[3] Там же, стр. 139.

[4] А. Семенов, К вопросу о происхождении и составе узбеков Шайбани хана, стр. 36.

кочевников и уход казахов на долину Чу, по словам А. А. Семенова, являлось «лишь одним эпизодом в истории узбеков-казахов», «поскольку они от Чу опять перекочевали в свою степь, событие же это вовсе не охватывало весь народ, а лишь его небольшую часть. Поэтому упрочившееся значение слова— казак как вольный человек (как и «скитались») в приложении к целому народу, как заключает А. А. Семенов,— должно быть пересмотрено как сомнительное». Как же тогда образовались казахи как народность, отделившаяся от узбеков, когда-то составлявших «один народ», автор избегал дать положительный ответ и ограничивается лишь попыткой несколько произвольной расшифровки названия самого термина казак[1].

В другом месте А. А. Семенов ставит вопрос: не означает ли термин казах приложение к народу, составлявшему из многочисленных племен кочевников: «просто кочевников», не имеющих никаких городов в отличие от узбеков Шайбанова улуса, у которых были какие-то не есть города вроде Тары или Тура и некоторых других симбирских укреплений»[2]. Нам кажется, не в этом надо искать отличие казаков от узбеков. Казахи, образовавшиеся как народ на бывших владениях Орда-Ичена, имели города: Сыгнак, Сауран, Сузак и др. Узбеки при Абулхаире были такими же кочевниками, как и казахи. В Хорезме, как передает Абулгази, когда речь шла об узбеках говорили: «У узбеков нет ни домов, ни городов; они не живут постоянно на одном месте, пройдет дней десять, они ограбят и... уйдут назад»[3]. Сам Шайбан, по словам его историка Рузбахани, подразумевал под узбеками кочевые племена улуса Шайбана, сына Джучи, а под казахами кочевников улуса Орда-Ичена, которые в этническом отношении мало отличались друг от друга.

Из каких племен составился первоначальный улус Шайбана и Орда-Ичена, данных не сохранилось. Позднее при Абулхаире, владевшим кочевниками улуса Шайбана, его поддерживали представители 20 племен[4], из которых 15 остались верными

---

[1] Название казах (казак), по словам А. А. Семенова, могло происходить от монгольского слова xasaq (xasax) tergen в обозначении «повозок для перекочевки, сани, салазки (там же, стр. 36). Монгольско-тюркские племена Золотой Орды действительно кочевали телегами-арбой. Почему же в таком случае татары, ногайцы, узбеки не стали называться казаками, также когда-то кочевавшие телегами. К тому же запорожские и донские казаки также называли себя казаком не будучи кочевниками.

[2] А. А. Семенов, Указ. соч., стр. 31.

[3] Абулгази боходур хан, Родословное древо тюрков, стр. 75.

[4] А. А. Семенов, Указ. соч., стр. 31.

[5] Масуд бен Осман Кухистани называет представителей следующих племен, объединявших вокруг Абулхаира: кият, мангит, чембай, табгут, инжан, кущи, кунграт, найман, джат, тубай, китай, дурман, уйгор, кенкес, курлеут, ички, минг, уисун, каанбаили С. К. Ибрагимов, Указ. соч., стр. 88.

его внуку Шайбану, вместе с ним перекочевав в Среднюю Азию и участвовали при образовании узбекского народа[1].

Какие же из племен входили в улус Орда-Ичена и его потомков, трудно установить. Среди казахов позже находились племена: канглы, дулаты, аргины, алчины, керей, кипчаки, джанай, уйсуны, найманы, джалаки, табини и др.[2]. Были ли они в составе его улуса при Орда-Ичена, или же находились в составе улуса Чеготая, впоследствии примкнувшие к казакам — из источников не видно. Только некоторые из них (кереи, найманы, аргины, алчины, канглы, уйсуны входили в состав Золотой Орды и участвовали в формировании казахского народа[3].

Казахское ханство, сложившееся в 60 годах XV в. на территории бывшего улуса Орда-Ичена и частично улуса Чеготая, в отличие от государства узбеков осталось кочевым государством. Казахи, в отличие от родственных им узбекских племен, осевших вскоре после вторжения в Среднюю Азию, остались кочевниками. Историк начала XV в. Рузбахани, оставивший нам подробное описание кочевого образа жизни казахов, вскоре после образования казахского улуса писал: «В летнее время казахский улус кочует по всем местам этих степей, которые необходимы для сохранения их чрезвычайно многочисленного скота. Этой дорогой в продолжение лета они обходят всю степь и возвращаются. Каждый султан стоит в какой-нибудь части степи на принадлежавшем ему месте, живут они в юртах, разводят животных: лошадей, овец и крупный рогатый скот, зимовать возвращаются на зимние стоянки» к берегам реки Сыр-Дарьи»[4].

С образованием узбекского казахского ханства большая часть кочевников Золотой Орды, обитавшая в восточной половине государства, отпала от Джучиева улуса. В оставшейся части улуса также шел процесс образования новых государственных объединений Сибирского ханства и Ногайской орды

История Узбекского и Казахского ханств более или менее изучена в нашей литературе и еще изучается историками Узбекской и Казахской ССР, чего нельзя сказать об Ногайской Орде и особенно истории Сибирского ханства. Несмотря на то, что историей Сибири начали интересоваться еще со времени Г. Ф. Миллера, тем не менее о ранней истории Сибирского ханства в настоящее время мы знаем вряд ли больше, чем при Г. Ф. Миллере.

---

[1] Среди 15 племен оставшихся верными Шайбану упоминаются те же племена, за исключением мангит, джат, тубай, кингис, уйсун (А. А. Семенов, Указ. соч., стр. 29).

[2] Н. А. Аристов, Заметки о этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, 1897, СПБ, стр. 76 и сл.

[3] История Казахской ССР, 1943, Казгиз, стр. 91.

[4] Прошлый Казахстан в источниках и материалах, 1935, Алма-Ата, стр. 106—107.

Одна из основных причин малой изученности ранней истории Сибирского ханства, безусловно, кроется в скудности исторических источников. Ни арабские писатели, которых в первую очередь интересовали события, происходившие в западных улусах Золотой Орды, ни персидские авторы, обнаруживавшие интерес, главным образом к событиям, происходившим в среднеазиатских владениях Золотой Орды, не оставили сведений о ранней истории Сибири, если не считать упоминания в этих источниках названия «Ибирь-Сибирь», не то в значении страны, не то города, впоследствии давшего название всему краю. Баварец Шильтбергер, посетивший Сибирь в 1405—1406 гг., дает очень мало данных о месте Сибирского юрта в системе Золотой Орды. Районы, входившие в состав Сибирского ханства, также мало подвергались археологическому изучению. Сибирские летописи, единственный источник для изучениия истории Сибирского ханства вследствие сравнительно позднего их написания, имеют большие недостатки, особенно в вопросе об образовании Сибирского ханства.

Но даже из имеющихся скудных данных ясно представляется, насколько заметную роль Сибирь играла в системе Джучиева улуса. При выделении улусов Батыем два его брата — Шайбан и Орда-Ичен, заметные фигуры среди сыновей Джучи, получили улусы в Сибири и закрепили их за своими потомками. И это не случайно. Стоит только прочитать описание Сибири у Марко Поло, как сразу перед нами встает картина края огромных богатств, привлекавших внимание монголо-татарских завоевателей. Южные части Сибири, соприкасавшиеся с среднеазиатской степью, были благоприятны для развития скотоводства. При посещении Марко Поло южной Сибири и Барабинской степи население успешно занималось скотоводством, разводя верблюдов, коней, крупный и мелкий рогатый скот. «Скотины у них много: верблюдов, коней, быков, овец и других животных,— пишет Марко Поло и отмечает, что тамошние жители «питаются говядиной и молоком»[1]. Северные части Сибири, богатые пушниной, рыбой и всевозможной дичью, стали районом развитого охотничьего промысла. «Те, кто живут здесь в горах и в долине, большие охотники,— замечает Марко Поло,— ловят они много дорогих животных высокой цены, и большая им от этого прибыль и выгода; ловят они горностаев, соболей, белок, черных лисиц и много других дорогих животных; из них они выделывают дорогие шубы высокой цены»[2]. Сибирский юрт уже при Марко Поло был давно довольно многолюдным. «У короля,— пишет Марко Поло, имея в виду Кончи,— много народу, но он ни с кем не воюет и мирно правит своим народом»[3].

---

[1] Марко Поло, Путешествие, перевод Н. П. Минаева, 1940, стр. 260—261.

[2] Марко Поло. Путешествие, стр. 261.

[3] Там же, стр. 260.

Между скотоводческим югом и лесным севером уже в XIII в. существовала оживленная связь. Описывая крайний север, «область, которая называется «соединенная тьмою», Марко Поло сообщает: «Татары приходят сюда... на жеребых кобылах.. и грабят тут все, что находят, а когда награбят, возвращаются». В данном случае речь идет не просто о набегах, а о татарских чиновниках, приезжавших на север за данью. В другом месте он говорит о купцах, приезжавших торговать с народностями севера. «Соседние народы оттуда, где свет, — говорит Марко Поло,— покупают здешние меха; им носят меха туда, где свет, там продают, а тем купцам, что покупают эти меха, большая выгода и прибыль»[1].

Марко Поло, в частности, отмечает посещение Сибири русскими купцами; у арабского писателя XIV в. Эль-Омари также есть указание на посещение Сибири купцами из Руси, Булгар и Чулман. Согласно описаниям Эль-Омари, Сибирь лежала на пути караванной торговли, на западе с русским рынком, на востоке — с рынками Китая. Один из путешественников, побывавший в стране сибирской,— Хасан Эрруми рассказывал о «землях сибирских и чулыманских», где обычно бывает «сильная стужа, снег не покидает... в продолжение 6 месяцев». Эль-Омари из его рассказа составил свое описание этого края. «За Акикулом (?), — писал он, — (следует) Сибирь и Ибирь, потом за ними земля Чуламан. Когда путешественник идет от Чуламана на Восток, то он приезжает в город Каракорум, а далее в землю Хатайскую, в которой (находится) великий Кан... Когда же путешественник... идет на Запад от него (Чуламана), то приезжает в землю русских»[2].

Основным объектам торговли в Сибири, как это отмечал Марко Поло, была пушнина, из которой «выделывали дорогие шубы высокой цены», стоящие «тысячу бизантов»[3]. Кроме пушнины, из товаров, вывозимых из Сибири, упоминается моржовая кость, рабы ценились на невольничьих рынках очень высоко. О качестве рабов, привезенных из Сибири, Хасан Эрруми говорил: «Нет между (разными) родами рабов красивее их телом и лучше их по белизне и удивительной прелести, глаза у них голубые»[4].

При Марко Поло экономика Сибири была довольно примитивной. Она базировалась главным образом на охоте, патриархальном скотоводстве и торговле. С земледелием население Сибири не было еще знакомо. Говоря о состоянии улуса Орды-Ичена, Марко Поло писал: «У него нет ни городов (?), ни замков...

[1] Марко Поло, Путешествие, перевод Н. П. Минаева, 1940, стр. 262.
[2] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 238. Страну Чулыман, расположенную между Сибирью и Китаем, надо искать в верховьях Оби и Енисея, в районе реки Чулым. В актовых материалах XVII в. упоминаются «чулымские князья» (Миллер, История Сибири, т. I, 1937, стр. 412—413).
[3] Марко Поло, Путешествие.., стр. 261.
[4] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 238.

хлеба у них нет никакого, живут они как звери»[1]. При посещении «страны Сибири» Шильтбергером в 1405 г. последний отмечает элементы земледелия в примитивной форме: «в этой стране сеют только просо»,— подчеркивает Шильтбергер[2]. То, что в Сибири к началу XV в. занимались земледелием, доказывается найденными при раскопке Кучумовой столицы города Искер (Сибирь) железными сошниками, серпами-горбушами и каменными ручными жерновами. При взятии столицы Кучума казаками Ермака ими было захвачено «множество богатств и хлеба», хотя земледелие в Сибири, как указывал С. В. Бахрушин, было еще примитивное, полукочевой формы. В Сибирском ханстве главным образом сеяли быстро зреющие злаки: просо, ячмень, полбу и овес, не требовавшие большой обработки[3].

Археологические раскопки, проведенные С. К. Кузнецовым в окрестностях гор. Томска (в Тояновом городке и Тохтамышевом юрте) в 1889 г., раскопки В. Н. Пигнатти в Искере в 1915 г., В. Н. Левашовой в Тонтурском городке на р. Оми в 1926 г. дали ряд дополнительных данных, весьма важных для изучения истории Сибирского ханства. Добытый археологический материал позволяет говорить о некоторых экономических сдвигах, которые произошли в XV—XVI вв. Железные сошники, серпы, жернова, найденные В. Н. Пигнатти в Искере, подтвердили указания Шильтбергера о земледелии в Сибири в начале XV в.

Значение археологического материала, однако, этим не ограничивается. В сохранившихся письменных источниках совершенно отсутствовали данные о ремесленном производстве в Сибири; археологические же материалы свидетельствуют о значительном развитии ремесла в сибирских городах. В. П. Левашова в интересной работе «О городищах Сибирского юрта» насчитала до 50 названий ремесленных изделий, найденных при раскопках городищ западной Сибири. «Здесь имеются орудия земледелия,— пишет она,— скотоводства, рыболовства, металлургии, ткацкого и швейного дела, скорняжества... Украшения и некоторые предметы домашнего обихода». Датируемые V—XV вв., В. П. Левашова различает два периода в археологическом материале — более древний, домонгольский, близко стоящий к поздним финским памятникам X—XII вв., и монгольский, точнее, золотоордынский, датируемый XIII—XV вв. Инвентарь домонгольского периода главным образом состоит из костяных изделий, при незначительном проценте железных вещей; инвентарь же золотоордынского периода более богатый, он, преимущественно, представлен изделиями из железа, меди, серебра и стекла. В этих же слоях (XIII—XV вв.) находятся: китайский

---

[1] Марко Поло, Путешествие.., стр. 260.
[2] Шильтбергер. Путешествие.., стр. 36.
[3] С. В. Бахрушин, Сибирские служащие татары в XVII в., Исторические записки АН СССР, т. I, 1937, стр. 56.

фарфор, арабские монеты и хорошо обработанная керамика золотоордынского типа[1]. Предметы вооружения, железные стрелки от весов, железные ключи и части замков, найденные на Искере, в большом количестве находимый железный шлак — все это ясный признак развития ремесленного производства в XV в. в городах Сибири, особенно в столице Сибирского ханства — Искере.

На основании датировки инвентаря, извлеченного из раскопок сибирских городищ и относимых археологами к XII—XV вв., можно установить, хотя и приблизительно, время возникновения некоторых из сибирских городов, в частности столицы Сибирского ханства — города Сибирь-Искера. В. Н. Пигнатти, тщательно изучивший археологический инвентарь города Искера, различает в нем два слоя: более древний, или т. н. остяцкий, и более поздний — татарский. Той же точки зрения придерживается и В. Н. Левашова, относящая древний инвентарь и самое возникновение городища Сибирь-Искер к XII в.[2], ставшего к началу XIII в. значительным городом на Иртыше. Город Сибирь упоминается в «Сокровенном сказании», составленном в 1240 году при хане Удегее, и в «Сборнике летописи» Рашид-ад-дина начала XIV в. под именем «Ибирь-Сибирь», в числе владений, пожалованных Чингис-ханом своему сыну Джучи в 1206—07 гг.[3] Правда, из контекста «Сокровенного сказания» и «Сборника летописи» не ясно, относилось ли это название к городу или же к стране. Судя по позднейшим документам, Сибирь, как страна, получила наименование от города «Сибирь». На картах братьев Пицигани 1367 г. слово Сибирь (Sibir) употребляется, как и Сарай, Астрахань в значении наименования города. Баварец Шильтбергер, посетивший «страну Сибирь» в 1405—1406 гг., указывает на «город Сибирь», где он был лично[4].

При посещении П. Ф. Миллером развалин города Сибири в XVIII в. город носил двойное название — Сибирь-Искер, причем сами татары, как правило, вместо Сибирь употребляли название Искер[5]; чем была вызвана смена названия «Сибирь» на «Искер». Миллер ответа не нашел. Происхождение слова «Искер» надо искать в области татарского языкознания. В основе «Искер» лежит татарское слово «иски» — древний, старый и «ер» — место, юрт, означал «старое место», «старый город», «старый юрт» сибирских ханов[6]. Город Сибирь стал «старым»

---

[1] В. Н. Пигнатти, Искер (Кучумово городище), Ежегодник Тобольского музея в XV, 1915, стр. 20 и след. В. Н. Левашова, о городищах Сибирского юрта, Советская археология. т. XIII, М. Л., 1950, стр. 350.

[2] В. Н. Левашова, Указан. работа, стр. 349—350.

[3] Рашид-ад-дин, Сборник летописи, т. I, ч. I, 1952, стр. 73, 150.

[4] Шильтбергер, Путешествие, стр. 57.

[5] Г. Ф. Миллер, История Сибири, т. I, стр. 195, 1937 г.

[6] А. А. Дмитриев, Роль Строгановых в покорении Сибири, Журнал МНП, 1894, январь, стр. 57.

по отношению к другому городу в связи с появлением «нового» города, или же в связи с перенесением административного центра из Сибири в другой город. Такие случаи в истории Золотой Орды — обычное явление. Мы видели это на примере двух Сараев на Волге: Сарай-Бату, столица ханов Золотой Орды, с перенесением столицы в Сарай Берке стал старым по отношению к новой столице, начал именоваться «иски юртом» — старым юртом; такова же была судьба административного центра ханов в Крыму города Крым-Солхата, с перенесением административного центра в Бахчисарай, он превратился в «Иски-Крым» — «Старый Крым».

Таким образом, смена наименований «Сибирь-Искер», т. е. старый юрт или старый город — вполне объяснима. Но какому же городу «Сибирь» уступила свое место? В числе старых городов Сибири, помимо Сибирь (Искера), был Тюмень (Чимга-Тура) на р. Туре, неоднократно упоминаемый источниками. Первое упоминание о Тюмени имеется у «Анонимо Искендера» (1414 г.) в искаженном виде «Тулин», как место бегства Тохтамыша после разгрома его Тимуром[1]. В русских летописях г. Тюмень встречается под 1406 г., где якобы был убит Тохтамыш и куда ушел Ибак в 1481 г. после разгрома большой орды Ахмата[2]. На карте Антона Вида, составленной в 1537—1544 г., из городов Сибирского ханства упоминается только два города— Тюмень (Tumen) и Сибирь (Sibir)[3]. Следовательно, г. Сибирь мог стать «старым» по отношению к г. Тюмени, являющемуся новым городом, поскольку возникновение Тюмени относится только к монгольскому периоду Сибири.

Г. Тюмень на р. Туре, г. Темников в пределах современной Мордовской АССР, г. Тюмень на р. Тереке — бесспорно возникли одновременно в середине XIII в. на месте резиденции монгольских темников—начальников десятитысячного монгольского отряда, посаженных для поддержания ханской власти в завоеванных монголами странах. Г. Ф. Миллер, собирая материалы по истории г. Тюменя, со слов татар записал следующее предание о возникновении города: «О происхождении названия Тюмени рассказывают двояким образом,— это слово на их языке обозначает десять тысяч. Одни из них уверяют, что в древние времена там был могущественный татарский князь, имевший до 10 000 подданных или имевших возможность собрать войско такой численности»[4]. Если учесть указания русских летописей о появлении темников на Руси в 1259 г., то возникновение Тюмени надо отнести к этому времени, но во всяком случае не

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 133.

[2] Утюжский летописный свод, стр. 70, 94.

[3] Д. Н. Анучин, К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Древности Московского археологического общества, т. XIV, 1890, стр. 267—268.

[4] Г. Ф. Миллер, История Сибири, т. I, 1937, стр. 273.

позже третьей четверти XIII в. В связи с ростом города сюда, в Тюмень, был перенесен административный центр из города Сибири, в связи с чем Сибирь превратился в «старый юрт» — «Искер» по отношению к Тюмени.

В Источниках кроме городов Сибирь-Искер и Тюмени, хотя не упоминаются названия других сибирских городов, но, судя по археологическим данным, в период политического подъема в связи с образованием Сибирского ханства в Сибири возникли и другие менее значительные города, развалины которых, носившие название «тура», были заметны еще в XIX в. К ним относятся такие, как Касым-тура, Явлу-тура, Кзыл-тура, городище Самарово, Царево городище и др., еще ожидающие археологического изучения. Археологические материалы Искера, Тонтура, Чиняевского городища и др. более богаты и разнообразны в слоях XV в., что свидетельствует о значительном росте ремесленного производства и торговли в этот период. Появление земледелия, рост городов и ремесленного производства в городах создали условия для обособления Сибирского юрта и привели к образованию Сибирского ханства в XV в.

Выше мы говорили о скудности источников по истории Сибирского ханства. В силу этого, несомненно, тем больший интерес представляют сибирские летописи, отражающие ряд туземных легенд, записанных в XVII в. Эти летописи и должны служить нитью при изучении ранней истории Сибирского ханства. Первым царем Сибири, согласно сибирским летописям, «был царь магометова закона именем Он (так его называет Есиповская летопись), Иван (по Строгановской летописи), или же «Он-Сом-хан» (по Ремезовской летописи). Против него «воста... его же державы от простых людей именем Чинги и шед на него яко разбойник... и уби царя Она, и (вступи на) царство сам Чинги»[1].

Приведенный отрывок из сибирских летописей давно обратил на себя внимание историков. Г. Ф. Миллер один из ранних историков Сибири отождествлял легендарного хана Она (Он-Сом-хана или Ивана) с известным историческим лицом Ван ханом, Чингея же — с Чингис-ханом[2]. С. В. Бахрушин в своих примечаниях к труду Г. Миллера присоединился к взглядам Г. Ф. Миллера. Если принять эту точку зрения, то надо отбросить указание тех же Сибирских летописей о том, что убийцей Он-Сом-хана был «простой татарин» «магометова закона». Нам неизвестно, был ли мусульманином глава племени кераитов Ван-хан, павший от руки Чингис-хана, но сам Чингис-хан отнюдь не был «магометова закона», как и кераиты, оставшиеся язычниками-шаманами. Проникновение ислама в Сибирь нача-

---

[1] Сибирские летописи, Изд. Археографической комиссии, 1907, стр. 36, Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I, 1937, стр. 190—191.

[2] Там же, стр. 473.

лось только со времени Шайбана, который был «соблазнен» каким-то проповедником ислама, прибывшим из Бухары[1].

В. В. Вельяминов-Зернов, отказавшись от предположения Г. Ф. Миллера, видел в царе «магометова закона» Шайбана, убитого якобы каким-то подвластным ему князем[2]. Если бы это было так, то такое крупное событие, как убийство Шайбана, несомненно, нашло бы свое отражение в источниках. Ни Рашид-ад-дин, ни его продолжатель в «Муиззи» ничего не пишут об этом. Хафиз эль-Ташкенди сообщает, что Шайбан умер естественной смертью. Скорее всего в рассказах Сибирских летописей нашло отражение отголосков, связанных с убийством Тохтамыша, как это предполагал еще А. Лерберг[3]. Тохтамыш, как известно, убитый Едигеем вблизи Тюмени, был царем «магометова закона», а его убийца Едигей, хотя и не был из «простых татар», но не принадлежал к царской крови. Составитель Сибирской летописи мог перепутать имена Тохтамыша и Едигея, назвав Тохтамыша Он-Сом-ханом, а Едигея—Чинги. Тем более что и сами составители Сибирской летописи не были уверены в точности передачи имен ханов: в одном случае они называли хана Иваном, в другом случае — Оном, а в третьей редакции — Он-Сом-ханом. Несомненно, большие трудности для исследователя связаны с именем Тайбуга, якобы являющегося сыном убитого Он-Сом-хана. За то, что он «соблюде от Чиния», тот призвал его к себе, обласкал и дал ему княжение; отпущенный Чинием «Тайбуга пришед на реку Иртыш покори себе многих людей, живущих по Иртышу и по великой Обе, поставиша град Тюмен и по нем же княжил в этом граде сын его Ходжа»[4].

Сибирские летописи рассматривают Тайбуку как основателя новой династии ханов Сибири. Сопоставление имен сибирских ханов, известных нам по другим источникам, с именами ханов в Сибирских летописях показывает, что если они не всегда точно передают имена так называемых потомков Тайбугу, то в ряде случаев имена эти совпадают с именами сибирских ханов. Например, Хаджа соответствует Хаджи-Мухаммед-хану, Мар — Махмутек-хану, Еблак — Ибаку, но, как увидим дальше, все эти ханы по своему происхождению не имели никакого отношения к династии Тайбугов. В Сибирских летописях Тайбугу ошибочно назван основателем города Тюмени, существовавшего задолго до него. В то же время в основе Сибирских летописей лежали какие-то предания, имевшие под собой некоторую историческую основу. В грамоте Федора Ивановича к Сибирскому хану Кучуму

---

[1] Н. Ф. Катанов, О религиозных войнах, Ежегодник Тобольского губернск. музея, 904, вып. XIV, стр. 22—23.

[2] В. В. Вельяминов-Зернов, Исследование о Касимовских царях и царевичах, ч. II, стр. 393.

[3] А. Лерберг, Исследования, служащие объяснению древнерусской истории, 1819, стр. 64.

[4] Сибирские летописи, Изд. Арх. ком., 18—19.

от 1597 г. говорится: «Из давных лет сибирское государство было вотчина прародителей наших.., как еще на сибирском государстве был дед твои Ибак царь.., а после деда твоего Ибака царя были на сибирском государь... князи Тайбугина роду Магметук... (после его), Касый князь, а после Касия — Едигер князь»[1].

Следовательно, Тайбуга — историческое лицо, от него пошла династия сибирских князей: Махмет, Касым, Едигер, но Еблак, Мар, Ходж, перечисленные в летописи в качестве потомков Тайбугу, не принадлежали к династии Тайбуга. Составители Сибирской летописи механически соединили две разные династии: династию сибирских ханов и династию сибирских князей «Тайбугина рода». Сибирские летописи и грамота царя Федора Ивановича представляют род Тайбугу, как весьма влиятельный род в Сибири, успешно конкурировавший с сибирскими ханами. Один из князей «Тайбугина рода» в 1555 г. признал себя вассалом Ивана IV и обязался платить дань от своих 30700 «черных людей»[2]. Не принадлежал ли «Тайбугин род» к одному из отпрысков Орда-Ичена, получивших в свое время бассейн Иртыша, где при Марко-Поло так крепко сидел Кончи?

Как мы уже видели раньше, Хаджи-Мухаммед, провозглашенный ханом в Сибири был убит в 1428 г. Абулхаиром. Последний провозглашенный ханом в Тюмени[3] ушел из Сибири в Дешт-и-Кипчак, уступив Сибирь сыну Хаджи-Мухаммеда Махмутеку. «Сборник летописи» сообщает, что «после (Хаджи-Мухаммеда) ханом стал сын Хаджи-Мухаммеда Махмутек»[4]. Сыновья Хаджи-Мухаммеда утвердились в Сибири ханами, — говорит и составитель Турецкой рукописи и рассматривая их как сибирских ханов[5]. Татарский историк XIX в. Шихабутдин Марджани, располагавший другими неизвестными нам источниками (его генеалогия сибирских ханов несколько отличается от генеалогии сибирских ханов «Сборника летописи»), также считает Хаджи-Мухаммеда и его преемников сибирскими ханами[6], закрепившими ханство за собой. Последним представителем их был Кучум.

Ниже мы приводим генеалогию Хаджи-Мухаммеда, составленную по татарской редакции «Сборник летописи» и параллельно генеалогию Сибирской летописи[7]:

---

[1] Собрание Государственных грамот и договоров, т. II, 1819, стр. 32.
[2] С. М. Соловьев, История России, к. II, стр. 305—306.
[3] W. Barthold, Abulkair, Enzyclopeadie des islam.
[4] Н. И. Березин, Библиотека восточных историков, т. II, ч. I, стр. 106.
[5] А. Негри, Извлечения из турецкой рукописи; Записи Одесского общества истории и древности, Одесса, т. I, 1844, стр. 386.
[6] Шихабутдин Марджани, Мустафабул Абхар, т. I, Казань, 1895, стр. 151.
[7] Н. И. Березин, Библиотека восточных историков, т. II, ч. I, стр. 106.

При сопоставлении обеих генеалогических таблиц легко можно убедиться, что в обоих случаях дается правильная передача имен трех сибирских ханов: Хаджа-Хаджи-Мухаммед, Мар-Махмутек, Еблак-Ибак, и все они действительно являлись ханами сибирскими. Обдер, Махмет, Касым (Казы), Бекбулат, Елигер, внесенные Сибирскими летописями в список сибирских царей, как и сам Тайбуга, никогда не были царями Сибири. В «Сборнике летописи» имена ханов более правильны, чем в Сибирских летописях, хотя и в «Сборнике летописи» допускаются некоторые неточности, когда идет речь о последовательности правления некоторых сибирских ханов. Согласно «Сборнику летописи» после Махмутека Сибирским ханством правил хан Кутлук, якобы являющийся отцом Ибака. По Абулгази, наоборот, после Махмутека правил его сын Ибак, являющийся отцом Кутлука[1]. Указания Абулгази заслуживают внимания, они подкрепляются и данными русских летописей. В Архангелоградской летописи под 1505 г. говорится: «Понедельник; на страстной неделе, рать пришла без власти из Тюмени, Кулук (Кутлук) салтан, Иванов царев сын з братию и з детьми на Великой Перми»[2]. Из приведенных фактов видно, что после Махмутека правил Сибирским ханством Ибак (Ибрагим), являвшийся не то сыном, не то родным братом Махмутека.

Из анализа «Сборника летописи» и Сибирской летописи вытекает, что основателем Сибирского ханства был потомок Шайбана Хаджи-Мухаммед, провозглашенный ханом Сибири в 1420 или 1421 году при поддержке сына Едигея Мансура. Татарский историк XIX в. Шихабутдин Марджани, располагавший не дошедшими до нашего времени другими материалами, немного

[1] Abul. Chazi, Histoire des Mongols et des Tatares, t. I, p. 99.
[2] Устюжский летописный свод, стр. 102.

отличавшимися от тех материалов, которыми располагал составитель «Сборник летописи», пишет: «Сибирское государство есть государство Хаджи-Мухаммеда, сына Али. Резиденция его государства находилась от крепости Тобол 12 верст выше, в городе Искер, иначе называемая Сибирью»[1]. Махмутек, провозглашенный ханом после убийства отца, закрепил эту крепость и прилегавшие к ней территории за своим преемником и превратил в Сибирское ханство, ставшее значительным татарским государством при хане Ибаке.

Каковы были границы Сибирского ханства при Хаджи-Мухаммеде и его ближайших преемниках, мы не знаем. Ко времени похода Ермака Сибирское ханство занимало довольно обширную территорию в Западной Сибири. Границы ханства простирались от восточных склонов Уральского хребта, захватывая бассейны Оби и Иртыша, включали в себя почти весь улус Шайбана и значительную часть улуса Орда-Ичена. На западе оно граничило с Ногайской ордою в районе реки Уфы, на Урале — с Казанским ханством, на северо-западе по рекам Чусовой и Утке оно граничило с Пермью. К Северу его граница тянулась до самого Обского залива; на севере от Обского залива восточная граница Сибирского ханства шла по рекам Надим и Пим к городу Сургут, а затем поворачивала к югу по реке Иртышу; в районе реки Омь несколько уходила к Востоку от Иртыша, охватывая Барабинскую степь. В XVI веке, в период падения Сибирского ханства, в городе Тантур на реке Оми находился наместник Кучума Барабе-Буян бек, в городище Чиняевском на озере Чаны тоже сидел ставленник Кучума. На юге Сибирское ханство в верховьях рек Ишима и Тобола граничило с Ногайской Ордой[2].

Эти суммарные границы Сибирского ханства в XVI в. должно быть остались в таком же виде на протяжении всей его истории. Огромная территория Сибирского ханства отличалась от других татарских государств, образовавшихся после распада Золотой Орды. Она была слабо населена, даже в XVI в., при правлении Едигера Сибирское ханство насчитывало 30 700 человек улусных «черных людей». Само татарское население, составлявшее господствующую прослойку, выделялось в виде отдельных островков среди массы местного населения — манси и вогулов, враждебно настроенных против татарской аристократии и их ханов. Сибирское ханство, как отмечал С. В. Бахрушин, было типичным полукочевым царством, разделенным на ряд плохо спаянных между собою племенных улусов, объединенных татарами чисто внешним образом[3]. Сибирские татары, будучи кочев-

---

[1] Ш. Мураджани, Мустафабул Ахбар, т. I, Казань, 1888, стр. 9.

[2] П. А. Словцов, Историческое обозрение Сибири, ч. I, 1886 г., стр. XVI, С. В. Бахрушин. Примечания на работу Г. Ф. Миллера. История Сибири, т. I, 1937 г., стр. 476—477.

[3] С. В. Бахрушин, Научные труды, т. III, ч. I, 1955. изд. Акад. наук СССР, стр. 144.

никами-скотоводами, охотниками и звероловами, всегда нуждались в продуктах земледелия, в предметах городского ремесла. Обычно, получая их из Средней Азии, Сибирские татары экономически зависели от соседних узбекских ханств, внутренняя слабость Сибирского ханства делала его зависимым от соседних ногайских князей и мурз, оказывающих на них политическое влияние.

В более благоприятных условиях, в смысле изучения его истории, оказалось другое татарское государство — Ногайская Орда, образовавшаяся также в результате распада Золотой Орды. Если источники по истории Сибирского ханства до нас дошли весьма в ограниченном виде и представляют собой отдельные, не связанные между собой, отрывочные сведения, то по истории Ногайской Орды сохранилось довольно значительное количество данных. В фондах ЦГАДА в полном виде сохранились так называемые «Ногайские дела», так или иначе отражающие историю Ногайской Орды, начиная со второй половины XVI в. Значительная часть материалов из «Ногайских дел» была опубликована в Приложениях к «Истории России» князя М. М. Щербатова, остальные материалы до 1577 г. включительно были изданы Н. И. Новиковым в «Продолжениях Древней Российской вивлиофики» (ч. VII—XI), другая часть материалов была опубликована в разных других изданиях, что в значительной мере облегчило изучение истории Ногайской Орды.

Отдельные стороны истории Ногайской Орды были затронуты в работах В. В. Вельяминова-Зернова, Н. И. Веселовского, Г. Перетятковича, В. В. Бартольда, П. П. Иванова, Г. Ховарса. Однако исследователи занимались преимущественно историей Ногайской Орды XVI—XVII вв. История же образования Ногайской Орды, или Мангытского юрта, до сих пор остается неизученной. Те отдельные замечания, которые были сделаны по ранней истории Ногайской Орды, ныне явно устарели и требуют исправления. Так, например, английский историк Ховарс отождествляет позднейших ногайцев с прежними печенегами[1], хотя к XIII веку печенги, как народ, перестали существовать как этнографическая группа, слившись с половцами еще в XII в.[2] Н. И. Веселовский в своей работе «Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время» видел в позднейших ногайцах подданных темника Ногая, называвшихся так по имени Ногая[3]. На этой же точке зрения стояли составители «Истории Узбекской ССР»[4]. Мы уже видели раньше, что улус темника Ногая был расположен у Дуная, а его подданные никогда не называли себя

---

[1] H Howarth, History of the Mongols, II. p. 1021.

[2] Примечания В В. Бартольда на книгу Лэп-Пуля «Мусульманския династия», 1899, стр. 185, Примечания 3.

[3] Н. И. Веселовский, Хан из темников Золотой Орды. Ногай и его время, 1922, стр. 1.

[4] История Узбекской ССР, т. I, ч. I, 1955, Ташкент, стр. 372.

ногайцами. После разгрома Ногая и его сыновей в 1301г. улусные люди Ногая были распределены между царевичами и рассеяны по другим улусам. До XVI века термин «ногайцы» был неизвестен.

Термин «ногайцы» и «Ногайская Орда» впервые появляется в западно-европейской литературе только с 1517 года в «Трактате о двух Сарматиях» Матвея Меховского, а в восточной литературе — у турецкого историка Джаннаби, умершего в 1590 г., называвшего Едигея «главой поколения ногайцев»[1]. Сами же ногайцы в своих грамотах обычно называли себя мангитами[2], считая название «ногайцы» оскорбительным, поскольку монгольское слово «нокай» означало «собака». Название «Ногай», «ногайцы», очевидно, было дано им другими народами или, быть может, окруженцами хана Тохтамыша, давшего эту кличку самому Едигею. Позднее название «Ногай» закрепилось и за его улусными людьми. Поэтому составитель «Сборника летописи» Кадыр Алибей называет Едигея не иначе как собака («Идике кычек — Едигей собака»)[3]. Как уже было отмечено, сами ногайцы называли себя мангытами, а свое государство «Мангытским юртом». Это объясняется тем обстоятельством, что основатель Мангытского юрта Едигей происходил из отюрчаненного монгольского племени мангытов[4], был главой, а позднее и князем этого племени. Нами указывалось выше, Едигей перед нашествием Тимура на Золотую Орду, изменив своему хану, перешел на сторону Тимура, был одним из подстрекателей войны 1391 г. Когда же Тимур после разгрома Золотой Орды начал переселять жителей Дешт-и-Кипчака в Среднюю Азию, Едигей изменил Тимуру и бежал к мангытам вместе с дружиной, состоявшей из его соплеменников.

Вскоре, как сообщает Клавихо, он был провозглашен князем только что откочевавшихся мангытских племен. «Один рыцарь, служивший Тимурбеку, — пишет Клавихо, — по имени Едигу, заметил, что между татарами было несогласие, сговорившись с ними, (он) обещал, что пойдет против Тимурбека и против всех, кто будет их врагом, *они взяли его себе царем* (?), и он возмутился против Тимурбека»[5] Клавихо, правильно передавая события, связанные с княжением Едигея, допускает ошибку, сказав о провозглашении Едигея царем (ханом), которым он никогда не был; ни он сам, ни его преемники не носили титула хана, называ-

---

[1] Charmoy указ. соч., стр. 372.

[2] Продолжение Древнероссийской вивлиофики, ч. VIII, стр. 195, ч. IX, стр. 4.

[3] Н. И. Березин, Библиотека восточных историков, т. II, ч. I, стр. 157, в фондах ЦГАДА в «Ногайских делах» среди грамот ногайских мурз имеется восковая печать с эмблемой собаки.

[4] В. В. Бартольд, Отец Едигея, Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии, т. 1/58, 1927, стр. 19.

[5] Клавихо, Дневник путешествия, стр. 340.

лись только князьями. Не принадлежа к потомкам Джучи, Едигей не мог претендовать на титул хана-царя. Ибн-Арабшах, более осведомленный о Едигее, чем Клавихо, говорит: «Он не мог присвоить себе название султана (т. е. хана — М. С.), потому что таким, будь это возможно (непременно), провозгласил бы себя Тимур, завладевший (всеми) царствами»[1]. Последний, несмотря на все свое могущество, остался только гургеном; так же поступил и Едигей, довольствуясь титулом князя Мангытского юрта. «Мангытский юрт» Едигея, отделявшийся от Золотой Орды в 1391 г., уже тогда был одним из значительных феодальных объединений; по словам Клавихо, «Едигей имел постоянно в своей орде более двухсот тысяч всадников»[2]. После 1391 г. Едигей временно сходил с политической арены и до 1395 г. его имя не встречается в источниках; оно снова появляется лишь перед вторым походом Тимура против Тохтамыша. Так, например, Клавихо сообщает об обращении Тимура к Едигею с просьбой о союзе перед походом на Золотую Орду в 1395 г. Но судя по ответу Едигея, можно сделать вывод, что союз против Тохтамыша не был заключен и Едигей во время похода 1995—96 гг. оставался в стороне.

На политической арене Едигей появляется после вторичного разгрома Тохтамыша. За оказанную помощь при воцарении Тимура-Кутлука он был назначен его старшим эмиром-беклярибеком[3]. Едигей сохранил эту должность до своей смерти (1420 г.) в течение более 20 лет управления Золотой Ордой почти на правах хана. Поэтому арабские писатели и называют его царем (альмалек), хотя он никогда не был им, назывался как обычно только беком (князем) Золотой Орды.

Управляя государством через поставленных им подручных ханов, он сумел между тем сделать Монгитский юрт одним из крупнейших государственных объединений в составе Золотой Орды, способного поставить до двух сот тысяч воинов от своего улуса. «Было у него около 20 сыновей,—писал Ибн-Арабшак,— из которых каждый был царь (?) владычный, имевший (свой) особый удел, войско и сторонников»[4].

О падении Идегея в 1420 г. на реке Яике говорилось раньше. Приемником на княжение в Мангитском юрте после Едигея стал сын его Газий, объявленный князем (беком) по завещанию отца. «В дни правления и во время султанства Джумадух хана (1425—1428г.) Газти бей Мангит, — пишет Масуд бен Османи Кухистани, — который был из сыновей Идаку-бея, по завещанию отца своего сделался предводителем народа и племени, овладел

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 469.
[2] Клавихо, Дневник путешествия, стр. 341.
[3] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 474. ВВ. Радлов, Ярлыки Тохтамыша и Тимур-Кутлука, стр. 20.
[4] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 474, Казанская история, издательство АН СССР, 1954, стр. 50.

и подчинил силой оймак и племя. Когда он утвердился на троне могущества и престола верховенства... сошел с широкой дороги милосердия», тогда против его восстали эмиры и вожди племени. «Когда эмиры и вожди Дешт-и-Кипчака вышли из терпения от зла Гозий-бея, — читаем далее у того же автора, — и возопили от его насилия и угнетения и когда счастье и благодатствие отвернули от него лицо, они умертвили его. И отвратили зло его от голов обитателей эти страны «(После чего) радостные (они) направились к трупу Джумадук хана»[1].

С уходом большинства эмиров и вождей племени в Сибирь Монгитский юрт на время пришел в упадок. Сыновья и внуки Едигея разбрелись в разные стороны. Один из сыновей его Мансур ушел к хану Хаджи-Мухаммеду, другой сын Едигея Навруз находился у Улук-Мухаммеда, внук Едигея-Воккас помогал Абулхаиру. Кочевое население, ранее подчиненное Едигею и его приемнику Газию, перекочевав к узбекам, ушло в Среднюю Азию, в связи с этим оскудел и юрт. В Монгитском юрте вместе с младшим сыном Едигея, с Нуратдином, по монгольскому обычаю унаследовавшего удел-юрт отца, находившийся на Яике, осталась лишь небольшая часть кочевников. Судя по источникам, Нуратдин предпринял ряд мер, чтобы собрать остатки прежнего улуса. Каким-то образом ему удалось подчинить себе районы близлежащие к Волге. Ногайские мурзы в своих грамотах писали: «А Волга и Яик оба то отца моего юрт, потому мой отец князь (Едигей) великий на Яике, а другой же отец мне Нурадин мурза на Волге»[2]. Из другой грамоты тех же ногайских мурз мы узнаем, что земли, расположенные вблизи Волги «Нурадину Мурзу пожаловал Тимур Кутлуев царя сын»[3]. Вряд ли это произошло при Тимуре, сыне Тимур-Кутлука, царствовавшего в 1411—1412 г. Районы Поволжья, скорее всего, были пожалованы Нуратдину при внуке Тимур Кутлука Кичи-Мухаммеда, впервые появившемся на политической арене в 1432 г.

О деятельности Нуратдина по восстановлению Монгытского юрта много говорится в Караногайской редакции «Сказания о Едигеи и Тохтамыше», как памятнике появившемся вскоре после смерти Нуратдина. В «Сказании» в основании Ногайской орды главную роль приписывается не столько самому Едигею, сколько его сыну Нуратдину. Из сказаний видно, что претензия его на главенство над Монгытским юртом вызвало резкое недовольство со стороны представителей других знатных родов. Вспомнили о незнатном происхождении Едигея и его потомков, не принадлежавших к потомкам Чингис-хана. В связи с этим сторонникам Нуратдина пришлось «обосновать» права Нуратдина

---

[1] С. К. Ибрагимов, Указ. соч., стр. 86.

[2] Продолжение Древне-Российской вивлиофики, ч. X, 1795, СПБ, стр. 66—67.

[3] Продолжение Древне-Российской вивлиофики, ч. X, стр. 136, ч. XI, стр. 233—234.

на главенство ордой, наскоро составить генеалогию Едигея. Отвечая недовольным элементам, Нуратдин тогда говорил: «Я от рождения видел и признал одного единого бога, сам бог меня всюду покровительствовал, а что я не из рода Чингис-хана, то это меня ничуть не угнетает, ибо я из племени славного Хочахмата-Бобы Тулика»[1]. По указанию Нуратдина тогда же была составлена генеалогия Едигея и его приемников якобы являющихся потомками то ли Средне-азиатского мистика Ходжа Ахмета Ясави, умершего в 1166 г., то ли потомком самого Магомета.

Несмотря на то, что Нуратдину удалось несколько восстановить Монгытский юрт, тем не менее он не был объявлен князем Ногайской Орды. В официальной генеалогической таблице ногайских князей и мурз о нем говорится только как о мурзе, а не о князе ногайском. В родословной книге татарских ханов в разделе «Начало орды Ногайской и родословная князьям и мурзам ногайским» читаем: «Мангыт сильный Едигей князь, а у Едигея князя дети Мурадин (Нурадин) мурза да Мансырь князь, а у Нурадин мурзы дети Оказ князь»[2].

Матвей Меховский приписывает окончательное оформление Ногайской орды сыну Нуратдина-Оккасу (Воккасу). «После того, как Оккас (Воккас), выдающийся слуга и воин великого хана, имевший 30 сыновей, был убит, — пишет Матвей Меховский,— сыновья его (Воккаса) отделились от главной Заволжской орды и поселились около замка Сарай (т. е. Сарайчук—МС), лет за 70 или немного меньше до нынешнего (1517) г. Вскоре они до чрезвычайности разрастались так, что в наше время стали уже наиболее многочисленными и самой крупной ордой»[3]. Воккас, как уже было сказано выше при рассмотрении истории образования узбекского союза, был одним из главных лиц, рубивших мечом за Абулхаира, стал его старшим эмиром; однако он, предчувствуя ослабление узбеков, в 1447 г. отделился от Абулхаира и вернулся в Монгытский юрт, где был объявлен ногайским князем. В родословной ногайских князей и мурз он назван князем ногайским. Правда, он вскоре был убит агентами Абулхаира. После убийства Воккаса его брат Аббас был провозглашен ногайским князем.

Ногайская орда, окончательно оформившаяся в самостоятельное государство в 40-х гг. XVI в., особенно стала усиливаться в связи с ослаблением и разгромом узбекского союза. Тогда многие из племени, ранее входившие в состав узбекского союза,

---

[1] К. Ананьев, Караногайцы и их преданий, Сборник сведений о Северном Кавказе, т. II, 1906, Ставрополь-Кавказский, стр. 7—9.

[2] Временник Московского об-ва Истории и Древности Российской, т. X, 1851, М., стр. 30.

[3] Матвей Меховский, Трактат о двух сарматиях, 1935, М., стр. 92—93.

присоединились к ногайцам[1]. При развале орды Абулхаира Аббас вместе с сыновьями Хаджи-Мухаммеда играли активную роль в захвате восточных владений Абулхаира в устьях р. Сыр-Дарьи, Аму-Дарьи и верховьях Иртыша[2]. В XVI в. владения мангытских князей граничили на северо-западе с Казанским ханством по рекам Самарке, Кинели и Кинельчеку. Здесь находились их летние пастбища («летовище»)[3]. Башкиры и остяки, жившие у р. Уфы, платили ногайцам дань[4]. На северо-востоке Ногайская Орда граничила с Сибирским ханством. По словам Г. Ф. Миллера, район, лежавший юго-восточнее Тюмени, назывался Ногайской степью[5]. Известный казахский ученый первой половины XIX века Чокан Валиханов рассматривал Алтайские горы, как пограничную линию, отделяющую Казахское ханство от Ногайской орды[6]. В первой половине XVI в. ногайцы кочевали у низовья Сыр-Дарьи, у берегов Аральского моря, у Каракума, Барсункума и у северо-восточных берегов Каспийского моря[7].

От других татарских государств Ногайская Орда отличалась не столько размерами территории, сколько многочисленностью улусных людей. Матвей Меховский называет ее «наиболее многочисленной и самой крупною ордою». Сообщения Матвея Меховского подтверждаются актовым материалом середины XVI в. Ногайский князь в 30-х годах XVI в. мог располагать до 200000 воинами, даже без участия воинских людей некоторых ногайских мурз. Обычно же у татар воинские люди составляли 60% всего населения, следовательно, князь, располагавший 200 тысяч воинов, мог иметь 300—350 тысяч населения[8]. Правда, цифра 200 тысяч относится к XVI в., но если учесть, что в период образования Ногайской Орды Едигей тоже располагал двухсоттысячным войском, то можно допустить, что численность улусных людей ногайских князей была значительна и в более ранний период.

Несмотря на населенность, Ногайская Орда была аморфным

---

[1] В XVI в. в Ногайскую орду входили племена: монгиты, нойманы, кунгарты, китайцы, кипчаки, мины, тогучаны, колачи, алчины, чублаки, конклыки, кираеты, кияты и другие (М. Г. Сафаргалиев. Ногайская Орда в середине XVI в., кандидатская диссертация, 1939, лист 38—41).

[2] Нусрет Намэ, Рукописный фонд Ленинградского отделения ин-та Востоковедения Акад. наук СССР. В — 745, л. 95—96.

[3] Предложение Древней Российской вивлиофики, ч. XIII, стр. 220. Герберштейн, Записки о московских делах, стр. 157.

[4] ЦГДА, Ногайские дела за 1585 г., дело № 8, л. 10.

[5] Г. Ф. Миллер, История Сибири, т. I, стр. 191.

[6] Валиханов, Сочинения, 1904, стр. 493; Продолжение Древне-Российской вивлиофики, ч. VIII, стр. 291.

[7] Карта к соч. Дженкинсона, Английские путешественники в Московском государстве в XVI в., 1938 г.

[8] М. Г. Сафаргалиев, Ногайская Орда во второй половине XVI в., Сборник научных работ Мордовского пединститута, 1949, Саранск, стр. 34—35.

государственным образованием. Она делилась на многочисленные полусамостоятельные улусы, подчиненные ногайским мурзам. Улусы очень слабо были связаны между собой. Ногаевские мурзы, стоявшие во главе больших или малых улусов, лишь условно признавали ногайских князей своими «старшими братьями», каждый мурза называл себя «государем в своем государстве»[1].

Будучи одним из самых крупных государственных образований, возникшим на развалинах Золотой Орды, Ногайская Орда отличалась от других вновь образованных татарских государств своей внутренней слабостью, раздробленностью. Слабость внутреннего строя и государственная раздробленность Ногайской Орды объясняется натуральным характером кочевого хозяйства ногайцев, малозатронутых товаро-денежными отношениями. Современники, писавшие о ногайцах, даже в XVI веке рисуют их исключительно кочевниками, не знающих ни земледелия, ни оседлого образа городской жизни. «У ногайцев нет ни городов, ни домов,— писал Джинкинсон в 1557 году,— живут они в открытых степях, когда скот съест всю траву, они перекочевывают в другие места, этот народ пастушеский, владеющий множеством скота, составляющим все его богатство»[2].

Город Сарайчук, единственный город на территории орды, за 100 лет существования Ногайской Орды не был восстановлен, оставался в полуразрушенном состоянии. Единственным примечательным местом города были тюрьма, кладбище, где ногайцы хоронили своих мертвецов.

С образованием Ногайской Орды, Сибирского ханства и самостоятельных ханств казахов и узбеков Золотая Орда, как государственное объединение, перестала существовать. Под властью хана Улук Мухаммеда осталась лишь небольшая часть земель и улусов, расположенных к западу от Волги. Впрочем и здесь в это время также шел процесс образования новых феодальных объединений.

---

[1] Рассмотрение внутренней структуры Ногайской Орды не входит в наши задачи, тем более она была частично затронута нами в статье «Ногайская Орда во второй половине XVI века».

[2] Известия англичан о России в XVI в., пер. А. Середонина, 1887, стр. 38.

Глава VIII

ОБРАЗОВАНИЕ КАЗАНСКОГО, КРЫМСКОГО, АСТРАХАНСКОГО ХАНСТВ И БОЛЬШОЙ ОРДЫ

В предыдущей главе мы вкратце рассмотрели процесс образования новых государственных объединений на восточных окраинах государства: Ногайской Орды, Сибирского ханства, попутно коснувшись вопросов образования Узбекского и Казахского ханств, сложившихся за пределами государственных границ Джучиева улуса.

С появлением новых государственных объединений на развалинах Золотой Орды Джучиев улус, как государство, фактически перестал существовать. С отпадением восточных земель под властью ханов Золотой Орды осталась лишь часть ее владений, расположенных к западу от Волги. Однако и за эту сравнительно небольшую по размерам территорию шла ожесточенная борьба между сторонниками ханов Улук-Мухаммеда и Давлет-Берди. «В землях Дештских (была) большая неурядица,— писал Эль-Айни,— ханы оспаривают царство друг у друга, из них, по имени Давлет-Берди, овладел Крымом и прилегающим к нему краем; другой Мухаммед хан завладел Сараем и принадлежащими к нему землями»[1].

Сообщения Эль-Айни о захвате Крыма ханом Девлет-Берди относятся к марту 1427 г. Дата провозглашения его ханом в Крыму устанавливается на основании письма к Витовту от одного каффского купца, написанного, по поручению хана Давлет-Берди, 2 мая 1426 г. В письме сообщалось:— «Император (Давлет-Берди) вступил в Солхат и, пребывая в нем, просит вашей милости; он рассказывал мне, что он никогда не был врагом вашим и не имел причин враждовать с вами. Рассказывают, что он хочет мирно управлять государством без вражды.., желает установить торговые связи с вами, как он установил с сарацинами. Мы надеемся, что с вашей стороны могут быть установлены добрые отношения с Давлет-Берди так же, как он

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 534.

установил с сарацинами. По татарскому обычаю он хотел бы прочно держаться братских торговых связей, о чем и просит вашей милости»[1]. Это письмо уточняет время воцарения Давлет-Берди и помогает исправить ошибку Стрыйковского. Как известно, Стрыйковский писал, что якобы «перекопским татарам Витовт дал... на царство Керкильска (Кырек-ерска)... Давлет-Бердия»[2]. Если бы дело обстояло так, как пишет Стрыйковский, то ему не было бы необходимости писать Витовту о своем желании установить с ним дружественные отношения и доказывать, что он (т. е. хан) никогда не был врагом Витовта. Наконец, это письмо опровергает и утверждение В. Д. Смирнова «об участии» Витовта в провозглашении Давлета-Берди ханом.

В исторической литературе со времени С. С. Сестренцевича-Богуша отождествляют Давлета-Берди с основателем Крымского ханства Хаджи-Гиреем. От этой ошибки не свободен и историк Крымского ханства В. Д. Смирнов[3]. Согласно генеалогическим таблицам «Муиззии», источника безупречного в вопросах генеалогии ханов, Давлет-Берди и Гиас-ад-дин, являвшийся отцом Хаджи-Гирея, были родными братьями, сыновьями Таш-Тимура, кратковременно царствовавшего в Золотой Орде в 1395 г., последний (т. е. Таш-Тимур) подобно Тохтамышу и Улук-Мухаммеду принадлежал к потомкам Тукай-Тимура[4].

Давлет-Берди, провозглашенный ханом летом 1426 г., правил главным образом Крымом и прилегающими к нему землями, остальная часть Золотой Орды на Западе оставалась в руках Улук-Мухаммеда и Барака. О положении Золотой Орды к началу 1427 года рассказывается в летописи Эль-Айни: «В месяце джумадиевве ле 830 года (март 1427 г) прибыло письмо от завладевшего Крымом лица, по имени Давлет-Берди, состоявшее из прекрасных фраз, которые заключили в себе двустишья и (более длинные) стихотворения и поговорки, переполненные разными риторическими затеями, оборотами и украшениями, оно было прочитано султану и (ваш) слуга нижайший присутствовал при этом в собрании, но ни читавший, ни другой кто не понимал содержавшихся в нем (письме) тонкостей. Привозивший (это) письмо сообщил, что в землях дештских большая неурядица, и что три царя оспаривают царство друг у друга. Один из них, по имени Давлет-Берди, овладел Крымом и прилегающими к нему краями, другой — Мухаммед-хан завладел Сараем и принадлежащими к нему землями, а третий, по

---

[1] Codex Epistolaris Vitoldi, p. 721.

[2] Steyikowski, Kronika... t. II, p. 175.

[3] В. Д. Смирнов, Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII в., СПБ, 1887, стр. 229, 233.

[4] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 61.

имени Борак, занял земли, граничащие с землями Тимур-ленка»[1].

Во время этой «неурядицы» в орде Давлет-Бердию удалось на время отвоевать Астрахань и несколько расширить свои владения на востоке. В 831 (22.X-1427—10.X-1428) г. в Астрахани чеканились монеты с именем Давлет-Берди[2]. Захват Астрахани был кульминационным моментом деятельности Давлет-Берди, вскоре после этого он исчез с политической арены, уступив все занятые им земли Улук-Мухаммеду. Ко времени написания письма Улук-Мухаммеда турецкому султану Мураду II (14 марта 1428 г.) Давлет-Берди уже не было в живых, в противном случае в письме упоминалось бы о нем. В этом письме, написанном в городе Азаке (Тану), Улук-Мухаммед извещал султана о своих успехах в «овладении государством»[3]. В 832 (11.X-1427—1.X-1429) г. «государем Крыма и прилегающих к нему земель был Мухаммед-хан», как говорит об этом Эль-Айни[4]. Через год Улук-Мухаммеду принадлежал не только Крым, но и все владения Джучидов на западе. Витовт в своем письме к Ливонскому ордену 9 сентября 1429 г. писал: «Царь Махмет наш друг писал нам, что он владеет теперь всем царством и Ордой и через посла своего предложил нам прочный союз»[5]. В другом письме он называет Улук-Мухаммеда «самым могущественным» ханом, прочно державшим в своих руках управление Ордой. Но из контекста письма видно, что положение хана было отнюдь не блестящим. В Орде снова началась междоусобица, население, разоряемое бесконечными феодальными войнами, массами уходило в соседние государства. «К нам прибыло бесчисленное количество татар из пределов Киева,— писал Витовт,— которые устали от войны... и просят дружественного приюта с нашей стороны»[6]. В эти годы, в связи с массовыми переходами татар, значительно выросло количество татарского населения в Литве. По данным анонимного автора «Истории польских татар» «(Рисалия татары лях»), составленной в 1558 году, к концу правления Витовта (к 1430 г.) в Литве было до 40 тыс. воинов-татар, не считая членов их семейств, а к 1558 году численность татарского населения в Польше и

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 533—534. Посол хана, правильно излагая факты, ошибочно называет Улук-Мухаммеда владетелем Сарая; развалины Сарая находились в пределах Ногайской орды, в 1427 г. Сарай не принадлежал Улук-Мухаммеду.

[2] Х. М. Френ, Монеты ханов Улуса Джучиева, 1838, стр. 35. А. К. Марков, Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа, стр. 503.

[3] Akdes Nimet Kurat, Topkapi serayi Muzesindini Alton ordu, krim, ve Turkstan Hanlarina ait, jarlin ve bitiklere.

[4] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 534.

[5] Codex Epistolaris Vitoldi, p. 866.

[6] Codex Epistolaris Vitoldi, p. 759.

Литве увеличилось уже до 200 тыс. человек[1]. Татарское население, особенно татарская знать, уходило не только в Литву и Польшу, но и в пределы Московского государства. На службу Московского великого князя перешел, например, один из представителей наиболее известного в Крыму рода князей Барановых, положивший начало боярскому роду Барановых на Руси[2].

Народные массы, разоренные бесконечными войнами и междоусобицей, еще больше пострадали от такого бедствия, каким явилась эпидемия чумы 1429 года. «В 833 (30.IX-1429—I.X-1430 гг.) и предшествующим им году (1428—1429) в землях сарайских и дештских и в степях кипчатских были сильная засуха и чрезвычайно большая моровая язва, от которой погибло множество народу, так что уцелели из них (татар) со стадами только немногие роды»[3].

В какой мере чумная зараза поразила отдельные районы Среднего Поволжья, мы в точности не знаем. Однако сообщения русских летописей о походе русского войска «на Болгары Волжские» (1431 г.) дают основания говорить о массовой гибели населения в этом районе. «Великий князь Василий Васильевич,— читаем мы в летописи,— послал (с) ратью на Болгары волжские князя Федора Давидовича Пестрого, он же шед взя их, всю землю их плени»[4]. О сопротивлении со стороны татар неприятелю летописи не обмолвились ни единым словом. Сопротивления не было оказано, очевидно, именно вследствие гибели от чумной эпидемии огромной массы тамошнего населения. Поход князя Федора Пестрого на булгар, правда, не имел особых последствий; разорив булгарские земли, он ушел обратно, но, по-видимому, этот район к тому времени отпал из-под власти Улук-Мухаммеда. В 1437 г., во время захвата им Казани, в этом городе сидел князь «вотчич» Алибек, правивший окрестностями Казани.

С утратой Среднего Поволжья Улук-Мухаммед лишился одной из богатейших областей своего улуса, откуда он еще получал средства для содержания своего двора и особенно хлеб, так необходимый для татар, только что переживших эпидемию чумы. Кроме того, смерть великого князя Литовского Витовта, покровителя и союзника Улук-Мухаммеда, в октябре 1430 г. поставила его в чрезвычайно затруднительное положение. Витовт всегда оказывал (конечно, не бескорыстно) помощь своему «другу», теперь же не могло быть и речи о поддержке Улук-Мухаммеда Литвой, так как в самой Литве после смерти Витовта возникла междоусобная борьба между Свидригайлом и

---

[1] Мухлинский, Исследование о происхождении и состоянии литовских татар, 1854, стр. 10.

[2] В. Руммель и В. Голубев, Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. I, 1886, стр. 107.

[3] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 442.

[4] ПСРЛ, том XI, стр. 171; том XXV, стр. 248.

Сигизмундом Кейстутовичем. В Никоновской летописи под 1431 г. сообщается о походе татар на Литву, закончившемся пленением Мценского воеводы Григория Протасова[1]. Направлен ли был этот поход против Свидригайло или против Сигизмунда, нам неизвестно. Однако после этого похода Литовское правительство заняло враждебную позицию в отношении Улук-Мухаммеда, взяв курс на сближение с Крымом.

О положении Орды в 1432 году имеется интересная запись в русских летописях. В этом году великий князь Василий Васильевич, рассорившись с удельным князем Юрием Дмитриевичем (Галицким и Звенигородским), отправился в Орду к хану. Оба соперника на «великое княжение» предстали перед ханским судом. Летописец, сопровождавший великого князя в поездке к хану, оставил нам подробное описание состояния дел в Орде в период крушения государственности у татар. В Орде боролись между собою две группы татарских князей; хан самостоятельно не мог решать ни одного вопроса. При разборе дела русских князей «дорога» («даруга») московский Мин-Булат стал на сторону великого князя, а «князь великий Ордынский Ширин Тегиня — на сторону удельного «великое княжение обеща ему дати». Спор между великим князем московским и его бунтующим вассалом, вследствии несогласия эмиров, остался нерешенным до следующего года; хан был бессилен что-либо предпринять помимо воли своих враждующих князей.

Спорщики разъехались. Великий князь остался в лагере князя Мин-Булата, Юрия Дмитриевича взял с собой на зимовку в Крымский улус князь Тегин. Боярин Иван Дмитриевич Всеволожский, сопровождавший великого князя при поездке его в Орду, сделал по адресу хана законный упрек: «Не может (де) царь (т. е. хан) ис Тегинина слова выступити, мимо всех нас, но по его слову дати великое княжение князю Юрию? и коли царь по его слову так учинить, а вас тогда что будет? Князь Юрий, князь великий будет на Москве, а в Литве князь великий побратим его Швитригайло,, а Тегиня в орде и в царе волен, не молвив вас». Под влиянием этих слов большинство татарских князей «начаша царю (хану) бити челом за великого князя». Они добились от хана согласия удовлетворить просьбу великого князя. Но весной 1433 года, когда Тегиня прибыл в орду хана, «княжение великое князю Юрию хотят дати», «многа пря бысть межи их». Вначале хан решил в пользу великого князя, но затем «убоявся того, сътвори, по Тегинину слову, да придал князю Юрию к его вотчине град Дмитров с волостми всеми, и отпустил царь их на свои отчины»[2].

---

[1] ПСРЛ, том XII, стр. 9.

[2] ПСРЛ, т. V, стр. 264; т. VI, стр. 148; т. VIII, стр. 96; т. XII, стр. 171; Л. В. Черепнин, Русские феодальные Архивы XIV—XV веков, т. I, 1948, стр. 104—105.

Летописец объясняет колебания хана тем, что Тегин стал «противу царя и хоте отступити от него, понеже бо в то время пошел бяше на Махмета Кичи Ахмет царь, а он же убояся того сътвори по Тегинину слову». Эти указания летописи важны не только как показатель шаткости положения самого хана, они ценны и в другом отношении. Здесь впервые появляется сообщение русской летописи о царевиче Кичи-Мухаммеда, ошибочно названном Кичи-Ахметом. Появление нового хана из числа потомков Урус-хана, претендующего на западные улусы, естественно, явилось большой угрозой для Улук-Мухаммеда, тем более, что феодальная верхушка Крыма, в лице влиятельной крымской фамилии — князей Ширинских, находилась в оппозиции «хотя отступити от него».

Кичи-Мухаммед, сын Тимур-хана, до этого находился где-то на востоке и был провозглашен ханом после убийства Барака. «Мухаммед-султан, сын Тимур-хана, сына Кутлук-Тимура,— пишет Гаффари,— по решению эмиров сел после убийства Барака на царство в 834 (19.IX—1430—8.IX—1431) г. Он послал из Дешта войско на Хорезм, и оно произвело большое опустошение»[1]. Русские летописи, отмечая появление Кичи-Мухаммеда в западном улусе весной 1433 года, не указывают места пребывания его. Во время войны с Улук-Мухаммедом в 1437 г. он двинулся на запад из района Астрахани, считавшейся «юртом Тимур-Кутлука», где он, должно быть, пребывал в 1433—1437 гг.[2]

О взаимоотношениях этих двух Мухаммедов, оспаривавших друг у друга право на владение западными улусами Золотой Орды в 1436—37 гг., пока мы не располагаем данными. Во всяком случае появление Кичи-Мухаммеда и захвата им Астрахани и, быть может, Северного Кавказа, поставило Улук Мухаммеда в весьма затруднительное положение. В связи с этим особенно обострились взаимоотношения хана с татарской аристократией в Крыму, где появились сторонники будущего крымского хана Хаджи-Гирея, упорно отстаивающих независимость Крымского улуса от ханов Дешт-и-Кипчака.

К сожалению, история Крымского полуострова в 30 х г. XV в. очень слабо отражена в источниках. Испанский путешественник Перо Тафур, посетивший г. Каффу в 1435—39 годах, ограничивается описанием самого города, о событиях же, происходивших в Крыму, говорит вскользь, поскольку он, как можно судить из его книжки «Предшествия и путешествия», кроме самого горо-

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 212, 215.

[2] А. К. Марков, имевший на руках монеты Кичи-Мухаммеда, выбитые в Астрахани, почему-то датирует их 831, 22.X—1427—10.X—1428 (Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа, стр. 530), тогда как имя Кичи-Мухаммед впервые упоминается только с 834 г. Возможно А. К. Марков имел дело с дефектными экземплярами его монет и поэтому 834 привял за 831 г.

да Каффы, нигде больше не был. «Я пытался сколько это было возможно проехать по Татарии,— писал он,— однако мне посоветовали этого не делать, потому что дорога не безопасна из-за людей, которые шатаются по дорогам, не повинуясь своим господам. Я собирался видеть город Corkat (Солхат?), чтобы оттуда направиться на Орду великого хана, чтобы посмотреть войско ордынское, базары и также познакомиться с двором»[1].

Те сведения, которые он собрал о татарах, не будучи в самой Татарии, не представляют большого интереса для исследователя и не вносят ничего нового, за исключением сообщения о том, что Крымский полуостров уже тогда был оторван от остальной части Татарии, именно поэтому Тафур и не мог узнать чего-либо на месте о событиях в Дешт-и-Кипчаке. Позднейшие турецкие и крымские авторы XVII в. (Ризван паша, Мунаджим-баши и другие), писавшие о событиях XV в., внесли много путаницы. Для примера можно взять вопрос о происхождении Хаджи-Гирея — основателя Крымского ханства. Турецкие историки Джаннаби (XVI в.) и Мунаджим-баши (XVII в.) называют его сыном Кичи-Мухаммеда; историк Ризван-паша (XVII в.) называет его сыном Улук-Мухаммеда[2], а неизвестный автор «Краткой истории Крымских ханов», составленной в XVII в. в Крыму—сыном Таш-Тимура[3]. Лишь публикация данных Крымской нумизматики помогла правильно решить вопрос о происхождении Хаджи-Гирея. Хаджи-Гирей был сыном Гиас-ад-дина[4], дед которого Таш-Тимур, числившийся ханом Золотой Орды в 1395 г., был когда-то провозглашен ханом в Крыму[5]. Отец Хаджи-Гирея, Гиас-ад-дин, после неудачной борьбы за престол удалился в Литву, где умер в изгнании. Доводы В. Д. Смирнова, о якобы провозглашении Гиас-ад-дина ханом Крымским в 1427 г.[6], основаны по сообщению автора «Краткой истории Крымских ханов», отличаются вообще крайне сомнительным достоинством.

Михалон Литвин сообщает, что Хаджи-Гирей, «этот последний царь, назначенный из Литвы, родился вблизи Торна и отсюда блаженной памяти Витовтом был послан туда (т. е. в Крым—М. С.) на царства»[7]. Но Витовт умер в 1430 г., будучи союзником Улук-Мухаммеда, поэтому сообщение о посылке Хаджи-Гирея в Крым в качестве хана при Витовте весьма

---

[1] Pero Tafur, Andacas è Viajees, p. 166.

[2] Hammer — Purgstall, Geschichte der chan der Krimi, Wein, 1850, s. 28.

[3] В. Д. Смирнов, Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века, 1887, стр. 218.

[4] Ростовский «К нумизматике Гиреев», Известия Таврической ученой археологической комиссии, № 18, за 1893 г., стр. 218.

[5] W. Barthold, Geray, Enzyelopaede des islam.

[6] В. Д. Смирнов, Крымское ханство под верховодством Оттоманской Порты до XVII в., 1887, стр. 206—20.

[7] Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, Вып. I, 1890, Киев, стр. 9.

сомнительно. Такое событие никак не могло иметь места. Хаджи-Гирей был отпущен в Крым при Сигизмунде. Именно «князь великий Жигимонт дал ему людей... до орды Перекопские на царство послал»[1].

Имя Хаджи-Гирея впервые появляется в генуэзских грамотах в 1433 г. в качестве союзника Мангупского князя Алексея, восставшего против генуэзцев.

История восстания греческого населения Мангупы и соседней с ним Балаклавы (Чембало) достаточно освещена в исторической литературе. Греческое население Крыма, уже давно враждовавшее с генуэзцами, заключило договор с только что появившимся в Крыму ханом Хаджи-Гиреем, выступило против генуэзцев и осенью 1433 года захватило крепость Чембало. Время для восстания против генуэзцев было выбрано удачно. Генуэзцы в период появления Хаджи-Гирея в Крыму находились в критическом положении. В 1433 году в войне с Арагонией Генуя потерпела поражение у берегов Сардинии, потеряв весь свой флот: ее финансы были подорваны. Каффа, главнейшая генуэзская фактория, была предоставлена сама себе. При таком положении не могло и быть речи о поддержке наместника Улук-Мухаммеда в Крыму генуэзцами. Получив сообщение о восстании греков и появлении недружелюбного хана Хаджи-Гирея, генуэзский сенат и банк св. Георгия решили всеми мерами поддержать престиж и честь Генуи: банк взял на себя все расходы по ведению войны, сенат снарядил эскадру из двадцати галер с 6 тыс. отобранных воинов под командой Карла Ломеллино[2].

Л. П. Колли в статье «Хаджи-Гирей и его политика» опубликовал в русском переводе документы Гатари, относящиеся к 1434—1435 гг. и представляющие исключительно важный источник для изучения истории Крыма того времени. Как рассказывает Гатари, город Чембало, осажденный генуэзцами, был взят 4 июня 1434 г. и «отдан солдатам на расхищение». Подавив восстание греков и взяв в плен сына Мангупского князя Алексея, генуэзское войско решило разгромить Хаджи-Гирея. 22 июня восьмитысячное генуэзское войско по пути в Солхат, в районе Карагоз, встретилось с пятитысячным отрядом Хаджи-Гирея и потерпело решительное поражение. «Татар могло быть всего около 5000, в то время как генуэзское войско было до 6000, и оно в бегстве все забыло: и повозки и оружие. Татары преследовали их до половины дороги, и если бы не наступила ночь, не спасся бы ни один человек... После победы татары вернулись в Солхат, набрав много возов добычи, и устроили великолепный праздник». На следующий день сражение возоб-

---

[1] ПСРЛ, т. XVII, стр. 543.

[2] Л. П. Колли, Хаджи-Гирей и его политика, Известия Таврической учено-археологической комиссии, № 50 за 1913 г., стр. 110—111.

новилось. Татары, преследуя генуэзцев, появились у стен г. Каффы и Чембало и вынудили консула отправить своих послов к Хаджи-Гирею в Солхат для заключения мира. По мирному договору от 13 июля 1434 г. генуэзцы согласились уплатить выкуп за каждого жителя Каффы, попавшего в плен к татарам, по 2000 аспров — таковых оказалось всего лишь 25 человек; в самой Каффе татарами было разоружено две гребных галеры и одно судно; генуэзский флот должен был немедленно оставить гавань[1]. О других условиях мира документы Гатари ничего не говорят.

Е. С. Зевакин и М. А. Пенчко в интересной статье «Из истории социальных отношений в Генуэзских колониях северного Причерноморья в XV веке» одним из основных условий мирного договора считают превращение Каффы в данницу татар[2], но это сомнительно. Положение самого Хаджи-Гирея в Крыму в ту пору было еще неопределенным. Более того, вскоре ему даже пришлось оставить Крым, уступив полуостров царевичу Сеид-Ахмету, а самому бежать в Литву. Поэтому вряд ли он мог предъявить каффинцам такие условия. Если уж в договоре 1434 года и была какая-нибудь другая статья, то она скорее могла касаться признания генуэзцами Хаджи-Гирея ханом Крыма.

При каких именно обстоятельствах Хаджи-Гирей был изгнан из Крыма и должен был удалиться ко двору Сигизмунда, документы умалчивают. У позднейшего автора «Краткой истории крымских ханов» имеется довольно путанный рассказ о бегстве Хаджи-Гирея из Крыма. «Когда Улук-Мухаммед хан умер,— говорится там,— Крымское ханство досталось Сеид-Ахмет-хану. Новый хан, умертвив дядиных с отцовской стороны сыновей Гиас-ад-дина с братом его Али-беем, вознамеривался также извести Хаджи-Гирея с племянником Джанай-огланом. Последний, узнав об этом, с одним из своих верных слуг бежал. Сеид-Ахмет-хан снарядил погоню за ними. Преследователи настигли их на реке Днестре, но их не поймали». Из дальнейшего рассказа видно, что Хаджи-Гирей после долгого скитания по степи ушел в Астрахань, где якобы пробыл 6 лет до своего вторичного возвращения в Крым[3]. Нечто подобное рассказывает и татарский вариант «Сборника летописи»: «Брата Хаджи-Гирея султана Джан-Гирея кунгратский князь убил. Хаджи-Гирей султан, еще будучи молодым, убежал и после некоторого скитания вынужден был служить у Джагир-бея»[4]. Следовательно, в основе рассказа автора «Краткой истории крымских ханов» лежит правдоподобный факт, но до неузнаваемости

---

[1] Л. П. Колли, Хаджи-Гирей и его политика, стр. 119—120.
[2] Исторические записки, Академия наук, № 7 да 1940 г., стр. 11.
[3] В. Д. Смирнов, Указан. сочинения, стр. 213 и след.
[4] Н. И. Березин, Библиотека восточных историков, т. II, ч. I, стр. 160.

мости запутан, и тем не менее его рассказ о борьбе Сеид-Ахмета с Хаджи-Гиреем за Крым заслуживает внимание.

Имя Сеид-Ахмета конкурента Хаджи-Гирея впервые появляется в грамотах великого князя Василия Дмитриевича в 1433 г. «А что брати, еше в целовании будучи со мною, не довал мне еси в выходе серебро и ординские протори, и што есмь послал келциев своих ко царем к Кечи-Ахметю и Саид-Ахметю»[1]. В Грамоте хотя не говорится о местопребывании хана Сеид-Ахмета. В районе Астрахани он быть не мог, поскольку в те годы в Астрахани находился другой хан Кечи-Мухаммед, Дешт-и-Кипчаком правил еще Улук Мухаммед, в Крыму в 1433 году он быть тоже не мог, Крымом правил Хаджи-Гирей. Сеид-Ахмет, по-видимому, находился в юго-западной части улуса откуда он совершил поход в Крым в 1434 году, изгнал из Крыма Хаджи-Гирея.

В то же время надо отметить, что составитель «Краткой истории крымских ханов», сообщая о бегстве Хаджи-Гирея из Крыма в 1434 году, вносит много путанности; он сообщает о бегстве Хаджи-Гирея из Крыма в Астрахань через Днестр, чего никак не могло быть; по всей вероятности в данном случае говорится о бегстве Хаджи-Гирея в Литву, где он находился до своего вторичного возвращения в Крым. По свидетельствам летописи Быховца Хаджи-Гирей, изгнанный из Крыма, прибыл тогда в Литву. Летописец говорит, что после изгнания из Крыма он «пришел был з Орды до Литвы еще великого князя Жигимонда», хорошо принятый при дворе Сигизмунда, Хаджи-Гирей остался в Литве и в первые годы княжения Казимира он вторично овладел Крымом.

Бегство Хаджи-Гирея ко двору Сигизмунда в 1434 году привело к изменению во взаимоотношениях между ханом Улук-Мухаммедом и Свидригайлом. Как мы уже видели, в период междоусобицы в Литве, Улук-Мухаммед держал сторону Свидригайло. В ответ на это сторонники Сигизмунда выдвинули ханом в Крыму Хаджи-Гирея. Правда, на этот раз Хаджи-Гирей недолго удержался у власти, был вынужден бежать в Литву к Сигизмунду, что в свою очередь привело к изменению политики Улук-Мухаммеда по отношению к Свидригайло. Он покидает его и переходит на сторону Сигизмунда. Установив дружественные отношения с Сигизмундом, хан стал настаивать, чтобы литовское правительство не допустило Хаджи-Гирея до владения Золотой Ордой[3].

О хане Сеид-Ахмете, захватившем Крым в 1433 г., сохранились немногочисленные данные в источниках. Матвей Меховский называет его сыном Тохтамыша: «Вслед за Тохтамышем

---

[1] Собрание государственных грамот и договоров, т. I, 1813, стр. 108.
[2] ПСРЛ, т. XVII, стр. 543.
[3] B. Spuler, указанное сочинение, стр. 161—162.

собирался царствовать сын его Шидахет царь, но Азикерей царь его изгнал и царствовал вместо него»[1]. Среди царевичей из потомков Джучи было несколько Сеид-Ахметов[2]; был ли Сеид-Ахмет сыном Тохтамыша, как утверждает Матвей Меховский, ответить на этот вопрос затруднительно. Матвей Меховский писал гораздо позже и, конечно, мог ошибиться так же, как он ошибся, назвав Тимур-Кутлука сыном Батыя. При появлении Сеид-Ахмета на политической арене имя Тохтамыша уже было давно забыто, в Золотой Орде укрепилась власть другой династии. Лэн-Пуль, а вслед за ним Замбор уверяют, что в Британском музее имеются монеты с именем хана Сеид-Ахмета, выбитые в 822 (1419—1420) году[3]. Это вполне возможно. Исафато Барбаро в одном месте своего сочинения называет Едигея военоначальником татарского государя Сеид-Ахмет хана[4]. Едигей умер в 1420 г., монеты Сеид-Ахмета тоже относятся к этому же году, поэтому вполне возможно, что Сеид-Ахмет был провозглашен ханом еще при жизни самого Едигея, незадолго до его смерти. Нам известно отношение Едигея как к Тохтамышу, так и к его сыновьям — оно было крайне враждебным. Следовательно, Едигей не мог стать военачальником у сына Тохтамыша. Хана же Сеид-Ахмета, занявшего Крым в 1434 году, Матвей Меховский называет сыном Тохтамыша. Скорее всего тот Сеид-Ахмет, который выбил свои монеты в 1419—1420 гг., и Сеид-Ахмет, захвативший Крым в 1434 году, были разными лицами — первый был, очевидно, сыном Тимур-Мелека (и внуком Урус-хана), погибшего вскоре после своего военачальника Едигея, второй был или сыном самого Тохтамыша, или его внуком от сына Кирим-Берди.

Неизвестный автор «Краткой истории крымских ханов», передавая вкратце рассказ о Сеид-Ахмете, сообщает, что он своими успехами был обязан поддержке племени кунгратов. Глава этого рода Хайдар-мурза со своими сторонниками перешел на сторону Сеид-Ахмета, добился провозглашения его ханом вместо только что удаленного Хаджи-Гирея[5]. Кроме того, растущая борьба между Улук и Кичи-Мухаммедами, закончившаяся войной 1437 г., когда дела Крыма меньше всего интересовали обоих Мухаммедов, способствовала усилению позиции Сеид-Ахмета в Крыму.

История войны между Улук и Кичи-Мухаммедами в 1437 г.

---

[1] Матвей Меховский, Трактат о двух сарматиях, стр. 91.

[2] Среди царевичей Джучиева дома упоминаются несколько Сеид-Ахметов. У Тохтамыша имелся сын Сеид-Ахмет, у Керим-Бердия тоже был сын по имени Сеид-Ахмет, у Тимур-Мулюка, сына Урус-хана, также имелся сын по имени Сеид-Ахмет (В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. II, стр. 65).

[3] Лэн-Пуль, Мусульманския династии, стр. 193.

[4] В. Семенов, Библиотека иностранных писателей о России, т. I, стр. 13.

[5] В. Д. Смирнов, Крымские ханства под верховенством Оттоманской Порты, стр. 215.

из-за земель западных улусов, закончившаяся изгнанием Улук-Мухаммеда из Дешт-и-Кипчака, в более подробном, чем у других авторов, изложении дана Иосафетом Барбаро, который был свидетелем событий. Как видно из его описания, положение хана Улук-Мухаммеда в Орде было незавидным еще до начала военных столкновений. Между ханом и его старшим эмиром Наврузом, сыном Едигея, (Иосафето Барбаро называет его «военоначальником своего государя») произошли разногласия; последний покинул Улук-Мухаммеда, перешел на сторону его противника Кичи-Мухаммеда, стал его старшим эмиром. «Поссорился как-то с государем своим,— пишет Иосафато Барбаро,—Навруз покинул его, приглашая желающих следовать за собою, и отправился с ними к реке Эрдинию (т. е. Волге), где жительствовал Кипи-Махмед (т. е. Махмет малый) из рода татарских ханов»[1]. Далее Барбаро рассказывает о движении орды Кичи-Мухаммеда из района Астрахани на запад: «Соединив вместе силы свои, Навруз и Кици-Махмет решились идти войною против Улу-Махмета и выступили из жилищ своих, потянулись мимо Цитор-хана через Тюменские равнины около границ Черкесии к берегам Танаиса и Забакского (Азовского) моря, которое, равно как и самый Танаис, было в то время покрыто льдом. Ведя за собою многочисленные полчища и множество скота, они вынуждены были разделить их, не отрывая шедших на значительное расстояние один от другого так, чтобы прежде не могли истребить всего корма и всех жизненных припасов, назначенных для прочих отрядов»[2]. Когда орда остановилась в окрестностях города Тану (Азака), венецианцы, проживавшие в городе, направили своих послов навстречу хану, в числе их был автор вышеприведенного отрывка — Иосафаго Барбаро, лично присутствовавший на аудиенции у хана. Он описал хана, которого видел на близком расстоянии. По словам Иосафато Барбаро, хану было не больше 22 лет, а Наврузу, ставшему старшим эмиром хана, было тогда не более 25 лет[3].

По мере продвижения орды Кичи-Мухаммеда на север большинство татар, ранее поддерживавших Улук-Мухаммеда, стало переходить на его сторону. Измена татарских князей станет нам понятной, если учесть, что татары Дешт-и-Кипчака со времен появления Хаджи-Гирея, а затем Сеид-Ахмета в Крыму, лишились пастбищ на Крымском полуострове, так необходимых им в период зимовки скота. Улук-Мухаммед же не пытался вернуть Крым. Ни в одном из документов мы не находим указаний на действия хана с целью возвращения Крыма. Возможно на этой почве и произошла ссора хана Улук-Мухаммеда

---

[1] В. Семенов, Библиотека иностранных писателей о России, перевод, т. I, 1836, стр. 14.

[2] Там же, стр. 14.

[3] Там же, стр. 16.

со своим старшим эмиром Наврузом. Окрестности Астрахани и Северного Кавказа с появлением в этих районах хана Кичи-Мухаммеда были потеряны для татар Улук-Мухаммеда. Теперь же, в случае победы Кичи-Мухаммеда, снова представился случай объединить две орды, одновременно — заполучить пастбища Северного Кавказа и возвратить Крым. Улук-Мухаммед, покинутый своими вассалами, «услышав, что Кици-Махмат приближается к его пределам, и чувствуя себя не в силах бороться с столь опасным соперником, бежал из орды с детьми своими и со всем семейством»[1]. Дополнением к вышеприведенному рассказу Иосафато Барбаро могут служить данные Казанского летописца: «Царь Улуахмет в малое дружине своей, изгнан с царицами своими и детьми... царства своего лишен и мало от него смерти не прия, ибо день и ночь скитася в поле, и переходя с места на место.., единым ища покоя»[2].

О скитаниях Улук-Мухаммеда мы расскажем ниже, а теперь вернемся к Кичи-Мухаммеду, чтобы закончить обзор деятельности Кичи-Мухаммеда в 1437 г. «Кечи-Махмет,— сообщает Иосафато Барбаро,— сделавшись таким образом повелителем всей орды, возвратился в июне месяце к реке Танаису (т. е. Дону) и переправился через нее со всем своим народом, скотом, повозками и имуществом»[3]. Данные Иосафато Барбаро о Кичи-Мухаммеде, ставшем после победы над Улук-Мухаммедом «повелителем всей орды» татар, явно преувеличены. Правда, Кичи-Мухаммеду удалось распространить свою власть на Половецкую степь, временно даже занять Крым, но в этом же (1437) году он лишился одного из богатейших районов государства — владений бывших камских булгар, захваченных у него Улук-Мухаммедом.

Хан Улук-Мухаммед после изгнания его из Дешт-и-Кипчака со своей ордой ушел на север и, «переходя с места на место», осел в русском городе Белеве, «здела себе ледян град, из реки волочая толстый лед, и осыпа снегом и водою поляше». Овладев Белевом, хан вступил в переговоры с великим князем, именуя его «не рабом, но господином», «любимым братом»[4]. Этот же рассказ, взятый из Казанской летописи, почти дословно повторен Львовской летописью. Составитель последней правильно относит эти события к осени 1437 г. и расходится с остальными летописцами, которые датируют белевское «сидение» Улук-Мухаммеда осенью 1438 года. В остальном сообщение Львовской летописи совпадает с записями Казанской летописи. В

---

[1] В. Семенов, Библиотека иностранных писателей о России, т. I, 1836, стр. 39.

[2] ПСРЛ, том XIX, стр. 14, 212.

[3] В. Семенов, Библиотека иностранных писателей о России, т. I, 1836, стр. 39.

[4] ПСРЛ, т. XIX, стр. 16; т. XX, стр. 240; С. М. Соловьев, История России, к. I, стр. 1063.

период белевского «сидения» хан давал всякие обещания Москве от себя и от своих сыновей и внуков «дани и оброков» от великого князя «не имати, ни земли его воевати, не ходити, не посылати». Заверения хана едва ли были искренними, во всяком случае воеводы великого князя им не верили, имея на то веские основания, Григорий Протасов, присланный литовским князем с войском, не столько для оказания помощи московскому войску, сколько для спасения хана, пытался примирить обе стороны. Встретив неодобрение со стороны воевод, Протасов тайно советовал хану напасть на русское войско. На утро, по словам летописца, татары вышли из города и нанесли большой урон русским полкам, заставив их удалиться из-под города[1].

Казанский летописец определял численность татарских воинов всего в три тысячи человек, явно преуменьшая их число. Располагая таким отрядом, хан, конечно, не мог рассчитывать на победу московской рати, которая, согласно той же летописи, насчитывала 40 тыс. человек. После сражения от этого войска, по словам автора Львовской летописи, уцелела лишь небольшая часть. Следовательно, с Улук-Мухаммедом было значительно большее число воинов.

О дальнейших действиях Улук-Мухаммеда после сражения под Белевом в русских летописях не имеется более или менее достоверных данных. Согласно Казанской летописи Улук-Мухаммед после белевской битвы «боялся великого князя аще тайно воя пошлет на него боле первых, и граду же ледяному от солнца растаявшу и крепости ему никакия имуще и на сонных нощию нападут, и от него погибнут сам царь и вся его с ним, шед полем перелез Волгу, и засяде Казань пустую, Саинов юрт»[2]. В других русских летописях отсутствуют какие-либо данные о взятии Улук-Мухаммедом Казани и его пребывании в этом городе. Сообщая о появлении Улук-Мухаммеда в июне 1439 г. под стенами Москвы, летописи не указывают, откуда он появился столь неожиданно под Москвой и куда он «прочь пошел» после 10-дневного пребывания под стенами Москвы. Русские летописи, за исключением лишь Казанской летописи, не сообщают о месте пребывания хана до 1445 г.

В. В. Вельяминов-Зернов, впервые обративший внимание исследователей на этот пробел, подверг сомнению утверждение автора Казанской летописи относительно пребывания хана в Казани; он допускает, что Улук-Мухаммед после белевской стоянки ушел в Нижний Новгород, где он и пробыл с 1438 до 1445 года[3]. «Весною того же (1445) года,— пишет он,— отправил он (Улук-Мухаммед) против великого князя двух сыновей

[1] ПСРЛ, т. XX, стр. 241, С. М. Соловьев, История России, к. I, стр. 1063.
[2] ПСРЛ, том XIX, стр. 19.
[3] В. В Вельяминов-Зернов, Исследования о Касимовских царях и царевичах, ч. I, 1863, стр. 7.

своих Махмутека и Якуба. Василий выступил к ним навстречу, попал в плен в знаменитой битве 7 июля близ Ефимьева монастыря и был отведен к хану в Нижний. В августе 25 Улук-Мухаммед с сыновьями и с ордою двинулся из Нижнего к Курмышу» Далее автор говорит: «Улук-Мухаммед, гордый одержанной победой над русскими, двинулся с Махмутеком из Курмыша на Казань с целью завоевать ее; Махмутек же, побуждаемый честолюбием, решился убить отца и выполнил этот умысел либо незадолго до взятия Казани, либо немного времени спустя. Уж если Улук-Мухаммед и был когда-либо ханом Казанским, то разве об эту пору в течение нескольких дней»[1]. Однако В. В. Вельяминов-Зернов отрицательно отнесся к сообщению Казанской летописи о захвате Улук-Мухаммедом Казани в 1438 г. и считал основателем Казанского ханства не Улук-Мухаммеда, а его сына, при этом, как уверял автор, основание Казанского ханства произошло только к осени 1445 г., когда «сын Улук-Мухаммеда — бывшего хана Золотой Орды, изгнанного оттуда,— Махмутек, убил Казанского князя Али-Бека, овладел городом и через то положил начало новому ханству и новой династии царей».

Согласно Казанской летописи Улук-Мухаммед после захвата Казани в 1438 г. «Отвсюду собра силу к себе воинственную и многия грады русския обступи, и всяко им озлобление тяжко наведе. И до самого дойде града Москвы, на другое лето белевского побоища 3 июля пожже около Москвы великия посады, и хрестьянского люду иссече, и плен сведе, града не взя... Прочь отойде и умре в Казани»[2]. О пребывании хана в городе Казани до 1445 г. говорится и в Архангелоградской летописи: «Того дни (6 июля 6952 г.) приде ис Казани рать изгоном Маматяк царь да Якуб салтан на великого князя»[3]. В обоих летописях говорится о пребывании его в Казани до 1445 г., откуда он предпринял поход на Русь. Г. З. Кунцевич в своем исследовании о Казанской летописи привел ряд возражений против основных выводов В. В. Вельяминова-Зернова, в частности, относительно утверждения автора «Исследования о касимовских царях и царевичах» о пребывании Улук-Мухаммеда в городе Нижнем Новгороде после белевского побоища. Вслед за Г. З. Кунцевичем позволительно поставить вопрос: почему великий князь был против пребывания хана в Белеве, но терпел его несколько лет (1438—1445) в Нижнем Новгороде? Возможно, город был сожжен новгородскими воеводами, вследствие чего население города «изнемогоша з голоду великого, что было запасу хлебного, то все переели». Чем же кормились тогда татары в течение 8-летнего пребывания в Нижнем Новгороде?

---

[1] В. В. Вельяминов-Зернов, Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. I, 1863, стр. 11.

[2] ПСРЛ, том XIX, стр. 21.

[3] Устюжский летописный свод, стр. 79.

Число их было не так уж мало, раз они за этот период предпринимали три похода на Москву. Г. З. Кунцевич был совершенно прав, сомневаясь в длительном пребывании Улук-Мухаммеда в Нижнем. Слова летописи — «засяде в Новгороде Нижнем», или «в Нижнем Новгороде живяше» нужно понимать не буквально[1]. Нижний Новгород мог быть взят во время одного из походов на Русь, но это отнюдь не означало постоянного пребывания хана в городе. Ни Нижегородская летопись, ни фольклорные материалы не сохранили никаких данных о пребывании Улук-Мухаммеда в Нижнем Новгороде в течение 8 лет после ухода его из Белева.

При решении вопроса о захвате Улук-Мухаммедом Казани после его ухода из Белева, о чем говорит Казанская летопись, исключительно важное значение приобретают татарские предания, отраженные в позднейших летописных отрывках и выпавшие из поля зрения В. В. Вельяминова-Зернова. Мы имеем в виду татарские летописи «Ферхат намэ» и «Таварихи адавир», известные историкам XVIII в. и сохранившиеся лишь в отрывках в позднейших летописаниях «При постройке новой Казани,— читаем мы в одном из этих отрывков,— ее первым ханом был Алтун-бек, вторым — Галим-бек, третьим — Мухаммед, четвертым — Мамтек»[2]. Н. Ф. Катанов и И. М. Покровский опубликовали отрывок из другой татарской летописи, в которой после рассказа о постройке города Казани сыновьями хана Абдуллы Алтын-беком и Алим-беком, перечисляются имена ханов, живших в городе Казани: «Сперва сын хана Абдуллы-Алтын-бек, после него Махмед-хан, затем Мамек-хан»[3]. В обоих случаях преемниками Алтын-бека и Алим-бека названы в числе казанских ханов Мухаммед (читай — Улук-Мухаммед) и Махмутяк.

Составитель Казанской летописи, считавший Улук-Мухаммеда ханом казанским, не одинок; татарские предания, назвавшие Улук-Мухаммеда и Махмутяка ханами казанскими, лишь подкрепляют рассказ автора Казанской летописи о взятии Улук-Мухаммедом Казани в 1438 г. Ссылка на Алтын-бека и Алим-бека, указанных в татарских летописных отрывках в качестве предшественников Улук-Мухаммеда в Казани, для нас имеет большое значение для расшифровки одного места Воскресенской и Никоновской летописей. В Воскресенской летописи под 1445 г. говорится: «Той же осени царь Мамотек, Улу-Магаметов сын, взял город Казань вотчина Казанского князя Либея убил, а сам сел в Казани царствовати». То же повторяет и Никонов-

---

[1] Г. З. Кунцевич, История о Казанском царстве или Казанский летописец, 1905, стр. 248.

[2] В переводах они напечатаны в «Истории Татарии» в документах и материалах, 1937, стр. 123.

[3] Н. Ф. Катанов и И. М. Покровский, Отрывок из одной татарской летописи о Казани и Казанском ханстве; Известия об-ва Арх., Истор. и Этнографии, т. XXI, 1906, стр. 318—319.

ская летопись, с тем лишь отличием, что вместо убитого князя Либея она называет имя Азиза. Еще В. В. Вельяминов-Зернов высказал догадку, что Либей и Азиз — одно и то же лицо. «Либей, по всей вероятности, искаженное имя собственное Алибек, Азый же, по-моему мнению,— писал В. В. Вельяминов-Зернов,— не что иное, как газы (воитель), прозвище, которое часто присваивают себе мусульманские владельцы отличившиеся каким-либо подвигом»[1]. Догадка В. В. Вельяминова-Зернова правдоподобна; в татарских летописных отрывках, как мы уже видели, Алим-бек назван в числе ханов казанских, царствовавший перед Улук-Мухаммедом; Улук-Мухаммед, взявший Казань из рук Али-бека, мог занять город только после убийства вышеуказанного Либея, т. е. Али-бека; убил ли он сам или по приказанию отца убил его Махмутек, это не меняет дела.

Таким образом, сообщение Казанской летописи о захвате Улук-Мухаммедом Казани подтверждается татарскими летописными отрывками. Это не значит, конечно, что можно слепо принимать все данные Казанской летописи, которая содержит много анахронизмов и неточностей в передаче отдельных фактов. В Казанской летописи, в отличие от остальных русских летописей, хромает датировка описываемых событий. Это объясняется тем, что летопись составлялась значительно позже тех событий, которые в ней описывались. Так, говоря о захвате Казани Улук-Мухаммедом, составитель летописи, не приводя точной даты, ограничивается лишь указанием, что это происходило «спустя 10 лет после умерщвления Зелен-Салтана, «царя Великия орды» и спустя 40 лет по взятии Казани[2]. Мы уже видели, что сын Тохтамыша был убит в 1412 г., у автора же получается, что Улук-Мухаммед занял Казань через 10 лет после убийства Джалал-ад-дина, т. е. в 1422 г. Тут явное несоответствие. Быть может, в данном случае речь идет о первом взятии Улук-Мухаммедом Казани в 1422 г., когда он чеканил свои монеты в Булгаре? Вторая датировка — «по взятии Казанском спустя 40 лет» также не совсем ясна. О каком взятии Казани говорится? Если составитель летописи имеет в виду поход русских князей в Булгар 1396 г., когда русские князья «взяша град Булгары, Жуктин и Казань и Керменчук и иных много городов», тогда захват Улук-Мухаммедом Казани надо отнести к 1436 г., что также не соответствует фактам. В другом же месте автор летописи утверждает, что Улук-Мухаммед царствовал в Казани в течение 7 лет[3]. Год его смерти нам известен — Улук-Мухаммед был убит своим сыном в 1445 г., следовательно, основание Казанского ханства Улук-Мухаммедом в данном случае

---

[1] В. В. Вельяминов-Зернов, Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. I, 1869, стр. 3—4.

[2] ПСРЛ, т. XIX, стр. 14, 16, 212, 216.

[3] Там же, стр. 21.

приурочивается к 1438 г. Мы уже видели, что осенью 1437 г. Улук-Мухаммед был в Белеве, «со льда» построил себе крепость; в декабре 1437 г. он вел бои с русскими весной 1438 г. он оставил свою крепость, боясь, что «от солнца растая и крепости ему никакие имуще» и ушел в Казань. Следовательно, захват Казани Улук-Мухаммедом надо отнести к весне или лету 1438 года.

Согласно Казанской летописи Улук-Мухаммед захватил тогда старую Казань, построенную еще Батыем и пришедшую уже в ветхость ко времени 30-х годов XV века. То, что постройку старой Казани летописец относит еще ко времени Батыя, это допустимо. По татарским преданиям, старая Казань просуществовала 104 года, пока жители не переселились из этого города к устью реки Казанки, где построили новый город, который оставался в руках казанских ханов в течение 150 лет[1]. Сомнение вызывает утверждение составителя Казанской летописи о постройке Улук-Мухаммедом нового города, т. е. новой современной Казани, «на новом месте... недалече от старыя Казани, разоренныя от русских рати». По татарским преданиям и летописным отрывкам, старая Казань, просуществовавшая 104 года, была покинута на рубеже XV столетия (в 1394 или 1402 году) вслед за основанием новой Казани Алтын-беком.

В русских летописях первое упоминание о Казани относится к 1395—96 гг., при этом летописи говорят о Казани новой, а не старой, основанной задолго до появления хана Улук-Мухаммеда. Составитель Казанской летописи в данном случае допускает большую неточность и вступает в противоречие с данными татарских летописей. С этой точки зрения надо считать неосновательным утверждение татарского историка XIX в. Ш. Марджани, высказанное им в докладе на IV археологическом съезде в Казани, что «Улук-Мухаммед будто бы находился в старой Казани в течение 12 лет до переселения своего в новую Казань»[2]. Современная Казань известна нам по русским летописям с 1395—96 гг. Первоначально в летописи упоминается наряду с гг. Булгар, Жукотин, Керменчук, позже — летописи говорят о Казани и притом более, чем о других городах Поволжья.

---

[1] ПСРЛ, том XIX, стр. 14. «И много времени придоша до 300 лет с первого начала Казани от Саина царя... до сего нашего самодержца»,— это падает на 1252 год. Академик В. В. Бартольд считал возможным принять эти легендарные сведения в отношении старой Казани (W. Barthold, Kazan, Enzyelopaedie des islam). У татарского историка Марджаны были, по-видимому, какие-то данные, согласно которым основание города Казани приписывалось Сартаку (Мустафадул-Абхар, т. I, стр. 97). В исторических песнях казанских татар основание Казани приурочивается к 1290 году, «262 года Казань была в руках мусульман, наконец, после всего (этого) взяли (ее) русские люди» (Н. Ф. Катанов, Исторические песни казанских татар, Известия Об-ва, Арх., Ист. и Этногр., том XV, стр. 289).

[2] Ш. Марджани, Очерк истории Булгарского и Казанского ханств. Труды IV Археологического съезда в Казани, т. I, 1884, Казань, стр. 48.

В 1399 г. летопись сообщает о бегстве Суздальского удельного князя Семена Дмитриевича и о погоне за ним «до Казани». В начале XV в. Казань уже упоминается в качестве политического центра Булгар; под 1411 г. Никоновская летопись сообщает о князьях казанских в 1428 г. «Татарова казанские к Галичу безвестно» подходили, в числе участников похода назван какой-то царевич и князь Али-бабы[1].

Ко времени появления Улук-Мухаммеда в Казани в 1438 г. здесь уже сидел князь «вотчич» Али-бек, самостоятельно управлявший всем Казанским краем. По мере возвышения Казани, город Булгар терял свое былое значение, чеканка ханских монет в Булгарах прекращается с 1422 г. Ликвидация монетного двора говорит уже о падении значения г. Булгар, хотя он, уступив свое место Казани, продолжал еще существовать и позже. По старой традиции Казанский хан Мухаммед амин, умерший в 1518 г., был похоронен в городе Булгаре[2]. Однако город уже потерял прежнее значение и его население уходило в Казань или в другие более мелкие населенные пункты. Автор «Повести о нашествии Тимура в Булгар» относит возникновение ряда населенных пунктов ТАССР: Лаишева, Мамадыша, Тетюша и др. из поселенцев гор. Булгар по разрушении его Тимуром[3]. Позднейшие археологические разыскания известного татарского ученого конца XIX века Каюма Насырова на территории Татарии подтвердили свидетельство повести о нашествии Тимура. Им было установлено, что современные селения: Аджал, Акал, Тарнат, Бочай, Верхний Шердан и Мамадыш были основаны выходцами из города Булгар[4]. Появление новых населенных пунктов в Волго-Камском бассейне накануне образования Казанского ханства свидетельствует о росте земледельческого населения и частичном освоении ими земель. Наличие в Казанском ханстве больших пространств земель, удобных для земледелия и скотоводства, открывало широкую перспективу. По утверждению автора Казанского летописца, здесь было «зело пренарочито и красно велми и скотоложитно, и пчелисто, и всякими земельными семяны родимо, и овощми преизобильно, и звериcто, и рыбно, и всякого угодья много»[5]. О том же писал позже князь А. М. Курбский: «В земле той поля великие и зело преизобильни и габзуши (т. е плодородные) на всякие плоды.., хлебов же всякое там множество, во истину вере и исповеданию не подобно». Князь Курбский

---

[1] А. П. Смирнов, Волжские Булгары, 1951, стр. 71—72.

[2] Н. Исанбат, Казан Хаплыги Чоры Эдзбиятынан Мохоммэтяр Махмуд Углы эсэрлэре, Журнал «Совет Эдэбияты» за 1941 г., № 4, стр. 73.

[3] История Татарии в документах и материалах, стр. 43.

[4] К. Насыров, Неизданные произведения, Казань, № 926, стр. 34 и след.

[5] ПСРЛ, т. XIX, стр. 10.

указывал на «множество сел» в пределах Казанского ханства[1]. С. Герберштейн, задолго до князя А. М. Курбского, считал казанских татар оседлыми: «Они возделывают поля и живут в домах»,— писал он о казанских татарах[2]. Появление целого ряда сел во второй половине XIV в. говорит об интенсивном развитии сельского хозяйства еще до образования Казанского ханства, оно составляло материальную основу нового государства. Немалую роль в экономике края играла торговля; благодаря выгодному географическому положению края, Казань, стоявшая на великом Волжском пути, связывала край на северо-запад с Русью, а на юге через Астрахань — с Кавказом и со среднеазиатским миром. Казань становилась связующим звеном между западом и востоком; немалую роль играл и караванный путь, шедший через Уральский хребет, несколько заглохший в период междоусобицы в Золотой Орде, он вновь оживился с образованием Сибирского ханства[3]. Казанская ярмарка, ежегодно устраивавшаяся на острове Купцов, недалеко от Казани на одном из рукавов Волги, превратилась в место собрания купцов разных стран. «Съезжахуся в Казань изо всея земля Русския богатии купцы и многия иноземцы дальния и торговаху с Русью великими драгими товары». В Казань приезжали купцы из «Бухары, Шемахи и турчан и армян и иных стран»[4].

Едва ли сведения Казанской летописи можно считать в данном случае преувеличенными. С. Герберштейн тоже сообщает о приезде купцов «из торжища Астраханского, а также из Персии и Армении»[5]. Указания С. Герберштейна относятся к началу XVI века, но судя по отчету Иосафато Барбаро, Казань играла не меньшую роль и в XV в.: «Это страна торговая,— говорит Барбаро,— из нее идет большая часть мехов, которые направляются в Москву, Польшу, Персию и Фландрию»[6]. Приведенные данные подтверждают, что Казань занимала выдающееся место в торговых операциях XV—XVI вв. С образованием Казанского ханства Казань превратилась в экономический центр всего края, обособившегося от остальных районов бывшего Золотоордынского ханства. Если принять во внимание огромные лесные массивы, богатые пушными зверями, что позволяло населению заниматься охотой, бортничеством, то станет понятным, почему с образованием Казанского ханства в Казань стали

---

[1] А. Курбский, Сказание о великом князе Московском, 1836, стр. 81—82.

[2] С. Герберштейн, Записки о московитских делах, стр. 145.

[3] С. В. Бахрушин, Научные труды, т. III, г. I, 1955, стр. 93—109, Казанское ханство, Б. С. Э, т. 30, изд. I.

[4] ПСРЛ, том XIX, стр. 229—230.

[5] С. Герберштейн, Записки о московитских делах, стр. 157.

[6] В. Семенов, Библиотека иностранных писателей о России, т. I, стр. 60—61.

стекаться «мнози варвары из различных стран; от Золотыя Орды, и от Астрахани, и от Азова, и от Крыма»[1].

В образовании Казанского ханства некоторые представители русской исторической науки, как, например, покойный профессор Н. Н. Фирсов, видели простое восстановление прежнего Булгарского ханства[2]. Этот вывод Н. Н. Фирсова не нашел подтверждения в тех немногочисленных исторических памятниках, которыми располагают историки Казанского ханства. Составитель Казанской летописи, которая за неимением других данных является пока единственным источником по истории образования Казанского ханства, видел в нем не восстановление государства «худых болгар», а образование новой орды, как «дщерь младую», рожденную «от престарелой матери» — Золотой Орды[3].

Казанское ханство, подобно другим татарским государствам, образовавшееся на развалинах Золотой Орды, по своей структуре во многом напоминало в миниатюре прежнюю Золотую Орду. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить ярлык Сахиб-Гирея, выданный в 1523 г., с ярлыком Тимур-Кутлука 1398 года.

Арлык Тимур-Кутлука	Арлык Сахиб-Гирея
Огланам правого и левого крыла... Тысячникам, сотникам, десятникам, кадиям, муфтиям, шейхам, суфиям, писцам палаты, сборщикам дани, таможникам, дорожникам букаулам, туткаулам, ямщикам, базарным надзирателям...	Эмирам, хакимам, саидам, вакилам, садовым надзирателям, базарным надзирателям, таможникам, туткаулам...

Отсутствие некоторых категорий должностных лиц в ярлыке Сахиб-Гирея, сравнительно с ярлыком Тимур-Кутлука, не должно нас смущать. Как известно, верхняя часть ярлыка Сахиб-Гирея оторвана и до нас не дошла; кроме того, в ярлыке многие тюркские названия заменены арабскими словами, в ярлыке отсутствуют названия огланов правого и левого крыла, упомянутых в ярлыке Тимур-Кутлука, существовавших и в Казанском ханстве[4]. О казанских тысячниках, сотниках, десятниках, шейхах, суфиях сообщается в русских источниках[5].

---

[1] ПСРЛ, т. XIX, стр. 19, 220.

[2] Проф. Н. Н. Фирсов, Прошлое Татарии, 1926, Казань, стр. 13.

[3] ПСРЛ, том XIX, стр. 19, 121.

[4] С. Т. Вахидов, Исследование ярлыка Сахиб-Гирея хана, Извест. Об-ва Арх., Истор. и Этногр. Казанского университета имени В. И. Ленина, т. XXXIII, 1925, стр. 75.

[5] Царственная книга, 1769, СПБ, стр. 172, 178.

Близость структуры обоих государственных объединений особенно наглядно выступает при дальнейшем сравнении содержания указанных ярлыков:

Ярлык Тимур-Кутлука

Так как он (Мухаммед) просил нас объявить об утверждении его тарханом, так как предки Мухаммеда со времен давно умершего Сайни-хана и наших братьев ханов сделали их суркал-тарханом, и мы объявляем его тарханом,.. их землям, водам, виноградникам и садам, баням, мельницам, владеемым местам, свободным местам.., их деревням и их земледельцам, баивщикам (уртак), кто бы ни был, да не причиняет насилия...
... Повинность с виноградников, амбарные пошлины, плату за гумно, ясак с арыков, салыг, собираемый по раскладке, калан — не взимать таможные сборы, дорожные подати, улак со скота, не назначать постоя и не требовать от нех пойла, ни корма...

Ярлык Сахиб-Гирея

Эти семь человек, пришедши к нам, били челом, что они были тарханами прежних наших старших ханов, и мы вновь пожаловав упомянутых лиц... сделали суркал тарханом...
... на дорогах, в жилищах, в пути, дома во всякое время, когда они сидят и когда встают, к их крестьянам, поместьям, водам и скотам, имущества, водам, землям никто рук пусть не протягивает...
... Ясак, калан, подать, называемую салыг, не взимать. Подати кулыш (запросы), таможную пошлину, хардж и харджат не требовать. Деревенскую подать, земельный налог, налог с трубы не собирать. Продовольствия, фуража не требовать...

В Казанском ханстве существовали те же юридические нормы, какие были и в Джучиевом улусе. Сходство политического уклада Казанского ханства и Золотой Орды убеждает нас, насколько составитель Казанской летописи был прав, рассматривая Казанское ханство как «дщедрь младую», рожденную от престарелой матери — Золотой Орды. Если бы образование Казанского ханства означало простое восстановление прежнего Булгарского ханства, тогда Казанское ханство должно было иметь в своей основе другие организационные принципы, отличные от Золотой Орды и от других татарских ханств (Крымского, Астраханского, Сибирского и т. д.), образовавшихся почти одновременно с Казанским ханством. По своей внутренней структуре Казанское ханство, как мы видели, мало чем отличалось от Золотой Орды и от других татарских государств, выделившихся из Джучиева улуса. Вот почему нам кажутся односторонними высказывания участников специальной сессии Академии наук СССР 1946 года, посвященной вопросу о происхождении казанских татар. Большинство участников этой сессии были склонны видеть

в образовании казанского ханства лишь восстановление государства Камских булгар, а в современных казанских татарах видели камских булгар, почему-то названных татарами [1]. Участники совещания, за исключением С. Е. Малова, в своих доводах о булгарском происхождении татар пытались отождествлять язык камских булгар с современным татарским языком. А. Б. Булатов в своем выступлении заявил: «Казанский татарский язык является прямым продолжением булгарского языка»[2]. Такая же мысль проводится составителями «Истории Татарской АССР»[3], при этом эпиграфические памятники берутся в качестве доказательства. Действительно, язык эпиграфических памятников первого стиля (XV—XVI вв.) сходен с языком современных казанских татар, но язык второго стиля (XIII—XIV вв.), по словам Б. А. Серебренникова, «резко отличается от языка современных татар по своему фонетическому облику и сильно сближается с чувашским языком»[4]. Б. А. Серебренников в своей статье «К вопросу о действительных взаимоотношениях между чувашским, булгарским и татарским языками» путем тщательного анализа эпиграфических памятников второго стиля, т. е. более раннего периода, пришел к выводу, «что язык булгар стоял ближе к современному чувашскому, а не к татарскому», в то время как язык казанских татар по своим особенностям тяготеет к другим тюркским языкам — казахскому, киргизскому, узбекскому[5], с чем нельзя не согласиться.

Участники сессии 1946 года, исходя из положения о булгарском происхождении казанских татар, совершенно не учли участия в нем тюркских племен Дешт-и-Кипчака, так называемых татар говорящих, как и камские булгары, на тюркском, вернее, на половецком языке. Участие же так называемых татар Золотой Орды при образовании казанских татар было несомненно. К сожалению, дискуссия на тему о происхождении казанских татар, развернувшаяся на страницах журнала «Вопросы истории» в 1951 году осталась незавершенной[6]. Но она показала, что нельзя решать проблему об этногенезисе казанских татар без учета золотоордынского периода. Надо считать положительным

---

[1] Происхождение казанских татар, Татгосиздат, Казань, 1948, стр. 151. Доклады А. П. Смирнова, Н. И. Воробьева, стр. 62—63, Х. Г. Гимади (стр. 110—111).

[2] Происхождение казанских татар, 1946, Казань, стр. 142.

[3] История Татарской АССР, т. I, Казань, 1955, стр. 103—104.

[4] Б. А. Серебренников, «К вопросу о действительных взаимоотношениях между чувашским, булгарским и татарским языками», Ученые записки Чувашского научно-исслед. института, вып. XIV, 1956, Чебоксары, стр. 67, 72.

[5] Там же, стр. 73.

[6] По этому вопросу см. нашу статью «Один из спорных вопросов истории Татарии» («Вопросы истории», 1951 г., № 7) и статью Х. Гимади «О некоторых вопросах истории Татарии («Вопросы истории», № 12, 1951 г.). К сожалению, редакция журнала ограничилась только этими статьями, которые не решали вопроса об образовании казанских татар.

фактом решения конференции по археологии древней и средневековой истории народов Поволжья в Казани, состоявшейся в декабре 1956 года, высказавшуюся за пересмотр неудачных решений сессии 1946 года.

Казанское ханство, образовавшееся в 1438—39 гг., напоминало прежнюю Золотую Орду и по своей агрессивной политике в отношении своих соседей, особенно Руси. К. Маркс в своих хронологических заметках прежде всего обратил внимание на эту сторону вопроса. «(В (1437) году),— писал он,— вследствие одного из мятежей, которые стали обычным явлением у татар, хана Улук-Мухаммета изгнали из его Кыпчакской орды, *он основал Казанское ханство*, которое почти на *100 лет сделалось опасным соседом для России*»[2]. Казанский хан Улук-Мухаммед, начиная с 1439 г., предпринял один за другим несколько походов на Русь, закончившихся пленением великого князя Василия Васильевича в 1445 г. Отпущенный по крестному целованию в Москву великий князь 10 октября 1445 г. обязался «дать ему (хану) за себя откуп, сколько может». О тяжести «откупа» можно судить по записи в Новогородских летописях. Согласно второй новогородской летописи «взял царь Махмет окупа на великом князе двести тысяч рублев». Крестное «целование» великого князя не ограничилось этим. Оно предусматривало ряд других не менее разорительных и унизительных требований, не отраженных в официальных источниках. На это указывают записи, имеющиеся в IV Новогородской летописи: «Взял на нем окупа двести тысяч рублев, а инсе бог весть да они»[1]. «Иные» условия договора 1445 года летопись не приводит, но можно предположить, что одно из условий этого договора связано было с «Мещерскими местами».

При возвращении великого князя из татарского плена вместе с ним прибыли в Москву «многие князи» татарские и два сына казанского хана: Касым и Якуб. Сообщая об этом, летописцы ничего не говорят о причине появления татар на Москве. Возможно, татары приехали для получения дани. Что же касается царевичей Касыма и Якуба, то они непосредственно засели в «Мещерских местах» и вскоре создали здесь Касимовское ханство во главе с царевичем Касымом. По-видимому, одним из условий крестного целования великого князя предусматривалась передача татарам «Мещерских мест» — царевичу Касыму. При ослеплении великого князя противная сторона ставила ему в вину: «чему еси татар привел на Русскую землю и *городы дал еси им, волости подавал еси в кормление*. А татар любишь и речь их паче меры без милости, и злато и серебро и имение даешь татаром»[2]. Дополнительные данные сообщает и Герберштейн, каса-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Архив, т. VIII, 1946, стр. 153. Разрядка наша.

[2] С. М. Соловьев, История России, кн. I, стр. 1066.

[3] ПСРЛ, т. IV, стр. 125.

ясь вопроса о возникновении города Касымова: «Московский владыка,— пишет он,— уступил место татарам для житья»[1].

В. В. Вельяминов-Зернов, автор капитальной работы «Исследование о касимовских царях и царевичах», относит образование Касимовского ханства к 1452—56 гг. Оно создано было, по его мнению, для борьбы с Казанским ханством. «Тут был прямой расчет,—замечает он,—царька, родственника хана Казанского, всегда, когда угодно можно было напустить на Казань, не принимая на себя ответственности в его поступках...»[2]. Доводы исследователя, принятые без проверки историками, до сих пор не подвергались проверке. Прежде всего вызывает возражение сама дата образования Касимовского ханства, отнесенная В. В. Вельяминовым-Зерновым к 1452-56 гг. Из договорной грамоты великого князя Василия Васильевича с Суздальским князем Иваном Васильевичем 1445 г. видно, что к этому времени город Городец уже принадлежал Касиму, по крайней мере, «выходы» из этого города шли в пользу царевича. «А з Городца и с твое вотчины, чем тя есьмь пожаловал, имати ми у тебя во царев выход по описи, по людем»[3]. Указанный «царев выход», впервые упоминаемый в грамоте 1445 г., шел, бесспорно, в пользу царевича Касыма, что подтверждается и другой грамотой, подписанной в 1483 году Иваном III и рязанским великим князем Иваном Васильевичем. В этой грамоте говорится о дани, «что шла царевичу Касыму и сыну его Даньяру царевичу с ваши (Рязанской) земли при твоем деде при великом князе Иване Федоровиче»[4].

Грамота 1483 г. представляет интерес и в другом отношении. «Царев выход» с «Мещерских мест» давался не только касимовским царям, но и другим татарским князьям и «дорогам» (даругам) по договору великого князя Василия Васильевича «со царевичем и с касимовым князем с Кобяком, с Айдаровым сыном, да Исаковым, с Ахметовым сыном». Упоминаемый грамотой Кобяк был сыном того татарского князя Айдара, который приехал в числе прочих татарских послов одновременно с великим князем для решения, очевидно, вопросов, связанных с образованием Касимовского ханства. Если допустить, что Касимовское ханство было образовано по инициативе Василия Васильевича для борьбы с Казанью, тогда чем объяснить факт уплаты «дани» и «выхода» в пользу касимовских царей и князей, а равно и в пользу властителей Крымского и Казанского ханств?

В договоре 1445 года в некоторой мере затрагивался вопрос об уплате постоянного «выхода» в пользу казанских ханов, взамен «ордынского выхода», ранее отдававшегося ханам Золотой

---

[1] С. Герберштейн, Записки о московитских делах, 1908, стр. 103.

[2] В. В. Вельяминов-Зернов, Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. I, 1863, стр. 27.

[3] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв., 1950, стр. 157.

[4] Там же, стр. 284.

Орды. По распадении Золотой Орды, естественно, возникал вопрос, какому хану давать «выход», когда на него стали претендовать Кичи-Мухаммед и Сеид-Ахмет. При таком положении претензии казанских ханов на известную долю «ордынского выхода» были вполне естественны. Пленение великого князя Улук-Мухаммедом создавало повод для получения известной доли общего «выхода» и в пользу казанских ханов. В источниках нет прямых указаний по этому вопросу, но достоверно известно, что казанские ханы, наряду с ханами Большой Орды, Крыма, Астрахани и Касимова, получали часть прежнего «ордынского выхода» в свою пользу. В договорной грамоте Ивана III с князем Юрием Ивановичем от 16 июня 1504 г. говорится: «А выходами, господине, ординские, и в Крым, и в Астрахань, и в Казань, и в царевичев городок... и все татарские проторы давати ми тобе и твоему сыну великому князю со всей моей вотчины, и по тому, как отец нам, князь велики (Василий Васильевич — М. С.) в своей духовной грамоте написал. А коли, господине, выходы в ординские и татарские проторы не даш, и тобе и у мене не взяти»[1]. Указанные в грамоте «выходы» в пользу казанских ханов могли быть установлены только при великом князе Василье Васильевиче согласно его крестному целованию 1445 года. Таким образом, Касимовское ханство обязано своим возникновением не инициативе великого князя Московского для борьбы с Казанским ханством, а именно инициативе казанских ханов, использовавших благоприятно сложившуюся для них коньюнктуру.

От агрессивной политики казанских ханов не в меньшей мере страдали и народы Поволжья: мордва, чуваши, мари, удмурты, башкиры, насильственно присоединенные к Казанскому ханству. Время завоевания этих народов казанскими татарами не зафиксировано источниками. Народы Поволжья, завоеванные еще Батыем и состоявшие в подчинении Золотой Орды, после распада последней, очевидно, освободились из-под власти татар. С образованием Казанского ханства они вновь были подчинены казанскими ханами. Так обстояло дело, например, с мордвой, история которой сравнительно полно отражена в документах. Согласно Никоновской летописи, часть мордвы, которая находилась близ Рязанского княжества, к 1444 г. уже освободилась из-под власти татар и вошла в состав Русского государства. Во время нападения царевича Мустафы «со множеством татар» на Рязань великий князь Василий Васильевич послал против Мустафы свои войска «да мордву на ртах», и «придоша на них (татар — М. С.) мордва на ртах с сулицами и с рогатинами и с саблями». Московское войско, вместе с мордвой, «много татар избиша» и самого царевича Мустафу убиша и князей с ним многих татарских избиша. А князя Ахмут-мурзу яли да князя Азбердея, Ми-

[1] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв., стр. 365.

шерванова сына, яли и иных многих татар поимали»[1]. Мордовское население, выступавшее вместе с войсками великого князя, либо находилось под властью Москвы, либо добилось самостоятельности, освободившись из-под власти татар. Осенью следующего (1445) года казанские татары, прежде чем предпринять поход на Рязань, «воеваша... мордву». Только покорив мордву, татары «приходили» на Рязань и Муром[2]. В итоге походов Улук-Мухаммеда 1439—1445 гг. границы Казанского ханства продвинулись на западе до бассейна реки Мокши и подошли к русским владениям в районе города Мурома. Князь А. М. Курбский, сообщая о Муроме, говорит о нем как о пограничном пункте, «иже лежит от поля уже крайнее к Казанским пределам»[3].

В источниках не сохранилось данных о времени покорения удмуртов и башкир. При преемниках Улук-Мухаммеда — Махмутеке (1445—1461 гг.) и Халиле (1461—1467 гг.) казанские татары предприняли ряд походов на восток и на северо-восток, закончившихся покорением Вятки и других земель на северо-востоке. Тогда-то, по-видимому, и были покорены удмурты, остяки, вогулы и башкиры. В русских летописях под 1469 годом сообщается о сборе ханом Ибрагимом войска «с всею землею своею с камской и сыплинскою (?) и с костоякою и с беловолжскою и с вотяцкою и с башкирскою»[4]. Следовательно, удмурты (вотяки), башкиры и остяки до этого времени были включены в состав Казанского ханства. С завоеванием башкир, удмуртов и остяков границы Казанского ханства на востоке подошли к Уральским горам и к Сибирскому ханству и Ногайской Орде в районе реки Белой, Кенили и Кенилльчика, а на юге — в районе Саратова, к Большой Орде Ахмата.

С образованием Казанского ханства в 1438 г. и отпадения его от Джучиева улуса хан Кичи-Мухаммед, овладевший Дешт-и-Кипчаком, лишился одной из богатейших областей государства. С образованием Казанского ханства от Золотой Орды отпали не только камские булгары, крупный центр ремесленной торговли и важный район Джучиева улуса, но и края громадной территории, в соседстве с Рязанским княжеством, имевшие большое хозяйственное значение. Владения Кичи-Мухаммеда после отпадания восточных улусов, Сибири и Казанского края со значительным населением, по сравнению с другими, только что образовавшимися татарскими государствами были еще громадные, но уже не существовало Золотой Орды в прямом смысле этого слова. Современники не случайно назвали её не Золотой, а Большой Ордой.

---

[1] ПСРЛ, том XII, стр. 61—62.

[2] ПСРЛ, том XII, стр. 62; В. П. Татищев, История Российская, т. IV, 1784, стр. 555.

[3] А. Курбский, История князя великого московского, 1833, стр. 17.

[4] ПСРЛ, том VIII, стр. 156; т. XX, стр. 281.

Борьба между двумя Мухаммедами из-за земель западных улусов, как мы уже видели, закончилась изгнанием Улук-Мухаммеда из Дешт-и-Кипчака. Надо полагать, что Кичи-Мухаммед добился некоторых успехов и в Крыму, где до этого правил Сеид-Ахмет. Правда, мы не располагаем данными о захвате Кичи-Мухаммедом Крыма, однако ряд фактов убеждают нас, что после победы, одержанной над Улук-Мухаммедом, Кичи Мухаммед добился также изгнания Сеид-Ахмета из Крыма. Арабский хроникер Эль-Айни рассматривает Кичи-Мухаммеда не только ханом Дешт-и-Кипчака, но и Крыма. По его словам, «в 874 (I.X.1443—19.IX.1444) году государем Крыма и Дешта был Мухаммед-хан»[1]. Здесь, безусловно, речь идет о Кичи-Мухаммеде, поскольку Улук-Мухаммед после своего изгнания в 1437 г. из Дешт-и-Кипчака больше сюда не вернулся. У турецкого историка XVII в. Мунаджима-баши говорится, что «впервые избравшим столицу Крыма был Мухаммед султан, сын Тимур-султана..., (он) достроил город Бахча-Сарай, сделал его своим местопребыванием»[2]. Когда он сделал Крым своим местопребыванием, установить трудно. Бесспорно одно, что это произошло только не в 1443 г. Мунаджим-баши говорит о более длительном времени пребывания Кичи-Мухаммеда в Крыму, из его рассказа вытекает, что хан сначала избрал себе ставку в Солхате, т. е. в старом Крыму, а затем ушел в Бахчи-Сарай, достроив этот город, прежде чем сделать его своей резиденцией. Чтобы все это осуществить, требовалось значительное время. Можно полагать, что изгнание Сеид-Ахмета из Крыма произошло вскоре после победы, одержанной над Улук-Мухаммедом.

Имя Сеид-Ахмета впервые появляется в польских источниках в 1438 г.[3]. Находясь в Крыму, он вряд ли был в состоянии совершать поход на Польшу и Литву; походы на Польшу и Литву он мог совершать только из ближайших районов Подолья, где позже кочевали татары Сеид-Ахметовой орды.

Русские летописи и польские авторы, говоря о татарах, кочевавших в Дешт-и-Кипчаке в 40-х годах XV века, этличают «татар Сеид-Ахметова» от «татарово Кичи-Махматова», тем самым указывают на существование двух татарских орд государств Кичи-Мухаммеда и Сеид-Ахмета. Наличие двух враждующих орд в Дешт-и-Кипчаке, орда Кичи-Мухаммедова в районах Подонья и соперничество между ними из-за пастбища и кочевья естественно должно было привести к враждебным столкновениям и к раздорам внутри самих орд. Об одной такой неурядице в Большой Орде Кичи-Мухаммеда в 1440 г. сообщается в Никоновской летописи: «Тоя же осени царь Махмет (Кичи-Мухаммед — И. С.). Большие Орды убил большого сво-

---

[1] В. Г. Тизенгаузен, Сборник, т. I, стр. 534.
[2] Mynadjem bachi Tarixi, t. II, stanboni 1868, s. 697—698.
[3] Dlugosza Dzieje, t. 4, p. 549.

его князя ордынского Мансупа (?) и много татар тогда избиены бысть в Орде не точию же тамо, но и во иных ордах мятеж бысть и размирье много и межиусобныя брани и рати»[1]. Убийство ханом своего старшего эмира и многих других татар свидетельствует о больших внутренних разногласиях, приводивших к междоусобным «брань и рати». Как видно из приведенного летописного отрывка, такие «брани» тогда произошли не только в Ордах Кичи-Мухаммеда, но и «иных ордах», в том числе, быть может, и в Орде Сеид-Ахмета.

Пока соперничавшие ханы вели войну между собой из-за господства в Дешт-и-Кипчаке, в Крыму снова появился Хаджи-Гирей, все еще претендовавший на Крымский улус, когда-то принадлежавший деду его Таш-Тимуру. Попытка Хаджи-Гирея закрепить за собой Крымский полуостров в 1434 г., как мы уже видели, потерпела неудачу. Он встретил сопротивление со стороны рода кунгратов, одного из знатнейших родов Джучиева улуса, связанного родственными узами с домом Джучи. Феодальная аристократия Крыма в лице знатнейших фамилий Крыма: ширинов, аргынов, барынов, как и сам Хаджи-Гирей, добивавшаяся превращения Крыма в самостоятельное государство, как-то не сумели тогда выступить единым фронтом против татарских феодалов Дешт-и-Кипчака. Теперь же, в период вторичного возвращения Хаджи-Гирея в Крым в 1443 г., обстановка резко изменилась в пользу сепаратистов.

Этот экономический район, когда-то игравший большую роль в системе караванной торговли, после перемещения путей караванной торговли с Дешт-и-Кипчака и Малой Азии хотя и утратил свое значение, тем не менее все же мог удовлетворять потребности населения Крымского полуострова и прилегающих к нему районов.

Испанец Перо Тафур, посетивший Крымский полуостров в 1435—39 гг., говорит о г. Каффе как об одном из крупнейших городов, где шла бойкая торговля рабами; здесь продавали рабов «в большем количестве, чем в любом другом месте мира». По его словам, Каффу посещали не только итальянцы, но и купцы из Каира; египетский султан имел здесь свою факторию[2]. Тафур также сообщает о «своем лучшем городе Татарии, о городе «Corkat», очевидно имея в виду г. Солхат. По его словам, сюда по суше и по морю через Азовское, Каспийское и Индийское моря шло много товаров, пряностей, золота, драгоценных камней, собольего меха из Индии и Персии[3]. Из разных концов Крымского полуострова в Крым (т. е. в Солхат и Каффу) отправлялись «телеги с солью, телеги с зерном и мукой». В городах Солхате, Каффе, Керчи, Крык-Ере продавали и покупали

---

[1] ПСРЛ, т. XIII, стр. 30—31.
[2] Pero Tafur, Aadanlas é Viajes, p. 61.
[3] Там же, стр. 162—163.

«рогатый скот, лошадей, рабов и рабынь». Он же упоминает ремесленных мастеров «внутренних городов», обслуживавших потребности «внешних сел»[1]. Следовательно, даже теперь, когда Крымский полуостров и соприкасающиеся с ним берега Черного моря оказались оторванными от остальных районов Золотой Орды, рынки Крыма, все еще связанные со среднеземноморской торговлей, удовлетворяли потребности местного населения.

Татарская феодальная аристократия Крыма в лице ширинов, аргынов, барынов, кыпчаков и др., располагавших громадными земляными угодьями[2], пока Крым оставался в зависимости от ханов Дешт-и-Кипчака, не могла свободно распоряжаться своими богатствами. Ханы, формально являвшиеся верховными земельными собственниками, могли отобрать земли у своих вассалов и раздать их своим приближенным. Так, например, родоначальник князей мансуровых Дивеи (внук Едея) прибывший вместе с ханом Кичи-Мухаммедом в Крым, получил в виде подарков 32 деревни и закрепил их за своими потомками, хотя до этого они не имели земельных угодий в Крыму[3].

Поэтому местная татарская аристократия, выражая свое недовольствие поступкам хана Кичи-Мухаммеда, начала тайно сноситься с Хаджи-Гиреем, все еще находившимся в Литве при дворе Казимира. Представители крымской знати, стоявшие в оппозиции к хану Кичи-Мухаммеду, тайно вступили в переговоры с Хаджи-Гиреем, обещая ему престол. Одновременно они начали переговоры с Казимиром и просили от имени князей, уланов, мурз и «от всей орды перекопские», чтобы он «царя дал на царство Ази-Гирея, который пришел з орды до Литвы еще за великого князя Жигимунда... «По их просьбе» князь великий Казимир тоего царя Ази-Гирея з люди чествовавша и одаровавша, и во великой его почестности до орды Перекопские на царство посла, и послал з нем садеча его на царство, маршалка земского Радивила, и Радивил отправши его в почетности аз до столпа его до Перекопа, и там его Радивил именем великого князя Казимира посадил на царство Перекопском»[4]. Этот рассказ передает и Стрыйковский с той лишь разницей, что он в отличие от летописи Быховца утверждение Хаджи-Ги-

---

[1] В. Д. Смирнов, Татарско-Ханские ярлыки, Симферополь, 1917, стр. 3—4, 8—9.

[2] О размерах земельных владений татарских феодалов в Крыму можно судить по такому факту, что даже после ликвидации Крымского ханства размер земельных наделов князей Аргыновых составлял более 25 тысяч десятин, князей Яшлановых только по реке Альме выделялся более 11500 десятин земель (Ф. Ф. Лашков, Архивные данные о бейликах Крымского ханства, труды VI Археологического съезда в Одессе в 1884 г., т. IV, Одесса, 1887, стр. 103—104.).

[3] Там же, стр. 100, его же, Памятники дипломатических отношений Крымского ханства с Московским государством в XVI—XVII вв., Симферополь, 1891, стр. 32.

[4] ПСРЛ, т. XVII, стр. 543.

рея «на царстве Перекопском» относит не к 1445 году, а к 1443 году. У последнего имеется еще одна деталь, отсутствующая в летописи Быховца. По словам Стрыйковского, Хаджи-Гирей был возведен на «царство Перекопское» еще в Литве. Казимир возвел с панами литовскими Хаджи-Гирея на царство татарское в городе Вильно, а затем послал в Крым маршалка Радзивило, который посадил его на трон отцовский»[1]. Монеты Хаджи-Гирея, выбитые в Кирек-ере в 1443 г. с титулом «Султан верховний»[2], подтверждают сообщение Стрыйковского о провозглашении Хаджи-Гирея ханом Крымским в 1443 г.

Хаджи-Гирей, провозглашенный Крымским ханом при участии Казимира, проводил политику, направленную на укрепление дружественных отношений между обоими государствами. «И все те года за господство Казимира,— говорится в летописи Быховца,— и за живота того царя Ази-Гирея упокой был межа княжеством Литовским и Ордой Перекопской»[3]. Вскоре оба государства заключили союз против «общих врагов» обоих государств, против хана Сеид-Ахмета, кочевавшего вблизи Польско-Литовской границы — в Подолье. В польских хрониках периодически отмечается о наступлении татар Сеид-Ахметовых орд на Литву и Польшу. Была ли это месть полякам за поддержку ими Хаджи-Гирея, или простым грабежом непосредственного соседа — неизвестно. Факты говорят о набегах Сеид-Ахметовых татар на Львов, Олеско, Бельск, Гродно, начиная с 1438 г., пока Хаджи-Гирей, выполняя договор, не начал и не разгромил Орду Сеид-Ахмета.

«В 1452 г. орда татарская, под водительством Седахмета,— отмечает Длугош,— вторглась в землю русскую (Литовскую), дошла до Львова. Литовцы послали Раздивило к хану. Когда Раздивил находился у хана, другой татарский царь Хаджи-Гирей ударил на Сеид-Ахмета, обратил его в бегство, разбил его на голову и всех дорогих хану людей взял к себе в плен. Сам хан (Сеид-Ахмет), спасавшийся бегством[4], вернувшись в орду Сеид-Ахмет, некоторое время скитался в степях, летом 1455 г. даже предпринял неудачный поход на русы, но был разгромлен войсками великого князя на реке Оке под Коломной[5]. Потеряв все свое войско, разбитый хан со своими сыновьями и несколькими женами, князьями, предводителями дружин, прибыв в Литву, и по приказанию Казимира короля был пленен. Самого хана и его семью посадили в Ковенской крепости[6].

---

[1] Stryikowski, Kronika t. II, p. 212—213.

[2] А. К. Марков, Инвентарный каталог мусул. монет Эрмитажа, стр. 583.

[3] ПСРЛ, т. XVII, стр. 543.

[4] Dlugosza Dzieje,... t. V, p. II.

[5] ПСРЛ, т. XXV, стр. 273.

[6] Dlugosza Dzieje,... t. V, p. 24 Матвей Меховский, Трактат о двух сарматиях, стр. 91.

Разгром орд Сеид-Ахмета, закончившийся пленением хана и его семьи, содействовал признанию независимости Крымского ханства его соседями. С пленением Сеид-Ахмета и его детей не осталось претендентов на Крымский престол. Правда, другой татарский хан Кичи-Мухаммед, кочевавший в соседстве с Крымом и овладевший большой военной силой, не признавал Крымского ханства, продолжая считать себя Верховным владыкой и Крымского улуса. Независимость Крымского ханства не признавалась и генуэзцами, за последние годы еще больше расширявшими свои привилегии в Крыму.

По Уставу 1449 г. генуэзцы имели своих консулов в Солдае (Судаке), Чембало (Балаклаве), Азаке (Тану) и на Таманском полуострове. При консулах состоял довольно сложный административный аппарат действовавший независимо от ханов. Даже татарское население г. Каффы по Уставу не подлежало юрисдикции тудуна-наместника хана в г. Каффе[1]. С превращением Крыма в самостоятельное государство и с установлением твердой власти хана, генуэзцы, естественно, должны были бы делить с ними свою власть, поэтому они стали на сторону Кичи-Мухаммеда, жившего далеко за пределами Крыма и фактически не имевшего никакого отношения к крымским генуэзцам. Хаджи-Гирей же, не располагая ни флотом, ни стенобитными машинами, не мог навязать свою волю каффейцам, так хорошо защищенными стенами и каффинской крепостью. Добиваясь подчинения генуэзцев во что бы то ни стало, Хаджи-Гирей обратился за помощью к турецкому султану, хотя эта помощь должна была привести к утрате независимости только что образованного ханства. В 1454 г. в районе Керчи, во время встречи после хана с командующим турецкого флота адмиралом Дмир Кяхья, было заключено соглашение о доступе турок на Крымский полуостров. В силу этого не только Каффа, но и само Крымское ханство фактически сделались зависимыми от турецкого султана[2].

С выделением Крымского ханства татары Дешт-и-Кипчака лишились весьма важного района на юге с его богатыми торговыми городами, связанными с западно-европейскими рынками. Город Азак (Тана), оставшийся в руках венецианцев, после захвата крымскими татарами Керченского пролива заглох. Единственный крупный город Астрахань, принадлежавший еще татарам, отпал с образованием Астраханского ханства. С утратой Крыма и побережья Черного моря, татары Дешт-и-Кипчака оказались в весьма затруднительном положении. Особенно для них ощутимой оказалась потеря зимних пастбищ на юге, куда

[1] Записки Одесского общества истории и древности. т. VI, 1863, стр. 692 и след. К. Пинчко и Е. Зевакин, Из истории социальных отношений в генуэзских колониях, Исторические записки Ак. Наук, т. 7, 1940, стр. 11—12.

[2] Л. П. Колли, Хаджи-Гирей и его политика, Известия Таврической ученой Архивной комиссии, № 50, 1913, стр. 128—129; К. В. Базилевич, Ярлык Ахмет хану Ивану III, Вестник Московского Университета, N 1, 1948, стр. 36—37.

они, обычно перекочевывали со своим скотом с началом зимних холодов.

Казалось, что устранение соперничавшей с Большой Ордой орды Сеид-Ахмета, превращения в связи с этим Кичи-Мухаммеда в единственного хана всех татар, кочевавших в степях западного Дешт-и-Кипчака, должно было привести к дальнейшему росту могущества Большой Орды, однако этого не случилось. После смерти Кичи-Мухаммеда в 1459 г.[1] в Большой Орде начался политический кризис, закончившийся отпаданием от Большой Орды Астрахани. Как только умер Кичи-Мухаммед, два сына умершего хана, Махмуд и Ахмат начали оспаривать власть друг друга. Кто из двух царевичей был объявлен ханом после смерти Кичи-Мухаммеда, по русским летописям, являющимися основными источниками по истории Большой Орды — трудно установить. Русские летописи, сообщая о нападениях татар Большой Орды на Переяславль-Рязанский, называют ее хана по-разному: Типографическая летопись называет его «Махмутом»[2], Воскресенская, IV Новгородская и Никоновская называют его Ахмутом Кичи-Ахматовым[3], Софийская, Симеоновская — Ахматом Кичи-Ахматовичем[4].

Одно из двух — или русские летописи, за исключением типографической, неточно передают имя преемника Кичи-Мухаммеда-Махмуда, называя его то Ахмутом, то Ахматом, или же после смерти Кичи-Мухаммеда два его сына объявляют себя ханами Большой Орды одновременно. Ответ на поставленный вопрос осложняется еще и тем, что от обоих ханов сохранились монеты, выбитые в Астрахани, без указания даты. В одном случае монеты имеют легенду — «Хан правосудный, Махмуд, сын Кичи-Мухаммеда»[5], в другом случае — «Хан правосудный Ахмат, сын Кичи-Мухаммеда»[6].

При внимательном изучении всех сохранившихся источников, относящихся к истории Большой Орды этого периода, можно сделать вывод, что русские летописи, за исключением Типографической летописи, имя старшего сына Кичи-Мухаммеда, Махмуда, провозглашенного ханом Большой Орды в 1459 году ошибочно называют Ахмутом. Махмуд управлял Большой Ордой до 1465 г., т. е. до времени восстания Ахмата против своего брата. Махмуд, свергнутый с престола своим братом Ахматом, ушел в Астрахань, заняв город и положил начало Астраханскому ханству. Подтверждением этого служит тот факт, что русские летописи (Софийская, Симеоновская и др.) в 1460 г., называвшие ха-

---

[1] Лэн-Пуль, Мусульманския династия, 1899, СПБ, стр. 193.
[2] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 184.
[3] ПСРЛ, т. IV, стр. 148, т. VIII, стр. 149, т. XII, стр. 113.
[4] ПСРЛ, т. I, стр. 272, т. VIII, стр. 214.
[5] А. К. Марков, Инвентарный каталог и мусульманских монет Эрмитажа, стр. 51.
[6] П. С. Савельев, Монеты Джучидския... стр. 325.

на Большой Орды Ахматом, в 1465 году именуют его ни Ахматом, а Махмудом [1]. Имя Ахмата в качестве хана, за исключением вышеприведенного случая, в русских летописях до 1465 г. не приводится, о нем, как о хане, летописи начинают говорить только после 1465 года, а имя Махмуда с этого времени исчезает со страниц русских летописей. Последний раз он упоминается в связи с его неудачной попыткой идти на Русь, когда на него напал Хаджи-Гирей. Под 1465 г. в летописях говорится: «Природе безбожный царь Махмуд на русскую землю со всею ордою и бысть на Дону... Прииде на нею царь Азигирей и бие его и Орду взя. И начаша воеватися промеж себя». Дополнением к русским летописям служит следующая запись в хронике Длугоша: 10 сентября 1465 года послы папы Павла II, прибывшие ко двору Хаджи-Герея, узнали, что «несколько дней тому назад Хаджи-Гирей разбил другого хана татарского Кичи-Махмета (?) за Волгой рекой, имевшего свое государство; все его места и жен взял себе»[3].

Из приведенных отрывков следует, что в тот момент, когда хан Большой Орды Махмуд собирался воевать русскую землю, на него напали крымские татары и разбили его, захватив орды и разграбили. Поражение брата, вероятно, было использовано Ахматом, который и объявил себя ханом Большой Орды и начал чеканить монеты с титулом «хан правосудный Ахмат». Махмуд же вынужден был уступить Дешт-и-Кипчак своему брату Ахмату, бежал в Астрахань и тем самым положил начало будущему Астраханскому ханству.

Вопрос об образовании нового Астраханского ханства долгое время в нашей исторической литературе оставался неясным ввиду недостатка источников, относящихся к ранней истории Астраханского ханства. Недавно найдено в бывшем султанском архиве в Константинополе письмо основателя Астраханского ханства Махмуда к турецкому султану Мухаммеду II, датированное 10 марта 1466 года. Письмо представляет большой интерес для изучения истории образования Астраханского ханства. В этом письме «Султан Махмуд, сын Мухаммеда, сына Тимур-хана» сообщает турецкому султану, что он «по милости бога достиг высокое место отцов и дедов своих ханов», т. е. стал ханом. Напомнив султану о хороших отношениях между Золотой Ордой и Турцией в прежние времена, он пишет о своем желании продолжать эту традицию. «До сих пор мы не могли послать своего посла поздравить и пожелать здоровья через своего посла,— пишет хан,— по той причине, что было много неотложных дел, поэтому человек наш не мог поехать. Милостиво бог отныне благославляет нас на хорошую будущность, на восстановление дружбы

---

[1] М. Г. Сафаргалиев, Разгром Большой Орды, Записки Мордовского научно-исследовательского института, № 11, 1949, Саранск, стр. 84.

[2] ПСРЛ, т. XII, стр. 116, т. XXIV, стр. 186.

[3] Dlugosda Dzieje,... t. V, p. 398.

между нами»[1]. «Неотложные дела», по-видимому, были связаны с образованием ханства, когда хан был занят борьбой за Астрахань, что мешало ему послать своего представителя к султану до марта 1466 г. К тому времени должно быть завершился организационный период образования Астраханского ханства и начаты дипломатические переговоры об установлении дружественных отношений с турецким султаном. То, что к 1466 г. Астраханское ханство фактически существовало, видно из отчета тверского купца Афанасия Никитина. Он сообщает о царе (хане), сидевшем в Астрахани и имевшем «свою орду». Когда путешественники плыли ночью по Волге, татары взялись их сопровождать», и весть дали в Хазъторохани царю, Астраханский хан послал за ним «всю орду», и татары ограбили путешественников у самого моря»[2]. Имя хана (царя), сидевшего в Астрахани и пославшего татар за путешественниками не указывается. Афанасий Никитин упоминает лишь царевича Касыма («Касым солтан»), который впоследствии стал Астраханским ханом. Об этом «Косым-солтане» сообщает и Амвросий Контарини, побывавший в Астрахани в 1476 году, которого он называет ханом Астраханским («Casimican»). По словам Контарини в 1476 г., «он (т. е. Касим-хан) находился тогда в войне с дядею своим ханом татарским (Ахматом), ибо объявил притязания на владение Большой Ордой, бывшей прежде под управлением его отца»[3].

Приведенные нами отрывки из сочинений А. Никитина и Амвросия Контарини помогают решить вопрос о происхождении «Касыма-солтана». Касым, являвшийся племянником хана Большой Орды Ахмата, мог быть только сыном Махмуда. Известно, что до 1465 г. ханом Большой Орды был Махмуд, родной брат Ахмата. Следовательно, Касим был сыном Махмуда, унаследовавшего от своего отца ханство Астраханское. Год смерти Махмуда и время возведения Касима на ханство в Астрахане не отражены в источниках, но бесспорным остается факт, что престол астраханских ханств был закреплен за потомками Махмуда, положившего начало династии астраханских ханов. Именно поэтому крымские ханы называли астраханских ханов «Махмудовыми детьми»[4]. Монеты хана Махмуда чеканились в Астрахани, Уреке, Дербенте и в каком-то Орда-Базаре, с титулом «Государь правосудный Махмуд»[5].

Из этого перечня можно примерно установить границы Астраханского ханства в момент его образования. О позднейших

---

[1] Akdes Nimet Kurat, указ. сборник, стр. 38.

[2] ПСРЛ, т. IV, стр. 381.

[3] В. Семенов, Библиотека иностранных писателей о России, т. I, стр. 92.

[4] Сборник русского исторического общества, т. 95, 1895, СПБ, с. 196, 206—207.

[5] А. К. Марков, Инвентарный каталог мусульманских монет Эрмитажа, стр. 531.

границах Астраханского ханства имеются указания в «Рассуждении о Московии» Ф. Тьеполо, «Границы этой области (т. е. Астраханского ханства — М. С.), с востока — Волга, отделяющая его от ногаев многочисленного и храброго племени, с юга — море Каспий и часть большой горы Кокас, где она граничит с аланами... с запада — черкесы, с севера — кумания»[1]. Примерно на тех же местах кочевали астраханские татары при посещении Астрахани Контарини в 1476 г.[2]. Государственная территория Астраханского ханства, установленного при его образовании, оставалась без изменения до падения самого ханства. На востоке астраханских татар от ногайцев отделяла река Бузань, один из притоков Ахтубы, Южная граница владений ханов шла по бассейнам рек Симура, Терека, Куры и Кубани, по рекам Егорлыку и Манычу к Дону шла западная граница, отделявшая астраханцев от Крыма и от татар Большой Орды[3].

Астраханские татары хотя и не отличались своей многочисленностью, их объединяли экономические интересы, установленные веками. Все они, как сообщает Контарини, кочевали в астраханских степях и возвращались зимовать в Астрахань. Город Астрахань все еще оставался «великим татарским торжищем» и продолжал играть важную роль в жизни татар. Его посещали купцы из Армении, Персии, России, Казани, Крыма и других стран. Изобилие в пределах ханства богатых пастбищ, воды, рыбных мест, соленых озер, обеспечивали потребности астраханских татар и делали возможным длительное самостоятельное существование Астраханского ханства.

После выделения Астраханского ханства в самостоятельное государство остатки территории Золотой Орды на юго-западе также превратились в самостоятельное государственное объединение, известное под названием Большой Орды. Начало ее формирования относится к тридцатым годам XV в., когда впервые появляется само название Большая Орда. Для ее окончательного оформления потребовалось значительное время. Только с образованием Казанского и Касимовского ханств определилась государственная граница Большой Орды на Севере и Северо-Западе; в 40-х годах в связи с выделением Крымского ханства более или менее установилась пограничная линия между ею и Крымом. Государственная территория Большой Орды полностью определилась только в 60-х годах после отделения ее из состава Астраханского ханства. Хан Большой Орды, Ахмат, хотя и считал себя Верховным главой всех татарских государств, образовавшихся на распаде Золотой Орды, по существу он был ханом лишь той части бывшего владения Джучидов на западе, из

---

[1] С. А. Аннинский, Рассуждения Ф. Тосполь о Московии, Историч. Архив, т. III, 1940, стр. 392.

[2] В. Семенов, Библиотека иностранных статей о России, т. I, с. 90.

[3] М. Сафаргалиев, Заметки об астраханском ханстве, стр. 35—36.

которой сложилась Большая Орда, отличавшаяся от остальных татарских государств разве лишь по размерам своей территории.

Сохранившиеся в небольшом количестве документы позволяют установить приблизительные районы кочевья татар Большой Орды. «Ахматовы Горы», в районе нынешнего Саратова, «Ахматкин брод» на реке Инсаре, вблизи города Саранска, согласно татарским преданиям, получили свое название именно в связи с пребыванием там татарского царя, т. е. хана Большой Орды Ахмата. В районах реки Суры и Мокши Большая Орда граничила с Казанским ханством, в верховьях Цны и Дона — с Касимовским ханством и Рязанским княжеством. В 1480 г. посол великого князя говорил в Крыму, «что Ахмат царь на сей стороне Волги, а покочуют под Русь»[1]. В 1486 г. татары были «на реце на Мерли близко Колмак, на Осколе, да на Донце[2]. В 1490 году сыновья Ахмата—Муртаза и Сеид-Ахмет—со своей ордой кочевали «на сей (восточной) стороне Днепра»[3]. До занятия турками Молдавии Большой Орде принадлежали черноморские берега на запад от Днепра. После завоевания Молдавии турками в Белграде (Ак-Керман) был установлен турецкий гарнизон, поэтому кочевать за Днепром стало уже опасным делом. В 1501 году сын Ахмата Шейх-Ахмет хотел было откочевать со своей ордою за Днепр, но турецкий султан Баязет предостерег его- «А преидет орда за Днепр, и язь своих людей от Белаграда на них пошлю»[4]. Под угрозой военного столкновения с сильным противником орда вернулась в район Кобыльих Вод. На восточной стороне Днепра татары продолжали еще кочевать со своей ордою по «Самаре, и на Овечьей Воде»[5]. В 1492 г. «орда пашню пахала на Куме», два года спустя ставила кочевья под Черкасами, в 1500 г. она находилась в «Пяти Горах, что под Черкасами»[6]. В разное время татары кочевали и под Азовом на Дону[7], на Хопре[8], на Усть-Медведице[9].

Таким образом, под властью хана Ахмата оставались большие владения, расположенные между Волгой и Днепром, с одной стороны, и от Северного Кавказа до границ Русского государства, с другой. Название «Большая Орда» полностью оправдывала свое наименование в смысле обширности принадлежащей ей территории. То же можно сказать и в отношении количества населения, оставшегося под властью ханов Большой Орды.

Иосафато Барбаро, побывавший в орде при хане Кичи-Му-

---

[1] Сборник Русского исторического общества, т. 41, стр. 19.
[2] Там же, стр. 53.
[3] Там же, стр. 556—557.
[4] Сборник Русского Исторического общества, т. 41, стр. 149.
[5] Там же, стр. 323.
[6] Там же, стр. 356, 358.
[7] Там же, стр. 478.
[8] Там же, стр. 361.
[9] В. Семенов, Библиотека иностранных писателей о России, стр. 18.

хаммеде определял число «улусных людей» цифрой в 300 тысяч человек. «Я полагаю, даже твердо уверен,— писал он,— что когда вся она собирается вместе, то составит около 300 тысяч душ. Это предположение основываю я на том, что она, как выше уже сказано, находилась прежде во власти Улук-Мухаммеда»[1]. Часть из них ушла с Улук-Мухаммедом в Казань, а с образованием Астраханского ханства многие улусы, принадлежавшие Махмуду, вместе с ним откочевали к Астрахани, но и после этого Большая Орда выделялась многочисленностью своего населения. Хан Ахмат мог располагать армией в 100 тысяч человек. Автор «Шайбани намэ» сообщает о 100-тысячном войске Ахмата, которым располагал хан Большой Орды. Даже после убийства Ахмата (1481 г.) его сыновья (Муртаза, Сеид-Ахмет, Шейх-Ахмет, Бахадур, Ходяк и Янай), при разделе улуса своего отца, получили каждый значительное количество улусных людей; по словам Матвея Меховского, только Шейх-Ахмету и Ходяку принадлежало 60 тысяч воинских людей, вместе с женщинами и детьми, составлявших «свыше сто тысяч человек»[2].

Ни одно из вновь образованных татарских государств, за исключением Ногайской Орды, не могло располагать таким количеством воинских людей, которым располагал хан Ахмат. Наличие большого количества воинов давало возможность хану вести агрессивную политику по отношению к соседям Большой Орды. Ахмат был инициатором образования коалиции ханов сибирских, казахских и ногайских мурз против узбекского хана Шейх-Хайдара, сына и преемника хана Абулхаира. Войска Ахмата, сибирского хана Ибака, казахского хана Джанибека и ногайского князя Аббаса разгромили войско узбеков, а сам Шейх-Хайдар был убит. Когда малолетний сын Шейх-Хайдара Шайбан, провозглашенный ханом узбеков, бежал в Астрахань и нашел убежище у Астраханского хана Касима, то по инициативе того же Ахмата участники коалиции осадили Астрахань и вынудили Касима удалить из Астрахани Шайбана[3]. Такую же агрессивную политику проводил Ахмат по отношению к Руси. В 1468 г. «татарове от Большой Орды воеваша около Рязане, села и волости, и множество изсекоша, а иных полон поймаша, а рязанцы те совокупишася и гнаша по них»[4]. Неудача похода на Рязань убедила Ахмата в невозможности бороться с русскими в одиночку. Поэтому, предпринимая в 1471 году грабительское нападение на московские рубежи, Ахмат предложил Казимиру заключить военный союз против Ивана III. Несмотря на то, что Казимир

---

[1] В. Семенов, Библиотека иностранных писателей о России, стр. 18.
[2] Н. И. Березин, Библиотека восточных историков, т. I, стр. 63.
[3] Матвей Меховский, Трактат о двух сарматиях, стр. 65.
[4] Н. И. Березин, Библиотека восточных историков, т. I, стр. 61—62, М. Г. Сафаргалиев, Заметки об Астраханском ханстве, Сборник статей преподавателей института, Саранск, 1951, стр. 38—39.
[4] ПСРЛ, т. XXIV, стр. 187.

был занят в эту пору делами Венгрии, он сочувственно отнесся к предложению хана. Король заявил послу хана: «Чтобы вольной царь пожаловал, пошел на Московского великого князя с всею ордою своею, а яз отселе с всею землею своею, пона бо мне истома земли моей от него»[1].

Летом 1472 года Ахмат напал на город Алексин (на Оке). Летописи, сообщая об этом походе, не говорят об участии в нем литовского войска, но нападение на город было совершено Ахматом с согласия Казимира с литовского рубежа, что подчеркивает Львовская летопись: «Того же лета месяца июля 29, приходи царь Ахмут Кисиахматович ординский со всею силой великою ордынскою. И подшед близ Руси... и прииде с проводники к реце Оке под город Олексин с литовского рубежа»[2] Татарам не удалось овладеть городом, захватив пленных, они подожгли город и ушли обратно в степь.

С. М. Соловьев, а за ним А. В. Экземплярский полагают, что вскоре после похода Ахмата в 1474 году был заключен Иваном III мир с татарами под условиями признания вассальной зависимости Руси от хана[3] и выплаты ежегодной дани татарам в сумме 140 тысяч алтын в два срока: 80 тысяч алтын весною и 60 тысяч алтын осенью[4].

К. В. Базильевич в своем исследовании ярлыка Ахмата Ивану III относил появление ярлыка к 1480 году и неосновательно возражал архимандриту Леониду, датировавшему ярлык 1476 годом. Тон ярлыка, каким он был написан, носил воинственный характер, с каким обращается хан к Ивану III, совершенно не соответствует тому печальному положению, в какое попал Ахмат после своего неудачного похода на Русь в 1480 году. Кроме того, К. В. Базилевич почему-то не обратил внимание на то место ярлыка, где хан сообщает о своей победе над Крымским ханом Менгли-Гиреем: «Кто нам был недруг, что стал на моем царстве копытом, и аз на его царство стал всеми четырьми копыты... Четыре карача в Крыму ся от меня отсидели...» В 1480 году во время похода Ахмата на Русь в Крыму уже была восстановлена власть преемника Хаджи-Гирея Менгли-Гирея, который при помощи турок снова вернулся в Крым. Вряд ли была надобность хану упоминать Ивану III о своей неудаче в Крыму.

Ярлык Ахмата Ивану III мог появиться только в 1476 году, когда Ахмат «послал сына своего с татары и взя Крым, и всю Адигиреева орду»[5], посадил на трон крымских ханов своего пле-

---

[1] ПСРЛ, т. XVIII, стр. 224.

[2] ПСРЛ, т. XX, стр. 296.

[3] С. М. Соловьев, История России, к. I, ст. 1425, А. В. Экземплярский, Великие и удельные князья северной Руси в татарский период, т. 1, 1889, стр. 207—208.

[4] К. В. Базильевич, Ярлык Ахмета-хана Ивану III, Вестник Московского университета № 1, 1948, стр. 31.

[5] ПСРЛ ,т. VIII, стр. 183.

мянника Джанибека. Перед этим в 1474 году Ахмат временно восстановил зависимость русских земель от татар, чем он хвастался: «А вам ся емся государи учинила от Сайна (т. е. Батыя) царя сабельным концом» потому хан требует от великого князи, чтобы он «Батыево знамение у колпака верх вогнув ходил», т. е. считал себя вассалом наследников Батыя.

Восстановление временной зависимости русских земель от хана, подчинение крымских татар, включение бывших татар Сеид-Ахметовой орды в составе Большой Орды на время усилило могущество Большой Орды среди других татарских государств, образовавшихся после распада Золотой Орды. В ярлыке Ивану III Ахмат называет себя владетелем «четырех конец земли», «семьдесят орд», носителем «Батыева знамени». Такой же бахвальный характер носит его письмо турецкому султану Мухаммеду III, написанное в июне 1476 года. В своем письме хан рассматривает себя как единственного претендента на наследство Чингис-хана, назвав себя единственным из Чингисхановых детей; рекомендует своему «брату» турецкому султану не только установить братство и дружбу между обеими государствами, но и заключить военный союз, «в какую бы страну султан совершит поход», «поддерживать его с этой стороны», т. е. со стороны Большой Орды[1].

Как показало дальнейшее развитие событий, успехи Ахмата были кратковременными, тесно связанными со случайностью военного успеха, не подкрепленного социально-экономическим развитием страны. Татары Большой Орды, как и прежде, оставались кочевниками, их хозяйство базировалось на примитивном скотоводстве и было почти не затронуто товарно-денежными отношениями. В пределах Большой Орды не было ни одного города, вокруг которого могли бы сосредоточиваться кочевые племена. На вопрос, заданный Иосафато Барбаро одному татарину из Большой Орды: «Нравится ли ему город Азак?», последний с усмешкой ответил: «Эко диво! Башни строит тот, кто трусит»[2].

Товаро-денежные отношения совсем не прививались в быту татар Большой Орды, и не случайно от хана Ахмата и от его преемников не сохранилось ни одной монеты, выбитой с их именами, в то время как его современники в Крыму, Астрахани чеканили свои монеты.

В связи с образованием Крымского и Астраханского ханств, северное побережье Черного и Каспийского морей и Северный Кавказ отпали от татар Большой Орды. Зимой эти

---

[1] Akdes Nimet Kurat, Указ. Сборник, стр. 50. Этот чрезвычайно важный документ, изданный в 1940 году в Истамболе, еще не подвергался критическому анализу. Судя по фотоснимкам, почерк и чернила первых 10 строк резко отличаются от почерка, чернил, да и языка последующих строк.

[2] В. Семенов, Библиотека иностранных писателей о России, стр. 32.

районы, отличавшиеся более теплым климатом, с богатыми кормами для скота, были единственными местами для откорма скота, куда татары перекочевывали с севера с наступлением холодов. Теперь они были лишены этих пастбищ, что приводило к бескормице и падежу скота. Сама же орда, раздробленная на 70 более мелких орд и улусов, никогда не была централизованным государством. Ее феодальная раздробленность тормозила усиление власти хана в самой орде, отсюда бесконечные споры хана со своими вассалами, татарскими князьями.

Между тем к тому времени международное положение Большой Орды резко ухудшилось. Иван III, хотя и признал себя в 1474 г. вассалом хана, и обещал платить ежегодно 140 тысяч алтын дани, выполнял вряд ли условия договора после 1475 года. В 1480 г. во время стоянки на Угре Ахмат обвинял Ивана III в невыполнении дани: «выхода не дает де пятый год»[1]. Несмотря на неоднократные угрозы хана, Иван III «выхода не посылал, в орду... не ездил, присланных к нему по этому поводу послов даровал лишь подарками»[2]... На этом и ограничивалась «вассальная зависимость» великого князя от хана. В русском государстве, где, по словам Ф. Энгельса, «покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига»[3] создавались экономические и политические предпосылки для полного освобождения из-под власти татар Большой Орды. Оно успешно осуществилось в 1480 году.

Агрессивная деятельность хана Большой Орды по отношению к другим татарским государствам и претензии Ахмата на Батыево наследство вызвала сильную оппозицию со стороны ханов Крыма, Сибири и ногайских мурз. Они образовали против хана Большой Орды сильную коалицию с участием великого князя московского. Этим было положено начало разгрома Большой Орды еще до поражения Ахмата на Угре в 1480 году[4].

---

[1] К. В. Базилевич, Внешняя политика Русского централизованного государства, стр. 118—119.

[2] Карл Маркс и Ф. Энгельс, Архив, т. VIII, стр. 156.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XVI, г. I, стр. 450.

[4] М. Г. Сафаргалиев, Разгром Большой Орды, Записки Мордовского научно-исследовательского института, № 11, 1944, Саранск, стр. 88 и след.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Золотая Орда, образованная в 1242—1243 гг. на базе прежнего Улуса Джучи и вновь завоеванных земель во время походов монголов в Восточную Европу, по своим размерам была одним из самых крупных государств, образованных монголами. Ее владения простирались от низовья Дуная до Иртыша. В состав Золотой Орды вошло более десятка народов и племен, покоренных войсками Батыя и насильственно объединенных монголами в одно государство. Будучи довольно примитивной державой при образовании ее Батыем, Золотая Орда стала одним из крупнейших государств средневековья, оказывавшим большое влияние на страны Европы, Азии и отчасти Африки в XIII—XIV вв.

Однако монгольское завоевание и более чем 200-летнее господство монголов в Восточной Европе и в Азии не внесло в жизнь покоренных народов нового более высокого способа производства. Наоборот, оно на длительный период задержало развитие производительных сил покоренных народов, стоявших на более высокой ступени общественной жизни. Для сохранения своего господства монгольские феодалы «установили режим систематического террора, оружием которого были грабежи и массовые убийства» (К. Маркс). В ряде случаев монгольские завоеватели вынуждены были приноравливаться к тому общественно-экономическому строю, который они нашли в завоеванных странах; стали перенимать быт, язык, приобретать облик некоторых из завоеванных ими народов. Рост государственного могущества Золотой Орды, достигшей наибольшего размаха в 30—40 гг. XIV в., по-прежнему базировался на примитивном кочевом, скотоводческом натуральном хозяйстве, где только что стало возникать земледелие, ремесло же не вышло из рамок домашних промыслов, а товаро-денежные отношения не вошли в быт основной массы кочевого населения.

Золотая Орда, наподобие других раннефеодальных объединений, не представляла собой единого централизованного

государства. Расчлененная на отдельные улусы во главе с полузависимыми царевичами Джучиева дома, монгольскими князьями или местными удельными князьями, с самого начала своего образования она таила в себе элементы децентрализации и распада как в силу феодальных распрей, так и под ударами покоренных народов, не желавших терпеть ненавистную им власть.

Некоторый рост производительных сил в первой половине XIV века привел к дальнейшему росту феодальной аристократии в Джучиевом улусе. Феодальная знать, в лице царевичей, беков, мурз, алпаутов, путем жестокой эксплуатации как своего кочевого населения, так и покоренных народов, сосредоточивала в своих руках громадные богатства. Усилившись экономически и политически, феодальная аристократия на местах вступила в борьбу с ханской властью, стремясь к независимости. Это и привело к междоусобным феодальным войнам, продолжавшимся с 1359 по 1379 г. и закончившимся распадом государства на ряд самостоятельных владений: Синяя Орда, Орды Мамая, Хаджи-Черкеса, государство Суфиев в Хорезме, княжества Булат-Тимура, Тогая и др.

Временное восстановление единства государства в его прежних размерах при Тохтамыше было основано на случайных скоропреходящих факторах. Этот внешний успех, не сопровождавшийся ростом производительных сил, носил в себе элементы неустойчивости. Два разорительных похода Тимура положили конец государственному могуществу Золотой Орды и ускорили ее распад. В борьбе со столь опасным соперником, каким являлся Тимур, правительство Тохтамыша, опиравшееся исключительно на феодальную аристократию, которая оставалась чуждой интересам народных масс — не в состоянии было защищать страну от нашествия неприятеля и потерпело поражение.

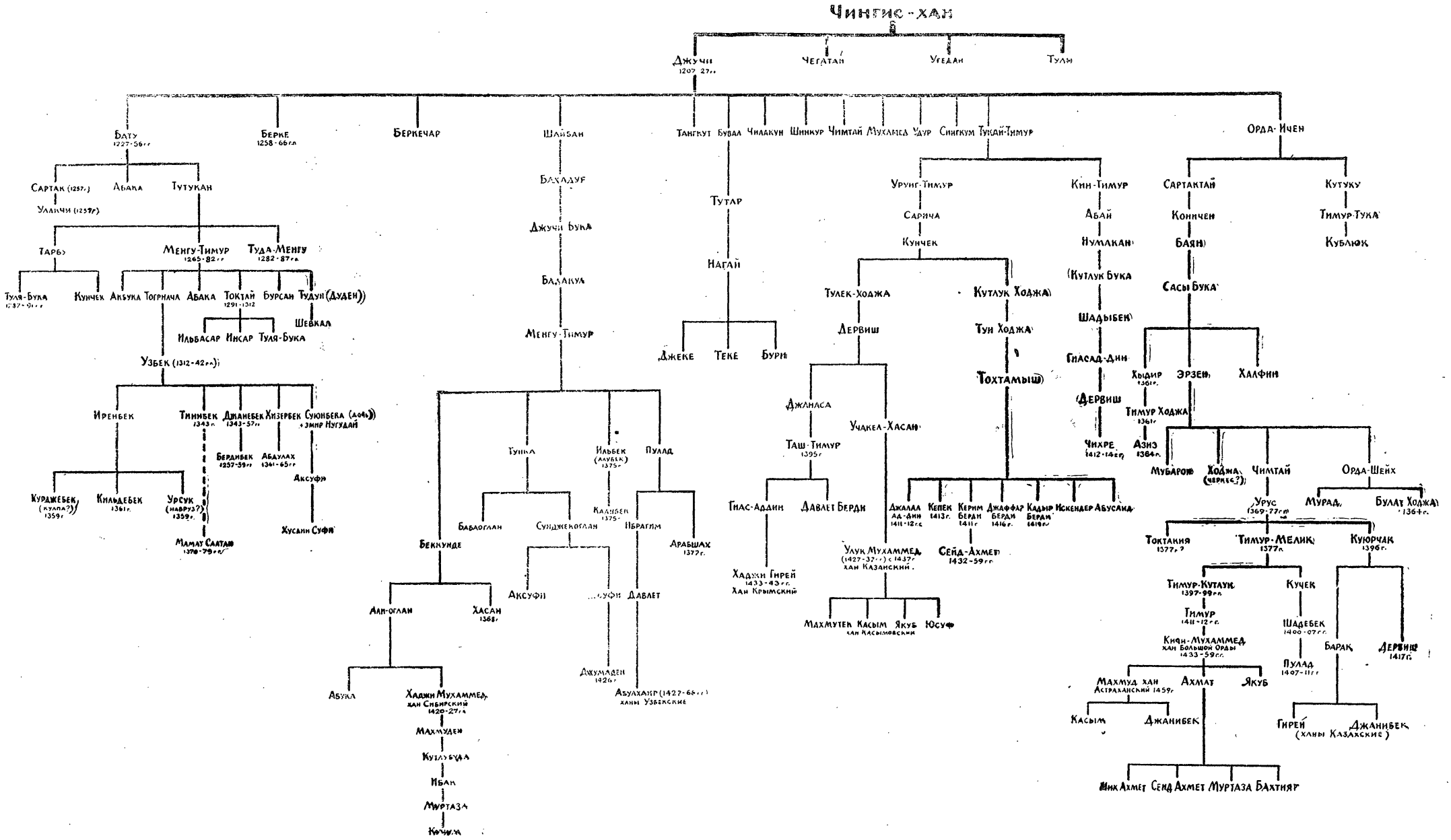
Нашествие Тимура, закончившееся разрушением городов, разорением и пленением огромной массы кочевого населения, разрушением производительных сил, поколебало все государственное управление и открыло сепаратистским элементам Золотой Орды путь к созданию новых самостоятельных владений. С выделением Мангытского юрта во главе с Едигеем было положено начало образованию и других подобных объединений. В 20-х гг. XV в. от Золотой Орды отпала Синяя Орда, улус потомков Шайбана распался на самостоятельные государства: Сибирское, Казахское, Узбекское ханства.

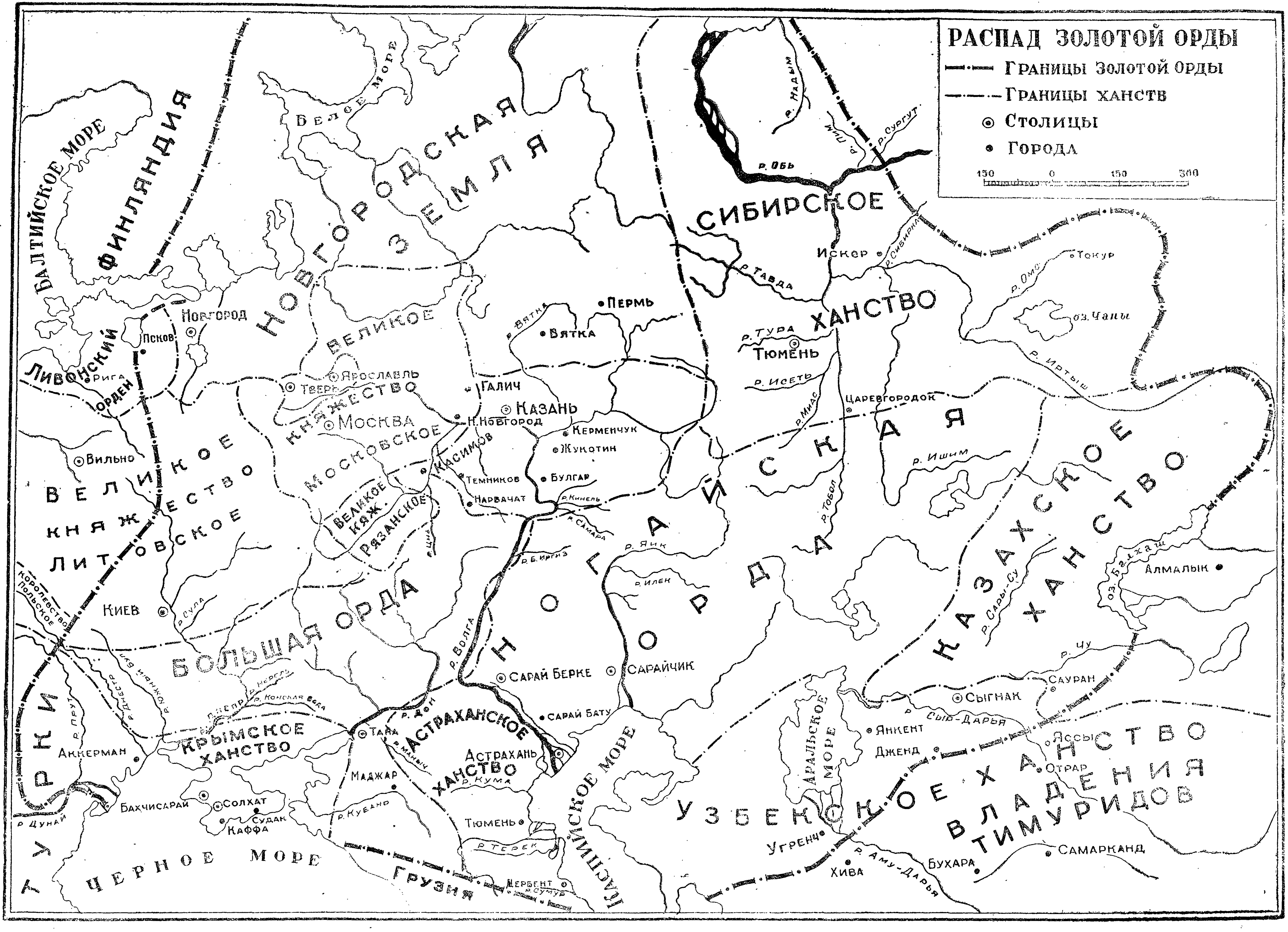
С отделением восточных улусов из-под власти последнего хана Золотой Орды Улук-Мухаммеда в ее пределах осталась лишь часть бывшего Джучиева улуса в Дешт-и-Кипчаке, где к тому времени шел процесс формирования новых государственных объединений — Казанского, Крымского и Астраханского ханств. С их выделением из остатков Золотой Орды оформилось последнее татарское государство — Большая Орда, отличавшаяся от

остальных вновь образованных государств некоторой значительностью своей территории.

С распадом Золотой Орды на мелкие государственные объединения, враждовавшие между собою, в Восточной Европе, создались благоприятные условия для ликвидации позорного монголо-татарского ига, и образования Российского многонационального государства.

Родословие ханов Золотой Орды




РАСПАД ЗОЛОТОЙ ОРДЫ
Границы Золотой Орды
Границы ханств
Столицы
Города
150 0 150 300
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
ФИНЛЯНДИЯ
ЛИВОНСКИЙ ОРДЕН
Рига
Псков
Новгород
НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ
Белое море
ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО
Ярославль
Тверь
Москва
МОСКОВСКОЕ
ВЕЛИКОЕ КНЯЖ. РЯЗАНСКОЕ
Вильно
ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ
Киев
р. Сула
КОРОЛЕВСТВО ПОЛЬСКОЕ
ТУРКИ
р. Дунай
р. Прут
р. Днестр
р. Южный Буг
Аккерман
Днепр
р. Нергль
р. Конская Вода
БОЛЬШАЯ ОРДА
КРЫМСКОЕ ХАНСТВО
Бахчисарай
Солхат
Судак
Каффа
ЧЕРНОЕ МОРЕ
р. Кубань
Маджар
Тана
р. Дон
р. Маныч
р. Цна
АСТРАХАНСКОЕ ХАНСТВО
Астрахань
р. Кума
Тюмень
р. Терек
Грузия
Дербент
р. Сумур
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
Касимов
Темников
Нарвачат
Галич
Н. Новгород
Казань
Керменчук
Жукотин
Булгар
р. Кинель
р. Самара
р. Волга
р. Б. Иргиз
р. Яик
р. Илек
Сарай Берке
Сарайчик
Сарай Бату
НОГАЙСКАЯ ОРДА
р. Вятка
Вятка
Пермь
СИБИРСКОЕ ХАНСТВО
р. Обь
р. Надым
р. Пим
р. Сургут
Искер
р. Сибирка
р. Тавда
р. Тура
Тюмень
р. Исеть
р. Миас
р. Тобол
Царевгородок
р. Ишим
р. Омь
Токур
оз. Чаны
р. Иртыш
КАЗАХСКОЕ ХАНСТВО
р. Сары-Су
р. Чу
оз. Балхаш
Алмалык
Сауран
Сыгнак
р. Сыр-Дарья
Янкент
Дженд
Ассы
Отрар
АРАЛЬСКОЕ МОРЕ
УЗБЕКСКОЕ ХАНСТВО
ВЛАДЕНИЯ ТИМУРИДОВ
Угренч
Хива
р. Аму-Дарья
Бухара
Самарканд

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.	Золотая Орда и русская историческая наука	3
Глава I.	Образование Золотой Орды	19
Глава II.	Рост государственного могущества Золотой Орды в XIII—XIV вв.	46
Глава III.	Социально-экономический строй Джучиева улуса	72
Глава IV.	Начало феодальной междоусобицы в Золотой Орде . . .	101
Глава V.	Временное восстановление единства Джучиева улуса . .	137
Глава VI.	Борьба феодальных группировок в первой четверти XV в.	172
Глава VII.	Образование новых государственных объединений в восточных районах Золотой Орды	201
Глава VIII.	Образование Казанского, Крымского, Астраханского ханств и Большой Орды	232
Заключение	. . . . .	273

ПРИЛОЖЕНИЯ:

Родословные ханов Золотой Орды.

Карта распада Золотой Орды.

Сафаргалиев Магамет Гарифович

РАСПАД ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Редактор *П. Коровин.*
Художественный редактор *К. Марыжихина.*
Технический редактор *В. Чижикова.*
Корректоры *Н. Николаева, Н. Янкина.*

Сдано в набор 29/IV—1960 г. Подписано в печать 19/XI—1960 г.
Ю01843. Бумага 60X92¹/₁₆. Печат. листов 17,25+0,25 карта.
Уч.-изд. листов 18,16+025 карта. Тираж 1500 экз. Заказ № 1627.
Цена 11 руб. 05 коп. С 1/I—1961 г. цена 1 руб. 11 коп.

Типография „Красный Октябрь“ полиграфиздата Министерства культуры Мордовской АССР, г. Саранск, Московская, 115.